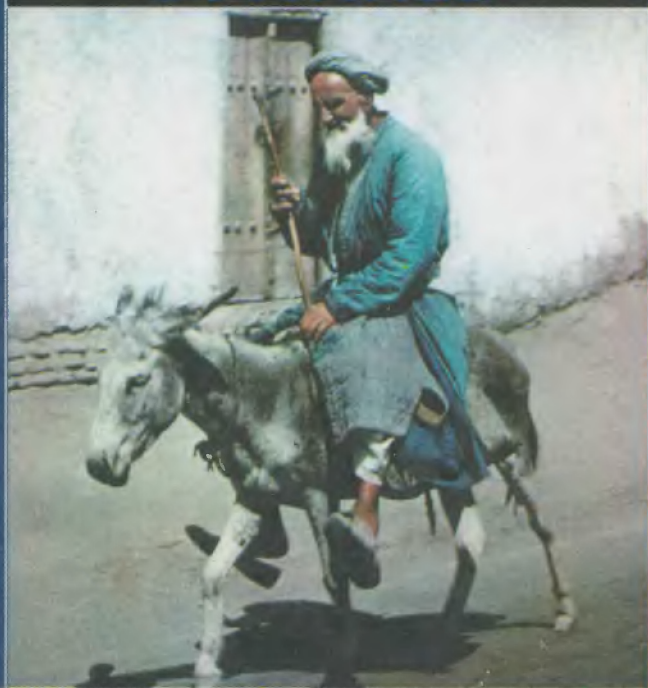

Лев
ГУМИЛЕВ

Тысячелетие вокруг Каспия

*«Это — история Каспия. Точки, в которой пересеклись
этнические, культурные и политические интересы
народов Европы и Азии...»*

Историческая библиотека

Лев
ГУМИЛЕВ

Тысячелетие вокруг Каспия

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 94
ББК 63.3(0)
Г93

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление С.Е. Власова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.12.01.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз.
Заказ 2843.

Гумилев Л.Н.

Г93 Тысячелетие вокруг Каспия / Л.Н. Гумилев. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 439, [9] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-012588-7.

Перед вами — знаменитый труд «Тысячелетие вокруг Каспия» Льва Гумилева, выдающегося ученого-историка

Это — поистине уникальный историко-этнологический анализ Евразии с III в. до н.э. по XIII в. н.э. — эпохи, когда Каспий и прикаспийские государства были и оставались точкой пересечения этнических, культурных и политических интересов Европы и Азии, ареной драматических событий, повлиявших на весь последующий ход мировой истории.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 5-17-012588-7

© Л.Н. Гумилев, наследники. 2002
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2002

ОТ АВТОРА

Долгое время научная мысль историков Европы была зажата железным кольцом моноцентризма. С эпохи Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древнюю Иудею, Элладу, Рим и нашло свое завершение в Западной романо-германской Европе, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали «Срединную равнину», отгородившуюся от Великой степи «Длинной стеной». В Южной Азии полуостров Индия, прикрытая с севера Гималаями, с запада пустынями Белуджистана, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными браминами как единственная страна, достойная внимания; поэтому всемирная история и глобальная география были вне круга их интересов. Помимо перечисленных центров самолюбования и самовосхваления был обширный регион, лежавший на юго-восточных берегах Средиземного моря — Афразия. Его просто невозможно было не заметить. Но колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разнообразным населением и неповторимой культурой — Евразия — долгое время была незамеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Однако и китайцы и европейцы убедились, насколько такое мнение было ошибочно.

Сердце Евразии — это Великая степь от Китайской стены до Карпат, окаймленная с севера полосой сибирской

тайги, а с юга пустынями Иранского плоскогорья и оазисами Персии. В древности эту Степь греки называли Скифией, персы — Тураном, а китайцы — степью «северных варваров», Бэй-ху.

В III в. до н.э. древние кочевники сменились тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками и огузами, этнической истории коих посвящено наше исследование.

В XIII в. тюркский виток этногенеза сменился монгольским, но монголы быстро смешались с тюркскими этносами и, перетасовав этнографическую карту Великой степи, не нарушили ни ее экологии, ни истории, ни культуры, ни соотношения Евразии с окрестными цивилизациями.

И все-таки в это время возник новый «цвет времени», заслуживающий особого изучения, которое было бы неосуществимо без понимания раннего Средневековья. Вот почему автор уделил половину своей жизни изучению сердца Евразии — циркум-каспийского бассейна в связи с историей сопредельных стран: Внутренней Азии, Тибето-Памирского нагорья и Древней Руси, граничившей с северо-западом Великой степи. Без описания сочетания кочевого мира с мусульманской культурой в Азербайджане и Гургане история становления тюркского суперэтноса была бы однобока и неполноценна.

Степные народы Евразии, Русь и Туран имели свою культуру и традицию доблести и верности, не уступающую рыцарской Европе, мечтательной Индии и образованному Китаю. Разговоры о «дикости» тюркских кочевников и «отсталости» восточных славян — хитрая выдумка дипломатов эпохи крестовых походов, уцелевшая до XX века как обывательская клевета.

«История средневековой Евразии» была начата автором в 1935 г. и публиковалась во многих статьях и семи монографиях.

Книга «Тысячелетие вокруг Каспия» построена на дефинициях этнологии. Это этнологическое исследование ойкумены Евразии за 1500 лет с III в. до н.э. по XII в. н.э., в котором судьба Хазарского каганата — кусочек мозаичного панно. Выбор сюжета подсказан возможностью обозреть из одной точки историю ойкумены и этногенез древних этносов Великой степи в эпоху, когда этнические процессы были начаты и закончены, после чего наступило обновление — новый, еще не законченный виток этногенеза.

Наиболее репрезентативной оказалась история хуннов и гуннов, древних тюрок и уйгуров, огузов и кимакков, недостаточно освещенная во Всемирной истории и палеогеографии исторической эпохи. Окрестные регионы: Китай, Ближний Восток, Византия и Европа — являются как бы рамкой, обрамляющей картину — тюрко-монгольскую степь.

Традиционная методика исторического исследования, основанная на анализе источников, позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период. Но *связи* между ними и логика событий при этом от исследователя зачастую ускользают. Возникает иллюзия ортогенного развития, а зигзаги и разрывы выпадают из поля зрения, ибо кажутся случайностями.

Этнологическая методика позволяет не только заполнить пробелы в этнической истории одной страны и ее соседей по отдельности, но и более того — достичь понимания этнической истории всей Евразии как целого, выражаясь языком физики, — решить задачу многих тел.

І. КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ПОСТАВЛЕННОЙ ЗАДАЧИ

ГЕОГРАФИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Это странное словосочетание имеет право на существование. И даже более того: оно имеет наряду с теоретическим практическое значение.

Уточним значение терминов, поскольку они оба глобальны. География — это то, что можно нанести на карту. Поведение — это определенный способ существования в условиях постоянного соотношения «хищник» — «жертва». Без определенного стереотипа поведения не сможет выжить даже амеба. Но поведенческие стереотипы различны у популяций, даже в пределах вида. А поскольку нас интересует человек, то сказанное относится к нему, причем в наивысшей степени.

Было уже доказано, что природная форма существования вида *Homo sapiens* — этнос, и различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. Разнообразие ландшафтов — вот причина удивительной этнической мозаичности антропосферы. А так как этнические карты составлялись издавна, то по сути дела они отражали разнообразие типов поведения, значит, и ландшафтов. Следовательно, изучение поведения относится к разряду географических наук.

Поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени. Поэтому этнологу необходим стереоскопический подход, или «география» времени, которая обычно называется «исторической географией». Оказывается, время столь же неоднородно, как и пространство¹. В нем есть свои «горы» и «пропасти», «леса» и «пустыни». Убедиться же в справедливости этого утверждения мешает одно печальное обстоятельство.

Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. «Нам нужны современность и знание о ней!» — этот тезис приходилось слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом. Да и как не быть апломбу, если мнение сие очевидно и оспаривать его может только чудак?!

Однако, если подумать, большинство очевидностей ложно. То что Солнце обходит плоскую Землю — очевидно, но ведь уже некому доказывать, сколь это неправильно. Подобных примеров так много что и приводить их не стоит. Иллюзии очевидности устраниаются еще в средней школе, хотя не столь полно, как было бы нужно.

То же и в нашем случае. Достаточно спросить себя, откуда начинается так называемая «современность»? Пять минут тому назад? Или месяц? Или десятилетие? Или век, но если так, то почему не несколько веков? На этот вопрос еще никто не мог ответить. Это первое

И второе: ведь даже момент, любое переживаемое мгновение тут же становится прошлым. А раз так, то оно ничем не отличается от аналогичных же моментов до новой эры или после нее. Капитуляция Наполеона, открытие Америки Колумбом, казнь Сократа, похищение Елены Парисом и вчерашний день, пережитый автором и редакторами этого текста, *принципиально* одно и то же —

прошлое, подлежащее изучению историка. Только оно реально и доступно рациональному познанию. Дальнейшее зависит от постановки проблемы и цели, ради которой исследование проводится. Эволюция человечества идет спонтанно, по спирали. Это процесс глобальный и настолько грандиозный, что зигзаги, образуемые не только личными судьбами отдельных людей, но и целых этносов, взаимно компенсируются и не заметны. Но на низших таксономических уровнях они видны и имеют практическую значимость для каждого из нас, даже в тех случаях, когда событие — зигзаг истории — произошло за века до нас, ибо инерция событий очень велика.

Действительно, что такое этногенез? Это последствие негэнтропийного импульса, т.е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы (В. И. Вернадский). В результате этого появляется пассионарность — рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет. Сам негэнтропийный импульс — этот зигзаг в истории биосферы — нашими органами чувств даже не воспринимается, но лишь обнаруживается по всевозможным последствиям. Поэтому его никогда не фиксируют современники, однако могут заметить только историки, да и то использующие специальную методику — этнологическую.

История в этом случае употребляется этнологом не как гуманитарная наука, а уже как вспомогательная естественно-научная дисциплина², позволяющая обнаружить как скопление событий, так и их разреженность в различных местах ойкумены, иными словами, зафиксировать неравномерность протекания времени в жизни этносов.

Читатель нашего «Трактата» помнит, что разнообразие исторического времени в рамках одного этногенеза зависит от сочетания двух причин: 1) величины и направления изменения пассионарного напряжения, которое может или возрасти, или снизиться, и 2) контактов с

соседями, либо дружескими, либо враждебными. Первый вариант отразил И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети», где смена цвета времени в русском этногенезе ощущается автором как смена поколений, смена эпох, проходившая на общем фоне снижения пассионарности и столкновения двух субэтнотосов: дворянства и нового зарождающегося субэтнотоса — интеллигенции. Второй — описал Л. Н. Толстой в повести «Казачьи дети: Тригорское». Достаточно сравнить описанных им гребенских казаков со старосветскими помещиками Н. В. Гоголя, принадлежавшими к тому же этносу, но другому субэтнотосу. Постоянная война казаков с чеченцами делала здесь ощущение времени крайне напряженным. Оба описания, как литературные произведения, дают естественно сглаженную картину феномена, но история фиксирует и куда более резкие сдвиги традиций и завоевания целых стран. Поэтому целесообразно сопоставлять поколения на длинных отрезках абсолютного времени, а войны — такие, которые не ограничиваются перестрелками около пограничной реки. Тогда картина смены цветов времени станет четче.

В этногенезе возможны два состояния: инерция пассионарного толчка, фиксируемая историками как череда событий, и неустойчивое равновесие или гомеостаз, наступающий после того, как инерция иссякла, — достояние этнографов-структуралистов. Однако и в гомеостазе идут постоянные изменения, ибо никто не живет одиноко. Воздействия окружения тем сильнее, чем слабее сопротивление этноса, утратившего силу первоначального импульса. И если наблюдателю кажется, что он видит структурированный застой, то это лишь потому, что он ограничил себя кратким отрезком исторического времени и узким куском земной поверхности. Изоляты тоже подвержены воздействию губительного Хроноса.

Поэтому этнолог, в отличие от этнографа, вынужден помнить, что он изучает объект в постоянном изменении и

что все отмеченные им особенности того или иного этноса вскоре могут измениться до неузнаваемости, хотя в недалеком прошлом были совсем иными. Если уж дети не похожи на отцов, то правнуки на прадедов тем более. Итак, цель этнолога — изучение изменения времени, поэтому прежде структурных схем ему следует вычертить кривую этногенеза и определить возраст этноса.

КРИВАЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Во всех исторических процессах — от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) — общественная и природные формы движения соприсутствуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер их связи. Это относится в первую очередь к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, понимаемый нами как процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза³. Но если этнос — явление пограничное, значит ли это, что он продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе собственную закономерность: вспышка энергии, расширение ее в пространстве, инерция и затухание, а в пределе — равновесие с окружающей средой.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т.е. группа пассионарных особей, приспособившая определенный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к ландшафту этого региона.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между ее членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро

вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества как гиперэтнуса). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение внутриэтнических связей; силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции как таковой. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длинней восходящей (рис. 1)⁴.

Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание. Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимулирует процессы этногенеза, т.е. пассионарность. При этом надо помнить что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда — кратчайший путь к гибели. Пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах, что создает возможность этнологического сопоставления в глобальном масштабе.

Нами не преодолена другая трудность: еще не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала мы можем только говорить о подъеме или спаде, о большей

Рис. 1. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)

Комментарии к рисунку 1

По оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P_{-2} (неспособность удовлетворить вожделение) до уровня P_6 (жертвенность). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистически тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения, 2) в шкале — количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы n , $n+1$, $n+3$ и т.д., где n — число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе, 3) в шкале — частота событий⁵ этнической истории (непрерывная кривая). При этом предлагаемая кривая есть обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Снизу крупным шрифтом выделены названия фаз этногенеза соответственно отрезкам по шкале времени.

или меньшей степени пассионарного напряжения (частоте событий в жизни этноса) — но во сколько раз? — мы не знаем. Однако это препятствие не существенно, ибо отношение порядка «больше» — «меньше» уже само по себе является достаточно конструктивным и плодотворным в естествознании для построения феноменологических теорий, а точность измерения наблюдаемых величин и формализация эмпирических наук — далеко не единственный и не всегда самый удобный путь познания.

Поэтому отмеченная «трудность» скорее не недостаток концепции, а ее особенность.

В наше время школьное образование приучило читателей к двум предвзятым мнениям: вере в непогрешимость источников и убеждению в реальности чисел натурального ряда. Оба мнения не то чтобы не верны, скорее они не точны.

Достоверность исторических источников ныне ограничена исторической критикой, основанной на принципе сомнения. Натуральные числа — абстракция, ибо в природе отношения физических величин непременно содержат иррациональные числа e , или π , а время — ict — вообще мнимое число. Натуральные числа удобно применять в бухгалтерии, а не в природоведении или истории, где нет ничего принципиально равного или тождественного. Столь же наивна вера в формализующую силу математики. Математический аппарат применяется в физике давно. Однако ни одна из современных физических теорий даже не аксиоматизирована, за исключением лишь термодинамики Каратеадори, что скорее исключение, чем правило⁶. Причина кроется в том, что язык науки — двойствен, он лишь на одну половину является языком теоретических понятий, а на другую — языком наблюдений, который с трудом переводим на первый для физики и почти не переводим для наук о мезомире⁷. Нельзя «думать, что все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы... об эти явления, как волны

об скалу, разобьются математические оболочки — идеальное создание нашего разума»⁸. А Альберт Эйнштейн сказал еще более категорично: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, то они не точны; они точны до тех пор, пока не ссылаются на действительность»⁹. Но преклонение перед математикой в начале XX в. превратилось в своеобразный культ, отвлекший много сил у естественников и гуманитариев.

Для описания динамических этнических систем не требуется формализованной математической теории. Законы этногенеза и принципы этнологии, сформулированные нами в «Трактате», — не противоречивы и потому позволяют делать однозначные экспертные оценки основной функциональной переменной этнического развития — возраста этноса или фазы этногенеза, которая шкалируется с любой разумной точностью от 5–10 лет до времени жизни 1–2 поколений.

Для определения фазы этногенеза необходимо выявить главные параметры изучаемой эпохи, на основании сочетания коих можно дать ей однозначную характеристику. Такими будут: императив поведения, момент толчка и логика событий. Логика событий отражает вехи флуктуаций биосферы, в том числе — пассионарности этносистемы¹⁰. Любая этническая система иерархична, т.е. суперэтнос включает в себя несколько этносов, этнос — субэтносов или консорций и т.д. Увеличение числа таксонов низшего ранга всегда связано с подъемом пассионарности, и наоборот. Таким образом, сопоставление величин пассионарности не прямо, но косвенно все-таки возможно, хотя подсчет числа таксонов может быть осуществлен только экспертным путем.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил — экспоненту, ни на синусоиду, где ритмично сменяются подъемы и упадки, повторяясь, как времена года, ни на симметричную циклоиду биологического раз-

вития. Предложенная нами кривая асимметрична, дискретна и анизотропна по ходу времени. Она хорошо известна кибернетикам как кривая сгорающего костра, взрыва порохового склада и вянущего листа.

Костер вспыхнул с одного края. Пламя охватывает сучья кругом и быстро поглощает кислород внутри костра. Температура падает, и окружающий кислород воздуха врывается внутрь поленицы, заставляя дрова вновь вспыхнуть. После нескольких вспышек остаются угольки, медленно остывающие и превращающиеся в пепел. Для повторения процесса нужен новый хворост и новая вспышка пламени.

Так же, если толкнуть шар — он сначала движется ускоренно, за счет силы толчка; затем теряет инерцию от сопротивления среды и останавливается, точнее, приходит в состояние равновесия со средой, что называется в механике «покоем».

Процессы этногенезов, как и выше описанные, вызываются «взрывами», или «толчками», внешними по отношению к антропосфере, которая из-за этих импульсов превратилась из монолитной в мозаичную, т.е. стала этносферой¹¹; единое человечество стало разнообразным, вечно меняющимся сочетанием особей и микропопуляций, чем-то похожих друг на друга, а чем-то разных, главным образом по стереотипам поведения.

Причинами «толчков» могут быть только мутации, вернее микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но редко влияющие на фенотип, как правило, мутация не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только некоторые, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникли новые «породы», которые мы и фиксируем со временем как оригинальные этносы.

Ареалы взрывов этногенеза, или пассионарных толчков, отнюдь не связаны с определенными постоянными регионами Земли (см. карту на рис. 2).

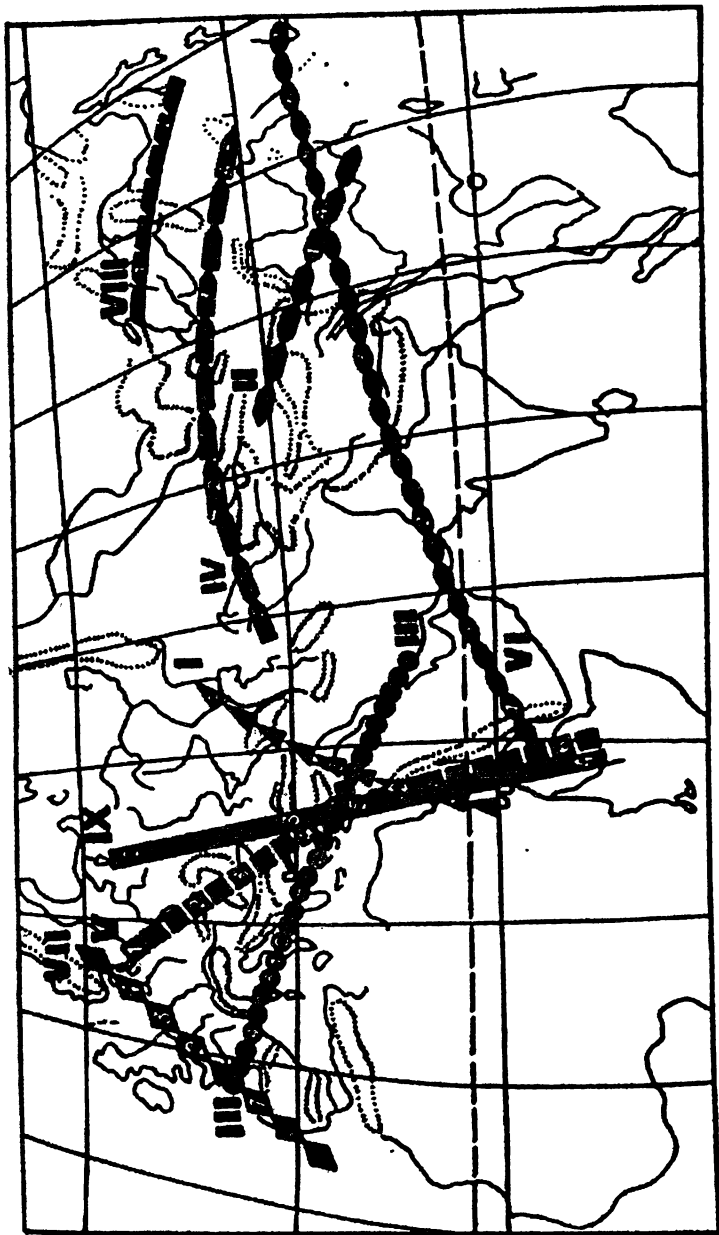

Рис. 2. Оси зон пассионарных толчков

Легенда к карте пассионарных толчков

Римской цифрой указан порядковый номер толчка, в скобках — начальный момент толчка. Арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка, причем вначале идет историческое или условное название этноса, затем в скобках название географической или этнокультурной области появления этноса, соответствующее точке на карте. В некоторых случаях вслед за этим дается краткая характеристика или важнейшие события фазы подъема.

I. (XVIII в. до н.э.) 1. Египтяне-2 (Верхний Египет). Крушение Древнего Царства. Завоевание гиксосами Египта в XVII в. Новое Царство. Столица в Фивах (1580 г.) Смена религии. Культ Озириса. Прекращение строительства пирамид. Агрессия в Нубию и Азию. 2. Гиксосы (Иордания, Северная Аравия) 3. Хетты (Восточная Анатолия). Образование хеттов из нескольких хетто-хурритских племен. Возвышение Хаттуссы, расширение на Малую Азию. Взятие Вавилона.

II. (XI в. до н.э.) 1. Чжоусцы (Северный Китай: Шэньси). Завоевание княжеством Чжоу древней империи Шан-Инь. Появление культа Неба. Прекращение человеческих жертвоприношений. Расширение ареала до моря на востоке. Янцзы на юге, пустыни на севере. 2. (?) Скифы (Центральная Азия). 3. Кушиты (Большая излучина Нила). Формирование и становление Напатского царства (в X—VIII в. до н.э.). Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство.

III. (VIII в. до н.э.) 1. Римляне (Центр Италии). Появление на месте разнообразного италийского (латино-сабино-этрусского) населения римской общины-войска. Последующее расселение на Среднюю Италию, завоевание Италии, закончившееся образованием Республики в 510 г. до н.э. Смена культа, организации войска и политической системы. Появление латинского алфавита. 2. Сам-

ниты (Италия). 3. Этруски (Северо-Западная Италия). 4. (?) Галлы (Южная Франция). 5. Эллины (Средняя Греция). Упадок ахейской крито-микенской культуры в XI–IX вв. до н.э. Забвение письменности. Образование дорийских государств Пелопоннеса (VIII в.). Колонизация эллинами Средиземноморья. Появление греческого алфавита, реорганизация пантеона богов. Законодательства. Полисный образ жизни. 6. Лидийцы. 7. Карийцы. 8. Киликийцы (Малая Азия). 9. Персы (Персида). Образование мидян и персов. Дейок и Ахемениды — основатели династий. Расширение Мидии. Раздел Ассирии. Возвышение Персиды на месте Элама, закончившееся созданием царства Ахеменидов на Ближнем Востоке. Смена религии. Культ огня. Маги.

IV. (III в. до н.э.) 1. Сарматы (Казахстан). Вторжение в Европейскую Скифию. Истребление скифов. Появление тяжелой конницы рыцарского типа. Завоевание Ирана парфянами. Появление сословий. 2. Кушаны-согдийцы. (Средняя Азия). 3. Хунны (Южная Монголия). Сложение хуннского родо-племенного союза. Столкновение с Китаем. 4. Сяньби. 5. Пуё. 6. Когурё (Южная Маньчжурия, Северная Корея). Возвышение и падение древнего корейского государства Чосон (III–II вв. до н.э.). Образование на месте смешанного тунгусо-маньчжурско-корейско-китайского населения племенных союзов, выросших впоследствии в первые корейские государства Когурё, Силла, Пэкче.

V. (I в. н.э.) 1. Готы (Южная Швеция). Переселение готов от Балтийского моря к Черному (II в.). Широкое заимствование античной культуры, закончившееся принятием христианства. Создание готской империи в Восточной Европе. 2. Славяне. Широкое распространение из Прикарпатья до Балтийского, Средиземного и Черного морей. 3. Даки (Современная Румыния). 4. Христиане (Малая Азия, Сирия, Палестина). Возникновение христианских общин. Разрыв с иудаизмом. Образование института Церкви. Расширение за пределы Римской империи. 5.

Иудеи-2 (Иудея). Обновление культа и мировоззрения. Появление Талмуда. Войны с Римом. Широкая эмиграция за пределы Иудеи. 6. Аксумиты (Абиссиния). Возвышение Аксума. Широкая экспансия в Аравию, Нубию, выход к Красному морю. Позже (IV в.) принятие христианства.

VI. (VI в. н.э.) 1. Арабы-мусульмане (Центральная Аравия). Объединение племен Аравийского полуострова. Смена религии. Ислам. Расширение до Испании и Памира. 2. Раджпуты (долина Инда). Низвержение империи Гупта. Уничтожение буддийской общины в Индии. Усложнение кастовой системы при политической раздробленности. Создание религиозной философии Веданты. Троичный монотеизм: Брама, Шива, Вишну. 3. Боты (Южный Тибет). Монархический переворот с административно-политической опорой на буддистов. Расширение в Центральную Азию и Китай. 4. Табгачи. 5. Китайцы-2 (Северный Китай: Шэньси, Шаньдун). На месте почти вымершего населения Северного Китая появились два новых этноса: китайско-тюркский (табгачи) и средневековый китайский, выросший из группы Гуаньлун. Табгачи создали империю Тан, объединив весь Китай и Центральную Азию. Распространение буддизма, индийских и тюркских нравов. Оппозиция китайских шовинистов. Гибель династии. 6. Корейцы. Война за гегемонию между королевствами Силла, Пэкче, Когурё. Сопrotивление танской агрессии. Объединение Кореи под властью Силла. Усвоение конфуцианской морали, интенсивное распространение буддизма. Формирование единого языка. 7. Ямато (японцы). Переворот Тайка. Возникновение централизованного государства во главе с монархом. Принятие конфуцианской морали как государственной этики. Широкое распространение буддизма. Экспансия на север. Прекращение строительства курганов.

VII. (VIII в. н.э.) 1. Испанцы (Астурия). Начало реконкисты, неудачно. Образование королевств: Астурия, Наварра, Леон и графства Португалия на базе смешения

испано-римлян, готов, аланов, лузитан и др. 2. Франки (французы). 3. Саксы (немцы). Раскол империи Карла Великого на национально-феодальные государства. Отражение викингов, арабов, венгров и славян. Раскол христианства на ортодоксальную и папистскую ветви. 4. Скандинавы (Южная Норвегия, Северная Дания). Начало движения викингов. Появление поэзии и рунической письменности. Оттеснение лопарей в тундру.

VIII. (XI в. н.э.) 1. Монголы (Монголия). Появление «людей длинной воли». Объединение племен в народ-войско. Создание законодательства — ясы и письменности. Расширение Улуса от Желтого до Черного моря. 2. Чжурчжэни (Маньчжурия). Образование империи Цзинь полукитайского типа. Агрессия на юг. Завоевание Северного Китая.

IX. (XIII в. н.э.) 1. Литовцы. Создание жесткой княжеской власти. Расширение княжества Литовского от Балтийского до Черного моря. Принятие христианства. Слияние с Польшей. 2. Великороссы. Исчезновение Древней Руси, захваченной литовцами (кроме Новгорода). Возвышение Московского княжества. Рост служилого сословия. Широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения Восточной Европы. 3. Турки-османы (запад Малой Азии). Консолидация бейликом Брусы активного населения мусульманского Востока с добавкой пленных славянских детей (янычары) и моряков, морских бродяг Средиземноморья (флот). Султанат военного типа. Оттоманская Порта. Завоевание Балкан, Передней Азии и Северной Африки до Марокко. 4. Эфиопы (Амхара, Шоа в Эфиопии). Исчезновение древнего Аксума. Переворот Соломонидов. Экспансия эфиопского православия. Возвышение и расширение царства Эфиопия в Восточной Африке.

Выделяемые узкие полосы, шириной около 300 км, тянущиеся то в меридиональном, то в широтном направлении примерно на 0,5 окружности планеты, похожи на геодезические линии¹². Возникают толчки редко — два

или три за тысячу лет и почти никогда не проходят по одному и тому же месту. Так, за тысячу лет до н.э. отчетливо прослежены два толчка: в VIII в. от Аквитании, через Лациум, Элладу, Киликию, Парс до Средней Индии и в III в. по степям современной Монголии и Казахстана.

О толчках I тыс. н.э. мы будем подробно говорить в основном тексте этой книги.

Один и тот же толчок может создать несколько очагов повышенной пассионарности (и как следствие — несколько суперэтнотосов), если он длинен и проходит через разнообразные физико-географические регионы. Так, толчок VI в. задел Аравию, долину Инда, Южный Тибет, Северный Китай и среднюю Японию. И во всех этих странах возникли этносы-ровесники, причем каждый из них имел оригинальные стереотип и культуру. Соседи их: Византия, Иран, Великая степь, айны были старше. В XII в. появились чжурчжэни и монголы: они были моложе всех. Западная Европа, лежавшая в развалинах после Великого переселения народов, обновилась в IX в., а Восточная — в XIV в. Именно поэтому Россия и Литва не отстали по сравнению с Францией и Германией, а более молодые этносы. Впрочем, Россию правильнее называть суперэтнотосом, ибо Москва объединила вокруг себя много этносов, не прибегая к завоеванию.

Описанную кривую можно в случае надобности применить к семье, консорции, конвиксии, соответственно меняя масштаб времени, и к суперэтнотосу, но в последнем случае необходимо учитывать контакты разновозрастных этносов. На суперэтническом уровне при синхронизации бытующих в данный отрезок времени этногенезов мы увидим динамику этнокультурных систем (рис. 3) и их сочетания, которые бывают и кровавыми, и мирными, экономическими, идеологическими и эстетическими. В разных исторических коллизиях, климатических вариациях и спадах пассионарности результаты столкновений бывают различны. Эти контакты и есть предмет этнической истории.

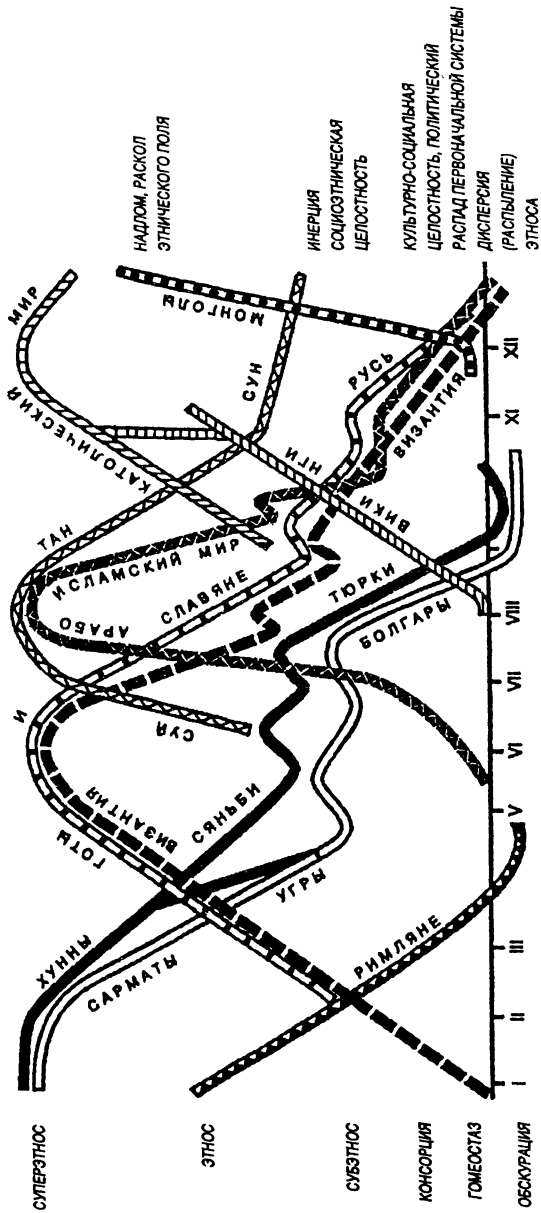

Рис. 3. Динамика этнокультурных систем Евразии I—XII веков

Схема этногенеза наглядна и облегчает изучение этнической истории, но только как вспомогательный мнемонический прием. Она относится к историческому повествованию, как каталог библиотеки — к содержанию книгохранилища или старый план Москвы — к нынешнему городу, где сохранены переулки, но заменены дома. Жить-то приходится не в плане, а в городе, хотя наличие плана весьма помогает передвигаться по измененным до неузнаваемости улицам.

В отличие от науки об этногенезе этническая история — полифакторное явление. В ней участвуют, наряду с географическими и биологическими, социально-политические, историко-психологические и культурологические факторы как соучастники многообразных фрагментарных процессов. Исключительное значение пассионарности лишь в том, что она — мера потенциальных возможностей контактирующих этносов и тем самым определяет расстановку сил эпохи, хотя и не детерминирует исхода событий. Но достоинство этнологии как науки о биосферном феномене этноса состоит в том, что она позволяет множество привходящих факторов свести к небольшому числу поддающихся оценке переменных и превращает неразрешимые для традиционного исторического подхода задачи в элементарные. Ее методика относится к старой, как алгебра к арифметике. Она менее трудоемка, а значит, позволяет при равной затрате сил охватить больший регион и более длинную эпоху, что, в свою очередь, дает возможность внести ряд уточнений путем сопоставления далеких фактов, на первый взгляд — не связанных друг с другом. Более того, так же как алгебраическая формула может быть всегда проверена арифметически, так и этнологические выводы могут быть проверены традиционными методами исторической науки. Но этнология отнюдь не замена

истории общественной, хотя и использует историю в широком смысле этого слова, историю — как «поиск истины». Ведь история, как двуликий Янус, гуманитарна лишь там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, т.е. там, где изучаются здания и заводы, древние книги и записи фольклора, феодальные институты и греческие полисы, философские системы и мистические ереси, горшки, топоры и расписные вазы или картины.

Эти вещи человек создает своим трудом, при этом выводя их материал из цикла конверсии биоценоза. Он стабилизирует природный процесс, ибо эти вещи могут только разрушаться¹³.

Но человек не только член общества (*Gesellschaft*), но и этноса (*Gemeinwesen*)¹⁴. Вместе со своим этническим коллективом он сопричастен биосфере. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые составляют скелет этнической истории — функции этногенеза. В этом аспекте история — наука естественная точно так же, как, например, история болезни, и находится в компетенции диалектического, а не исторического материализма.

Иногда на это возражают, что исторические факты нельзя проверить экспериментально. Да, но ведь многие геологические, зоологические и географические явления тоже невозможно воспроизвести. Люди не научились устраивать извержения вулканов, тайфуны, миграции буйволов и даже муравьев. Подобные явления изучаются путем наблюдений и их обобщения, которое по достоверности равноценно наблюденному факту¹⁵. На этом же методе эмпирического обобщения зиждется и этнология.

Но как обобщить исторические факты? Оказывается, удовлетворившего бы нас способа нет, понятно; ибо это можно сделать только путем сознательного отказа от аберраций дальности и близости и еще некоторых привычных представлений, распространенных настолько, что они сделались не только привычными, но и обязательными.

Обыватель привык считать, что древний человек был настолько бездарнее современных жителей промышленных городов, что лишь постепенно — путем смены десятков поколений — накапливал способности и внедрял изобретения. На этом весьма зыбком основании возникло представление, разделяющееся и учеными, что время, т.е. развитие в прошлом, шло медленнее, чем сейчас, и потому палеолит, например, кажется для историков единой эпохой, вроде затянувшейся эпохи Ренессанса. Это аберрация дальности, такая же, как уверенность ребенка в том, что солнце не больше кулака. Однако предки современных полинезийцев, хотя и не имели железных орудий, смогли пересечь Тихий океан на бальсовых плотках в те же сроки, что и Т. Хейердал. Предки майя, не зная современной селекции и генетики, вывели культурный вид хлопчатника, удвоив количество его хромосом, что постепенно сделать нельзя, а североамериканские индейцы, пользуясь обсидиановыми наконечниками для стрел, приручили одичавших испанских мустангов и освоили прерии менее чем за 60 лет¹⁶.

Дилетантам кажется, что этническая история — это «жизнь без начала и конца», а калейдоскоп «случайностей» ни в какую схему не укладывается, хотя бы уже потому, что разные наблюдатели видят разные стороны любого явления. Да, современники никогда не замечали пассионарного толчка. Все происходящее казалось им естественным. Древние римляне триста лет не замечали,

что республика сменилась империей, и лишь когда Диоклетиан изменил придворный этикет, обнаружили, что у них — монархия. Таковы последствия аберрации близости, усугубляемые игнорированием параллельных процессов, — например, история ландшафта или климата. Последние вообще воспринимаются как нечто постоянное, хотя изменяются иной раз еще быстрее, чем политические формы власти.

Но этнолог, находясь в должном отдалении от сюжета, видит смену цвета времени даже тогда, когда делает поправку на плавность перехода одной эпохи в другую. Однако при этом он отходит от привычного — пересказа источников, потому что вместо живых рассказов летописцев он получает цепочки сухих сведений о событиях. Ему предстоит обнаружить логику событий, как палеобиологу или геологу, только иных процессов и в иных временных масштабах. Но ведь это прямой отход от методов гуманитарных наук. Допустимо ли такое нарушение канона, когда речь идет об изучении человека?

Да! Не только допустимо, но и необходимо. Принято думать, что гуманитарные науки — это те, которые изучают человека и его деяния, а естественные науки изучают природу: живую, мертвую и косную, т.е. ту, которая никогда не была живой.

Это банальное деление неконструктивно и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов, превратившиеся в холмы, — антропогенный метаморфизированный рельеф, — находятся в сфере геоморфологии, науки естественной. И наоборот, география до XVI в., основанная на легендарных, часто фантастических рассказах путешественников, переданных через десятые руки, была наука гуманитарная, также как геология, основанная на рассказах о всемирном потопе и Атлантиде.

Даже астрономия до Коперника была наукой гуманитарной, основанной на изучении текстов Аристотеля, Птолемея, а то и Косьмы Индикоплова. Люди предпочитали жить на плоской Земле, окруженной Океаном, нежели на шарике, висящем в бесконечном пространстве — Бездне. Эти мнения бытуют еще и ныне, несмотря на всеобщее среднее образование.

Исходя из сказанного, легко заключить, что деление типов мышления, а тем самым наук, по предмету изучения, неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение, выслушивание или сообщение плодов свободной мысли — мифотворчество и наблюдение, иногда с экспериментом — т.е. исследование или естествознание в прямом смысле этого слова. При таком делении этнология, основанная на эмпирическом обобщении наблюденных фактов, становится частью естествознания, а роль эксперимента в ней выполняет, как и в криминалистике, — экспертиза, не допускающая противоречивости свидетельств источников. Ведь и при расследовании преступления проводят сличение показаний, а не просто верят свидетелям, часто весьма заинтересованным в том, чтобы их версия была принята. Почему же считать летописцев беспристрастными?

Пока история представляла собой калейдоскоп отдельных фактов, всегда незаурядных, ибо только такие факты отмечались современниками, возможность построения «эмпирического обобщения» была нереальна. Единичное наблюдение не воспринимается критично. Оно может быть случайным, неполным, искаженным обстоятельствами, в которых находился наблюдатель, и даже его личным самоощущением. А все эти недостатки компенсируются только большим числом наблюдений, когда неизбежная ошибка становится настолько мала, что ею не только можно, но и нужно пренебречь, чтобы сформулировать вывод.

Именно путем учета всех известных в историческое время живших и живущих ныне этносов (принцип полноты. — Л.Г.) и руководствуясь принципом *актуализма*, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, также действовали в прошлом, мы провели эмпирическое обобщение в нашем «Трактате» и обнаружили закономерности этногенеза, свидетельствующие о рождении этносов на фоне географической среды. Так появилась на свет этнология — естественная наука, непротиворечиво обобщившая материал, накопленный и не использованный историками юридической школы и структуралистами¹⁷. Ибо те и другие изучали статику, а не динамику.

ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭТНОЛОГИИ

Часто приходится слышать вопрос: «Если закономерности этногенеза лежат в природе и мы не можем их произвольно изменить, то на что нужна такая наука? Стоит ли на нее тратить время и силы?» Да, действительно, процессы этногенеза по сравнению с возможностями человека, даже вооруженного могучей техникой, столь грандиозны, что пытаться их исправить бессмысленно, но это не значит, что на них не следует обращать внимание. Как раз наоборот, и вот почему

Циклоны, несущие дождь и снег, и антициклоны, порождающие засухи, — процессы географические. Люди влиять на эти явления не могут, но они влияют на людей очень сильно, особенно на хозяйство, и на земледелие, и на скотоводство. Поэтому метеорология — наука об осадках, иногда понимаемая как физика атмосферы, — нужна не только для выбора подходящего времени для пикников, но и для важных хозяйственных прогнозов.

А сейсмография — геологическая дисциплина, предупреждающая о возможных землетрясениях и цунами, —

также трактует о предметах внечеловеческих, но очень существенных для человека. Думать, что люди могут влиять на бури или извержения вулканов, — это впадать в такие средневековые суеверия, которые уже для XVII в. были анахронизмами. Однако практическое значение метеорологии, климатологии и тектоники не подлежит сомнению.

Этногенез — тоже статистический природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, если считать от негэнтропийного импульса до затухания инерции, и оставляющий после себя следы, не меньшие, нежели наводнение или выброс пепла из вулкана.

Методика изучения природных процессов по существу является исторической. Сначала идет сбор наблюдений, выстраиваемых в ряд по ходу анизотропного времени. Затем наблюдения группируются по принципу сходства, но сходство это часто обманчиво. Тогда устанавливаются причины явлений, что позволяет отделить случайные совпадения от истинных причин. Это самый трудный рубеж, но пока он не преодолен, о практическом применении кодифицированного материала не может быть и речи. Исторические науки, к сожалению, остановились на установлении последовательности событий и, в лучшем случае, классификации их по географическим регионам — подходе, позволяющем строить синхронистические таблицы.

В том, что этот этап развития науки необходим, нет сомнений, но что он недостаточен — тоже ясно. Поэтому уже в XIX в. возникали попытки интерпретации наблюдений и описаний исторических явлений в двух аспектах: всемирно-историческом у Ф. Гегеля и культурно-историческом у Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Первая концепция неизбежно приводила к европоцентризму и признанию внеевропейских народов «неисторическими» или «отсталыми», вторая, сосредоточив внимание на разнообразии «культурных типов», опускала то общее, что

присуще всем процессам, — «возрасты» или смены фаз, так как последние не происходят в техносфере — создании рук человеческих, а имеют место только в природных явлениях, особенно в биосфере.

Только системный подход Л. Берталанфи и учение о роли биохимической энергии живого вещества В. И. Вернадского позволили сделать эмпирическое обобщение — установить наличие в исторической географии замкнутых систем, ограниченных в пространстве — ареалы — и во времени — эпохи. С этого времени антропосфера перестала казаться калейдоскопом событий, а превратилась в мозаику каузальных цепочек, связанных друг с другом.

Вот и объяснение невозможности практического применения истории. Построения на спекулятивных философемах давали волю фантазии, не ограничивая ее рамками соразмерных наблюдений и сопоставлений систем равного ранга. Да и сами эти системы, везде присутствующие и единообразно развивающиеся, были заслонены более репрезентативными феноменами описаний культуры или военной, политической, экономической истории.

Поступки людей как на персональном, так и на популяционном уровнях в социальной и этнической средах имеют диаметрально противоположные последствия. В социальной среде важно, что человек *сделал*: каменный нож, электрическую лампочку или атомную бомбу. Чаще всего он не может предвидеть последствий своих изобретений, потому что социосфера имеет собственное спонтанное развитие, на близких отрезках изучаемое социологией, а глобально — теорией исторического материализма.

В этнической среде человек, или этнос, как система, может *не сделать* чего-либо вредного для природы, частью которой является он сам. Значит, следует предвидеть последствия своих поступков, ибо любая ошибка может стать роковой. Например, в XIX в. ученые-биологи подразделяли растения и животных на «полезных» и «вредных».

Последних предлагалось истребить, а природу сделать «управляемой». И вот в ботаническом заповеднике в Аризоне, где росли гигантские кактусы сангуаро, служба национальных парков, оберегая интересы туристов, уничтожила гремучих змей, из-за чего возросла численность сумчатых крыс, поедающих молодые побеги кактусов, существование коих было поставлено под угрозу¹⁸.

В этой крошечной коллизии, как в капле воды, отразилась мировая экологическая трагедия последнего трехтысячелетия¹⁹. Здесь не место рассказывать о поводах для борьбы за природу против цивилизации, хотя эта тема входит в компетенцию этнологии, но можно спросить, почему американские натурфилософы, еще незнакомые с понятием «биоценоз», не обратили внимания на этику индейцев сиу, сформулированную крайне просто: «Со всем сущим нас связывают узы родства; что Дух земли творит, то неделимо»²⁰.

Но, как известно, «цивилизаторы» считали индейцев дикарями и охотились за их скальпами, как за шкурами волков, и это вторая возможность практического применения этнологии: изучение межэтнических контактов и выбор оптимальной линии поведения для установления симбиоза. Вряд ли сейчас найдется человек, пожелавший бы проповедовать геноцид.

И наконец, хотя самочувствие человека в потоке этногенеза детерминировано статистической закономерностью, это не значит, что на персональном уровне исчезает свобода выбора между несколькими решениями, когда к этому предоставляется возможность. А она предоставляется то и дело; важно только не упустить случая.

Конечно, один человек не может повлиять на грандиозный процесс этногенеза, например, изменить его фазу или число подсистем в этнической системе, но на низких таксонометрических уровнях — субэтническом и, особенно, на организменном, возможны волевые усилия, способ-

ные породить события, которые, только впоследствии и далеко не сразу, компенсируются общей статистической закономерностью. Иными словами, человек с большой пассионарностью иногда может создать зигзаг на кривой развития, даже такой, который будет зафиксирован в истории. Конечно, очень соблазнительно все беды сваливать либо на Аллаха, либо на математические законы природы Лапласа, либо на пространственно-временной континуум Эйнштейна. Но волевой акт — тоже явление природы, ибо непосредственно связан с физиологией человека, нервной и гормональной. Поскольку ни один человек не может жить вне этнической системы, способной как усилить его напряжения, так и свести их к нулю, то именно людям механизм этногенеза не может быть практически безразличен.

ФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭТНОГЕНЕЗА

Механизм этногенеза понятен. Рост пассионарности приводит к усложнению этнической системы; снижение пассионарного напряжения — к ее упрощению и к разрушению этнической целостности.

Деструкция этноса объяснима крайне просто: любой инерционный процесс затухает от сопротивления среды; но откуда берутся негэнтропийные импульсы, порождающие однотипные мутации на очень длинных полосах Земли, причем эти полосы всегда не совпадают с предшествующими и последующими? На этот вопрос ответить трудно. Заранее можно отбросить солярную гипотезу, ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, и хтоническую (подземную), потому что эти полосы варьируют вне зависимости от геологического строения территорий, по которым они проходят. Не имеет значения и уровень социального развития этносов, подвергаемых

мутогенному воздействию, а наземные физико-географические условия лишь способствуют этногенезу, после которого дальнейший ход процесса легко объясним, разумеется в пределах законного допуска и с учетом этнических контактов.

Остается не отброшенной только одна гипотеза — переменное космическое излучение. При нынешнем уровне знаний о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих.

Представим себе поверхность Земли как экран, на который падают космические лучи. Большая часть этих лучей задерживается ионосферой, но некоторые достигают поверхности Земли, чаще всего ночью, ибо ионосфера и космическая радиация нестабильны, даже в суточном цикле²¹

Однако космические импульсы будут деформированы магнитным полем Земли и примут облик геодезических линий, не зависящих от наземного ландшафта. Время каждого облучения не должно быть продолжительным, но оно должно быть и достаточным для того, чтобы произошла микромутация, изменяющая еще в зародыше психические свойства небольшого числа особей, рождающихся в облученном ареале. Разумеется, не все плоды в утробах матерей приобретают после мутации признак пассионарности. Исход любой мутации в большинстве случаев детален. Некоторые из затронутых проявляют себя после рождения как субпассионарии или просто рождаются физически неполноценными особями, но они быстро устраняются естественным отбором. Так появляется первое пассионарное поколение, распространяющее свой генофонд по популяции и образующее оригинальные биосоциальные коллективы — новые этносы. Остальное понятно: пассионарность, как признак, устраняется медленно, за 40–50 поколений, либо в результате внутрисистемной

аннигиляции, либо естественного географического рассеяния, с вытеснением за границы этнического ареала.

Если эта гипотеза не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск в плюс-минус 50 лет — величина ошибки для определения длины инкубационного периода — невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4–5 тысячелетий несомненна.

Влияние ближнего космоса на наземные явления не парадокс, а, скорее, трюизм. Луна вызывает приливы в океанах; солнечная активность — причина смещения путей циклонов через воздействие на затропический барический максимум; он же вызывает мутации вирусов и связанные с ним эпидемии. Все это не мистика, а география. Так какие же причины к тому, чтобы отвергать воздействия окружения планеты на ее поверхность?

Ну, а если гипотеза воздействия каких-либо лучей на антропосферу не подтвердится? Если биологи обнаружат другую причину мутаций и, особенно, микромутаций, изменяющих не анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных? Значит ли это, что космос не причина вспышек этногенеза? Нет! Ибо линии толчков, по которым рождаются этносы-сверстники, — эмпирически зафиксированный факт.

Космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше этногенезов, влияют на всю биосферу, включающую не только совокупность живых организмов, но и почвы, т.е. трупы растений и свободный кислород воздуха. И хотя этносы — капли в океане биосферы, они не могут не реагировать на ее флуктуации.

И если найдется талантливый психолог, который обнаружит физиологический механизм пассионарности и свя-

жет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно? Или генетик уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего? Потому что этногенез — явление, наблюдаемое не на молекулярном, и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню, которые и изложены нами в Трактате.

И наконец, если философ-идеалист, наследник великих схоластов Средневековья, предложит деление этносов на «исторические», т.е. стремящиеся к Абсолюту, и «неисторические», просто живущие на поверхности Земли, ответ ему будет краток: нет ни одного этноса, который бы не испытал подъема пассионарности; и нет ни одного, который бы не превратился в реликт, если только он не рассыпался на куски раньше. При этом неизвестно, кому из них повезло.

Короче говоря, нами описана природная закономерность, не содержащая философемы. Описание построено на фактах, и только новые, несомненные факты могут поколебать концепции.

УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАСШТАБЫ

Перейдем к главной теме нашего исследования — этнической истории. В современной советской историософии сформулированы два тезиса, на первый взгляд исключаящие друг друга: «Мыслима ли история одной страны», с ответом «нет»²², и «Всемирная история существовала не всегда!» — с вопросом «а когда?»²³. Что же верно? Или то

и другое неверно? Однако оба эти тезиса правильны и совместимы. Надо только условиться о применении научной терминологии и учесть масштабность изучаемых явлений или их ранг в этнической иерархии.

Так, наличие атомов несомненно, но изображать город Москву как скопление атомов хотя и правильно, но бессмысленно. Атомный уровень ограничен, с одной стороны, уровнем субатомных частиц, с другой — молекулярным уровнем, где атомы изменяют свои свойства: водород и кислород в обычных условиях — газы, а объединившись, образуют жидкость — воду или твердое тело — лед.

Следующий уровень — клеточный (в органике) или кристаллический (в минералах) — в свою очередь ограничен уровнем организменным, а тот — популяционным. В зоологии можно ограничиться следующим уровнем — видовым, но для изучения антропосферы необходимо ввести более дробное деление. Сопоставив популяционный уровень с субэтническим, мы увидим, что в промежутке между популяцией и видом *Homo sapiens* находятся этносы и суперэтносы — системы, обладающие свойствами, заслуживающими специального рассмотрения²⁴. Сведение их до уровня популяционного или, наоборот, обобщение до видового нецелесообразно, да и неверно, так как в обоих случаях специфика этносферы, состоящая в географических вариациях поведения, исчезает. Если этническую историю Евразии описать на уровне суперэтносов, то подтвердится второй тезис — всемирная история не правило, а, скорее, исключение. Вспышки этногенеза всегда локализованы. Даже тогда, когда они возникли в одну и ту же эпоху (с точностью до полувека), географические барьеры могут разделить пассионарные ареалы так, что они образуют не одну суперэтническую систему, а несколько суперэтносов-ровесников. Только совпадение фаз этногенезов показывает, что возникшие системы — продукт одного этногенного фактора.

Обратимся за примером в VI–VII вв. и взглянем на молодые, новорожденные этносы этого времени. Всекитайская империя Суй была ровесницей Арабского халифата. Пассионарный толчок VI в. четко прослеживается по географической оси от Хиджаса и Бахрейна на Аравийском полуострове через Южную Персию и Синд (область на западе Индии) и далее через Южный Тибет и Северный Китай до Южной Кореи и Японии.

В Индии так называемая «раджпутская революция» опрокинула империю Гупта, покровительствовавшую буддизму, и Индия раскололась на множество мелких княжеств, связанных реформированной религией и обновленной системой каст. Маленький Тибет попытался стать великой державой, но захлебнулся в крови внутренней войны.

В Японии произошел переворот Тайка с последовавшими реформами, а в Китае в это время династии Суй и Тан вели себя подобно Омейядам и Аббасидам. В X в. все отмеченные этносы испытали фазу надлома, который, например, в китайской историографии назван «периодом пяти династий и десяти царств». В отличие от Халифата Китай не распался на отдельные владения, но силу свою потерял и был вынужден примириться с потерей северных областей. Синхронность этногенезов до XI в. — полная, но впечатление единства Всемирной истории может возникнуть лишь при сужении поля зрения историка до линии указанного пассионарного толчка.

Не только географические границы являются причиной того, что в одном регионе два-три этногенных процесса оказываются независимы друг от друга. Так, в интересующее нас «тысячелетие» в одном только Средиземноморском бассейне один за другим возникли три суперэтноса: Византия, Халифат и «Европа», все названия условны.

И что же... Несмотря на постоянные пограничные войны, каждый из этих суперэтносов имел свою истори-

ческую судьбу, или, что то же самое, оригинальную культуру и линию развития. Возрастные фазы этногенезов не совпадали. Понятно почему: пассионарные толчки, их породившие, были различны и во времени, и в пространстве.

Таким образом, можно заключить, что на суперэтническом уровне доминирует ортогенное развитие — от негэнтропийного импульса (пассионарного толчка) до утраты инерции и перехода к гомеостазу, хотя при этом возможны грандиозные расширения того или иного суперэтнического ареала, причем кажется, что именно этот суперэтнос представляет собой «Всемирную историю», а прочие, еще не поглощенные — варварская периферия. Но это обман зрения, абберрация близости. Новые пассионарные толчки перетасуют этническую карту планеты Земля, энтропия разьет гипертрофированную систему, и ортогенные (прямолинейные) этногенезы потекут, как струи, по своим руслам, иногда соприкасаясь, но полностью не сливаясь, хотя политическое, а точнее, государственное единство может существовать и править на Земле. Ведь не мешала феодальная раздробленность средневековой Европе осознавать себя как суперэтническое единство — «христианский мир», а единая административная система Китая династии Цинь не вызывала смещения маньчжуров с монголами, тибетцев с уйгурами и даже северных китайцев с южными. Закономерности этногенеза находятся в компетенции Природы.

Но как только возникает необходимость в подробном описании феномена этногенеза, что достижимо на уровне этноса, сразу оказывается, что факторов, на него воздействующих, много: это разнохарактерные межэтнические контакты и культурные влияния, экономические воздействия соседей и иногда метисация, в разных странах и в разные эпохи имеющие отнюдь не одинаковое значение. Природные явления продолжают играть свою роль. Засухи

подрывают хозяйство стран, но по-разному: на просторах степей и прерий они катастрофичны, на берегах рек и на склонах горных кряжей их влияние незначительно. Извержения вулканов губительны, но локализованы. Подъем уровней океана и внутренних морей, например Каспия, страшен для жителей окружающих равнин, но не оказывает существенного влияния на горцев. Эпидемии, тоже явления природы, иногда меняют расстановку сил при длительных войнах; это сделала «черная смерть» в XIV в., унесшая половину населения Англии и тем приостановившая Столетнюю войну на 30 лет.

А какие последствия приносят мысли, иногда мудрые, а иногда вздорные! Пропаганда манихейства в Европе возбудила альбигойские войны и разорение Лангедока. Доктрина ислама в упрощенной и потому общедоступной форме спаяла культуры разных этносов от Атлантики до Гиндукуша. Ослабление Халифата, разъеденного шиизмом, открыло дорогу тюркам-сельджукам, а развал «Священной Римской империи германцев» возвысил французскую корону, что, в свою очередь, повергло в прах папскую тиару, когда Святой престол был перенесен в Авиньон.

На этом уровне история каждой страны связана с соседними, и даже очень далекими, ибо причинные связи могут быть опосредствованы. И самым важным здесь является классификация этнических контактов, образующих наиболее заметные зигзаги истории. Пусть они не меняют грандиозных процессов этногенезов (генезиса суперэтносов), но для современников событий важны именно они.

Предел исторического исследования — суперэтнос, а за ним стоит изучение человечества как вида, что относится уже к биологии. А то, что называют обычно «Всемирной историей» — просто способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета. Например: Западная Европа, в традиционных учебниках весьма условно дели-

мая на Древнюю, Среднюю и Новую, а кругом — «дикость» или «отсталость»²⁵. Китайцы писали «Всемирную историю» тем же способом: «Срединное государство», а кругом «варварская периферия»²⁶. Древние персы за начало отсчета принимали «Иран», где почитают Ормузда по учению Авесты, и противопоставляли ему «Туран» — царство Аримана²⁷. В исторических книгах Библии такой же исходной точкой была Иудея.

Итак, само понятие «Всемирной истории» только литературный прием, впрочем весьма удобный. Мы воспользуемся им, избрав началом пространственного обзора низовья Волги и побережье Каспия. Это удобно, потому что отсюда обозрима Великая степь до Китайской стены — на востоке — и до пограничного римского вала по Дунаю — на западе. На этот раз периферией будут именно цивилизации, что допустимо принципиально, так как выбор пункта обзора здесь, как и везде, произволен.

Но, кроме пространственных, есть временные границы. Линии развития редко бывают прямолинейными (ортогенными). Чаще они включают зигзаги, взаимно компенсирующиеся на длинных отрезках этнической истории, после чего обобщенная линия того или иного этногенеза будет отвечать предложенной схеме. Поэтому целесообразно как во «Всемирной истории», так и истории отдельных стран выделять особо интересные неортогенные эпохи — зигзаги — крупным планом. Для этносферы таким зигзагом будет генезис отдельного суперэтноса, а для страны (суперэтноса) — этнический контакт, фаза этногенеза или стихийное бедствие. Соотношение степеней приближения при этом будет 1:5 в том смысле, что, например, описание полутора тысяч лет, за которые прошел виток хуннского этногенеза, и трехсот лет, за которые развернулась и загасла русско-хазарская трагедия, потребует не одинакового объема печатных страниц. Иными словами, изложение событий одного эпизода — контакта двух кага-

натов: Итильского и Киевского, — будет описано в пять раз подробнее, нежели завершённый процесс этногенеза.

Это соотношение оправдано сложностью, детальностью проблемы (зигзага) относительно общей (т.е. действующей на следующем таксономическом уровне) закономерности и должно строго выдерживаться в этнологическом исследовании, в противном случае решение проблемы необнаружимо, а место ее во всемирной истории неясно. Бессмысленно писать историю Англии так же подробно, как биографию Черчилля, — никто не сможет ее прочитать. Но этническая история ставит проблемы различной сложности, и для их решения требуются все три уровня, как для постройки здания необходимы фундамент, стены и кровля, после чего возможна внутренняя отделка. Важно уметь находить и правильно и последовательно выдерживать степень приближения. Только при этом условии можно надеяться, что цель этнолога будет достигнута.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Итак, для работы над этнической историей необходим обильный и проверенный этнологическими методами набор фактов. Обычно историческое исследование начинают с кодификации явлений, лежащих на поверхности, т.е. памятников той или иной культуры. На первый взгляд — это самый верный и логический путь.

Каждый этнос создает своеобразную материальную культуру, т.е. сумму орудий, предметов быта, оружия, и духовную — мировоззрение, стиль в искусстве, способ восприятия прошлого, характер фиксации знаний: либо письменность, либо устное обучение молодежи — фольклор. Кремниевые орудия палеолита, обломки керамических сосудов, развалины жилищ, картины в музеях и рукописи в библиотеках наглядны и легко обнаруживаемы.

Они показывают, что культуры разных стран и эпох были различны и более или менее оригинальны. Связи между культурами восстанавливаются на принципе их похожести друг на друга... и часто правильно. И тут у историка возникает соблазн подменить изучение этносов, людей, живших, творивших и погибавших, описанием памятников, т.е. вещей, сотворенных этими людьми. На первый взгляд, здесь должно быть полное соответствие, но на самом деле его вовсе нет. Молодой этнос использует изобретения своих предшественников. Градусная система отсчета пришла к европейцам из Вавилона, но генетической связи между французами и амореями нет. Форма металлических кинжалов не менялась весь железный век, ибо она оптимальна, а этносы сменялись неоднократно. И наоборот, свеча сменилась керосиновой лампой, а та — электрической за один век у совершенно разных народов. Это показывает, что творения рук человеческих — культура и явление природы — этногенез имеют разные характеры развития. Был Вавилон... и нет его, на месте древнего Рима построен новый, по существу, другой город. Целые народы исчезли с лица Земли, а ныне процветающие когда-нибудь сменятся новыми. Конец и распад любой природной системы, в том числе и этнической, неизбежен. Такова «Диалектика Природы»: жизни сопутствует смерть, а смерти — жизнь: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Но в истории культуры мы этой диалектики не видим.

В отличие от природы люди способны создавать только статические предметы, не имеющие способности видоизменяться и самовоспроизводиться. Растения и животные существуют в череде поколений; горы и реки — в постоянном, хотя, по людским меркам, медленном преобразовании. Горы вырастают вследствие тектонических процессов и становятся равнинами из-за денудации. Реки

либо меандрируют и образуют террасы, либо прорывают глубокие каньоны. В этом их жизнь, измеряемая геологическими периодами. А пирамиды, Эйфелева башня, Парфенон или Венера Милосская — плоды человеческого сознания, и они не живут, хотя существуют веками, прежде чем окажутся разрушенными человеком или временем, превращающими их в прах навсегда.

Но современному цивилизованному обывателю они кажутся вечными. Возникает иллюзия постепенного роста процветания людей за счет беспредельных богатств Природы, которые только надо научиться от нее брать. Это называлось в XIX в. прогрессом. Однако все теории культурного прогресса не могли бы существовать, если бы не игнорировали феноменов вырождения, ослабления и вымирания целых народов и распада их цивилизации. Посмотрим на интересующую нас Евразийскую степь. О застойности степных этносов не может быть и речи, столь напряженными были смены событий, а вот была ли это эволюция, под которой понимается целенаправленное развитие с накоплением определенных признаков? Проверим.

В VIII в. до н.э. скифы появились в Причерноморье, разогнали местных жителей — киммерийцев, подчинили лесостепные племена земледельцев и продержались 500 лет. За это время они наладили товарное хозяйство, торговлю с Элладой, создали великолепное искусство, оригинальную культуру... и в III в. до н.э. стали жертвой сарматов, которые повели против скифов истребительную войну. Констатируем: развитие оборвано ударом извне.

Сарматы продержались около 700 лет: они пользовались гончарным кругом, торговали хлебом с Византией, завели тяжелую конницу — прообраз рыцарства... и были разбиты гуннами, продержавшимися около ста лет (370–463 гг. н.э.). Опять обрыв традиции.

Болгары победили гуннов, продержались около 200 лет (463 — около 660 гг.) и были разогнаны по окраинам

степи хазарами, о которых пойдет речь особо, потому что даже след их потерян. А сменившие хазар половцы растворились среди окрестных этносов уже в XIII в. Где же тут эволюция и накопление традиций?!

А ведь «упадков» и регрессов культуры не меньше, чем расцветов. Мы привыкли восхвалять научно-техническую революцию XX в., но забыли, что ей предшествовал чудовищный регресс европейской науки. Этот регресс наступил раньше, чем сломалась грандиозная система «Римского мира» (Pax Romana). Это заметно по исторической географии. Вместо трудов Страбона, Посидония и астронома Гиппарха изучаются сочинения Гая Юлия Солина «Сборник достопримечательностей». Это популярная география, полная нелепостей, но распространенная с III в. в Римской империи и потом среди христиан раннего Средневековья.

В священных книгах евреев гуманитары VI–VII вв. находили указания на форму Земли. Несторианский теолог Феодор из Мопсуесты, теологические труды которого через сто лет после его смерти были осуждены на V Вселенском соборе, полагал, что Земля имеет форму диска, в центре которого находится Иерусалим, а кругом — океан, за которым царит вечная тьма и покоятся основания небесного свода. Косьма Индикоплов и ученик Феодора Севериан придавали миру форму скинии. Выше неба помещалось вместилище вод²⁸.

В VIII–IX вв. космографы вернулись к старинному правильному учению о шарообразности Земли, но эта мысль была достоянием ученых, а прочие, в том числе творцы реформации XVI в. Лютер и Кальвин, вели борьбу с представлением о шарообразности планеты, опираясь на тексты из священных книг и логические рассуждения. К догматам христианства этот спор не имел отношения²⁹. Шел спор о преимуществе источника информации. Что главнее: тексты или наблюдения? Но откуда взялся такой

жуткий регресс в науке, не имевший касательства к политике? Очевидно, упадок был закономерен и неизбежен. В. И. Вернадский справедливо указал, что «регресс науки связан с изменением психологии народа и общества, с ослаблением того усилия, той воли, которая поддерживает научное мышление... как поддерживает она все в жизни человечества»³⁰. Что же это за творческое усилие? Отчего оно возникает и почему исчезает? В XIX в. такой постановки проблемы не было, потому что не было способов ее решения. В XX в. они появились: системный подход Л. фон Берталанфи и учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы. Эти два великих открытия позволили дать определение категории «этнос» и описать его как биосферный процесс — этногенез закономерного изменения пассионарного напряжения в этнической системе.

Именно пассионарное напряжение поддерживает системные связи в этносе, обеспечивая его устойчивость и творческую активность. Если мы попытаемся найти место эпох упадка на кривой этногенеза, то обнаружим, что большинство из них относятся к последней фазе — обскурации, сопряженной не только с деструкцией этнической системы, но и забвением всего культурного наследия.

И наоборот, для роста пассионарного напряжения на первой фазе этногенеза, в подъеме, характерны эпохи сложения оригинальных культур: Каролингское возрождение в средневековой Европе, Танский период в Китае, Московская Русь времени Рублева и Феофана Грека. Но причина подъема культуры определяется не столько ростом пассионарного напряжения, сколько его уровнем. Ее расцвет возможен и на нисходящей ветви кривой этногенеза — в надломе и в инерционной фазе. т.е. при умеренных степенях пассионарного напряжения. Таковы итальянское Возрождение, Эллинизм, Ханьский период в античном и Минский период в средневековом Китае, эпоха Киевской

Руси в славянском мире. Объяснение этому понятно. При очень высоких уровнях пассионарного напряжения — в акматической фазе — занятие наукой и искусством затруднено: пассионарный перегрев устраняет основное условие творческого процесса — отдохновение. При низких степенях — в обскурации — остается слишком мало пассионариев, а без пассионарности, жертвенности возможно лишь сохранение традиции, и то не всегда.

Таким образом, интенсивность процесса культурогенеза является функцией этногенеза — пассионарного напряжения этноса. Но это справедливо лишь для объяснения смены эпох в истории культуры того или иного этноса, но не для объяснения самого феномена культуры, представляющего причудливую смесь гениальных озарений с заимствованиями. История культуры и этническая история лежат в разных плоскостях.

Интенсивность процесса этногенеза измеряется числом событий в единицу времени. Так, но что считать «событием»? С банальной позиции вопрос не заслуживает ответа. Но вспомним, что столь же очевидны такие явления, как свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Обывателю все ясно и без оптики, термодинамики, этики. Но поскольку мы вводим понятие «событие» в научный оборот, то следует дать дефиницию, т.е. условиться о значении термина.

Однако здесь таится еще одна трудность: нам надлежит применять термин в том же значении, что и наши источники — древние хронисты. Иначе чтение их трудов станет чрезмерно затруднительно, а часто и бесперспективно. Зато, научившись понимать их способ мысли, мы получим великолепную информацию, усваиваемую читателем без малейших затруднений.

Легче всего определить понятие «событие» через системную методiku. Рост и усложнение системы представляется современникам нормой, любая потеря или рас-

кол внутри системы отмечается как нечто заслуживающее особого внимания, т.е. событие³¹. Но коль скоро так, то событием именуется разрыв одной или нескольких системных связей либо внутри системы, либо на стыке ее с другой системой. Последствия разрыва могут быть любыми, иной раз весьма благоприятными, но для теоретической постановки проблемы это не имеет значения. Так или иначе, событие — это утрата, даже если это то, от чего полезно избавиться. Значит, этническая история — наука об утратах, а история культуры — это кодификация предметов, уцелевших и сохраняющихся в музеях, где они подлежат каталогизации.

СЛОВО ОБ УТРАТАХ

Люди XX в. привыкли к теории прогресса настолько, что перестали даже задумываться над тем, что это такое? Кажется вполне естественным, что люди прошлого жили для того, чтобы оставить нам наследство из полезных навыков и вспомогательных знаний. Вавилоняне придумали начатки математики, эллины — философию и театр, римляне — юриспруденцию, арабы донесли до нас «персидскую мудрость» — алгебру (гебры — персы-огнепоклонники) и так далее. При этом угле зрения кажется, что все минувшее имело одну цель — осчастливить потомков, а мы якобы живем ради того, чтобы наши правнуки тонули в безоблачном блаженстве, предаваясь наукам и искусствам.

Не будем сейчас ставить вопрос о том, насколько общей для человечества является эта точка зрения. Опустим из вида эгоистов, обывателей, мизантропов и им подобных. Спросим себя о другом: разве ученые ничего не забывают? Разве в памятниках мировых культур, с их неповторимым разнообразием, историки в состоянии прочесть все шедевры и усвоить все творческие мысли?

Конечно, нет! Но допустим, что коллективное сознание науки будущего окажется на это способным, так сделает ли оно эту работу? Нет, ибо это будет противоречить первому принципу — все ценное нам уже оставлено, а забытое — не нужно. И этот вывод будет логичен, ибо отсчет ведется от западноевропейской цивилизации и степень совершенства иных культур определяется похожестью на европейцев. А индивидуальные особенности этносов иных складов забываются как ненужные, как дикость, которую незачем хранить и помнить. А отсюда вырастает еще одна аберрация, характерная для психологии обывателя: люди II в. были глупее людей XX в., потому что остатки их культуры, обнаруженные археологами, куда беднее того обилия предметов техники, науки и искусства, которые существуют в наше время и для всех очевидны.

На первый взгляд это неоспоримо, так как несохранившееся считается небывшим. А если подумать?

Люди прошлых эпох жили не ради нас. Они имели собственные цели, ставили себе интересовавшие их (а не нас) задачи, руководствовались принципами поведения, отличавшимися от наших, и гибли согласно законам природного и исторического бытия, той диалектике, где жизнь и смерть — звенья одной цепи. Они действительно оставили потомкам кое-какое наследство, но до нас дошла из него ничтожная часть. Судить по уцелевшему, не учитывая пропавшего, — значит впадать в заведомую ошибку индуктивного метода: когда частное принимается за общее. Мы ведь знаем, что даже за последние 1800 лет исчезло много памятников, документов, мемуаров.

А теперь перевернем проблему. Допустим, в качестве предположения, что Землю постигла катастрофа, вроде радиоактивного облучения, эпидемии «алой чумы» Джека Лондона, изменения состава атмосферы и т. п., причем большая часть человечества и наземных животных гибнет. Через короткое время биосфера восстановится, но вся

бумага успеет окислиться. Значит, истлеют все книги, записи, обои, трамвайные билеты, деньги, игрушки из папье-маше. Учиться можно будет только со слов стариков, переживших катастрофу, а они будут путать и выдумывать. Без справочников и инструкций невозможно ремонтировать машины, которые придут в ветхость и превратятся в металлический лом. Вслед за ними состарятся и дома, так что на местах городов возникнут холмы из строительного мусора, которые зарастут сорными растениями. И через тысячу-другую лет от нашей цивилизации останется меньше, чем от Вавилона, потому что глиняные таблички с записями хорошо сопротивляются времени. А через двенадцать тысяч лет исчезнут даже рельсы, и асфальт будет взломан корнями растений.

Но будут ли правы наши потомки, если они, восстановив культуру, заявят, что до них никакой цивилизации не было, потому что ничего ценного не сохранилось? И, равным образом, они будут неправы, если будут приписывать своим предкам, т.е. нам, сверхъестественные способности и возможности. Единственно разумным для них будет критическое изучение наследия, т.е. разбор исторических источников, к числу коих относятся не только предания, надписи на стенах, предметы искусства и развалины архитектурных комплексов, но и события, в которых запечатлены свершения погибших героев. Что же остается делать историку, рыщущему по степям и лесам пропавшего наследия?

Ведь интересующие нас в этой книге Евразийская степь и примыкающие к ней леса в I тысячелетии н.э. вмещали много народов и несколько больших культур, но до потомков дошли случайные намеки на них. То, что бережно хранили сухие почвы Египта и Эллады, под влажной землей Волго-Окского междуречья истлевало, а на песках возле Дона и Терека раздувалось ветром. Деревянные дома, как бы они ни были прекрасны, недолговеч-

ны, а войлочные юрты и того менее³². Вот почему самые тщательные сборы аланских, хазарских и древнерусских памятников не могут восполнить неизбежных потерь.

Хуже того, не только дерево и войлок, использованные как строительные материалы, исчезают бесследно, — недолговечны и камни. Здания на поверхности Земли всегда подвергаются процессам выветривания, стремящимся выровнять поверхность, т.е. повысить пространственную энтропию. Но, оказывается, это еще не все. Карбонатные породы камня являются окаменевшей древней атмосферой планеты, которая находится в динамическом равновесии с окружающей нас ныне средой. Памятники из этого материала сходны с живыми растениями и тоже подсасывают грунтовые воды, часто засоленные или содержащие водоросли; этим они ускоряют свою естественную гибель, а тем самым и превращение архитектурного шедевра в груды рассыпающихся камней.

Гораздо большей устойчивостью обладают силикаты: граниты, базальты, габбро, кварциты и другие соединения кремния. Но их слабое место — швы между монолитами, отчего глыбы легко выпадают из стен построек. Поэтому применение их ограничено³³.

Итак, любые создания рук человеческих обречены или на гибель, или на деформацию, причем для этого часто не нужно тысячелетий. Вот почему простое изучение материальной культуры неизбежно ведет к искаженному видению прошлого, а этнологическая реконструкция становится единственно возможным путем его понимания.

БИПОЛЯРНОСТЬ ЭТНОСФЕРЫ

В завершение обзора методов и принципов этнологического исследования следует сказать еще об одном принципе, вынесенном в заголовок параграфа.

Выше мы отметили, что в обскурации упадок культуры неизбежен. Пассионарное напряжение этнической системы спадает до гомеостаза, что при наличии множества субпассионариев снижает резистентность не столько этнической, сколько социально-политической системы, разваливающейся от этого в мучительных судорогах. Но субпассионарии нежизнеспособны. Они стекают с тела системы, как мутная вода, а гармоничные персоны продолжают трудиться, воспитывать детей и уже никогда не стремятся ломать здания, жечь книги, разбивать статуи и убивать ученых. А ведь это все делается; и не только в эпохи обскурации. Достаточно вспомнить немецких инквизиторов XVI в., которые были современниками гуманистов эпохи Возрождения, или византийских иконоборцев. И тех и других, да и всех им подобных, нельзя упрекнуть в нехватке пассионарности. Очевидно, однозначное решение проблемы будет неполным. Оно необходимо, но недостаточно.

В самом деле, наше стремление решать все задачи единообразно, на одном, пусть самом главном факторе — соблазн, и хуже того — искушение. Чтобы попасть в цель, даже в тире, нужно учитывать два параметра: горизонтальный и вертикальный, а не делать выбора между ними. Кроме фазы этногенеза, существует выбор доминанты или отношения к окружающей среде, природной и культурной, т.е. к жизни как таковой, и к смерти, своей и чужой. И самое страшное, что это не просто хулиганство разнузданных гонцов и одурелых фанатиков, а целый ряд мировоззрений, создаваемых людьми талантливыми, образованными и вполне сознающими последствия своей деятельности. Это люди, ненавидящие мир, сложный в своей иррациональности, и стремящиеся добиться его упрощения на базе разума, которым они, по своему мнению, обладают.

Разумеется, подавляющее большинство людей, избравших эту психологическую доминанту, не затрудняют

себя философскими рассуждениями. Они действуют импульсивно, как описанный Анатолем Франсом аббат, который, увидев рожающую суку, убил ее зонтиком, или упомянутый Максимом Горьким дворник, убивший на его глазах кошку, мурлыкавшую у него на коленях, лишь для того, чтобы вызвать Горького на драку («В людях»). Но эти люди приносили вред лично, так сказать, на персональном уровне. Гораздо страшнее теории, безукоризненно логичные и потому обвораживающие умы современников и потомков, образуя псевдоэтнические целостности — анти-системы. Эти феномены, внешне напоминающие ордена или общины, лежат на популяционном уровне, а следовательно, влияют на судьбы культур и этносов, как раковая опухоль на организм. И проявляется эта психологическая доминанта не только в поздних фазах этногенеза, а в любых, ибо для каждого мыслящего человека выбор доминанты произволен. Это и есть та «полоса свободы», за которую каждый человек несет моральную и юридическую ответственность.

Но и здесь есть свои закономерности, обнаруживаемые на более высоких, нежели индивидуальных, уровнях приближения к изучаемому явлению.

Пассионарность, возникшая вследствие естественного толчка или взрыва, хотя и деформирует биосферу, но без отрицательных для нее последствий. Зато при тесных контактах на суперэтническом уровне возникают необратимые деформации, превращающие роскошные страны в мертвые пустыни. Именно здесь, на границах суперэтнических систем, конструктивно связанных со своими ландшафтами, появляются экстерриториальные антисистемы, уродующие те этносы, в которые они проникают.

В I тысячелетии н.э. в Средиземноморском бассейне находились в тесном контакте три могучих суперэтноса: византийский, мусульманский и католический романо-германский, а кроме того, еще не исчезли среднеперсидс-

кий, разрушенный арабами в 650 г., но подававший признаки жизни до X в., и балтийский, славянская часть коего держалась до XII в. В этом разнообразии обрели себе место несколько конфессиональных общин гностического типа и близких к ним по психологическому настрою.

Учение пророка Мани, казненного в Иране в 276 г., распространилось на восток до Желтого моря, а на запад до Бискайского залива, но нигде не могло укрепиться из-за своей непримиримости. Повсюду, где только ни появлялись манихейские проповедники, они находили искренних сторонников. И повсюду текла кровь, хотя проповедь манихеев была самой мирной. Они призывали людей устраняться от злого мира, в котором правит Сатана, учили аскетической жизни, запрещали своим адептам убивать теплокровных животных и невинных людей, жертвуя при этом собой. Но ведь убивали же!

И вот что странно, так вели себя все принявшие ту или иную разновидность манихейства: в Китае и Провансе, на Балканах и на Памире, у берегов Селенги и в долине Нила, они обладали одной общей чертой — неприятием действительности. Подобно тому как тени разных людей непохожи друг на друга не по внутреннему наполнению, которого у них нет, а лишь по контурам, так различались эти исповедания. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то, что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но также и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить. Это особенность антисистем.

Антисистемы возникают не при всяком этническом контакте. Исход столкновения, часто трагичный, зависит главным образом от двух причин: 1) уровня пассионарного напряжения этносов, а также его направления (увеличение или снижение) и 2) от комплиментарности контактирующих суперэтносов. В первых выпусках Трактата мы подробно описали три варианта. Это ксения — устойчивое

сочетание двух этносов, в котором один, «гость», — вкрапление в теле другого — живущий изолированно и заполняющий свободную экологическую нишу, не нарушая этнической системы «хозяина» и занимая в ее иерархии место одного из субэтносов. Ксения — это как бы субэтнос. Другим вариантом контакта является симбиоз — наиболее типичный случай сочетания двух или более этносов, в котором каждый из этносов в одном и том же географическом регионе занимает свою экологическую нишу, свой ландшафт. При этом этноценозы пространственно не пересекаются, а стереотипы поведения не испытывают существенных деформаций. Гомеостатические этносы легко превращаются в субэтносы более пассионарных соседей, а пассионарные — занимают равноправные места в суперэтнической иерархии. Но эти два сравнительно мирных типа контактов достигаются при положительной или нейтральной комплиментарности взаимодействующих этносов. В противном случае, а их немало, образуется химера. Для ее существования необходимо, чтобы один из этносов испытывал снижение пассионарного напряжения, что обычно имеет место при смене фаз этногенеза. Именно в эти кратковременные, по масштабам этногенеза в целом, моменты этническая система неустойчива и не резистентна. Системные связи разрушаются, происходит их перестройка. Субэтносы новой фазы еще не образовались, а предыдущей уже почти исчезли. Стереотип этнического поведения заметно модифицируется и потому легко деформируется. Это является причиной химеризации части этноса в зоне контакта, т.е. разрушения стереотипа как такового, что ускоряет снижение пассионарного напряжения неустойчивого этноса вплоть до полного распада этнической системы. Это особенно характерно для последних фаз этногенеза

Если при ксении и симбиозе нарушения ритма этногенеза не происходит: менее пассионарные этносы подчиня-

ются ритму более пассионарного, то у химеры нет возраста. Она высасывает пассионарность из окружающей этнической среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза. Химера не связана с физико-географическими условиями ландшафта, ибо она получает необходимые ей средства от тех этносов, в телах которых она угнездилась. Значит, у химеры нет родины — это антиэтнос. Возникая на рубеже двух-трех оригинальных суперэтносов, химера противопоставляет себя им всем, отрицая любые традиции и заменяя их постоянно обновляемой «новизной». Следовательно, у химеры нет отечества. Это делает химеру восприимчивой к негативному мироощущению, хотя бы исходные этносы и не имели отрицательного отношения к природе. Поэтому химеры — питательная среда для возникновения антисистем.

Вместе с тем этнические химеры крайне агрессивны и резистентны. Абсорбируя пассионарность от соседних маргинальных этносов и не будучи связаны традиционными стереотипами поведения, представлениями о хорошем и плохом, честном и преступном, красивом и безобразном, химеры весьма лабильны, в том смысле, что способны применяться к меняющейся обстановке без затрат на преодоление внутренней традиции, составляющей основу оригинальных этносов. Поэтому химеры часто побеждают политически и экономически, но никогда — идеологически.

Почему? Казалось бы, должно было быть наоборот. Химерные целостности всегда составлены из разных людей, отколовшихся от своих этносов. Следовательно, пополняться путем инкорпорации для них наиболее естественно. При этом от неопита не требуется искренности, так как принцип антисистемы — ложь, — всегда присутствующий в химерах, допускает обман как поведенческий стереотип. Если же вовлекаемому в химеру мешает совесть, то средствами разума, логическими аргументами

можно ее деформировать и приспособить к требованиям окружения. Нет! Отдельный человек не может противостоять статистической закономерности, даже антропоприродной, и противоестественной, даже очевидно антинравственной.

Но мироощущению антисистем, отрицающих свое единство с биосферой и разрывающих связь с ней, что ведет к аннигиляции, которая представляется здесь желанной целью, противопоставлено мироощущение позитивных систем-этносов, вступающих в гармоничный, конструктивный контакт с природой и становящихся верхним, завершающим звеном биоценоза. Любая позитивная концепция любой этнической целостности вводит запреты или табу. Она ограничивает свободу человека, иногда нравственными убеждениями проповедников, иногда — грозной рукой закона, иногда силой общественного мнения, а чаще — комбинацией всего перечисленного. Даже в тюрьме и на каторге есть закон из четырех пунктов: «Не стучи, не признавайся, не кради пайку у соседа, не собирай объедков в столовой». Последний имеет этическую природу, и цель его — заставить соблюсти собственное достоинство. Каждая религия, теистическая, космическая (почитание безликого космоса) или демоническая (почитание предка или «духа» стихии), подчиняет поведение отдельного человека тому или иному стереотипу. Это самому человеку бывает тяжело, но коллектив (этнос) благодаря ограничению произвола своих сочленов может существовать.

В антисистемах человек обретает внутреннюю свободу. Он должен только считаться со своими возможностями и рассчитывать последствия своих поступков. Но зато внешнюю свободу он теряет полностью. Ведь если нельзя положиться на совесть (внутреннее самоограничение), то приходится прибегать к жестокому ограничению внешнему, основанному на прямом насилии. Антисистемы жили среди врагов и должны были соблюдать в своих рядах

строжайшую дисциплину, которая обеспечивала им победы. И наоборот, у этнических целостностей, особенно в средние века, политическая организация находилась на весьма низком уровне, что снижало их шансы в борьбе с жестко организованными антисистемами; ведь надежды на верность вассала и таланты сеньора часто бывали призрачны. Люди всегда люди, и совести у них то больше, то меньше... и ведь не угадаешь!

Но против тенденций к развитию антисистем, часто, хотя и необязательно, проявлявшихся в химерах, действовала преобразующая сила пассионарных толчков. Энергия живого вещества биосферы — сила природная. И, как таковая, она сметала некротферу — мертвую субстанцию, произведение рук людских, ибо упрощенные формы культуры, оскудненные биоценозы, искалеченные ландшафты имеют достаточно сил, чтобы восстановиться в новом облики, лишь бы не было помех.

Но не только пассионарные толчки, даже просто высокие концентрации пассионарности, создаваемые регенерацией этносов, достаточны для уничтожения химер и антисистем. И даже в ее отсутствие судьба последних предрешена.

Негативное мироощущение в силу своей противоестественности никогда не охватывает большого числа людей. Поэтому антисистема всегда меньше позитивной системы, в недрах которой она возникает и за счет которой существует. Поэтому она неизбежно исчезает, унося за собой какую-то часть жизнеспособных этносов. Но при отсутствии полного взаимопогашения создается снижение пассионарного напряжения и пустеет экологическая ниша. А тогда на освободившееся место со стороны устремляется пассионарная популяция иного этноса. Она захватывает оскудненную землю вместе с остатками населения и рассматривает аборигенов как составную часть осваиваемого ландшафта. Захватчики становятся по отношению к мест-

ным жителям этносом-паразитом, иногда на недолгое время, если происходит ассимиляция, а иногда на века, если имеет место этническая несовместимость.

Но помимо позитивного мироощущения этнических систем, пульсирующих пассионарностью и адаптирующихся в симфонии ритмов биосферы, и его антипода — жизнеотрицающего мироощущения антисистем, существует еще одно, которое следует иметь в виду этнологу.

Любые идейные построения, как позитивные концепции рождающихся этносов, так и мировоззрения антисистем, возникают только при сильной пассионарности основателей и обращаемых, в то время как их субпассионарные современники остаются в плену традиционных воззрений. Так слагается синкретизм, наиболее распространенное мироощущение, нейтральное по отношению к биосфере.

Декларативная часть философских систем, догматов веры и мифов не всегда соответствует подлинному мировоззренческому наполнению. Не по словам, а по делам можно судить о той или иной концепции. Кроме того, слова, т.е. догматы, остаются неизменными, а практическое их воплощение всегда меняется вместе с процессом этногенеза.

Но мироощущение субпассионариев не развивается, ибо оно есть равнодушие. Субпассионарии не способны ни созидать, ни охранять, ни разрушать, хотя процессы разрушения происходят только благодаря им. Они ликуют при сожжении еретика и предадут в руки врагов своего энергичного правителя, даже без злобы, а просто по безразличию к чужой судьбе. То, что вслед за героем, кладущим жизнь за свой народ, пойдут на смерть, они сами, просто не приходит им в голову, как не приходит им в голову и то, что станет с ними после того, как будут вырублены леса, выловлена вся рыба, перебиты дичь и дикие звери. Для самого элементарного прогноза нужна высокая степень пассионарного напряжения.

Из всего изложенного вытекает: человек — игральное природное и социальных процессов, веточка в бурной реке, а следовательно, он не отвечает и за свои поступки, что весьма удобно для людей аморальных. Философские споры о детерминизме велись очень давно, но без результата. Попробуем обратиться к физиологии.

Оказывается, что реакция на воздействие внешней среды у живых организмов коренным образом отличается от предметов косного мира. Горы, долины, камни пассивны, а организмы, даже одноклеточные, способны перестраивать цепи химических процессов внутри себя и тем предвосхищать удары извне: внезапный холод или жар, изменения состава воздуха или воды и т.п. Живая «молекула» классифицирует эти воздействия на «вредные» и «полезные», отчего возникает приспособление путем отбора³⁴. Высшие животные обладают нервной системой, накапливающей опыт опережения повторных ударов из внешнего мира. Это условный рефлекс³⁵. Люди же обладают еще и сознанием, позволяющим делать выводы из анализа обстановки и принимать решения в альтернативных ситуациях. Пусть такие ситуации бывают редко, но от правильного выбора зависит иногда даже жизнь. Значит, живые организмы, наряду с подчинением глобальным закономерностям, на персональном уровне обладают свободой, точнее, правом на выбор решения или произвольность. Это свойство нейронов мозга, т.е. тоже природное явление, обязательная «составляющая» биосферы планеты Земля. Свобода — порождение природы!

Но свобода выбора — это тяжелый груз ответственности; за ошибку организм платит жизнью. А количество степеней свободы громадно. «В масштабе целого мозга оно с трудом может быть записано цифрой длиной в 9,5 млн км!.. Организованное поведение человека предпо-

лагают неизбежное ограничение этого разнообразия. Следовательно, принятие решения... представляет собой выбор одной степени свободы»³⁶, наиболее удачный, с точки зрения выбирающего субъекта. Однако его решение может оказаться ошибочным. Поэтому каждый организм платит за степень свободы риском гибели.

Эта физиологическая дефиниция имеет прямое отношение к этногенезу. К системным целостностям высших рангов она применима с существенными оговорками: она может объяснить не ход этнической истории, а ее зигзаги. На клеточном уровне «свободы» нет, так как она погашается деятельностью всего организма; исключения патологичны. Но на персональном уровне свобода выбора существует всегда, и хотя человека ограничивают природные условия, статистические закономерности, принудительные меры социального окружения, причинно-следственные связи, на уровне субэтническом и ниже у него остается свободный выбор, полоса свободы, сам факт существования которой не может не влиять на поведение человека, а тем самым на стереотип поведения этноса.

В этой полосе свободы заложено творческое начало человека — отклонение от стереотипа, что имеет исключительное значение в момент формирования нового этноса, но по ее же вине возникает ощущение ответственности за свои поступки, т. е. то, что на русском языке называется совестью. Какое бы ни было проявление свободной воли человека, оно не может не пройти через фильтр его совести.

Казалось, что общего у совести с этногенезом, но в ее компетенцию попадает и выбор знака мироощущения персоны. Ведь люди, обладающие свободой выбора, могут переходить из позитивной этнической системы в антисистему. Разумеется, такой переход возможен не всегда, потому что при этом необходимо сломать инерцию окружения (этнического стереотипа и адаптационного синдрома) и

традиции. Но в химерах такая смена легка, так как здесь взаимопроникающие чуждые системы, этнические и культурные, влияя на творческого человека, уравнивают друг друга, и его свободная воля оказывается в силах преодолеть инерцию традиции со всеми вытекающими из этого последствиями. И наоборот, человек может вырваться из антисистемы и вновь обрести позитивное мироощущение (как это случилось, например, с бл. Августином — в молодости манихеем), реадаптировавшись в этнической системе. Искренность таких превращений не может быть проверена на словах (чужая душа — потемки), но если вместо одного человека взять на рассмотрение большой коллектив, то характер его поведения покажет, где искренность, а где сознательный обман. Здесь вероятность ошибки уменьшается пропорционально числу элементов системы и числу наблюдений,

Таким образом, процесс этногенеза разворачивается в трех координатах: времени, пассионарного напряжения и полярности мироощущения. Следовательно, категория произвольности или свободы выбора является третьей переменной этнической истории.

Не следует смешивать понятия позитивного-негативного с обывательским представлением о «высшем» и «низшем». В этногенезе вообще нет ни «верха», ни «низа», нет здесь и «высших» или «низших» этносов. Лишь европоцентристы считали «высшими» себя, а прочих выстраивали по ранжиру. То же самое делали жители «Срединной равнины» — китайцы. Их противники, борцы за «равенство», понимали под ним «одинаковость» людей, что было столь же нелепо, ибо разнообразие этносов и даже отдельных персон (организмов) очевидно.

Этнология ввела в этнографию системный подход, где усложнение этнической системы (рост системных связей) — повышение разнообразия и упрощение ее (сокращение связей) — примитивизация — два противоре-

ющих направления. Однако это относится к системам уровня этноса, но никак не к отдельным людям, их составляющим.

Гомеостаз — это преобладание гармоничных личностей. Такие особи есть всегда и везде: в Риме и Англии, Анахуаке и Бенгалии... Без них не может существовать ни один этнос, ибо они — его основа. А пассионарность — это неудовлетворенность разных степеней... Пассионарии лишают своих соплеменников покоя, но без них этнос незащищен. И надо помнить, что «гармоничники», у которых импульс страстей равен инстинкту самосохранения, не могут быть выше или ниже своих соседей, современников и даже жителей разных стран и эпох, потому что в энтропийном процессе нет ни «верха», ни «низа». Этническая системная целостность может быть только сложнее или проще, но к такому делению качественные оценки неприменимы.

Ведь первоначальное усложнение этноса за счет избыточной пассионарности влечет ужасы перегрева (акматическая фаза), трагизм надлома и постылый покой инерционной фазы. Где же тут «лучше» или «хуже», либо «выше» или «ниже»? Нечем измерять, и неизвестно, что именно измерять, так как неизбежная растрата пассионарности влечет за собой появление субпассионариев — особей с потребительской психологией, антисоциальных и аморальных, ибо их эгоизм, основанный на инстинкте самосохранения, не выходит за рамки рефлекса самоудовлетворения; а коль скоро так, то устранение всех запретов и обязанностей для субпассионария просто логично и детерминировано.

При снижении пассионарного напряжения в этносе возникает стихийная война между гармоничниками и субпассионариями. Если побеждают последние, а так было в Риме III в. и в Китае IV в., идет распад этноса, причем выживают единицы. Если побеждают гармоничники —

этнос превращается в реликт, и, если он находится в изоляции, люди живут долго в гармонии с вмещающими ландшафтами, оставаясь храбрыми, сильными, умными, добрыми, удовлетворенными жизнью, но совершенно беззащитными перед хищными, инициативными, алчными и воинственными соседями. Что «лучше» — опять не известно. Только усложнение системы биоценоза, в котором этнос — верхнее замыкающее звено, мы вправе назвать позитивным, ибо оно поддается измерению и связано прямо пропорционально с устойчивостью всей биосферы в целом.

Сравнивать в этом смысле даже два этноса между собой уже невозможно, ибо их стереотипы поведения, а значит, и способы адаптации оригинальны и связаны с различными участками земной поверхности — ландшафтами, каждый из которых имеет право на существование. И считать один «выше» другого — нелепо.

Сравнение этносов возможно лишь по возрасту или фазе этногенеза, причем одни этносы старше, а другие моложе, и все. Но ни один из них не вечен, и каждому предстоит пережить, пусть по-своему, но один и тот же жизненный путь, пока его этногенетическое время не остановится. Итак, в этнической истории время неоднородно. Гладкое развитие цивилизации, заполняющей окружающую природную среду искусственными структурами: городами, мощеными дорогами, статуями, полями монокультур и стадами животных, обреченных на гибель от рук своих пастырей, время от времени нарушается взрывами энергии живого вещества биосферы — пассионарными толчками. Эти вспышки жизни, не только иррациональной, но даже антирациональной, ломают оковы сложившихся форм и зачинают новые процессы этногенеза, постепенно кристаллизующиеся в очередных омертвлениях — цивилизациях. Никогда не захватывая всей ойкумены, пассионарные толчки создают этническое разнообразие:

сочетание старости с молодостью, военной доблести с духовными озарениями, алчности с расточительностью, любви к природе с отвращением к материальному миру.

Таким образом, пассионарные толчки локализованы как в пространстве, так и во времени, образуя на поверхности Земли сетку однотипных линий (рис. 2). А коль скоро так, то следует интерпретировать историю смены этносов не как прогрессивное развитие, а как серию дискретных энтропийных процессов — возмущений живого вещества антропосферы. И каждое такое возмущение уносит в небытие накопленную этносом культуру, т.е. кристаллизованную пассионарность.

Статистические закономерности этнической истории восходят к пограничному взаимодействию биосферы и социотехносферы, причем действующими лицами разыгрываемой повсеместно трагедии являются этносы. Чем обобщеннее процесс или сочетание процессов, тем меньше роль отдельных людей и их личных качеств, и наоборот, на субэтнических уровнях значение людей, наделенных разумом и волей, возрастает. Таким образом, этническая история есть продолжение истории биосферы, с поправкой на свободную волю (совесть) людей, проявляющейся в деталях этногенеза, взаимно компенсирующихся на уровне суперэтнических целостностей. Поэтому интерес к деталям исторических событий оправдан: поступки особей, объединенных в консорции, имеют свое значение для судеб отдельных биоценозов и ландшафтов. Важно лишь учитывать масштаб этнической коллизии и не смешивать уровни исследования.

Этнология, как наука о биосферном явлении — этносе, выработала арсенал надежных средств исследования, позволяющих провести реконструкцию самых темных страниц этнической истории. Одной из них является Евразийская степь, народам которой была посвящена наша «Степная трилогия»³⁷ — работа, выполненная как традиционное

историческое исследование. Но, завершив ее, автор удовлетворения не получил. Казалось бы, в ней есть все, что необходимо для монографий подобного исторического охвата: обширная библиография, критика источников, анализ отдельных событий и эпох, наконец, не слишком сухое академическое изложение материала, делающее ее чтение не скучным, но... эмпирического обобщения нет.

Да и не могло быть. Для этого автору понадобилось почти на двадцать лет остановить востоковедческие штудии, в результате чего появилась наука об этногенезе и биосфере Земли с ее принципами этнологического исследования, изложенными выше. Пройдя только таким окольным и тернистым путем, мы в состоянии теперь с высоты птичьего полета окинуть Евразийский континент и заметить на нем широкую ленту Великой степи, которую вот уже около трех тысяч лет населяют народы (этноты), чьи взлеты и падения, уже не кажутся чем-то особенным, отличительным от взлетов и падений всех остальных этносов, существовавших и существующих ныне на земле. Мы нашли закономерность феномена этногенеза. Именно она и является, как мы сказали уже, ключом к решению загадок этнической истории. Секрет прост.

Этническая история любого географического региона, какой бы мозаичной она ни казалась, представляет собой переплетение природных процессов трех типов:

1. Процесса адаптации каждого этноса во вмещающем и кормящем его ландшафте. Причем потеря адаптивных навыков необратима: упрощаются, а вернее, искажаются и ландшафт и культура этноса. Механизм связи «этнос — ландшафт» — сигнальная наследственность, она же — так называемая этническая традиция, превращающая этносферу в мозаику оригинальных поведенческих стереотипов.

2. Этногенеза — энтропийного процесса, начинающегося со вспышки пассионарности, образующей новый

поведенческий стереотип (этнос), и проявляющегося в последующей ее утрате, что всегда сопряжено с событиями, которые и фиксируют источники.

3. Процесса этнических контактов — взаимодействия этносов между собой, результат которого не всегда нейтрален, но закономерен с точки зрения принципа биполярности этносферы. При этом идеал, т.е. далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном (субэтническом) уровне, может менять полярность или знак. Это означает смену усложнения этнической системы ее упрощением или наоборот, объективный критерий чего — наблюдаемые (обратимые или необратимые) изменения в ландшафте, биосфере в целом (не смешивать с обывательскими понятиями: «хорошо» и «дурно» и с умозрительными «прогресс» и «отсталость»).

Этот третий тип биосферных процессов особенно важен для темы нашей книги, ибо Евразийская степь постоянно взаимодействовала со своим окружением, особенно в интересующее нас «тысячелетие». В это время четыре пассионарных толчка пересекли Европу и Азию, окружили пространство Великой степи и создали взбаламученное море, которое называется Великим переселением народов и движением викингов — на западной окраине ареала. На Востоке были войны хуннов, тюрок и уйгуров с Китаем, а в середине... но читатель увидит это сам, если прочтет книгу до конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О квантовом времени см.: *Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады географического общества СССР. Л., 1970. Вып. 15. С. 143–157.*

- ² См.: Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1984. С. 42–57.
- ³ Такое понимание отлично от бытовавшего еще недавно в этнографии: этногенез — происхождение этноса, т.е. процесс, завершающийся с появлением этнического самосознания.
- ⁴ См.: Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос // Материалы второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. М., 1988. С. 211–220.
- ⁵ Событие в нашем понимании — процесс разрыва этнических связей. В зависимости от таксономического ранга этнической системы: конвиксия (или консорция) — субэтнос-этнос-суперэтнос — можно говорить о масштабе события. Для построения кривой пассионарного напряжения мы выделяем события этнического масштаба: столкновения двух или более субэтносов.
- ⁶ См.: Налимов В.В. Вероятностная модель языка. С. 163.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
- ⁹ Цит. по: Чечельницкий А.М. Экстремальность, устойчивость, резонансность в астродинамике и космонавтике. М., 1980. С. 174
- ¹⁰ См.: Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97–105.
- ¹¹ См.: Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос. С. 211–220.
- ¹² См.: Иванов К.П. Механизм этногенеза — инструмент исследователя этнокультуры // Проблемы изучения охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 79–80.
- ¹³ См.: Калесник С.В. Проблема географической среды // Вестн. ЛГУ. 1968. № 24. С. 94.
- ¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 462–463.
- ¹⁵ См.: Вернадский В.И. Биосфера // Избр. соч. Т. 5. М.; Л., 1960. С. 19.
- ¹⁶ См.: Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 257. Ср.: Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1971. С. 274.

- ¹⁷ См.: *Гумилев Л.Н.* Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // *Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы*. Л.: Географическое общество СССР, 1984. С. 42–57.
- ¹⁸ См.: *Дуглас У.О.* Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975.
- ¹⁹ См.: *Ленькова А.* Оскальпированная Земля. М., 1971. С. 17 и сл.
- ²⁰ *Дуглас У.О.* Указ. соч. С. 33.
- ²¹ См.: *Ермолаев М.М.* О границах и структуре географического пространства // *Изв. ВГО*. 1960. № 5. С. 423–425.
- ²² См.: *Поршнев Б.Ф.* Мыслима ли история одной страны. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.
- ²³ См.: *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980. С. 26.
- ²⁴ См.: Таблица приближений к изучаемому предмету. Вып. 3. С. 228.
- ²⁵ «Римский мир», сменившийся «Христианским», а потом «Цивилизованным» миром.
- ²⁶ Деление истории здесь более совершенное: по эпохам, условно обозначаемым названиями династий.
- ²⁷ Оригинальные сочинения до нас не дошли, но концепция сохранилась в трудах историков X–XI вв.: Табари, Баями и поэта Фирдоуси.
- ²⁸ См.: *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 111.
- ²⁹ Там же. С. 113.
- ³⁰ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 75.
- ³¹ См.: *Гумилев Л.Н., Иванов К.П.* Этносфера и космос. С. 211–220.
- ³² См.: *Динцес Л.А.* Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // *Сов. этнография*. 1947. № 2. С. 67–94; *Городцев В.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // *Тр. Гос. Ист. музея*. Вып. 1. М., 1926. С. 7–36.
- ³³ *Флоренский П.В.* Живой камень памятников // *Природа*. 1984. № 5. С. 85–96.

- ³⁴ См.: *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 10–11.
- ³⁵ Там же. С. 20–21.
- ³⁶ *Анохин П.К.* Указ. соч.
- ³⁷ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960; *Он же.* Хунны в Китае. М., 1974; *Он же.* Древние тюрки. М., 1967; *Он же.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.

II. ОБРАЗ ОЙКУМЕНЫ

МЕЖДУ ДВУХ ОКЕАНОВ

Этнология — наука географическая. Поэтому прежде чем устремить свой взор в Евразийские степи, осмотрим весь материк и соседние с Великой степью страны, где в интересующее нас тысячелетие и до него вспыхивали и угасали суперэтноты, сдерживаемые не только силою своих соперников, но и невидимыми на карте географическими рубежами.

Евразийский континент не монолитен. Его четко делят на части природные барьеры. Хотя ареалы этносов не совпадают с физико-географическими районами, но последние все же играют определенную роль. Западный полуостров Евразийского континента, омываемый Средиземным и Северным морями, отделен от холодной Восточной Европы невидимой, но крепкой границей — положительной изотермой января.

Сухие и жаркие области Переднего Востока и Северной Африки тоже являются ландшафтной целостностью, ограниченной с юга Сахарой, а с востока пустынями Средней Азии. Среднее, но вполне независимое положение занимает гористый район, тянувшийся от Адриатического моря через Малую Азию до Закавказья. На стыке этих трех больших регионов постоянно возникали этнические контакты.

В Испании и Сицилии романо-германский суперэтнос смыкался с арабо-берберским, и там веками шла постоянная война креста с полумесяцем.

В Малой Азии, на Крите и в Закавказье византийское православие неустанно боролось с воинственным исламом, причем никто из них не мог достигнуть решающего успеха.

В Южной Италии и на берегах Адриатического моря православные и католики, задолго до разделения церквей, оспаривали друг у друга земли, которые каждая из сторон считала своими. Южную Италию временно захватили мусульмане — берберы, так же как и Крит, а единый югославянский этнос был разорван на православную Сербию и католическую Хорватию. Но не догматы религии, а этнопсихологические настроения оспаривали друг у друга господство над Средиземноморским бассейном.

Мусульманский суперэтнос и связанная с ним культура на восточной своей границе наткнулась на горцев Гиндукуша, оставшихся огнепоклонниками, и на степных кочевников. Она замкнулась здесь на естественных границах ландшафтных регионов.

Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями Индия справедливо рассматривается как полуконтинент. Однако области Пенджаба и Синда уже в XII в. стали зонами контактов между индийцами, арабами, афганцами и тюрками. Природные барьеры не спасли Индию от вторжения иноземцев.

Субтропический, обильно увлажненный Китай отделил себя от сухой, холодной Великой степи Великой стеной, которая часто лежала в развалинах, но считалась естественной границей между двумя суперэтносами.

И наконец, внутренняя часть континента, Евразия в узком смысле слова, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. Здесь районами контактов были: венгерская степь на

западе и Западная Маньчжурия на востоке. На юге к этому региону можно причислить Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское междуречье рассматривать как район контактов.

Центральная часть Великого Евразийского континента только на первый взгляд кажется бесплодной и дикой страной, не приспособленной для развития самостоятельной культуры. Великая степь ограничена с севера непроходимой тайгой, а с юга горными хребтами. Эта географическая целостность, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее всеми соседями ощущалась как некое единство, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить.

И это не было случайным. Еще в первой половине XX в. само существование этнографических целостностей подвергалось сомнению, так как наука еще не нашла аспекта, позволявшего их воспринимать как реалии. Но и не замечать их было нельзя, и тогда сложились такие абстракции, как «Запад» и «Восток» (бессмысленность их показал Н. И. Конрад¹), или «Лес и Степь»², или «желтая и белая расы»³.

Действительно, деление материала на два раздела всегда упрощает задачу, но далеко не всегда ведет к правильному решению. По сути дела классификатор неосознанно применяет обычный этнический принцип: «мы» и «не мы», лишь абстрагируя его в соответствии с требованиями академической подачи. Но мы обязаны отрешиться от этого примитивного аспекта и исходить не из двоичной системы отсчета, а из реального наличия этноландшафтных регионов, которых оказалось шесть, и из смены суперэтносов, которых еще больше. Поэтому мы изменили ракурс и рассматриваем Евразийский континент не из того или иного угла, а сверху. Это позволяет

нам установить соразмерность этногеографических регионов.

Люди, жившие в этих регионах, различались не только языками, обычаями и учреждениями, но и отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. Посмотрим, как. В многочисленных первоисточниках мы не найдем ответа на то, что интересует нас, ибо их авторы писали для других читателей. Однако, наряду с разноречивыми и эмоционально насыщенными традициями, мы имеем в поле зрения массу немых фактов, объяснение коих — наша обязанность. Отчасти это затрудняет исследователя, отказавшегося от оценок, подсказываемых ему предшественниками. Но разве наука — это пересказ чужих знаний? Разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые, невозможны обобщения? И разве только углубление в предмет дает познание, а расширение диапазона ведет к поверхностности?

Системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они представляются перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь настолько, насколько они нужны. Этим приемом мы и собираемся воспользоваться.

Однако ограничиться только географическим районированием было бы недостаточно. Время столь же неравномерно, как и пространство. В разные эпохи границы этносоциальных регионов менялись, равно как и антропогенные ландшафты, вмещающие этносы.

Например, такое столь естественное для нас понятие, как «Европа», в I в. было бессмысленно. «Римский мир» включал в свою целостность Африку севернее Сахары и Ближний Восток до Евфрата, а в Европе был ограничен

Рейном и Дунаем. Германия, Сарматия и Фенния находились за пределами этого этносоциального региона.

Через тысячу лет границы «Европы» изменились. Добавились Германия между Рейном и Эльбой, но отпали Испания, кроме Астурии и Наварры, Северная Африка и Балканский полуостров. А к началу XVII в. у Европы появилось заокеанское продолжение. И весь этот процесс протекал в так называемом «историческом времени».

Уяснить сходства и различия этих этносоциальных регионов можно путем сравнения их друг с другом и путем изучения характеристик их взаимодействия. Но синхронные сравнения бессмысленны, так как этнические процессы дискретны. Это значит, что следует сравнить явления диахронно: начало процесса одного этногенеза с началом другого, середину с серединой, конец с концом, даже если эти фазы у разных этносов имели место в разных столетиях⁴.

Ведь никому не приходит в голову удивляться, почему юноша сильнее старца или ребенка, но при анализе межэтнических коллизий это обстоятельство всегда упускается из виду, что неизбежно ведет к недоумению. Так, но откуда начинать мерить? При старой методике найти точку отсчета невозможно, при нашей — это пассионарный толчок, зачинающий этногенетический процесс. Таким образом, естествознание дало истории скелет, необходимый для обобщений.

Поскольку мы избрали главным объектом исследования Великую степь, то естественно, что другие страны Евразийского континента предстанут перед исследователем в своеобразных ракурсах и степенях приближения. Это неизбежно, но отнюдь не беда: фон на любой картине выглядит более обобщенно, нежели центральное изображение. Воспользуемся же изложенным географическим принципом для того, чтобы очертить рамку вокруг сюжета хуннской трагедии, протекавшей в III в. до н.э. — XII в. н.э.

За пределами этой рамки окажутся Индия, Индокитай, Корея и Япония, циркумполярные области и Африка южнее Сахары. Нельзя сказать, что этногенезы в этих странах совсем не отражались на интересующем нас регионе, но воздействие их было столь слабо, что этой величиной можно пренебречь.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ НЕ ПРОНИКЛИ В ЕВРОПУ?

Странно, что никто до сих пор не поставил этого вопроса. Если исходить из банального восприятия истории, согласно которому развивающаяся культура при демографическом росте должна расширяться, подавляя разрозненные племена, то удивительно: почему китайская агрессия эпохи Хань (II в. до н.э.) и эпохи Тан (VII–VIII вв.) захлебнулась, да столь трагично, что после них Северный Китай дважды попадал в руки степных народов Сибири и Дальнего Востока. А ведь Китай, объединенный в III в. до н.э. первым императором династии Цинь — Шихуанди, имел армию в 20 раз большую, чем у племенного союза Хунну, и в таком же соотношении были военные силы империи Тан и Тюркского каганата. Экономика в земледельческом Китае была неизмеримо более развита, чем в скотоводческой державе Хунну. Культура эпохи Тан — это одна из кульминаций мировой культуры, и недаром Н. И. Конрад почтил ее названием «Китайского Возрождения». Правильно это его определение или нет — здесь мы разбирать не будем; в любом случае — это комплимент китайской цивилизации.

Подробный ответ на поставленный вопрос содержится в нашей «Степной трилогии», что дает нам право в этой книге ограничиться кратким резюме.

В истории Срединного государства, которое мы называем Китаем, были такие же взлеты и падения, как и во

всех других краях ойкумены. Они хронологически не совпадали с пассионарными толчками Средиземноморья и Великой Евразийской степи, что крайне перспективно для понимания глобального этногенеза.

В этнической истории Китая, как и в прочих случаях, следует учитывать два параметра: пространственный и временной. Первый определяется условиями адаптации к региону с четкими ландшафтными и климатическими условиями. В данном случае — это область между двумя великими реками: Хуанхэ и Янцзы, обильно орошаемая тихоокеанскими муссонами, с климатом настолько теплым, что на юге региона, южнее хребта Циньлин, не выпадает снега. Джунгли к югу от Янцзы мало отличаются от прародины китайцев, и потому в течение всего исторического периода распространение китайского населения на юг шло беспрепятственно.

Иное дело на западе и севере. На западе лежит Тибет, нагорье холодное, с разреженным воздухом, дышать которым без привычки трудно, и с вечными снегами на вершинах гор. На севере — бескрайние пустыни: Гоби, Алашаньская, Такла-Макан — с сухими травами, тамариском и деревьями только на горных склонах. Обе страны для китайского населения Срединной равнины были непривлекательны; поэтому древние китайцы заселили только цепь оазисов на склонах Наньшаня и, по временам, осваивали Люкчунскую впадину, лежавшую ниже уровня океана и имевшую особый микроклимат. Но даже и тут обитатели Великой степи вытеснили китайских колонистов и освоили Турфанский оазис для себя. При несхожести географических условий обратная связь этноса и ландшафта становится особенно жесткой.

Не менее важна хронологическая последовательность витков этногенеза. Их известно три: архаический, древний и средневековый. Возможно, что в XVIII в. начался новый виток, но утверждать что-либо невозможно из-за абера-

ции близости и осложненности хода событий маньчжурским завоеванием XVII века.

Начало архаического витка в китайской истории датировано 2033 г. до н.э., но это не достоверно. Конец его, по тем же данным, — в 1066 г. до н.э. Последняя дата уточнена — 1027 г. до н.э., т.е. около 1000 лет, — нормальный срок затухания пассионарного импульса. Древний период известен лучше. Начался он с завоевания царства Шан племенем Чжоу, империя коих распалась на 1855 княжеств. С 842 г. до н.э. завоеватели и аборигены, уже слившиеся в единый суперэтнос, политически и культурно раздробленный, вступили в фазу подъема. Она выразилась в укрупнении удачливых государств (Го) и повальном истреблении побежденных. Это, естественно, вело к этнической нивеляции, и к 403 г. до н.э. осталось всего 7 этносов, находившихся в постоянной войне друг с другом. В пролитой крови остывала пассионарность системы. Победа царства Цинь (221 г. до н.э.) и последовавшие за ней казни побежденных снизили энергетический уровень оскудненного этноса.

Однако у китайцев хватило сил, чтобы сбросить жестокий режим Цинь, и в 202 г. до н.э. началась инерционная фаза этногенеза — эпоха Западной Хань. Это был экономический и культурный расцвет, сопряженный с неуклонной потерей пассионарности. Обскурация наступила в конце II в., а в 265 г. к власти пришли «солдатские императоры» — Цзинь и погубили страну и государство, отдав их на разграбление северным и западным варварам, захватившим север страны в 318 г. На юге агония длилась до 420 г., а после территория бывшей великой империи превратилась в мешанину из 29 племен, враждовавших друг с другом.

Новый пассионарный толчок проявился в VI в. (555) и положил начало средневековому «Китаю». В фазе подъема выкристаллизовались два новых этноса: окита-

енные тюрки — династии Тан и китайские шовинисты — династий Суй (581–617) и Сун (960–1279). Первые одерживали победы — «танская агрессия» — и насаждали в стране мировую культуру, вторые — путем казней, интриг и народных восстаний подрывали мощь правительства, которое они считали инородным. После нескольких жутких кровопролитий шовинисты победили, и снова началась инерционная фаза, прерванная завоеванием Китая монголами.

У китайского этноса хватило сил для победы над немногочисленными завоевателями. Регенерация — империя Мин — продолжалась с 1368 по 1683 г., но конец этого периода составляла фаза обскурации, что и позволило маньчжурам покорить Китай. А ведь китайцев было в 300 раз больше, чем маньчжуров!

Итак, не только изобилие людей и средств обеспечивает военно-политический успех и удачные завоевания. Процессы этногенеза тоже играют не последнюю роль. И мы смело можем сказать, что попытки Китая овладеть Азией были уничтожены самими китайцами, хотя они о последствиях своих поступков совсем не помышляли.

Китай в древности был не монолитом. Его раздирали противоречия между этническими и субэтническими системами. Китайцы слишком часто обращали оружие против своих соплеменников и малых этносов, входивших в империи Хань и Тан, и массами гибли в гражданских войнах. Их энергия погашалась внутри суперэтнической системы. А ведь китайская армия была вооружена лучше даже римской.

Столкновение римлян с китайцами произошло неожиданно для обеих сторон.

В 36 г. до н.э. отряд ханьцев, преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас в современном Казахстане на странных воинов, которые сдвинули большие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и

пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснении оказалось, что побежденные были римскими легионерами, из легиона, сдавшегося парфянам при Харране, где погиб триумвир Крассе. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника. Какое счастье, если подумать, что китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры! А ведь могли, если бы их не задержали хунны, главный противник империи Хань.

Второе столкновение Востока и Запада произошло в 751 г. в той же Таласской долине. Танское (китайское) войско явилось туда по мольбе жителей страны Согд в современном Узбекистане, нещадно ограбляемых арабами. Бой на равнине шел три дня и был решен тюрками-карлуками, стоявшими неподалеку и державшими нейтралитет. Подумав, карлуки решили, что китайцы все же хуже арабов, и ударили на их фланг. Китайцы побежали.

По иронии судьбы китайский полководец Гао Сяньчжи не понес наказания за проигранное сражение и потерю Согдианы. Он остался при дворе и служил империи Тан в последующих войнах, а араб, победитель и герой Зияд ибн Салих, был вскоре казнен как политически неблагонадежный. Но так или иначе, Средняя Азия стала мусульманской провинцией. А Срединная Азия, оккупированная Китаем при династии Тан, истребившей тюркютов, вернула независимость. Там возник Уйгурский каганат, разрушенный енисейскими кыргызами в 841—847 гг.

После этого Китай ослабел и к X в. утратил все владения севернее Великой стены. На северо-западной границе Китая возникла тангутская империя Си-Ся, а на северо-восточной — киданьская, принявшая китайское имя Ляо. Они отделили Китай от Великой степи.

Итак, именно тогда, когда Китай обладал силой и мощью для завоевания Азии и установления Pax Sinica, хунны и тюрки, а еще раньше жуны и ди, а позже монголы остановили агрессию Китая на Запад. И в этом — заслуга степных народов перед человечеством. Начиная с У-ди (140–87 гг. до н.э.), императоры династии Хань стремились создать мировую империю путем завоевания соседних народов, которых китайцы считали варварами, и насаждения в их среде китайской культуры, а следовательно, и власти. За истекшие 2000 лет китайцы, проникая в северные страны, вели себя в них как завоеватели, т.е. жили не за счет ресурсов природы, а за счет местного населения. Иными словами, они не занимались ни кочевым скотоводством, ни охотой, а взимали шкуры и меха как дань с местных жителей, чем подрывали их хозяйственную систему, основанную на балансе потребностей с природными ресурсами. Эта экономическая политика была откровенно хищнической. Она разрушала природные ландшафты, питавшие степные племена, которые, видя это, всеми силами сопротивлялись иноземным вторжениям. Но остается неясным, почему им это удавалось.

ТУРАН И ИРАН

И если Китай был антиподом Степного мира и его злейшим врагом на востоке, то на западе кочевникам среднеазиатских степей противостояла в начале нашего «тысячелетия» Древняя Персия. Однако события здесь развивались совсем по-другому, нежели на Дальнем Востоке.

Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю — Иран,

противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н.э. и проповедовавшему монотеизм, почитание Ахурамазды («мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов — дэвов, тех самых, которых эллины помещали на Олимпе, а германцы — в Валгалле. Помощники Ахурамазды — ахуры эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам — врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказалась перевернутой на 180°.

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры — иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран.

Персидские цари покровительствовали учению Заратустры. В Туране, под которым понималась Средняя Азия и современный Афганистан, почитали не Ормузда, а дэвов.

Победа Александра Македонского над персами оказалась неожиданно легкой, а его царство, казалось, имело блистательное будущее, но...

В то же III столетие до н.э., когда династия Цинь устанавливала в Китае единодержавие, а среди северных варваров появились хуннские богатыри, героически отстоявшие от циньцев родную землю, на западной окраине Великой степи начались войны не менее жестокие и кровавые.

Кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь. Это было не завоевание, а война на истребление, но трудно объяснить, чем было вызвано такое ожесточение. Скифы и их подданные спас-

лись только в Крыму и на окраинах страны: в буковых и грабовых лесах Поднепровья и в прибрежных джунглях, окаймлявших Терек и Сулак. И тогда же, в III в. до н.э., родственные сарматам парфяне под предводительством сака (скифа) Аршака выгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром мидо-персидской монархии собственное царство. Так в степи началась новая эпоха, и цвет времени сменился.

Во II в. до н.э. парфяне захватили Вавилонию (141 г. до н.э.), в I в. до н.э. нанесли поражение римлянам (53 г. до н.э.) и затем удерживали западную границу до самого падения династии.

Парфия была страной феодальной и либеральной. Во главе стояли четыре царские фамилии Пахлавов, ниже — семь княжеских родов, 240 дворянских семей и дехканы — бедное дворянство, обязанное служить в войске. Еще ниже — купцы, городские ремесленники и крестьяне, а еще ниже — рабы. Кроме этого в городах были колонии христиан и иудеев, а в горах и степях — разнообразные племена, каждое со своими верой, обычаями и порядками. И все ведь уживались, не мешая друг другу.

Туранцы-парфяне, отбив Иран у Селевкидов, не могли не рассеять свой генофонд по популяции. Они пропитали своими пассионарными генами Иран (что очень легко при полигамии), тем самым втянув персов в свой туранский суперэтнос, не по культурным традициям, которые сами парфяне заимствовали у персов, а по фазе этногенеза и исторической судьбе.

Но коль скоро так, то приходится подвергнуть сомнению персидскую традиционную версию истории Ирана, по которой парфянский период почти игнорировался, а Ахемениды рассматривались как предки Сасанидов. Эта версия весьма патриотична, но ведь Кир и Камбиз были царями города Аншана в Эламе, а Дарий и его потомки

правили огромной страной с вялым, усталым, но многочисленным населением, в котором персы буквально тонули. Этим и объясняется внезапный успех похода Александра и гибель персидской державы в 330 г. до н.э.

Закономерность этногенеза заставляет отвергнуть еще один миф, подобный тем, согласно которым Византия — второй Рим, а Москва — третий. Наивное стремление удревнить свою систему не что иное, как обывательская тяга — к бессмертию вопреки законам природы; и персы не были исключением.

Перейдем к анализу этнической истории Ирана, точнее, парфяно-персидской этносоциальной системы и ее фаз. Первые 200 лет (259–53 гг. до н.э.) — фаза этнического подъема.

Второй период — акматическая фаза (50 г. до н.э. — 224 г. н.э.) — характеризовался разнообразием культурных влияний, династическими войнами и отказом от эллинизма ради зороастризма. Но эта смена вех не спасла династию Аршакидов. Для персов они оставались туранцами, чужаками и захватчиками, и ослабление, закономерное в надломе, дало успех аборигенам, среди которых пассионарные парфяне рассеяли свой генофонд.

В 224 г. один из семи князей, Арташир из Парса, потомок Ахеменидов, при поддержке мобедов зороастрийского духовенства и местных дехканов разбил войско парфянского царя Артабана V и в 226 г. короновался шахиншахом Ирана. Он основал династию Сасанидов и новую империю, включавшую в себя собственно Иран, Афганистан, Белуджистан (покоренный как будто несколько позже), Мерв, может быть, Хорезм и Ирак⁶. С этого времени ведет начало «союз трона и алтаря». «Чистая религия» была объявлена государственной, и «идолопоклонство» (то есть племенные культы) подвергнуто гонению⁷. Сабейзм, гностицизм, греческий политеизм, халдейский мистицизм, христианство, буддизм и митраизм долж-

ны были склониться перед религией Авесты. Проповедь гностика Мани, позволенная при Шапуре I, в 241–242 гг., закончилась казнью мыслителя в 276 г. Только иудейство не подвергалось гонению, потому что евреи были искренними врагами Рима, с которым Иран вел постоянные войны. Инерционная фаза, связанная с Сасанидами, продолжалась до 491 г.

Шах Кавад (488–531) унаследовал сложную этносоциальную систему, которую его предки старательно поддерживали. Три знатных парфянских рода, уцелевших после восстания Арташира: Карены — в Армении, Сурены — в Хорасане и Михраны — в Кавказской Албании, — были опорой престола. Мобеды — жрецы и дабиры — писцы составляли интеллектуальную прослойку. Азады («свободные») служили в коннице. Четвертое сословие платило налоги, обрабатывая землю и разводя скот.

Но чтобы поддерживать эту систему, осложненную наличием малых этносов: дейлемитов, арабов, саков, иудеев, албан, иберов, армян, христианских общин несторианского и монофистского толков, митраистов и гностиков, требовалась постоянная трата пассионарности; однажды ее перестало хватать. Стихийные бедствия: засуха, недород, налет саранчи — вызвали в 491 г. беспорядки, и тогда фаворит шаха, визир Маздак, предложил свою программу, состоявшую из двух частей: философской и экономической. Маздак полагал, что царство света и добра — это сфера воли и разума, а зло — стихийности и неразумия. Поэтому надо построить мир разумно: конфисковать имущество богатых и раздать его нуждающимся. Поскольку «нуждающихся» выбирал сам Маздак, то понятно, что в короткое время к существовавшим группам населения (консорциям) добавилась еще одна — маздакиты, то есть желавшие жить за казенный счет, пополняя казну конфискациями.

Эта программа встретила сопротивление, особенно — изъятие женщин из гаремов, а недовольство повлекло казни, причем гибли знатные люди, составлявшие конницу — основную силу персидской армии. Так началось упрощение этносоциальной системы Ирана.

В 529 г. царевич Хосрой произвел новый переворот, казнил Маздака, лишил престола своего отца Кавада и перевешал за ноги маздакитов. Но восполнить потери было невозможно. Нечем было даже наградить участников переворота, лишившихся своего имущества, растраченного Маздаком и его приверженцами. Шах мог предложить им службу в армии за поденную плату... и тем пришлось согласиться, чтобы не нищенствовать. Так в Персии сложилась постоянная армия, а шах стал солдатским императором. Началась фаза этнической обскурации, то есть сокращение числа элементов, составляющих этносоциальную систему⁸.

Последние 120 лет протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы над греками, эфиопами и тюркютами, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (579–590), опираясь на армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил 13 000 вельмож и мобедов. Отпали арабы Двуречья, дейлемиты отказали в покорности, оскорбленный спяхбед (воевода) Бахрам Чубин восстал, а вельможи Биндой и Бизам, чтобы избежать смерти, убили Хормизда⁹.

Бахрам стал шахом, но византийская интервенция вернула престол Хосрою II, оплатившему грекам истребительной войной (604–628). Но коллизия повторилась. Шах пожелал убить победоносного полководца Шахрвараза, а был убит сам своими приближенными, при поддержке несториан. А после этого началась чехарда шахов, пока на престоле Ирана не оказался Йездегерд III. Этот быстро

проиграл войну с арабами, бежал в Мерв, не был впущен в город, а зарезан мельником, у которого вздумал переночевать (651). Иранского государства не стало.

Халиф Омар, завоевав Персию, стремился не обратить персов в ислам, а собирать харадж и ажизы — налог на иноверцев. Чтобы воспрепятствовать чрезмерному обращению, он запретил мусульманам владеть землей на завоеванной территории. Поэтому богатые землевладельцы сохраняли и землю и религию, платя высокие налоги. Зато бедняки и дехканы, не дорожившие своими клочками земли, охотно переходили в ислам и получали высокооплачиваемые должности, например — сборщиков податей. Поэтому большая часть персов добровольно стала мусульманами, а богатые интеллигенты эмигрировали в Индию¹⁰. Так Иран стал мусульманским, притом искренне. Поэтому в дальнейшем он будет фигурировать в разделе «мусульманского суперэтнуса».

МЕЖДУ ИРАНОМ И КИТАЕМ

Итак, за три века перед рубежом н.э. в Туране, как и в соседнем Хунну, одновременно шел подъем жизнедеятельности и повышенной активности, то есть наблюдался пассионарный толчок. В III в. до н.э., когда появились хунны, сарматы и парфяне, было его проявление, а начало, видимо, падает на середину IV в. до н.э. Уже в 307 г. правители княжеств Чжао и Янь вынуждены были соорудить против хуннов пограничные укрепления¹¹. Совпадение не случайно и позволяет нам хотя бы примерно определить ось пассионарного толчка. Видимо, она проходила по Южной Монголии, Джунгарии, Средней Азии и выклинивалась у восточного берега Каспия — севернее склонов Копет-дага, откуда начинают свой взлет туранцы — парфяне и сарматы.

С толчком III в. до н.э., условно названным нами хунно-сарматским, совпадает и возвышение Кушанской империи, больше связанной с завоеванной кушанами Индией. И хотя хронология кушан почти не известна, общий ход их этногенеза синхронен парфянскому, очерченному выше. Одновременно с гибелью царского рода Аршакидов в 225 г. умирает последний великий царь кушанов — Васудэва и его империя распадается на части¹² — надлом. При Сасанидах кушанские князья не были лишены своих владений: на Иранском плоскогорье они лишь признали власть шахиншаха, а в Пенджабе просуществовали до V в.¹³ Наместник восточной границы с титулом «кушаншах» сидел в Балхе и следил за тем, чтобы не отлагались покоренные и не объединялись независимые варвары — хиониты в низовьях Сырдарьи и горные эфталиты Памира и Гиндукуша¹⁴ — инерция.

Но был еще один народ туранского мира, известный только под китайским именем.

Оно известно — юечжи, этнос, появившийся на северо-востоке с хуннами, а на юго-востоке с царством Цинь. Согласно китайской географии того времени, во владении юечжей находились пустынные земли между Ордосом и оазисом Хами¹⁵, но, по-видимому, эту территорию они просто захватили, имея базой богатую пастбищами Западную Джунгарию¹⁶, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай. Во II в. до н.э. хунны вытеснили юечжей из Джунгарии и Семиречья (165 г. до н.э.). Юечжи ушли в Бактрию и поселились там на развалинах разрушенного ими Греко-Бактрийского царства (141–128 гг. до н.э.). Все это установлено с достаточной точностью, но непонятно, почему в среднеазиатских источниках название «юечжи» не только отсутствует, но даже не имеет ираноязычного аналога. Все попытки отождествить юечжи с каким-нибудь народом, известным в Средней Азии или Иране, например, тохарами, потерпели неудачу, хотя династия

кушанов, основанная потомками юечжей, хорошо известна под этим самоназванием.

На эту запутанную проблему проливает свет небольшая работа Бертольда Лауфера «The Language of the Jue-chi or Indo-Scythians» [Chicago, 1917. 14 p.], изданная в виде брошюры тиражом в 500 экз. без цены и не попавшая в поле зрения европейских ориенталистов, видимо, из-за событий конца мировой войны, а позже утонувшая в библиографическом океане. Автор этой работы выписал ее фотокопию, которая ныне хранится в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Б. Лауфер проанализировал пять юечжийских слов, сохранившихся в записях династии Хань, и пришел к выводу, что эти слова принадлежали языку североиранской группы. Шестое слово — юечжи — он восстановил с учетом особенностей древнекитайской фонетики, как *sgwied-di*, и сопоставил его с хорошо известным названием *Sogdoi*, т.е. Согд, причем приставку *di* истолковал как суффикс множественного числа по аналогии с осетинским, скифским, согдийским и ягнобским языками, отметив отличие этой группы от тохарского языка, более близкого к западноевропейским и, следовательно, далекого от иранских¹⁷.

Соображения Лауфера следует признать верными, потому что им соответствует все, что нам точно известно о юечжах, и становится понятным то, что вызывало недоумение. Народ, победивший бактрийских греков, потому и не назван нигде особо, что он назывался «согды», также как и оседлое население Среднеазиатского междуречья. На границу Китая они попали вследствие того, что их экспансия дошла до Хуанхэ, а отброшенные хуннами, они вернулись на свою родину, где и навели порядок, покончив с последствиями македонского завоевания. Надо полагать, что Южный Алтай был захвачен ими еще раньше, в то время, когда Туран, почитавший древнего бога Митру,

боролся с Ираном, принявшим учение Заратустры. Открытые С. И. Руденко погребения в вековой мерзлоте ныне считаются юечжийскими¹⁸.

ГЛУХОЙ УГОЛ

Обычно как точку отсчета выбирали мировой город, например Рим, или могучую империю: Хань или Арабский халифат. Но так ли уж это обязательно? Для нашей цели — обозрения этногенеза хуннов на фоне этнической истории Евразийского континента — удобнее взять нейтральную географическую пусть даже не точку, а регион, откуда бы мы могли обозреть с равной степенью точности Восток и Запад, северные и южные окраины ойкумены. Такой точкой для континента являются берега Каспийского моря, но не все, а только северные берега. Дело в том, что южные, юго-западные и юго-восточные побережья Каспия гораздо больше связаны с внутренними регионами: Ираном, Азербайджаном и Согдианой, или, короче говоря, с царством Сасанидов (224–651) и Халифатом (632–1258), о котором пойдет речь ниже. Для тех и других прикаспийские области были далекой окраиной, мало влиявшей на судьбу этих великих держав.

Южное побережье Каспийского моря отличается от Персии даже климатом. Персия засушлива, Гилян и Мазендеран, отделенные от Иранского нагорья хребтом Эльбурс, изобилуют влагой. Ручьи, ниспадающие с гор, образуют мургабы — лиманы со стоячей водой, отделенные от моря мелями¹⁹. Вода в этих лиманах загнивает, и доступ к открытому морю затруднен.

Древнее население этой страны — кадусии не подчинялись ни ахеменидскому, ни македонскому, ни сасанидскому правительству. Племена их не были арийски-

ми, подобно тому как баски удержались в Пиренеях, пережив кельтов, римлян, арабов и кастильцев, так и они удержались на склонах Эльбурса. Хотя племен там было много, но политическое господство принадлежало дейлемитам, которых ныне нет, так же как нет их соседей — гирканцев.

К востоку от Дейлема, ныне называемого Гилян, лежат области Мазандеран (Табаристан) и «волчья страна» — Гурган. Они покрыты цветущими лугами и лесами, благодаря изобилию осадков; родина самых смелых воинов, которые удерживали арабский натиск до 717 г., но и после того поставляли соседним странам наемников, весьма ценившихся за храбрость и боеспособность. Севернее Гургана располагались аридные степи, о населении которых пойдет речь ниже.

Дейлемиты и гирканцы умели сохранять фактическую самостоятельность до XI в., но не далее. Как все гомеостатические этносы, они жили в тесном контакте с вмещающим ландшафтом, а покидая его, они исчезали. И не то чтобы эти смелые воины дали себя истребить противникам. Нет, они умели постоять за себя. Их сгубили не поражения, а победы!

В X в. дейлемиты воспользовались разложением Халифата. Их войска вышли из своей негостеприимной страны и овладели Западной Персией, Азербайджаном и даже Багдадом, превратив халифов в своих марионеток. Это им удалось потому, что в Багдадском халифате уровень пассионарности упал ниже нормального гомеостатического равновесия. В торговых центрах арабского мира численно преобладали субпассионарии, а те пассионарии, которые еще остались, становились карматами или исмаилитами, т.е. обретали отрицательную доминанту и создавали антисистему. Соперниками дейлемитов были только тюрки, мигранты, выходцы из степей Средней Азии. Тюрки-сельджуки победили дейлемитских пас-

сионариев, а дейлемитские субпассионарии утратили древние традиции, и Дейлем превратился в персидскую область — Гилян.

ОКОЕМ

В отличие от южного берега Каспийского моря северный берег — страна без четких географических границ. Низовья Волги, текущей в глубоком каньоне, окружены на западе ровной и бесплодной суглинистой степью, а на востоке — высокими песчаными барханами, которые ветер перемещает чуть ли не каждый год. Как ни странно, на песчаных барханах есть животные — ядовитые змеи и скорпионы, а коль скоро так, то там есть и растительность — возможность для скотоводства, несколько иного типа, чем на равнинах Правобережья²⁰.

Южнее излучины Волги, западнее современного Каспия, лежит страна озер, или «подстепных ильменей». Вода в них горько-соленая, и, по-видимому, население этой страны было очень редким. Еще южнее лежит равнина, называемая Черные Земли, ибо зимой тонкий снежный покров мешается с пылью и бывают черные вьюги. Эта степь с юга ограничена Терекком, который даже в нижнем течении внушает пусть не страх, но уважение. Как многие широтные реки, Терек намыл себе высокую дамбу и иногда размывает свой берег. Тогда масса воды и сланцевого щебня, ею поднятого и принесенного с гор, устремляется на соседнюю долину, покрывая гумусный слой галькой и песком. Это — «прорва», беда прекрасной Терской равнины; но спастись от нее нетрудно: вода разливается медленно, и скот спокойно уходит в предгорья²¹. Здесь жили предки хазар.

Устья рек, впадавших в Каспийское море, были покрыты густым лесом, резко контрастным степям, окаймля-

ющим речные долины. Реки и побережья изобиловали рыбой. Высокие травы увлажненных долин кормили стада скота, что позволяло отказаться от круглогодичного кочевания и ограничиться отгонным скотоводством. Таким образом, хазары издавна были оседлым этносом, рыболовами и виноградарями, и, по-видимому, находились не в дружеских отношениях с окружающими их степняками. Эта коллизия, подсказанная соотношением ландшафтов и типов хозяйства, имела, наверное, место не только в средневековье, но и в древности. Но что еще можно сказать о предках хазар в начале нашего тысячелетия! Казалось бы, ничего! Хазары появляются впервые в истории только во II в. н.э. и, по-видимому, уже как реликт. Однако...

Было установлено, что моменты возникновения этносов обязательно связаны с мутациями — пассионарными толчками, располагающимися по геодезическим полюсам на поверхности Земли как в меридиональных, так и в широтных направлениях. Пассионарный толчок — обязательное условие возникновения процесса, порождающего новые этносы, дальнейшая история коих — постепенная утрата инерции и переход этносистемы в гомеостаз. Продолжительность ненарушенного процесса — 1200–1300 лет, не считая инкубационного периода и реликтов. Значит, и у хазар должен быть когда-то свой взлет, но когда?

Там, где материал обилен, как в истории поздней античности и средневековья, эта задача относительно легка, но уже для II тысячелетия до н.э. приходится довольствоваться приблизительными решениями и экстраполяциями. Так, история древнего Ближнего Востока известна довольно плохо, и делится она на историю Шумера, Аккада и Нижнеегипетского царства, с одной стороны, и мощного потрясения XVII–XVI вв. до н.э., когда сложился так называемый «классический Восток», — с другой. Переворот ознаменовался созданием эфемерного царства гик-

сосов около 1700 г. до н.э., консолидацией хеттских племен в Восточной Малой Азии, возрождением политической мощи Верхнего Египта, где даже культ Амона был сменен почитанием Осириса, и образованием малых, но крепких государств в Закавказье.

Если провести воображаемую линию от Фив до верховьев Евфрата по странам, кое-как известным, и продлить ее на северо-восток, то она выйдет к интересующей нас территории — северному побережью Каспия и низовьям Волги... А что было там во II тыс. до н.э.?

История молчит, и тогда берет слово археология: здесь окончился неолит и наступил бронзовый век, охота сменилась скотоводством со стойловым содержанием животных, началось мотыжное земледелие, создалась археологическая культура, условно называемая «андроновской». Перемены в технике, хозяйстве, культуре — налицо, и хронологически они совпадают с гиксосской революцией в Египте и Палестине и хеттской интеграцией в нагорьях Малой Азии.

Археология молчалива. Какие народы, племена, государства на берегах Каспия, в предгорьях Дагестана и заволжских пустынях вели между собой войны и заключали мирные договора — неизвестно. Прямой путь исследования ведет в никуда, и вот снова предстоит окольный. Фазы этногенеза везде и всегда одни и те же, хотя судьбы этносов всегда различны. Приведем метафорическое сравнение. Дети рождаются одинаково (без учета уродств), растут до полового созревания, причем учатся, хотя и разным наукам и с разными успехами, влюбляются, часто неудачно, заводят семью и стареют за 70–80 лет. Суперэтносы проделывают то же самое за 1200–1500 лет.

Следовательно, отметив момент рождения, в нашем случае — приблизительно 1700 лет до н.э., можно сопоставить известную историю Ближнего Востока с неизвест-

ной — историей Прикаспия. Судьбы народов и государств будут различны, а фазы этногенеза совпадут в пределах допуска. Первая фаза нового этногенеза — подъем — обычно проходит по линии пассионарного толчка. В это время она подняла Новоегипетское царство, Митанни (в Сирии), хеттов и, видимо, иберийские этносы Закавказья. В акматической фазе выросла Ассирия, импортировавшая новую пассионарность. Растратила она ее в VII в. до н.э., но в эту эпоху в систему суперэтнуса втянулись окрестные этносы: мидяне, халдеи, ливийцы. Инерционная фаза ассирийского господства перешла в фазу обскурации — VI в. до н.э., когда все древние государства почти без сопротивления достались немногочисленным, но пассионарным персам, а в IV в. до н.э. — совсем чужим завоевателям, македонянам и грекам. Подробности этнической истории опущены сознательно, ибо речь идет не о них.

Что происходило в это время в Прикаспии и Поволжье — неизвестно, но отсутствие сведений о событиях не означает отсутствия самих событий. Скорее следует предположить, что этнополитическая история там была не менее напряженной, хотя и не оставила следов в виде памятников; да и какие памятники может оставить степная война?!

Итак, с XVIII по VIII вв. до н.э. в Прикаспии шел «темный период историографии», а не истории, но приблизительно в VIII в. до н.э., когда аборигены были уже в фазе обскурации, появились скифы, этнос весьма пассионарный. Литература о них огромна²², но не скифская тема сейчас нас интересует. Достаточно лишь отметить хронологическое совпадение чжоуского (древнекитайского) пассионарного толчка и скифского, причем оба этноса смыкались в южной части Центральной Азии в X в. до н.э. Расширились же они в разных направлениях: чжоусцы — на восток, скифы — на северо-запад. Чжоусцы породили древнекитайский суперэтнос (IX в. до н.э.— V в. н.э.),

прошедший все фазы этногенеза; скифы пали жертвой сарматов в фазе надлома (III в. до н.э.), за исключением небольшой их группы в Крыму, которая дожила до фазы обскурации и была завоевана готами в III в. н.э.

Сарматы, как и их ровесники хунны, начали свой этногенез в III в. до н.э. и, подобно скифам, распространились из Внутренней Азии на запад, вплоть до Дуная. Фаза надлома оказалась и для них трагичной. В 370 г. хунны выиграли войну с сарматами и рассеяли их от Кавказа (Осетия) до Испании. Но в 463 г. хунны были побеждены болгарами и исчезли с исторической карты Великой степи. Ни чжоуско-скифский толчок, ни хунно-сарматский низовий Волги не задели (см. рис. 2). В 557 г. в Прикаспий пришли войска тюркютов (древних тюрков), и тогда началась история хазар.

Но в страну хазар, в дельту Волги и в низовья Терека, тюркюты пришли не как враги или завоеватели, а как друзья и союзники, потому что соседние степняки были противниками и тюркютов, и хазар. Заселять дельту Волги тюркюты не собирались, так как заросли тростника и тучи комаров не привлекали обитателей горных склонов Алтая и Хангая или бескрайних равнин Монголии.

Тюркюты использовали Хазарию как базу для своей конницы, проходившей нелегкий степной путь от Тарбагатай до Волги, с тем чтобы затем обрушиться на Кавказ или Крым. Хазары были гостеприимны и не отказывались пополнять войска тюркютов своими юношами, которые тоже мечтали о военной добыче.

Когда же Хазария отделилась от гибнувшего Западного Тюркского каганата и часть тюркютов вместе со своим ханом из рода Ашина поселилась на берегах нижней Волги, то сложилась устойчивая система, потому что тюркюты продолжали пасти скот в степях между Волгой, Терекон и Доном, отнюдь не мешая хазарам ловить осетров и стерлядь. Сосуществование этносов возможно, и даже благо-

творно, если каждый из них заполняет свою экологическую нишу. Если же пришлый этнос стремится присвоить себе достижения местного или, точнее говоря, создать на чужой земле колониальный режим, что делали англосаксы в Америке и Индии, а французы — на Мадагаскаре и в Африке, то возможны неустойчивые ситуации и непредвиденные коллизии. Так было и в Хазарии в IX–X веках²³.

А в 965 г. Хазарского каганата не стало, и этнос хазар рассеялся розно. Почему же территория Хазарии предпочтительна как исходная точка отсчета? Именно потому, что низовья Волги были доступны восточным и западным этносам и, тем не менее, отстояли себя от тех и других, потому, что здесь завязывались узлы мировой политики, международной торговли, и потому, что специфический ландшафт Дельты²⁴ хорошо охранял своих обитателей. Хазария удобна как нулевая точка отсчета, как холм, с которого далеко видно и легко сравнивать окружающие этносы, не впадая в предвзятые мнения. Ведь хазар уже нет, а их потомки уже не помнят своих предков, значит, предвзятость и тенденциозность исключены.

Любой естествоиспытатель, сославшись на Аристотеля, скажет, что изучение — это сравнение разных предметов для установления их контактов: положительных и отрицательных. Если человечество — монолитная масса людей, не имеющих заметных различий, то при описании его возможны только банальные суждения, которые ничего не дают для описания феномена.

На это мы ответим легко. Человечество мозаично, и уровни исследования иерархичны по принятым масштабам. Для того чтобы уловить природные закономерности, необходимо начать с крупных таксонов — суперэтнических; при этом возникает множество неясностей, следует уточнять те или иные проблемы до тех пор, пока в этом есть необходимость. А исходная позиция должна быть по возможности нейтральной, то есть нулевой.

- ¹ См.: *Конрад Н.И.* Старое востоковедение и его новые задачи // Запад и Восток. М., 1966. С. 7–32.
- ² См.: *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага, 1927.
- ³ См.: *Соловьев В.С.* Три разговора. СПб.: 1901.
- ⁴ Подлинные «начала» должны быть раньше видимых современниками-хронистами на величину инкубационного периода, который может быть измерен теми средствами, которыми располагает историческая наука, лишь приблизительно.
- ⁵ См.: *Гафуров Б.Г.* Таджики. М., 1972. С. 27–64 (приведена литература).
- ⁶ См.: *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936. P. 84.
- ⁷ См.: *Богданов Л.Ф.* Персия. СПб., 1909. С. 60.
- ⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 121–124.
- ⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Бахрам Чубин: Опыт критики источников // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 228–241.
- ¹⁰ См.: *Богданов Л.Ф.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. Л.; М., 1950. С. 45.
- ¹² См.: *Marshall J.* A Guide to Taxila. Calcutta, 1921. P. 22.
- ¹³ Ibid. P. 17.
- ¹⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1. Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ. 1967. № 3.
- ¹⁵ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. М.; Л., 1953. С. 57.
- ¹⁶ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 39–40.
- ¹⁷ См.: *Laufer V.* Op. cit.
- ¹⁸ См.: Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 175–176.
- ¹⁹ См.: *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 153.

- ²⁰ См.: Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. С. 131.
- ²¹ Подробнее см.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.
- ²² См., например: *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- ²³ См.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 457–459.
- ²⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. С. 112–113.

III. В АРЕАЛЕ ПЫЛАЮЩЕЙ ПАССИОНАРНОСТИ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТА

Посредине Евразийского континента, от Уссури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга — горными хребтами. Эта географическая зона делится на две половины, непохожие друг на друга. Восточная половина называется Внутренняя Азия; в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета — Куньлунь и Наньшань, от Китая — Великая стена, точно проведенная между сухой степью и субтропиками Северного Китая, а от западной половины — Горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тяньшань. Это жестко очерченный географический регион, но культурные воздействия легко перешагивают за географические границы¹.

Западная часть Великой степи, как вмещающая ландшафт культурного ареала, включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья и даже, в отдельные периоды истории, — венгерскую пушту. С точки зрения географии XIX в. эта степь — продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо надо учитывать не только характер поверхности Земли, но и воздух².

Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свою закономерность. Циклоны с

Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он невидим, ибо прозрачен, и через него легко проходят солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут разгребать его и добывать корм — сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в зазор вторгается влажный воздух из Сибири и, на юге, тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год.

А там, где сыт скот, процветают и люди. Именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. Тогда скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища — джейляу, что делает молодежь, а старики заготавливают на зиму сено. Так, даже половцы имели свои постоянные зимовки, т.е. оседлые поселения, и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, лишенные свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Вот почему в западной половине Великой степи сложился иной быт и иное общественное устройство, нежели в восточной половине³.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда смещают свое направление и текут не по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже по полярной, т.е. по тундре. Тогда узкая полоса каменистой пустыни Гоби и пустыни Бет-Пак-дала расширяется и оттесняет флору, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на

юг, к Китаю. Вслед за животными уходят и люди «в поисках воды и травы»⁴, и этнические контакты из плодотворных становятся трагичными.

За последние две тысячи лет вековая засуха постигла Великую степь трижды: во II—III вв., в X в. и XVI в., и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали⁵. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди обретали снова привычный быт и изобилие.

Но вот что важно: грандиозные стихийные бедствия не влияли ни на смену формаций, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него на уровень государственной мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным. Вот почему принцип географической детерминизма не выдержал проверки фактами. Ведь если бы географических условий было достаточно для понимания феномена, то в историческом времени при сохранении устойчивого ландшафта не возникало бы никаких изменений, не появлялось бы новых народов, с новыми мировоззрениями, новыми эстетическими канонами. И не было бы социального развития, потому что пастьба овец не требует развития производительных сил и смены производственных отношений. Производственная сила — пастух и овца. Овца ходит по степи и ест траву, а собака ее охраняет. Лучше не придумать, и, значит, нужен не прогресс, а застой.

Но на самом деле никакого застоя в Великой степи не было. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока⁶. Социальные сдвиги были, хоть и не похожие на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире.

Легенда о пресловутой неспособности кочевников к восприятию культуры и творчеству — это «черная легенда». Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса или суперэтноса, и долгое время ее не могли разгадать. Только за последние два века русским ученым, географам и востоковедам удалось приподнять покрывало Изиды над этой проблемой, актуальность которой несомненна.

МОНГОЛИЯ ДО ХУННОВ

Нет ни одной страны, где бы с времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия — не исключение. Во время ледникового периода Монголия была страной озер, ныне пересохших, а тогда окаймленных густыми зарослями и окруженных не пустыней, а цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и Восточных Саян давали столь много чистой воды, что на склонах Хэнтэя и Монгольского Алтая росли густые леса, кое-где сохранившиеся ныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны Евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик.

Тогда среди озер и лесов, в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам прекрасные схематические изображения животных на стенах пещер и утесов, но история этих племен, не имевших письменности, канула в прошлое безвозвратно.

Можно только сказать, что Великая степь, простиравшаяся от мутно-желтой реки Хуанхэ почти до

берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными людьми. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы и широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже носатые американоиды, видимо, пересекавшие Берингов пролив и в поисках охотничьей добычи доходившие до Минусинской котловины⁷.

Как складывались отношения между ними — неизвестно. Но нет сомнения в том, что они иногда воевали, иногда заключали союзы, скрепляемые брачными узами, иногда ссорились и расходились в разные стороны, ибо степь была широка и богата травой и водой, а значит, зверем, птицей и рыбой. Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики...

Но ледник растет лишь тогда, когда теплый ветер (с температурой около нуля) несет на него холодный дождь и мокрый снег. А поскольку эти осадки неслись на восток от Азорского максимума, ледник наращивал свой западный край и передвигался от Таймыра (18 тыс. лет до н.э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н.э.), откуда сполз в Северное море и растаял. А в эти же тысячелетия его восточный край таял под лучами солнца, ибо антициклон (т.е. ясная погода) пропускал солнечные лучи до поверхности земли или, в данном случае, льда.

С тающего ледника стекали ручьи чистой воды, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благодатный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, разделившие северную степь — тундру от южной — пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трех-

метрового слоя снега, и на месте роскошной степи появилась тайга — зеленая пустыня, где живут лишь комары, зайцы и кочующие северные олени. А на юге высохли озера, погибли травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на внешнюю и внутреннюю. Но, к счастью, в I тысячелетии до н.э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода — во 2 тысячелетии до н.э. — племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно, и очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Это открытие было сделано С. И. Руденко, применившим радиоуглеродные методы (определение возраста по полураспаду C_{14}) для датировки археологических культур наиболее изученного района — Минусинской котловины. Оказалось, что археологические «культуры» не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют⁸.

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на северную совершилось не в XII, а в X в. до н.э. и тем самым связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом⁹. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н.э., причем разница этих двух разделов истории лежит только в степени нашей осведомленности. Люди всех времен знали названия своих племен и имена своих вождей, но более древние до нас не дошли, а потому для изучения их

приходится ограничиваться археологией и палеогеографией. Это, конечно, немало, но недостаточно для того, чтобы уловить и описать процессы древних этногенезов, не впадая при этом в тяжелые ошибки, аналогичные тем, какие сделали предшественники С. И. Руденко¹⁰, подменившие действительную историю вымышленной, хотя и отвечающей их предвзятым мнениям.

Наука развивается, хотя на ее пути постоянно возникают препятствия, требующие преодоления. Ныне в распоряжении ученых, кроме радиоуглеродных дат, появились имена народов, ранее называвшихся условно, по местам археологических находок или по искаженным чтениям древнекитайских иероглифов, которые в I в. до н.э. произносились не так, как сейчас.

И оказалось, что вместо «пазырыкцы» следует говорить «юечжи», а Б. Лауфер доказал, что эти знаки произносились «согдо», то есть согды. «Тагарцы» обрели свое историческое имя — динлины, «сюнну» — хунны, «тоба» — табгачи, «сяньби» — сибирь, «ту-кю» — тюркюты. Только слово «кидань» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание «китай» перешло на жителей Срединной равнины, которых по ошибке стали называть «китайцами» — менять этноним поздно.

Но несмотря на все успехи науки, связанная история народов Великой степи может быть изложена начиная с III в. до н.э., когда безымянные племена Монголии были объединены хуннами, а полуполюгендарные скифы Причерноморья сменены сарматами. Тогда же создалась могучая держава Средней Азии — Парфия и был объединен Китай. С этого времени можно осмысливать этническую историю Евразийской степи.

Но для того чтобы последующий исторический анализ и этнологический синтез были успешны, напомним еще раз, что необходимо вести повествование на заданном уровне.

Понятие уровня исследования известно всем естествоиспытателям, но не применяется в гуманитарных науках. И зря! Для истории оно очень полезно.

Объясним тезис через образ. Изучать звездное небо через микроскоп — бессмысленно. Исаакиевский собор — тоже, да и человека или его кашне лучше наблюдать простым глазом. Но для изучения бактерий микроскоп необходим.

Так и в истории. Там, где требуется широта взгляда, например, для уяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов)¹¹, равно как стиля: готики или барокко — мелкие отличия не имеют значения. А при повышении требований к подробности (скрупулезности) можно описать не только, допустим, амфору, но даже отбитый от нее черепок. Однако на этом уровне мы этноса не заметим, как муравей не видит Монблана.

Выбор уровня определяется поставленной задачей. Нам нужно охватить промежуток в 1500 лет, Великую степь и сопредельные страны — последние для самоконтроля и пополнения информации. Ниже этого уровня будут уровни: атомный, молекулярный, клеточный, организменный и персональный, граничащий с субэтническим. А выше — популяционный, видовой (относящийся уже к биологии), биосферный и, наконец, планетарный. Для нашей работы ни нижние, ни верхние уровни не нужны, хотя забывать о них не следует. За ними можно следить «боковым зрением», то есть учитывать по мере надобности. Если читатель согласен со всем вышеизложенным, можно пригласить его погрузиться в прошлое.

ХУННУ И ФАЗА ПОДЪЕМА КОЧЕВОГО МИРА

Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков,

как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты — компоненты возникающего этноса в момент флуктуации энергии живого вещества биосферы — сливаются и образуют единую систему — новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, созидующую свою, опять-таки оригинальную культуру

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хунюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего «культуру плиточных могил»¹², украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнений в том, что этот этнос, наряду с переселенцами с юга, был компонентом этноса хунну, иди хуннов, относящихся к палеосибирскому типу монголоидной расы¹³.

В IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу — племенной союз 24 родов, возглавляемых пожизненным президентом — шаньюем и иерархией племенных князей — «правых» (западных) и «левых» (восточных)¹⁴. Отсчет у хуннов шел не с севера, как у нас, а с юга. Первоначальное слияние этнических субстратов в момент энергетического взрыва всегда ведет к усложнению этнической системы, т.е. новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его. Хуннам предстояло великое будущее.

Но не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка IV—III вв. до н.э., на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге «Срединная равнина» была объединена грозным царем Цинь Ши-хуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий

на склонах хребта Иньшань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол любимому младшему сыну от очаровательной наложницы.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Если бы все хунны были такими, то мы бы не услышали даже имени их. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей был сам царевич Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и убежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему под команду отряд в 10 000 семей. Модэ ввел в своем войске крепкую дисциплину и произвел переворот, при котором погибли Тумань, его любимая жена и младший сын (209 г. до н.э.).

Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дун-ху», отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покориł саянских динлинов и кыпчаков. Так создалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тысяч человек¹⁵.

Тем временем в Китае продолжалась истребительная гражданская война. Если объединение Срединной равнины победоносным полуварварским царством Цинь унесло 2/3 населения побежденных царств, а угнетение покоренных — неизвестно сколько, то восстание всей страны против циньских захватчиков завершило демографический спад. Циньские воины закапывали пленных живыми. Также поступали с ними повстанцы, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н.э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н.э. Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор мира и родства», т.е. мир без аннексии, но с контрибуцией. Этот договор состоял в том, что китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, т.е. замаскированную дань¹⁶.

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились подарить своим женам шелковые халаты, просо для печенья, белый рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя: тяжело и рискованно. Гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе. В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегам и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможнях, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо¹⁷ и малые юечжи Цайдама. До гражданской войны западную границу охраняли недавние победители — горцы западного Шэньси — циньцы. Этот сверхвоинственный этнос сложился из шаньских аристократов, высланных на границу ванами (царями) Чжоу и перемешавшихся с голубоглазыми и рыжеволосыми жунами¹⁸. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска, и западная граница империи Хань осталась неукрепленной.

Мало помогла обороне и Великая китайская стена, ибо стены без воинов — не препона врагу. Для того чтобы расставить по всем башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, даже в то время, когда они просто сторожат стену, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому стена, сооруженная Цинь Ши-хуаном, спокойно разрушалась, а ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набеги на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II—I вв. до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу н.э. численность китайцев достигла 59 594 978 человек¹⁹. А хуннов по-прежнему было около 300 тысяч, и казалось, что силы Хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали сами правители Китая и их советники, но ошиблись. Сравнительная сила держав древности измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза или возрастом этноса²⁰. В Китае была инерционная фаза, преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя, ибо процесс этногенеза в Китае начался в IX в. до н.э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников, называвшихся «молодыми негодьями», и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя в Китае были прекрасные полководцы, боееспособность армии была невелика.

Хунны были в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 г. до 57 г. до н.э. малочисленные, но героические хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против Хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань

счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе благотворен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает «перегрев», когда избыточная энергия разрывает этническую систему. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол — процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I в. до н.э. и закончился к середине II в. н.э. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры, и даже исконная территория — Монгольская степь, захваченная во II в. сяньбийцами, а потом табгачами и жужанями. Но до этого периода хунны за 150 лет акматической фазы, которую трудно называть «расцветом», пережили несколько победоносных и столько же трагических периодов, устояли в неравной борьбе с Китаем и уступили только сяньбийцам (древним монголам), у которых «кони быстрее и оружие острее, чем у хуннов».

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая — поддалась Китаю, третья — «неукротимые» — отступила с боями на берега Яика и Волги, четвертая — «малосильные» — укрепились в горах Тарбагатай и Саура, а потом захватила Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались наиболее долговечными. Они частью смешались на Алтае с кыпчаками и образовали этнос куманов (половцев), а частью вернулись в Китай и основали там несколько царств, доживших до X века. Последние назывались «тюрки-шато», а их потомки — «онгуты» — слились с монголами в XIII в.

Такова видимая цепь событий, но то, что она развивалась столь причудливо, показывает, что мощные факторы нарушили запрограммированный ход этногенеза. Очевидно, без учета этих помех этническая история хуннов останется непонятной.

Хунны в I в. н.э. находились в акматической фазе этногенеза. Их историческая фаза подъема началась в 209 г. до н.э.²¹, но, видимо, ей предшествовал скрытый (латентный) период, который у византийцев занял около 250 лет, а у других этносов тонет в легендах и мифах. Но даже если пренебречь этим инкубационным периодом, то, согласно схеме, хунны успели пройти фазу этнического подъема. Они построили оригинальную социальную систему: родовой строй стал социальной основой державы Хунну и законсервировался до подчинения Хунну империи Хань в середине I в. до н.э. Структура управления была сложной и вместе с тем гибкой; искусство — разнообразным, так как оно впитывало скифские и динлинские влияния. Земледелие широко распространилось, и потребность в хлебе и просяной каше стала регулярной. Общение с Китаем стало тесным и плодотворным, потому что возникло стремление установить меновую торговлю, которая позволяла отказаться от грабительских набегов на пограничные области Китая²². Но это-то и принесло Хунну невозместимый ущерб. Как только китайский хлеб, шелк и металлическая посуда потекли в степь, хуннское земледелие и ремесло были заброшены. Их сменило разведение скота и добывание мехов на продажу²³. Хуннские юноши получили возможность служить в китайских войсках, что уводило их от родового быта. Знать усваивала китайские образование и навыки стяжательства и произвола. Единое «поле» хуннской культуры раскалывалось. В среде хуннов сложились две партии, противоположные по психическому складу. Они вбирали иноземные культуры, соответственно забывая свою, и группировались около престола как фавориты, китайские перебежчики и офицерский состав — гудухэу, что означало «удачливый князь» (кут — счастье, удача). Эти последние получали титул по выслуге,

а не по праву рождения, т.е. были представителями демократии. Вторые, поборники традиций и аристократизма, опирались на авторитет родовых князей и на родовичей. Естественно, вторая партия включала в себя меньше пассионариев, чем первая²⁴.

Хуннам было бы очень трудно вернуть утраченную независимость, но, на их счастье, в Китае в 1 г. н.э. властью овладел канцлер Ван Ман. Это был «интеллигентнейший человек», конфуцианец, считавший высшим благом разум (разумеется, свой собственный) и начавший проводить радикальные реформы, которыми изобидел буквально всех. Хунны восстали в 9 г., китайские крестьяне Шаньдуна — в 18 г., старая знать — в 23 г. Ван Ман был убит повстанцами, взявшими штурмом его дворец в 25 г.

Экономика Китая была подорвана. Во время восстания погибло около 70%, ибо китайцы в плен не берут, а своих тем более²⁵. Хуннам пришлось снова набегами добывать себе китайские продукты, к которым сами китайцы их приучили. Поэтому война стала более жестокой, чем раньше, а значит, пассионарии стали перехватывать инициативу у традиционалистов, которые в 48 г. передались Китаю. В ставках северных шаньюев скапливался весь пассионарный элемент и масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. Родовой строй здесь просто вреден. Общественная активность упала настолько, что кучка пассионариев могла направлять лишнюю родовую организацию массу. Родовая держава трансформировалась в орду, т.е. ставку военного вождя, окруженного пассионарными воинами. Ушедшие на юг благообразные старцы и почтительные отроки развязали на родине руки богатырям. Что из этого получилось?

Первое: держава северных хуннов из родовой превратилась в антиродовую военную демократию. В Европе этот процесс протекал иначе: дружины герцогов были немногочисленны, а народ жил по-старому. В Великой

степи возникли «орды» — слово это по звучанию и смыслу совпадает с латинским словом *ordo* — порядок (орден). Орды включали, кроме воинов, их семьи, что снимало сохранение родовых отношений. Родовые союзы и орды всегда враждовали друг с другом.

Второе: среди пассионарных удальцов неизбежно возникла борьба за место и влияние, ибо моральные основы исчезали вместе с традициями. Это ослабляло военную мощь орд.

Третье: массы субпассионариев были ненадежной опорой. Они хотели мира и были готовы сменить своих старых господ на новых, пусть даже чужих. У союзников Китая — сяньбийцев «кони были быстрее, а оружие острее, чем у хуннов». И северные хунны были разбиты в 93 г.

Демография древнего периода истории Евразии разработана далеко не достаточно, но кое-что все-таки дает.

Численность хуннов во II—I вв. до н.э. определялась в 300 тысяч человек²⁶. Это приблизительно половина того населения, которое в состоянии прокормить нынешняя Монгольская степь без ущерба для собственных пастбищ. При увеличении количества скота неизбежно возникло бы оскудение травяного покрова и вытеснение диких копытных овцами, потребляющими воду из немногочисленных источников на водораздельных массивах степи.

Но кроме хуннов по окраинам Великой степи жили динлины — в Минусинской котловине, сяньби — в Южной Маньчжурии и табгачи — в Восточном Забайкалье, а в саму Великую степь шла постоянная миграция из Китая. В докладе чиновника Хоу Ина своему правительству указано, что пограничные племена, угнетаемые ханьскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»²⁷. Хунны этих эмигрантов принимали, но не включали в роды, а селили отдельными колониями, где те смешивались меж-

ду собой, а дети их усваивали хуннский язык, как общепонятный; хунны называли этих людей «кул», что впоследствии стало значить «раб», но не в смысле неволи и тяжелой работы, а пребывания на чужбине и подчинения иноплеменному правителю²⁸. Значит, кулы были субэтносом хуннского этноса. При фазе подъема инкорпорация — явление частое.

Акматическая фаза этногенеза или, что то же, пассионарный перегрев этносоциальной системы иногда служит спасению этноса в критической ситуации, а иногда ведет его к крушению, потому что консолидация всех сил для решения внешних задач, легко осуществимая в фазе подъема, становится сверхсложной и не всегда осуществимой. Пассионарное напряжение разорвало хуннский этнос на две части. На юг, к Великой китайской стене, ушли поборники древнего строя, наиболее консервативная часть хуннского общества. Ханьское правительство охотно предоставляло им возможность селиться в Ордосе и на склонах Иньшаня, так как использовало их в качестве союзных войск против северных хуннов. Поскольку китайцы не вмешивались в быт хуннов, то те хранили родовой строй и старые обычаи. Но жизнь внутри рода тяжела и бесперспективна для энергичных молодых людей, особенно для дальних родственников, обычно нелюбимых. При любых личных качествах и совершаемых подвигах они не могут выдвинуться, так как все высшие должности даются по родовому, отнюдь не возрастному, старшинству. Пассионарным удальцам нечего было делать в Южном Хунну, где предел их возможностей — место дружинника у старого князька или вестового у китайского пристава. Удальцу нужны степные просторы, военная добыча и почести за подвиги. Он едет на север и воюет за «господство над народами».

Степных богатырей можно было перебить, но не победить. Перебить воинов, твердо решившихся не сда-

ваться, очень трудно. Северные хунны после поражения закрепились на рубеже Тарбагатай, Саура и Джунгарского Алатау и продолжали войну с переменным успехом до 155 г.²⁹ Окончательный удар был нанесен им сяньбийским вождем Таншихаем, после чего хунны разделились снова: двести тысяч «малосильных»³⁰ попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатай и бассейна Черного Иртыша, где они пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III века они образовали там новую хуннскую державу — Юебань. История их описана нами в специальных работах³¹.

А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет, а потом о них забыли на 200 лет. Почему?

Вернемся к демографической проблеме, которая, несмотря на всю приблизительность цифровых данных, дает нам необходимое решение. Выше было указано, что хуннов в I в. до н.э. было 300 тысяч человек. За I–II вв. н.э. был прирост, очень небольшой, так как хунны все время воевали, и добавились эмигранты — кулы, особенно при Ван Мане и экзекуциях, последовавших за его низвержением. В III в. в Китае насчитывалось 30 тысяч семей, т.е. около 150 тысяч хуннов³², а «малосильных» в Средней Азии — около 200 тысяч. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае — 20–30 тысяч воинов, без жен, детей и стариков, не способных вынести отступление по чужой стране, без передышек, ибо сяньбийцы преследовали хуннов и убивали оставших. Воины сами рискуют жизнью и не щадят противника во время боя. Здесь же бой затянулся на два с лишним года, пока неукротимые хунны не оторвались от преследователей и не нашли покой в Волго-Уральском междуречье.

За это время, т.е. за 1000 дней, было пройдено по прямой 2600 км, значит — по 26 км ежедневно, а если

учесть неизбежные зигзаги — то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж конечно мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов... «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая»³³.

Действительно, на запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки, покинув на родине тех, для кого седло не могло стать юртой. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы. И он повел к расколу хуннского этноса на четыре ветви, из которых одна, наименее пассионарная, слилась с победоносными сяньбийцами; другая — убежала в Китай³⁴; третья — образовала царство Юебань в Семиречье и пережила всех современников³⁵, а о четвертой пойдет речь ниже.

БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

И тут возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе хунны были не более дики, чем европейские варвары, т.е. германцы, кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, да и значительная часть эллинов, живших в Этолии, Аркадии, Фессалии, Эпире, короче говоря — всех, кроме афинян, коринфян и римлян. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Европу)³⁶ стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснить это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек»³⁷, был историком крайне добросовестным и прекрасно осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого

не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. Очевидно, у него были веские основания.

С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу³⁸ и другие писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способности к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше, чем сяньбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к независимости друг от друга, от Китая и от хуннов³⁹.

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может быть, что те и другие ошибаются, а мы в XX в. знаем лучше! А может быть, правы те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? Попробуем. Ведь у нас есть наука об этногенезе!

А была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная? Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и развитии хозяйства, искусства же обычно заимствуют у соседей или у предков, носителей культуры распавшегося этноса.

И вот что тут важно. Предметы бытовые, оружие и продукты можно получать или заимствовать от кого угодно, потому что эти вещи нужны и никак не влияют на психику. А без предметов искусства вроде бы и можно обойтись, но ценны они лишь тогда, когда нравятся без предвзятости. Ведь без искренности невозможно ни творчество, ни восприятие, а искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную.

Хунну в эпоху своего величия имели возможности выбора. На востоке лежал ханьский Китай, на западе — остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же было надо полюбить, повторяю — искренне и бескорыстно?

Раскопки царского погребения в Ноин-Уле, где лежал прах Учжулю-шаньюя, скончавшегося в 18 г. н.э., показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и рис, а для души — предметы скифского «звериного стиля», несмотря на то, что скифы на западе были истреблены свирепыми сарматами⁴⁰, а на востоке побеждены и прогнаны на юг: в Иран и Индию⁴¹.

Итак, погибший этнос скифов, или саков, оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на своих губителей — юечжи и соседей — хуннов. Описывать шедевры «звериного стиля» здесь незачем, так как это уже сделано, причем на очень высоком уровне⁴². Нам важнее отметить то, на что раньше не было обращено должного внимания: на соотношение мертвого искусства с историей Срединной Азии. Хотя искусство хуннов и юечжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры 2 тысячелетия до н.э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда. Больше того, когда степь после засухи V–III вв. до н.э. снова стала обильной и многолюдной, хунны и согды вступили в борьбу за пастбища и власть. В 165 г. до н.э. хунны победили в Азии, а после того как были разбиты сяньбийцами и вынуждены бежать в низовья Волги в 155 г. н.э., они там победили сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной»⁴³. Тем самым хунны, не подозревая о своей роли в истории, оказались мстителями за скифов, перебитых сарматами в III в. до н.э.⁴⁴

Судьбы древних народов переплетаются в течение веков столь причудливо, что только предметы искусства — подвиги древних богатырей, кристаллизовавшиеся в камне или металле, дают возможность разобраться в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические каноны исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга.

Итак, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были неспособны. Просто им больше нравились скифы. Выбор вкуса — это право каждого, будь то один человек или многочисленный этнос. И надо признать, что кочевая культура до III в. н.э. с точки зрения сравнительной этнографии ничуть не уступала культурам соседних этносов в степени сложности системы — единственного критерия, исключаящего пристрастие и предвзятость.

Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды — штаны — сделано еще в глубокой древности. Стремя появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках заменилась сначала коляской, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 метров. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища. В курганах часто встречаются и китайские вещи: шелковые ткани, бронзовые навершия и лаковые чашеч-

ки. Это были предметы повседневного обихода, попавшие к хуннам как добыча или дань, также выполнявшаяся китайцами, перебежавшими к хуннам (цзылу). Такие вещи отнюдь не определяют направление развития культуры.

Мы так подробно остановились на этой теме, чтобы отвергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся китайской периферией; на самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно⁴⁵, и только китайская агрессия I в. оборвала их существование, что было, как мы видели, одинаково трагично для Хунну и для Китая. Но историческое возмездие не заставило себя ждать.

ПОМЕХИ

Все этногенезы запрограммированы одинаково, но этнические истории предельно разнообразны. Если на этногенез воздействуют посторонние факторы — например, колебания климата или агрессия, его путь будет смещен и ритм нарушен, а иногда и оборван. Последнее бывает редко, так как для этого нужна очень большая сила, но случается — в моменты смены фаз. Эти трагические моменты чаще всего обойдены историками-эволюционистами, но историки-диалектики не имеют права игнорировать их. Поэтому мы отмечаем две переломные даты в этнической истории хуннов: 93 г., когда они потерпели сокрушительное поражение от коалиции Китая, сяньбийцев, динлинов и чешысцев (жителей оазиса Турфан), и около 150 г., когда сяньбийский вождь Таншихай отогнал самых неукротимых хуннов к берегам Волги, после чего сяньбийцы расселились по восточной части Великой степи до Тянь-Шаня, но почему-то не

остались там. Вот на эти «почему» мы и дадим посильные ответы.

Специальная сторона проблемы лежит на поверхности. Где уж тут устоять, когда враги окружили Хунну со всех сторон, а внутри державы честолюбцы вместо оборонны стали бороться друг с другом за власть, заодно расширявая общественную основу — патриархально-родовой строй. Но такие бедствия у разных народов бывали довольно часто. Почему же именно хуннам так не повезло, что они утратили даже родную землю? Обычно этнос держится за родной ландшафт.

Вспомним, что циклоны и муссоны иногда меняют свои пути и перестают увлажнять степь, а начинают заливать тайгу и тундру. Именно это произошло во II—III вв. До этого у хуннов тоже были тяжелые времена, но их старейшины говорили: «Мы не оскудели в отважных воинах» и «Сражаться на коне есть наше господство, и потому мы страшны всем народам»⁴⁶. Но когда стали сохнуть степи, дохнуть овцы и тощать кони, господство хуннов кончилось.

Но и победители не выиграли, ибо степь превратилась в пустыню. Сяньбийцам пришлось ютиться около гор, откуда сбегали ручьи, и непересохших озер. Но таких было мало. Высох, хотя и не целиком, Балхаш, понизился уровень Иссык-Куля, а Аральское море стало «болотом Оксийским», то есть его дно заросло тростником⁴⁷. Это бедствие продолжалось 200 лет; лишь в середине IV в. циклоны и муссоны снова сменили путь своего прохождения⁴⁸.

Они понесли влагу, раньше изливавшуюся на сибирскую тайгу, в степь. Зазеленели дотопе сухие равнины, кусты тамариска связали вершины барханов, кони перестали страдать от бескормицы, а хунны на берегах Хуанхэ, Или и Волги снова ощутили себя могучими народами. Задержанный этногенез пошел по заданной схеме.

Но века засухи не прошли бесследно. Хунны не вернулись в Монголию.

Восточная половина Великой степи переживала такую же засуху, как и западная. Эта засуха не могла не отразиться на судьбе великой сяньбийской державы, созданной гениальным полководцем Таншихаем, но сказана она не прямым, а окольным путем, который оказался, пожалуй, еще более губительным.

Сяньби (предки древних монголов) жили по окраинам Великой степи, около хребта Хингана и долины реки Нонни. Там им воды хватало. Захватив территорию державы Северного Хунну вплоть до Алтая, они могли пасти свой скот у непересыхающих рек: Селенги, Онона, Кэрулэна, оттеснив побежденных хуннов в высыхающие степи, но они этого не сделали. Наоборот, нуждаясь в воинах для войны с империей Хань, сяньбийцы приняли хуннов в свою державу и позволили им слиться в единый народ. Так как у сяньби и ухуаней «от старейшины до последнего подчиненного каждый сам пас скот и заботился о своем имуществе»⁴⁹, то и подчинившиеся Таншихаю хунны оказались в положении, одинаковом с победителями. А так как на запад и на юг ушли пассионарные хунны, дорожившие такими абстрактными понятиями, как «независимость», «гордость подвигами предков», «свобода», не личная, а общественная, то само собой понятно, что согласились на подчинение врагу субпассионарии.

Влившись в сяньбийскую державу, субпассионарные хунны снизили пассионарное напряжение системы до того, что она развалилась на части, каждая из которых была химерой. Описание истории их — это ряд трагических истреблений без возможности найти выход и избежать гибели.

ФАЗА НАДЛОМА И КОНЕЦ ВОСТОЧНЫХ ХУННОВ

Надлом этногенеза — это период, когда после энергетического, или пассионарного, перегрева система идет к упрощению. Для поддержания ее не хватает искренних патриотов, а эгоисты и себялюбцы покидают дело, которому служили их отцы и деды. Они стремятся жить для себя за счет накопленного предками достояния и, в конце эпохи, теряют его и свои жизни и свое потомство, которому они оставляют в наследство только безысходность исторической судьбы.

Но это отнюдь не конец этноса, если в нем сохранились люди непассионарные, но трудолюбивые и честные. Они не в силах возобновить утраченную творческую силу, творящую традиции и культуры, но могут сберечь то, что не сгорело в пламени надлома, и даже умножить доставшееся им наследство. В эту эпоху этнос или суперэтнос живет инерцией былого взлета и кристаллизует ее в памятниках искусства, литературы и науки, вследствие чего представляется историкам и искусствоведам своего рода «возрождением».

Так назывался период XV–XVI вв. в Италии, когда страна ослабела настолько, что стала добычей хищных соседей: французов, испанцев; австрийцев, а четырнадцать гуманистов переводили с греческого на латынь древние книги, и несколько десятков художников расписывали храмы, куда уже приходили не молиться, а назначать свидания.

Этому возрасту этноса в Риме соответствует «золотая посредственность» Августа, завершившаяся зверствами Калигулы и Нерона, а также солдатской войной 67–69 гг., когда сирийские, германские, испанские и итальянские легионы резались друг с другом, был разрушен Рим и опустошена Италия. Но ведь и то, и другое — не конец

культуры, а ее кризис, для которого характерна смена этнической доминанты и стереотипа поведения, подобно тому, как старика, пережившего тяжелую болезнь, привлекают покой и партия в шахматы с другом, а не утомительный туристский маршрут. До конца этноса еще далеко. Так посмотрим, как прошел этот период у хуннов.

В период «расцвета» кочевников Монголии объединяли и возглавляли сначала хуннские шаньюи, а потом — сяньбийский вождь Таншихай. В период надлома возникло и погибло 29 эфемерных этносистем (племен), которых китайские историки того времени объединили в пять групп: хунны, кулы (совр. *кит.* — цзелу), сяньби, тангуты (ди) и тибетцы-кяны (цяны). Это первичное обобщение дало повод назвать эпоху «Уху» — «пять варварских племен». Чем вызвано такое дробление, явно нецелесообразное в смысле обороны?

Если бы все правители древности и средневековья умели всегда находить верные решения и проводить их в жизнь, то история народов текла бы гораздо спокойней и не возникло бы нужды в формулировке законов истории. Но древним людям доводилось поступать и умно, и глупо, а этногенезы развиваются, как все природные процессы. Надлом — это переход в свою противоположность, и этим объясняется смена этнической доминанты (чтобы было не так, как раньше!) и стереотипа поведения.

Так, Римская республика превратилась в солдатскую империю, полиэтническая Франция — в королевство, где «один король, один закон, одна вера», а кочевники распались самым причудливым образом. В одних случаях они смешались с аборигенами, в других — противопоставили себя им, в третьих — заимствовали чуждую культуру, буддизм, в четвертых — вообще потеряли традицию.

Сложность этого периода в том, что, кроме фактора этногенеза, активно действовали еще два: засуха, кончившаяся в IV в., и соседство с другим суперэтносом —

Китаем, абсолютно враждебным к «северным варварам». Только учет этих трех параметров позволил дать интерпретацию этой жуткой эпохи в специальном исследовании, на результатах которого мы будем базироваться в дальнейшем повествовании.

Когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шэньси, где усохшие поля превратились в сухую степь, все-таки пригодную для скотоводства, казалось, что эти два этноса могут жить в мире. Но в Китае, как в Риме, власть перешла в руки солдатских императоров династии Цзинь, а это люди грубые и недалёковидные. Китайские чиновники безнаказанно обижали хуннов, хватали их юношей и продавали в рабство в Шаньдун, для вящего издевательства сковывая попарно хунна и кула. Хунны были «пропитаны духом ненависти до мозга костей», но их, вместе с сяньбийцами, было в Китае всего 400 тысяч, а китайцев уже 16 млн. Правда, в Шэньси были еще тангуты и тибетцы, всего около 500 тысяч, но они равно ненавидели китайцев и степняков. Кроме того, хуннских князей китайцы приглашали ко двору, обучали языку и культуре, а фактически — держали как заложников. Положение хуннов казалось безнадежным.

И вдруг в 304 г., во время очередной драки китайских воевод между собой, хуннский князь Лю Юань сумел вернуться домой. Старейшины хуннов обрели вождя и приняли решение «оружием вернуть утраченные права»⁵¹. Лю Юань повел свой народ к победе.

Хунны в 311 г. взяли столицу Китая Лоян, а затем — вторую столицу, Чаньань, и в ней — китайского императора. К 325 г. весь Северный Китай был захвачен хуннами.

Китайцы перешли к тактике заговоров. В 318 г. приближенный шаньюя — китаец — убил его, но хуннские войска разбили заговорщиков. Однако при этом потрясении держава их разделилась: кулы отложились от природных хуннов, победили их и истребили всю знать в 329 г.

Кулов постигла та же участь. В 350 г. усыновленный шаньюем китаец произвел государственный переворот и приказал убить всех хуннов, причем погибло много китайцев «с бородами и возвышенными носами» — типичный геноцид.

Изверга разбили южные сяньби — муюны, которые унаследовали Северный Китай. Их соперниками оказались тангуты, царь которых, Фу Цзянь, подчинил весь север Китая и Великую степь, которую пересекли сибирские сяньбийцы — табгачи, выходцы из Забайкалья. Они разгромили в Ордосе хуннов, избежавших истребления в 350 г., и южных сяньби-мююнов.

За это время тангутский царь Фу Цзянь совершил нападение на Южный Китай и потерпел поражение при р. Фэй. Все покоренные им этносы покинули его в беде, а тибетцы поймали Фу Цзяня в его царстве и убили. К 410 г. табгачи победили мююнов и стали самым сильным этносом на берегах Хуанхэ.

Это не конец перечня событий, но остановимся для их анализа.

Вначале, около 304 г., пассионарный уровень хуннов был столь высок, что они победили Великий Китай. Но этот уровень был ниже того, который требовался для сохранения связей внутри державы. Поэтому отложились кулы и, перебив хуннскую знать, еще снизили уровень — до уровня южных китайцев. Результат был однозначен: китайцы вырезали кулов, а муюны-сяньбийцы, перемешавшиеся в Ляодуне с корейцами и китайцами, захватили низовья Хуанхэ.

Тангуты, жившие долгое время изолированно, победили мююнов, но, создав лоскутную империю, шагнули к гибели. Фу Цзянь растратил потенциал своего этноса на войны и казни своих соплеменников, так как хотел получить популярность среди завоеванных племен, а те его предали, ибо этнические симпатии не покупаются. И он погиб.

Наступила пора войны освободившихся муюнов, опиравшихся на плохо усвоенную китайскую традицию, с табгачами, которых все считали в IV в. дикарями. Табгачи победили, ибо были монолитным этносом, а не химерой — комбинацией нескольких компонентов из разных этнических систем. Но покорив Северный Китай, они встали на путь своих предшественников, а этот путь вел к гибели.

А хунны?.. Они не погибли, ибо были великим народом. Погибла только та часть, которая пошла на контакт с китайцами — народом многочисленным, хотя и находившимся в последней фазе этногенеза, за которой идет либо распад, либо гомеостаз. Безграмотные кочевники Ордоса обрели вождя, Хэлян Бобо, который вспомнил, что его народ некогда — во 2 тысячелетии до н.э. — жил на берегах Хуанхэ и был изгнан оттуда предками китайцев. Подобно вождю вандалов Гензериху, разрушившему Рим, чтобы отомстить за разгром Карфагена, Хэлян Бобо в 407 г. создал хуннское царство в Ордосе и объявил, что воссоздал древнее царство Ся.

Вот третий вариант хуннского этногенеза и культуры, но был и четвертый: в 400 г. некий хунн, Мэн Сун, захватил нынешнюю провинцию Ганьсу и основал в ней княжество Хэси (буквально — «западнее реки», подразумевается Хуанхэ). Это государство буддийские монахи называли «бриллиантом северных стран». Там были знаменитые пещеры Дуньхуана.

Оба хуннских государства были завоеваны табгачами: Ся в 431 г., а Хэси — в 460 г. Хунны на востоке погибли одновременно с гуннами на западе — в 463 г. Вряд ли это простое совпадение; скорее, здесь неудачно пережитый кризис — фаза надлома этногенеза в исключительно неблагоприятных условиях.

И наконец, около 488 г. племена теле уничтожили государство «малосильных хуннов» в Семиречье —

Юебань. Казалось бы, это конец эпохи, но дело обстоит гораздо сложнее: хунны сумели передать эстафету культуры другому народу, покрывшему себя славой. Инерционный период кочевой культуры все-таки, несмотря ни на что, состоялся. И в этом — вторая заслуга хуннов перед мировой историей.

БЕЗ РОДИНЫ И ОТЕЧЕСТВА

Замечательный французский историк и ориенталист Рене Груссе, описывая в своей «Степной империи»⁵² эпоху IV–V вв., назвал ее «Великим переселением народов в Азии», тем самым уподобив ее европейскому передвижению германцев в Римскую империю. Некоторое сходство действительно есть, но различий гораздо больше.

Хунны просто вернулись на склоны Иньшаня и Алашаня, откуда их выгнали ханьские войска во II в. до н.э., причем китайский историк писал: «Хунны, потеряв эти земли, плакали, когда проезжали мимо этих гор». И вели себя хунны, вернувшись на утраченную родину предков, не так, как вандалы или свевы в Испании или Африке.

Сяньбийцы никуда не переселились, а только расширили свое царство за счет обессиленного и обеспокоенного Северного Китая. В Южном Китае продолжала существовать национальная династия Цзинь, лишь в 420 г. низвергнутая не пришельцами из Степи, а аборигенами, племенами группы «мань». Эти племена, близкие к современным вьетнамцам, малайцам и бирманцам, были завоеваны еще ханьцами, отчасти окитаены, но отнюдь не обожали своих правителей, сбежавших от хуннов за непроходимый барьер голубой реки Янцзы. На юге цзиньцев не уважали и при случае расправились с ними.

Тангуты (ди) и тибетцы (кян) жили на своих исконных землях. Попытку овладеть гегемонией в Северном

Китае они сделали себе на беду. После катастрофы 383 г. тангутов не стало, а тибетцы отошли на запад, в горную страну Амдо, где их нашел Н. М. Пржевальский. До этого судьба их была связана с Тибетом, а не с Китаем и Великой степью.

Кто же переселился на юг? Только один этнос, зато самый замечательный — табгачи⁵³.

Табгачи, подобно всем этносам этой эпохи, были смесью, но не с китайцами или хуннами, а с древними тунгусами. Они, подобно последним, носили косы. Находясь вне зоны пассионарного толчка, они включились в активную историю позже всех, ибо пассионарность они импортировали путем контактов с южными соседями, как англичане, получившие ее от викингов и французских феодалов. Будучи самыми «отсталыми», табгачи в IV в. еще не прошли свою акматическую фазу и истратили энергию системы на внешние войны с муянами, хуннами и южными китайцами. Достигнутая в V в. победа объясняется не столько мощью табгачей, хотя в доблести им отказать нельзя, сколько обскурацией Китая, подобной той, которая была в Риме в V в., и надломом хуннских этносов, не успевших обрести новые формы общественной жизни.

Однако победа табгачей была отравлена тем, что из среды разбитых ими племен выдѣлились отдельные храбрые люди, которые покинули своих вялых соплеменников и ушли в пустыню, в IV в. вновь превращавшуюся в цветущую степь. Там они нашли для себя место под солнцем, но, будучи воинами, хотя и разбитых армий, они не могли вернуться к труду мирных скотоводов по закону необратимости эволюции. Они объединялись не в племена, а в банды, и жили больше за счет грабежа, чем пастьбы скота. Это были жужани, этнос, возникший не вследствие мутации, а сложившийся из «отходов» хунно-сяньбийского этногенеза. Общим языком у них был сянь-

бийский, т.е. древнемонгольский, а различие происхождения людей, примыкавших к ним, никого не трогало и не интересовало. Для них важно было лишь то, чтобы каждый ненавидел табгачей-захватчиков, жестоких покорителей и обидчиков. Так в V в. сложилась этнополитическая коллизия, напоминающая былое соперничество Хань и Хунну, но с крайне существенным различием, о котором стоит подумать.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтами своих стран. Разница была лишь в возрасте. Хань — мощный мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну — юноша, для которого все впереди. Поэтому, когда Китай в III в. пережил очередную смену фазы этногенеза — Троецарствие, превратился в дряхлого эгоиста — Цэинь, хунны стали победителями и уступили только «отсталым», т.е. молодым, табгачам.

Но табгачи сменили ландшафт, т.е. лишили себя родины. Оказавшись меньшинством среди покоренных этносов, живших дома, а не на чужбине, табгачи были вынуждены с ними считаться, а следовательно, учиться у них. Так они потеряли отечественную традицию. У них остались только социальная система и государственная машина. Та и другая работали безотказно до VI в., пока в эти творения человека поступала энергия природы, а потом погубили своих создателей, прекратив действовать и развалившись на составные части.

Вкратце процесс распада табгачской державы шел так. Тоба Гуй (386—409) победами основал государство, но сделал ряд реформ, которые можно охарактеризовать как попытку создать феодальную систему, окончившуюся провалом. Самой важной реформой был закон об обязательном убийстве матери наследника престола сразу после его рождения. Дело в том, что сяньбийцы очень уважали женщин, и родственники ханши-матери требовали себе

видных мест в органах управления. Поэтому знатные табгачи не отдавали дочерей в ханский гарем. Пришлось пополнять его китайянками, что повело к отчуждению правительства от народа. Это был необратимый процесс, ведущий к гибели.

Тоба Сэ (409—423) привлекал китайских крестьян на опустелые земли, восстановил китайскую бюрократическую систему и обложил свой народ — табгачей — налогами. Еще шаг к деэтнизации, вынужденный тяжелыми войнами с хуннами и жужанями, победа над которыми не давалась.

Тоба Дао (423—452) победил хуннов и отразил жужаней, но объявил государственной религией даосизм и начал религиозные преследования буддистов, конфуцианцев и язычников. К счастью, тирана убил офицер его собственной гвардии, интриган и мерзавец, которого прикончил другой офицер, его соперник. Табгачское ханство превратилось по духу и быту в полукитайскую империю Вэй. Строй, который в ней господствовал, точнее всего назвать «загнивающим феодализмом», а сочетание табгачского меньшинства, покоренных кочевников других племен и китайской угнетенной массы — этнической химерой, как все химеры, нежизнеспособной. Некоторое время государство держалось по инерции, но в 490 г. на престол вступил Тоба Хун II, матерью которого была китайянка по имени Фэн (птица феникс). Она успела отравить своего мужа в 476 г. и правила как мать наследника, отдавая предпочтение китайцам перед табгачами. Ее сын закончил дело матери: в 495 г. был издан указ, запрещающий: употребление сяньбийского языка, одежды, прически (косы), браки сяньбийцев с соплеменницами и даже похороны в родных степях. Табгачские имена было велено сменить на китайские. За попытку уехать в степь и жить по-старому был казнен наследник престола и все его спутники. От табгачей осталось только имя.

После этой реформы в империи Вэй началось полное разложение: ханжество, лицемерие, фаворитизм и, наконец, восстания воевод и распадение империи на Восточную и Западную, немедленно начавшие войну друг с другом. В 536–537 гг. Северный Китай поразил голод, погубивший 80 процентов населения страны. Только то, что в Южном Китае разложение было столь же сильным, помешало тамошним царям вернуть себе Северный Китай. Но ведь и на Юге возникла вместо этноса химера. Там роль хуннов и табгачей выполнили мяо, лоло, юе и другие племена группы «мань». Они были не лучше северных соседей древнего Китая, который в VI в. угас.

А как же развивалась культура в это страшное время? Строго закономерно: угасала при каждом потрясении. Эпоха была насыщена событиями, а событие — это разрыв одной из системных связей. Когда разрывов много, энтропийный процесс этногенеза становится заметным даже без микроскопа и бинокулярной лупы. Но это — одновременно угасание культуры, уничтожение предметов искусства, забвение науки и остывание костра, ставшего пеплом.

И наоборот, творческие процессы, т.е. усложнение системы путем умножения системных связей, долгое время незаметны, потому что воспринимаются как естественные. Здесь события сводятся к освобождению от помех развитию. Поэтому так трудно бывает определить дату начала этногенеза и длину инкубационного периода. Зато новая либо восстановленная культура пленяет историка, и кажется, что она возникла из ничего. Но это — обман зрения. Процесс борьбы со временем также реален, как и необратимость разрушения.

Не следует осуждать людей эпохи надлома за то, что они не оставили нам, потомкам, дворцов и картин, поэм и философских систем. И в это время были таланты, но их силы уходили на защиту себя и своих близких от таких же

несчастливых соседей, задвинутых вековой засухой в Китай, как в коммунальную квартиру, где все ненавидят друг друга, хотя каждый по-своему неплох. Ведь если бы Китай не впал в старческий склероз, а сохранил эластичность минувших фаз этногенеза, ассимиляция кочевников обогатила бы его культуру, а терпимость, не будь она утрачена, сохранила бы жизнь многим хуннам, тангутам, табгачам и дала бы им возможность принять участие в создании если не общей культуры, то целого букета культур этнических.

Итак, не следует осуждать эпоху за то, что она была трагичной, и людей, которые сражались, не имея возможности помириться. Лучше посмотрим на то, как воскресла кочевая культура без дополнительных импульсов, за счет остатков нерастратченных сил. Как ни странно, решающую роль в спасении народов от гибели сыграло искусство. Казалось бы, этногенез должен более взаимодействовать с техникой, изготавливающей предметы необходимые; но ведь когда эти предметы ломаются, их просто выбрасывают, потому что их можно использовать, но не за что любить.

В отличие от других предметов техносферы памятники искусства, тоже сделанные руками человека, способны сильно влиять на психику созерцающих их людей. Но это влияние, точнее, влечение бескорыстно, непредвзято и разнообразно, т.е. одни и те же шедевры на разных людей влияют по-разному, а это уже выход в этнические процессы. Предметы искусства формируют вкусы, а следовательно, и симпатии членов этноса, при постоянно возникающих контактах. Отсюда идут разнообразные заимствования, что либо усиливает межэтнические связи, либо, при отрицательной комплиментарности, ослабляет их. То же самое — с памятниками собственной древности и старины. Их либо любят и берегут, либо, считая старомодными, выбрасывают и губят. А это значит, что этнос может сделать выбор и тем проявить свою волю к восстановлению системных связей, что задерживает энтропию, или

распад системы. Это сделали древние тюрки, о которых пойдет речь ниже, а пока вернемся во II–III вв., чтобы увидеть — как «хунны» превратились в «гуннов» и что из этого вышло.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Гумилев Л.Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки, 1969. № 3. С. 78–87.
- ² Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.
- ³ См.: Гумилев Л.Н. Этноландшафтные регионы Евразии за исторический период // Чтения памяти академика Л.С.Берга. Вып. VIII–XI. Л., 1968. С. 184–134.
- ⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Извест. ВГО. Т. XV. Вып. 5. Л., 1933.
- ⁵ См.: Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.). Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–47.
- ⁶ См.: Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. М., 1975.
- ⁷ А.Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюрских слов совпадают по звучанию и смыслу Это не может быть просто совпадением, но в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов. Зато американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III–II тыс. до н.э. Следовательно, не тюрки проникали в Америку, а индейцы — в Сибирь. (См.: Вопросы географии США. Л.: Географическое общество СССР, 1967. С. 123–126.)
- ⁸ См.: Руденко С.И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1968. С. 39–45.

- ⁹ См.: *Геродот. История в девяти книгах* / Пер. Ф.Г.Мищенко. Т. 1. М., 1888. IV. С. II.
- ¹⁰ *Теплоухов С.А., Киселев С.В., Грязнов М.П.* Наивный эволюционный подход, построенный на произвольных датировках памятников. (См.: *Руденко С.И.* Указ. соч., таблица на с. 43.)
- ¹¹ Подробно см.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 480.
- ¹² *Сосновский Г.П.* Ранние кочевники Забайкалья: Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. VIII. М.; Л., 1940; *Он же.* Плиточные могилы Забайкалья // Тр. отд. ист. первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941.
- ¹³ См.: *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.
- ¹⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 46–48.
- ¹⁵ Расчет прост: 60 тыс. всадников — 20% всего населения. См.: *Haloun G.* Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. S. 306.
- ¹⁶ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 66.
- ¹⁷ См.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Материалы по этнологии Амдо и области Куку-нора // Изв. Русск. геогр. общества. Т. XXXIX. Вып. 5. С. 441–483.
- ¹⁸ См.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?: Оттиск из журн. Мин. нар. просвещ. 1903.
- ¹⁹ См.: *Захаров И.* Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т. I. СПб., 1852. С. 270–281. (Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно.)
- ²⁰ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли.
- ²¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 71–84.
- ²² Там же. С. 89–91.
- ²³ Там же. С. 194.
- ²⁴ Там же. С. 148–149.
- ²⁵ См.: *Захаров И.* Историческое обозрение народонаселения Китая // Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. С. 270–274.

- ²⁶ См.: *Haloun G.* Op. zit. S. 306.
- ²⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.
- ²⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. М., 1974. С. 28–29.
- ²⁹ Там же. С. 242.
- ³⁰ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. М.; Л., 1950. С. 258–259.
- ³¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки; *Он же.* Поиски вымышленного царства.
- ³² См.: *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. С. 27.
- ³³ *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 123
- ³⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае.
- ³⁵ Потомки этой ветви хуннов частично слились с куманами, а частично вернулись в IX в. на родину и добровольно примкнули к Монгольскому улусу в XIII в.
- ³⁶ См.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
- ³⁷ *Марцеллин Аммиан.* История. Т. III. Киев, 1908. С. 236–243.
- ³⁸ См.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т. II. Гл. «Хунну».
- ³⁹ Там же. Гл. «Сяньби».
- ⁴⁰ См.: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.
- ⁴¹ В 161 г. до н.э. юэчжи отняли у саков Кашгар; в 127 и 123 гг. до н.э. парфяне отбили набег саков, а в 114 г. до н.э. оттеснили их из Мервского оазиса на восток Ирана. В 58 г. до н.э. саки разбиты царем Индии — Викрамадитьей. При поддержке саков Фраат вступает на престол Парфии в 30 г. н.э.; союз саков с Парфией. Поражение саков в Индии в 124 г. Рассеяние саков в Индии в 124 г. Рассеяние саков в Пенджабе и Синде.
- ⁴² См.: *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; *Он же.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961.
- ⁴³ *Иордан.* О происхождении и деяниях готов / Перевод с латинского и комментарии Е.Ч.Скржинской. М., 1960. С. 91.
- ⁴⁴ См.: *Диодор Сицилийский.* Библиотека II, 43. Цит. по: Очерки истории СССР. М., 1956. С. 507.

- ⁴⁵ См.: Вестник древней истории (в дальнейшем — ВДИ). 1962, № 3. С. 208–210.
- ⁴⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 88.
- ⁴⁷ См.: Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 84–85.
- ⁴⁸ См.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 113–117.
- ⁴⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 143.
- ⁵⁰ См.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае.
- ⁵¹ Там же. С. 47.
- ⁵² Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris. 1960.
- ⁵³ Долгое время этот народ назывался по-китайски — «тоба». Правильное название восстановили после прочтения орхонских надписей.

IV. В АРЕАЛЕ ЭТНИЧЕСКИХ СМЕЩЕНИЙ

ПОИСК НАЧАЛА ЭПОХИ

То, что история, как социальная, так и этническая, делится на эпохи — кванты развития, не подлежит сомнению. Однако современники никогда не могут обнаружить ни начал, ни концов ни одной эпохи. Аберрация близости заставляет их видеть в событиях, весьма эффектных и болезненных, смену эпохи, тогда как на известном расстоянии очевидно, что это или смена фазы этногенеза, или эпизод внутри фазы, ставший, благодаря особому вниманию историков или, еще хуже, беллетристов, предметом особого внимания и интереса, не всегда бескорыстного. Так, французская революция 1789 г. рассматривалась современниками как поворотный пункт мировой истории. Так думал даже Карлейль. А верно ли это?

Французское королевство Гуго Капета — парижского графа, избранного королем в 987 г., расширилось при его потомках и к XIV в. охватило почти всю территорию современной Франции. Завоеванные силой оружия земли, будучи включенными в королевство Франция, постоянно находились в оппозиции... нет, не королю, а городу Парижу. На этом весьма выигрывали короли, часто не ладившие с населением своей столицы и тогда находившие опору в провинциальном дворянстве и буржуазии окраинных богатых городов. Но если про-

винции отлагались от короны, парижане помогали королям усмирить их.

Так, в XII в. Филипп Август покорил Нормандию, Мэн, Анжу, в XIII в. — Тулузу, а Филипп III — Бургундию. В XV в. полностью подчинены Бретань и отложившаяся Бургундия, а также часть Фландрии; в XVIII в. — Эльзас. И все население этих областей ненавидело Париж.

А парижане — наиболее пассионарный субэтнос — хотели, чтобы короли слушались их; и сила бывала часто на их стороне. В 1356 г. Этьен Марсель — глава купеческой гильдии; в 1413 г. Кабош — глава цеха мясников пытались захватить власть в Париже, а тем самым — во Франции. Следом шли аналогичные попытки: Лига, Фронда и, наконец — восстание Сент-Антуанского предместья, продержавшееся с 1789 г. по 1794 г. — не дольше, чем предшествующие. И после были аналогичные события: в 1848 г. и в 1870 г., но шум вокруг «Великой» революции забил все остальные мелодии и какофонии.

Ну вот, прошло 200 лет и мы видим, что Марат сопоставим с Кабошем, Дантон — с Этьеном Марселем, а Дюмюрье — с графом Арманьяком. Настоящая же история французского этноса началась в кровавый день битвы при Фонтенуа, потом — при прочтении Страсбургской клятвы и оформилась при избрании Гуго Капета. Видно это только при отдалении и охвате одним взглядом всего тысячелетнего процесса этнической истории Франции.

Но ведь Франция — одна страна, настолько сильная, что процесс этногенеза внутри нее не был ни разу нарушен. Это очень упрощает работу историка. А ведь в нашем случае этносы малочисленны, соседи агрессивны, культурные влияния неотчетливы, но без установления соразмерности значимости событий никаких результатов получить нельзя. Следовательно, необходимо усовершенствовать методику исследования.

Степи Северного Прикаспия, где скрылись хунны, были не местом развития этноса, а местом встреч или поприщем для столкновений. Значит, предметом исследования будет именно столкновение и вызываемое им смещение этногенезов, что само по себе не ново.

Как известно, смещение ортогенного процесса возникает за счет воздействия чужого этноса на аборигенов, причем это воздействие обычно проявляется при внезапной массовой миграции, которую аборигены не смогли своевременно отразить. В нашем случае таких миграций в Восточную Европу было две: готы — около 155 г. из «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы¹, после чего победным маршем дошли до Черного моря², и хунны из Центральной Азии в 155–158 гг.³ достигли берегов Волги, где вошли в соприкосновение с аланами. Ситуация в степях Прикаспия и Причерноморья изменилась радикально и надолго. Значит, от этой даты можно вести хронологический отсчет событий этнической истории региона. Но если история готов, граничивших с Римской империей, относительно полна, то история хуннов с 158 по 350 г. совершенно неизвестна. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны»⁴.

Согласно принятому нами постулату — дискретности этнической истории, мы должны, даже при размытости начальной даты, считать середину II в. за исходный момент отрезка истории. И нас не смущает то, что 200 лет истории не освещены источниками. Общий исход событий легко восстановить методом интерполяции, что уже в значительной части сделано. И хотя, по принятой шкале отсчета — рассмотрение истории с бэровских бугров низовий Волги, — гунны находятся в центре нашего внимания, мы начнем не с них, а с их окружения: готов, римлян и ранних христиан, в IV в. создавших Византию.

Римская империя во II в. была страной вполне благоустроенной, но в III в. она превратилась в кошмарное поприще убийств и предательств, а в IV в. сменила даже официальную религию и освященную веками культуру. Иначе говоря, в 192–193 гг. произошла смена фаз этногенеза: инерция древнего толчка иссякла и заменилась фазой обскурации — бессмысленной растратой накопленных сокровищ: таланта, мужества, честности, ума и патриотизма. Так разваливается дворец, в котором подгнивают балки перекрытий.

Христианские общины росли, крепились, множились и ветвились. Так бывает лишь тогда, когда негэнтропийный импульс, или, что то же самое, пассионарный толчок, зачинает новый процесс этногенеза. Попытка гальванизировать христианами Западную империю не дала положительных результатов, но этносы в зоне толчка, в том числе готы, обрели новую энергию, шли от победы к победе и находились в фазе пассионарного подъема. А гунны?..

ЗАГАДКА И ЗАДАЧА

Кто такие «гунны» и каково их соотношение с азиатскими хунну? Действительно, оба эти народа были по культуре далеки друг от друга, однако К. А. Инностранцев⁵, отождествивший их, был прав, за исключением даты перекочевки (не IV в., а II в.), а американский историк Отто Мэнчен-Хелфен сомневался в тождестве хуннов и гуннов⁶ напрасно, ибо его возражения: неизвестность языка хуннов и гуннов, невозможность доказать факт перехода с Селенги на Волгу, несходство искусства тех и других — легко опровергаются при подробном и беспристрастном разборе обстановки II–V вв.⁷ Эту «загадку» можно считать отошедшей к истории науки, а современная наука ставит перед нами уже не загадку, а задачу: каким образом могло

получиться, что немногочисленный (об этом ниже) бродячий этнос создал огромную державу, развалившуюся через 90 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось только имя? Решить эту задачу путем применения традиционной методики невозможно, иначе она была бы давно решена. Попытка А. Н. Бернштама применить к доклассовому обществу социальные категории⁸ привела автора к позорному разгрому⁹ из-за многочисленных передержек. Но применение этнологии — естественной науки — должно дать лучший результат.

История европейских гуннов написана подробно и исчерпывающе отвечает на вопросы: «как было?» и «что было?», но не затрагивает вопросов «почему?» и даже: «а могло бы быть иначе?». Естествознание же интересуется именно этими вопросами, как, впрочем, и широкий читатель. В нашей предваряющей работе по рекомендации редактора проф. М. И. Артамонова последние вопросы обойдены молчанием, ибо в 1960 г. этнологии, как самостоятельной науки, еще не существовало. Но теперь она есть¹⁰ и в сочетании с традиционной фактографией может помочь в поисках решения. И больше того, она позволит отказаться от филологического источниковедения, которое занимается взглядами древних авторов, а не тем, что было на самом деле.

Не то чтобы издание и комментирование источников были не нужны. Как раз наоборот! Только из них этнолог получает достоверную информацию о событиях, но вместе с тем он получает неполноценную интерпретацию, отражающую уровень науки II–VI вв. И это очень мешает пониманию направления этнических и социальных процессов, ибо уровень науки XX в. все-таки несколько выше и охват темы — шире.

Поэтому мы видим задачу в том, чтобы, используя накопленный и проверенный материал фактов, понять и объяснить его как явление биосферного масштаба, т. е.

соединить этническую историю с палеогеографией I тыс. н.э. Отсюда вытекает наше отношение к библиографии и истории проблемы. Библиографические сноски не исчерпывающи, так как нашей задачей является изучение хуннов, а не хуннологов. С XVIII в. хуннская тема увлекала многих талантливых историков, но их взгляды блестяще изложены К. А. Иностранцевым в специальной работе, повторять которую нет смысла. Новые разногласия учтены автором этих строк в цитированных работах. Поэтому целесообразно не повторять пройденного, а дать, так сказать, двуступенчатую систему отсылочных ссылок: ссылаться на последние обобщающие работы, в которых изложение источников и взгляды предшественников уже критически обработаны и проверены. Да ведь нельзя вложить в одну главу книги все, что выучил за 30 лет!

Зато за счет экономии, проведенной предлагаемым способом, появилась возможность использовать достижения палеогеографии, что особенно интересно для описываемого периода, ибо климатические колебания II–IV вв. были весьма резкими. Именно этот параметр позволит пролить свет на главную тему нашей книги — характеристику разных типов этнических контактов.

ВСТРЕЧИ

Перейдя на новое место, неукротимые хунны не могли не встретиться с аборигенами. Обычно именно встречи и столкновения на этническом уровне привлекали внимание древних историков и фиксировались в их сочинениях. И о приходе хуннов в Прикаспий есть упоминания: уже упомянутого географа Дионисия Периегета, около 160 г., и Птолемея в 175–182 гг. Но этого так мало, что даже возникло сомнение, не вкралась ли в их текст ошибка переписчика¹¹. Однако такое сомнение неосновательно¹²,

ибо автор VI в. Иордан, ссылаясь на «древние предания», передает версию, проливающую свет на проблему¹³.

Король готов Филимер, при котором готы ко второй половине II в. появились на Висле¹⁴ привел свой народ в страну Ойум — страну, изобилующую водой. Предполагается, что страна Ойум располагалась на правом берегу Днепра¹⁵. Там Филимер разгневался на каких-то женщин, колдуний, называемых по-готски «галиурунами» и изгнал их в пустыню, где с ними встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов.

Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сянбийцев, оказались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести 1000 дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация — единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Но эта метисация, вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением, так изменили облик хуннов, что, для ясности, следует называть их новым именем гунны, как предложил в 1926 г. К. А. Иностранцев (см. выше).

Такая радикальная перемена в образе жизни и культуре — явление естественное. Английские крестьяне XVII в. — пуритане, баптисты, квакеры и католики, эмигрировавшие в Америку, за 200 лет переродились в скваттеров и трапперов, потом в ковбоев, потом в гангстеров. Они стали непохожими на англичан, но ведь и те со времен Тюдоров изменились, хотя и в другом направлении.

Еще более нагляден пример испанцев в Латинской Америке. В XVI в. Кортес покорила ацтеков с помощью тласкаланцев и семпоальцев, которые за помощь и союз были освобождены от всех налогов. Смешение креолов с индейцами шло медленно, но расхождение «Новой Испании» с метрополией — быстро. Креолы — испанцы, рожденные в Америке, в XVIII в. возненавидели «гачупинов» — так называли приезжавших из Испании.

В XIX в. испаноязычные католические колонии отпали от Испании и вернули индейские названия: Мехико, Чили, а креолы выдумывали себе генеалогии, чтобы походить не на испанцев, а на ацтеков или инков, ибо называли себя не «испанцами», а «американцами».

Хунну и гунны — аналогичный пример этнической дивергенции, но с более печальным исходом. Дивергенция — следствие миграции, а на новом месте пришельцы не могут не вступить в контакт с соседями, но контакты бывают разными.

Аланы, жившие между нижней Волгой и Доном, встретили хуннов недружелюбно. Однако во II–III вв. хунны, постепенно становящиеся гуннами, были слишком слабы для войны с аланами, потрясавшими даже восточные границы Римской империи. На берегах Дуная их называли роксаланы, т.е. «блестящие» или «сияющие аланы» — ср. греческое чтение бактрийского имени Раушанак — Роксана (жена Александра Македонского)¹⁶.

В низовьях реки Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни» и никогда не смешивали с хуннами¹⁷. С хионитами хунны не встречались. Очевидно, лежавшая между ними суглинистая равнина, с экстрааридным, т.е. сверхзасушливым климатом, была природным барьером, затруднявшим этнические контакты, нежелательные для обеих сторон. Северными соседями хуннов были финно-угорские и угро-самодийские племена, обитавшие на ландшафтной границе тайги и степи. Их потомки — манси и ханты (вогулы и остяки) — реликты некогда могучего этноса сибир (или сибир¹⁸), в среднегреческом произношении савир, в древнерусском — север, северяне, которых еще в XVII в. называли «севрюки». Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет, что само по себе говорит об отсутствии больших войн. Косвенные соображения, на-

оборот, подсказывают, что отношения савиров и хуннов, а позднее — гуннов, были дружелюбными. Вот тут-то и зарыта собака!

СВОБОДНОЕ МЕСТО

Обычно, когда в коммунальную квартиру въезжают новые жильцы, то их встречают враждебно, так как они претендуют на площадь, которую старые жильцы норовили приспособить для себя. Исключением является лишь та редкая ситуация, когда новоселы занимают комнату, давно пустующую и никому не нужную. Но разве бывает такая ситуация в природных ландшафтах, где естественный прирост толкает на расширение ареала до возможных пределов? Бывает! Но только тогда, когда какая-то территория становится непригодной для ведения привычного хозяйства и, следовательно, ненужной. Ее покидают и не интересуются тем, кто ее займет, лишь бы не стал агрессором.

Внутренние области обширного Евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и омывающие ее моря делают ее климат стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением уровня увлажнения, но они невелики и значение их для хозяйства народов Западной Европы исчерпывается отдельными эпизодическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках.

Исследуя эти процессы, необходимо помнить, что хронисты или, по-нашему — летописцы, всегда отмечают события и явления редкие, экстраординарные, а не обычные, характерные для описываемого периода. Так, в дожд-

ливые периоды отмечаются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных увлажнений и атмосферных фронтов, а пути циклонов постоянно смещаются с юга на север и обратно. Как установлено, эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и затропическим, подвижным, антициклонами, причем ложбины низкого давления, по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные или для леса, или для степи, или для пустыни.

И если даже в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и народов, хозяйство коих с окружающей средой всегда связано тесно.

И наконец, смены зон повышенного увлажнения наглядны при изучении уровней Каспия, получающего 81% влаги через Волгу, из лесной зоны, и Арала, который питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, т.е. при трансгрессии Каспия идет регрессия Арала и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни обоих внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает на север тайга, влажные степи становятся сухими и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II и особенно в III в. Кончился он только в середине IV века.

Эта длинная преамбула позволяет дать краткий ответ на поставленный вопрос. Неукротимые хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, с севера манила окраина лесостепи. Там были дрова — высшее благо в

континентальном климате. Там в перелесках паслись зубры, благородные олени и косули; значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой.

Местное же население, предки вогулов (манси)¹⁹, отступало на север, под ласковую тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для него звери, а светлые реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с неукротимыми хуннами. Наоборот, они, видимо, понравились друг другу. Это можно заключить по тому, что в конце V и в VI в., когда гуннская трагедия закончилась и гуннов, как этноса, не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хуну-гуры»²⁰. Если даже приуральские угры не смешивались с потомками хуннов, то очевидно, что они установили контакт на основе симбиоза, а отнюдь не химеры. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились.

Напомним значение терминов. Симбиоз — близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый имеет свою экологическую нишу. Химера — сосуществование в одной экологической нише. Отношения между этносами могут быть и дружескими, и враждебными, метисация возможна, но не обязательна, культурный обмен иногда бывает интенсивным, иногда — слабым, заменяясь терпимостью, переходящей в безразличие. Все зависит от величины разности уровней пассионарного напряжения контактирующих этносистем.

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III в. имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго-

Угорское Северное государство²¹. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже были военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те, и другие находились в родовом строе — первобытнообщинной формации, что исключало классовые конфликты между обоими этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и когда наступила пора дальних походов на Европу, двинулись не хунны и угры, а потомки и тех, и других — гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры — скорлупой, а вместе — особой системой, возникшей между Востоком и Западом вследствие уникальной исторической судьбы носителей хуннской пассионарности.

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И СЕВЕР

И все-таки неукротимые хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий не вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства вмещающим ландшафтом, в начале н.э. была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были разбросаны островки (колки) березового и осинового леса, встречались сосновые боры. Там паслись несметные стада сайгаков; лисицы-корсаки охотились на сурков и сусликов. Громадные дрофы и красавцы журавли подвергались нападениям степных орлов и небольших, но ловких удавов. Степь могла кормить даже такого свирепого хищника, как человек. Почему же финно-угры так легко отказались от степных угодий, принадлежавших им по праву?

Во II в. атлантические циклоны сместили путь своего прохождения на восток, в глубины континента²². В I в. они несли влагу через южные степи и выливали ее на горные хребты Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня, откуда они текли в

Балхаш и Арал. Степи при этом зимой увлажнялись оптимально. Снега выпадало достаточно (свыше 250 мм в год), чтобы пропитать землю и обеспечить растительности возможность накормить собой травоядных, а телами тех — хищников, в том числе людей. Но в середине II в. путь циклонов сдвинулся в лесную зону, что вызвало обмеление Арала и подъем уровня Каспия на 3 м. Величину трансгрессии определил В. Г. Рихтер, изучив донные отложения Кара-Богаз-Гола и высоту бара, отделяющего залив от моря²³.

Но в III в. вековая засуха развернулась с невиданной мощью. Северная аридная степь сдвинулась к северу, заменившись экстрааридной пустыней. Количество осадков снизилось до 100–200 мм в год. Полынь вытеснила ковыль, куманы заменили сайгаков, ящерицы, ядовитая гюрза, варан — степных удавов.

Тогда угры покинули изменившую им природу и двинулись на север по великой реке Оби, а самодийцы — по красавцу Енисею²⁴. Самодийцам повезло больше. Они достигли северного аналога Великой степи — тундры, научились приручать северного оленя и сделали местопребывание этого прекрасного зверя своим месторазвитием. От берегов Хатанги и Дудыпты до Кольского полуострова распространились кочевники-оленоводы, и там они прожили свой исторический цикл — 1200 лет, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов.

Угры, продвигавшиеся по Оби, встретили племя, а может быть, целый народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку назвали «Усть-Полуйской культурой»²⁵. Название же, которое ему попытались дать, исходя из мансийских преданий — «сииртя», означает — неупокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям²⁶. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах

Северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны.

Что же, может, так оно и было.

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III в. или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, предки нынешних угров получили от метисации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метисация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов.

Но тут для каждого читателя, знакомого с географией, встает вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, т.е. тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадей не провести, а летом болота с тучами гнуса. По глубокой Лене предки якутов в XI в. спускались на плотах, но по бурному Енисею и через перекаты и мели Оби этот способ был бы слишком рискованным. А кроме того, угры и сами гунны распространялись на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский — древний и угорский — пришлый. Мордва: эрзя — финны, мокша — угры. Мари: горные черемисы — финны, луговые — угры. «Чудь белоглазая» — финны. Чудь Заволоцкая — угры. (Чудь Заволоцкая, или Великая Пермь — Биармия скандинавских саг.)

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда не сложно.

И, наконец, чувашаи состоят из двух компонентов: местного и тюркского, даже не угорского. Поскольку

чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно²⁷.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы²⁸, от которых сохранился только один реликт — кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения — III–IV вв. Она является выводом дедуктивным, т.е. предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции. Но, как при любом гипотетическом построении, любые новые аргументы «за» и «против» желательны.

И последнее, финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн и резни. Только несчастные «усть-полуйцы» превратились в страшных духов — «сииртя», а в прочих местах миграция прошла относительно благополучно. Заметим это и обратимся к югу.

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И ЮГО-ЗАПАД

Скифы и сменившие их сарматы жили полуоседлым бытом, совмещая земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нуждался в сене, потому что в их степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня просто отпугивала. Зато луга и лесостепь

сарматы умели осваивать, чуждаясь только дубрав и березово-осиновых лесов; там им нечего было делать. Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке.

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, ибо Причерноморье получает дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха, Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели 45°30', хотя Узбой в то время впадал в Каспий²⁹. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия.

Когда же наступила великая засуха, сарматы стали покидать восточные степи и берега Каспийского моря. Они передвинулись за Волгу, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя охотно покупала их дешевый хлеб.

Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они стали пристанищем для хуннов, привыкших на своей родине к еще более засушливым степям, нежели полынные, опустыненные степи Северного Прикаспия.

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское»³⁰. И эта местность в III в. была даже еще хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол.

Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено эоловыми отложениями, перекрыв-

шими соленые почвы. После засухи, кончившейся в IV в., Балхаш не успел осолониться³¹. Обитавшие вокруг него усуни отошли в горы Тянь-Шаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменившие свое имя на «чуйские племена».

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И ЮГ

Все населявшие степи племена в III в. были слабы. Политическое значение они обрели лишь во второй половине IV в., когда атмосферная влага вновь излилась на континентальные пустыни.

Чтобы не возвращаться больше к истории Средней Азии, долгое время развивавшейся отдельно от истории Азии Центральной, отметим, что все силы народов Приаралья и Припамирья были скованы войнами с Ираном³².

Внешнеполитическое положение Ирана в середине III в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 260 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне проводили контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир.

Талантливый шах Шапур II (309–379) был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов, но к 356 г. хиониты стали союзниками Ирана, и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление Юлиана в 361 г. После 371 г. нажим персов на запад ослабел. Почему?

Оказывается, в 368–374 гг. восстал наместник восточной границы, Аршакид, сидевший в Балхе. В 375–378 гг.

персы потерпели поражение настолько сильное, что Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом; хонны, т.е. хиониты, выступили на поддержку восстания, разорвав союз с Ираном; восстание погасло при совершенно не описанных обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках появляются эфталиты, как союзники шахиншаха, в 384 г. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле: Балх лежит на границе иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горами, и, можно думать, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Степные хиониты, поддерживавшие повстанца, видимо, были разбиты, так как их нажим на Иран с этого времени прекратился. С середины IV в. эфталитское царство стало преградой между оседлым Ираном и кочевническими племенами Евразийской степи, в том числе — среднеазиатскими хуннами. Этим объясняется, почему Иран больше беспокоился об укреплении кавказских проходов, нежели о своей восточной границе, лишенной естественных преград.

Эфталиты были народ воинственный, но немногочисленный. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Судьба их могущества напоминает историю средневековой Швейцарии, устрашавшей Европу до тех пор, пока Франция и Австрия были в упадке. Эфталиты совершали свои губительные набеги, главным образом, на Индию, а для стран восточнее Памира и Тянь-Шаня их вмешательство было только эпизодом³³.

В III в. китайцы утратили влияние на владения к северу от Стены. Крайним пунктом распространения Китая на запад стал Дуньхуан. Династия Цзинь вернула часть зас-

тенных владений, а именно низовья реки Эдзин-Гол и Турфанскую котловину, которая в 345 г. была переименована в «область Гаочан Гюнь»³⁴. Управление этой отдаленной областью было для китайского правительства чрезмерно затруднительно, и она, естественно, вошла в сферу влияния правителей Хэси.

Прочие владения в III в. имели тенденцию к укрупнению: на юго-западе создано государство Сулэ (Кашгар), на юге оно включило Яркенд³⁵, на северо-западе — Тянь-Шань. Хотан усилился и остался единственным владением, продолжавшим тяготеть к Китаю. Это была не политическая зависимость, а культурная близость, выражавшаяся в регулярных посольствах из Хотана в Китай.

На северо-западе распространилось по северным склонам Тянь-Шаня княжество Чэши, от оз. Баркуль на востоке до верховьев р. Или на западе; на юге Шаньшань объединила все владения от стен Дуньхуана до берегов Лобнора. В центре страны захватил гегемонию Карашар (Яньки), около 280 г. подчинивший себе Кучу и ее вассалов Аксу и Уш³⁶. Однако можно думать, что Карашар стал столицей не монолитной державы, а конфедерации, так как на карте «Западного Края» эпохи Цзинь помечена граница между Кучей и Карашаром, и в дальнейшем эти оба государства имеют разных правителей, хотя и выступают в тесном союзе. Народ охарактеризован как «тихий и мирный», избегающий общения с чужеземцами, даже торговля будто бы производится без произнесения единого слова³⁷.

Обитателей «Западного Края» обогащала только посредническая торговля, так как культура шелка была введена в Хотане лишь во второй половине IV в., откуда перешла в Согдиану в V в.³⁸ Все сведения о «Западном Крае» или «Серике» получены античными авторами не из первых рук, потому что парфяне не допускали прямых сношений между Римом и Китаем³⁹. Не исключена возможность того, что парфяне нарочно дезинформировали

римлян, чтобы затруднить им сношения с Восточной Азией. Итак, грандиозная засуха III в. так ослабила степные этносы Турана, что они проиграли войну с Ираном⁴⁰ и стали жертвой своих восточных соседей: сначала гуннов, а потом тюркютов⁴¹.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ II—IV ВВ.

Древние историки охотно и подробно описывали события, им известные, причем их осведомленность была довольно велика. Но если событий не было, то они и не писали. Так, о появлении хуннов в Прикаспийских степях упомянули два видных географа, а потом — целых двести лет — ни слова, а в конце IV в. целый фонтан сведений и сомнительных подробностей, ибо гунны начали воевать. Но коль скоро так, то, значит, с 160 по 360 г. они жили мирно. Хоть это и не вяжется с привычным представлением о гуннах как о свирепых грабителях, но, видимо, так оно и было.

Растущая пустыня III в. избавила гуннов от южных соседей: образованных аланов, драчливых хионитов, воинственных абаров и храбрых готов, а самое главное — от римлян, пребывавших в фазе обскурации. Солдатские императоры, будь то по рождению римляне, как Септимий Север, или иллирийцы, как Аврелиан или Диоклетиан, сирийцы — Бассиан Антонин, он же Гелиогабал, фракийцы — Максимиан, арабы — Филипп, галлы — Тетрик, зависели от своих легионеров и приближенных, а те предпочитали свои личные интересы, корыстные или карьеристские, государственным, полагая, что раз Рим — вечный город, то заботиться о нем нечего. Куда он денется?

Вот поэтому-то война в империи не затихала. Она шла иногда на границах с иноплеменниками, иногда с соб-

ственным населением — восставшим и подавляемым, но чаще всего легионы бились друг с другом, заставляя командиров под страхом смерти вести их в смертный бой против своих же соратников и боевых друзей. Страшная это штука — субпассионарность.

Но не все обитатели Римской империи были субпассионариями. Пассионариев, и весьма активных, в III в. стало появляться очень много, но они меняли стереотип поведения и, тем самым, выпадали из римского суперэт-носа. Эти люди, происходившие от разных предков, разрывали и семейные традиции, и культурные связи с современниками, и даже некоторые взаимоотношения с законностью в том виде, как она понималась в античном обществе.

Например, Римская республика могла возбудить дело о преступлении, только получив донос от римского гражданина, не раба. Граждане писали доносы часто, даже слишком охотно, так что приходилось их иногда наказывать за клевету. А вот люди нового типа, те, которые становились членами христианских, митраистских и манихейских общин, объявили предательство худшим из возможных грехов и осуждали Иуду Искариота, хотя тот, с обычной точки зрения, поступил правильно — указал, где найти лицо, обвинявшееся в политическом или, точнее, идеологическом преступлении. Взаимовыручка стала поведенческим императивом христиан. Это было особенно существенно для военной службы, потому что исключало предательство боевого товарища или полководца, что языческие, т.е. безрелигиозные, легионеры превратили в привычку или доходный промысел, ибо, по обычаю, новый император давал воинам денежный подарок. Из-за этого менять власть стало выгодно. Но митраисты, создавшие тайные группы именно в армии, категорически возбраняли своим членам «обман доверившегося», а христиане шли еще дальше. И вот почему.

Митраисты были в милости у начальства. Культ «Непобедимого Солнца» исповедовали все солдатские императоры, включая Константина Равноапостольного.

Манихеи умели ловко скрываться и притворяться. Их учение, что в основе лежит не вера, а знание, было одновременно и мистическим, и атеистическим. Оно разрешало ложь, что крайне облегчало им жизнь, потому что первое время на них смотрели как на безобидных болтунов. Только Диоклетиан воздвиг на манихеев гонение, но вскоре оно загасло.

А вот христианам досталось! Девять жестоких гонений без малейшей пощады. И тем не менее число христиан росло, и в легионах они составили самую боеспособную часть воинов, дисциплинированных и верных. Но вот беда, христианские легионеры категорически отказывались сражаться против единоверцев. В 286 г. Максимиин послал в Галлию Десятый фиванский легион на подавление восстания багаудов. Легион отказался от проведения экзекуций над христианами. Максимиин провел две децимации — безрезультатно! Тогда убили всех остальных⁴².

Зато Константину христианские легионеры доставили престол и спасли жизнь. За это он дал в 313 г., эдиктом, веротерпимость христианам, а в 315 г. отменил распятие как позорную казнь, и приказал сжигать тех евреев, которые возбуждают мятежи язычников против христиан⁴³. Так в Римской империи возникло из одного суперэтноса два, а это уже химера.

Химера — образование хищное, но не устойчивое. Существует она до тех пор, пока не растратит всех богатств, накопленных минувшими этносами, жившими либо порознь, либо в симбиозе.

Италики, эллины, галлы, иберы и пунийцы оставили такое наследство, что его хватило на сто лет, но оно тоже кончилось. Ведь страну надо было защищать от соседей, более пассионарных, чем римляне. Эти последние вообще

не хотели воевать; им больше нравилось интриговать и предаваться излишествам. Поэтому к V в. армия состояла из наемных германцев, арабов и берберов, а римляне были только редкими офицерами, поставленными по связям в сенате, или фаворитами императора.

Так же, как от внешних, они не могли защищаться от внутренних врагов: манихеев, митраистов и христиан, но те, пренебрегая антипатией язычников, боролись между собой крайне активно. Особенно христиане! В истории церкви фаза этнического подъема просматривается очень четко. В Африке знаменем этнического подъема стал донатизм, в Испании в 384 г. был сожжен гностик-епископ Присциллиан, в Египте заспорили Арий с Афанасием. Ариане победили и окрестили много германцев, для которых арианство, после торжества православия в 381 г., стало символом противопоставления римлянам. Но во всех случаях на востоке империи шел быстрый процесс создания из конфессиональных общин сначала субэтнуса, потом этноса, а потом суперэтноса — Византии, так как там появился избыток пассионарности. А на Западе, где его не было, при тех же экономических, социальных и политических условиях, химера разваливалась на части, которые быстро теряли силу сопротивления. Безразличие и равнодушие оказались более патогенными факторами, чем фанатизм, авантюризм и драчливость. Поэтому Византия пережила многие беды, а Западная империя погибла.

ВАРВАРСТВО II–IV ВВ.

В те годы, когда цивилизация разлагалась, к северо-востоку от римской рейнско-дунайской границы тоже шло брожение, но с другой доминантой. В середине II в. готы пересекли Балтийское море и погнали перед собой ругов и вандалов до самых устьев Дуная. Это был типичный

пассионарный толчок, ось которого тянулась от Южной Швеции через Карпаты, Малую Азию, Сирию до горной страны Аксума. Начиная с I в., народы, охваченные пассионарностью, как щепки пламенем, вспыхивали и сгорали в войнах с еще неразложившимся Римом. Две войны вынесли даки, три — евреи, одну — маркоманы и одну — квады. Но готы, опоздавшие на старте, вышли победителями. Механизм процесса прост: римская суперэтническая система разлагалась неуклонно, но медленно. Траян и Адриан еще могли побеждать, ибо у них были послушные и умелые воины; Марк Аврелий мог только удержать границу; Деций и Валериан терпели поражение от готов (251 г.) и от персов (260 г.). И дело было не в силах врагов, а в слабости римлян. Ведь Оденат, араб из Пальмиры, выгнал персов из Сирии, страны, через которую прошел пассионарный толчок. А до этого Сирия была наиболее развращенной и слабой из провинций империи. Откуда же взялась в ней такая сила? У Одената были толковые помощники и народ, обретший храбрость.

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и неспособных отразить наступление римской армии Германика, даже после удачного истребления трех легионов Вара в Тевтобургском лесу, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки — свободные, саксы — ножовщики, алеманны — сброд, свевы — бродяги⁴⁴. Это были организации, созданные исключительно для войны, т.е. военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили старый родовой строй, что не мешало им свирепствовать на общем уровне.

Тем же толчком была задета территория, населенная предками славян: лугиями и венедами⁴⁵. Эти не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их. За

короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом и добрались до Днепра, где встретились с племенем росомонов⁴⁶. Позднее восточные славяне и росомоны, они же «русь», слились в единый древнерусский этнос⁴⁷, но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию — Дакию. Кровь лилась в фазе этнического подъема не менее обильно, чем в фазе обскурации.

Так где же в эту эпоху — 160–360 гг. царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Среднюю Азию? Кто умел избежать кровопролитий, порою трудных и всегда ненужных? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет, хотя и знают об их существовании: это гунны. Для них эпоха мира длилась 200 лет, период побед — 95 лет, а время распада и гибели — 8 лет. Соотношение периодов таково, что на него стоит обратить внимание. Можно было бы подумать, что античные географы просто не уделяли внимания кочевым народам. Нет! Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птолемей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин, да и то с чужих слов, которые стали актуальными лишь в конце IV в. Аланы были одним из сарматских племен. Аммиан Марцеллин, автор IV в., писал о них так: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя»⁴⁸.

Об этом же сообщают китайские географы эпохи младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство «Аланья»⁴⁹.

Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была

продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так радикально, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксаланы и язиги, постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная⁵⁰, восточные, проходя через «Аланские ворота» — Дарьяльское ущелье, вторгались в Закавказье. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали, а вот о гуннах, их соседях, даже успели позабыть. Это не может быть случайностью. Скорее это историческая загадка.

КАИНЫ И АВЕЛИ

А теперь оторвемся от описаний племен и народов, чтобы иметь возможность подумать о вышесказанном. Для того чтобы не захлебнуться в калейдоскопе сведений, принято отбирать из них достоверные и выстраивать их по ходу времени. Это необходимо, но недостаточно, так как простая последовательность не включает причинности, которая только и превращает собрание сведений (хронику) и поиск истины (историю). Для такого превращения нужна схема, пусть даже умозрительная; а таковая имеется и распространена весьма широко, даже слишком широко. Впервые эта схема предложена в «Книге Бытия», где описан еще допотопный период цивилизации. Были два брата: Каин — земледelec и ремесленник, и Авель — скотовод. Бог предпочел Авеля, за что Каин убил своего брата, после чего был наказан изгнанием в страну Нод. Там Каин благополучно женился, и потомки его, несмотря на потоп⁵¹ проповедуют его концепцию, которую правильнее назвать не исторической, а социологической. Заключается она в том, что земледельцы — хорошие, а скотоводов надо бить.

Да простит читатель автора за упрощенное изложение целого направления науки, ставшего столь привычным, что обывателю оно представляется единственно возможным. Это последнее обстоятельство наиболее прискорбно, потому что научная проблематика всегда требует работы мысли. Прежде всего посмотрим, соответствует ли тезис об «извечной вражде» кочевников и земледельцев известным фактам?! Вражда должна выражаться в крупных войнах, сопровождающихся захватом территории.

Так вот, самые жестокие войны в Элладе шли между Спартой и Афинами; Спартой и Фивами; Фивами и Македонией, гуманно щадившей Афины. В Риме — война с Тарентом и три Пунические — тоже все оседлые горожане. Ассирию в 612 г. до н.э. уничтожили оседлые соседи: мидяне и халдеи-вавилоняне, а не скифы, которые тоже участвовали в событиях как третья сторона, но, набрав добычи, ушли домой. Разница наглядна.

В средние века Столетняя война шла между вполне оседлыми французами и англичанами, Тридцатилетняя война — между католиками и протестантами. Реконкиста в Испании — война с местными мусульманами и пришлыми из Африки туарегами. Но приходы туарегов и потом берберов (Альморавидов и Альмогадов) были эпизодами в длинной войне, и к себе в Африку мавры испанцев и португальцев не пустили, а вот земледельческая Испания, облившись потоками крови, стала христианской, не изменив ни экономики, ни способа ведения хозяйства.

Ссылаются на пример якобы извечной войны Древней Руси с половецкой степью, но это очередной миф⁵². Говорят о походах монголов в Среднюю и Малую Азию. Да, были походы, но сражаться монголам пришлось с канглами (печенегами) и туркменами. Нет, не получается постоянной войны злых Авелей против милых и трудолюбивых Каинов. Секрет в чем-то другом. И ведь что интересно! Этот «секрет» был очевиден трезвым людям еще до н.э.

Жена хуннского шаньюя Модэ в 202 г. до н.э., когда хунны окружили ханьского императора у деревни Байдын, в северном Шэньси, посоветовала ему заключить мир без территориальных уступок, ибо, говорила она, хунны, приобретя китайские земли, все равно не смогут на них жить. Модэ согласился с умной женой и заключил с императором «договор мира и родства» — замаскированную дипломатическую формулу капитуляции⁵³. Все остались жить дома.

В I в. до н.э. историк Сыма Цянь объяснил, почему при двадцатикратном численном перевесе ханьские войска не могли сломить хуннов. Он отметил несхожесть климата и ландшафта Китая и Срединной Азии и кочевого населения с оседлым. Поэтому он считал покорение чужой страны неосуществимым. А его продолжатель Бань Гу полагал включение хуннов в империю Хань вредным для империи и подробно обосновывал необходимость укрепления границы даже в мирное время, чтобы избежать ассимиляции ханьцев с хуннами⁵⁴. Оба историка за свою позицию попали в тюрьму. Сыма Цянь был изуродован, но освобожден, а Бань Гу умер в тюрьме. Гибели ученых добились китайские шовинисты, сторонники теории «Каин против Авеля», хотя для терминологии они употребляли другие слова.

Особенно процвела эта теория в Северной Америке. Там ее жертвой стали индейцы и даже бизоны, которых убивали как кормовую базу индейских племен. Даже шкур не снимали, потому что стреляли в стадо из окон вагонов трансконтинентальных поездов. С позиций принятого ныне системного подхода правы были хуннская дама и погубленные китайские историки, но представители спекулятивной философии, господствовавшей до XIX–XX вв., не знали ни закона сохранения энергии, ни биоценологии, ни учения о биосфере. Книги же писали именно они, а их оппоненты пасли скот, охотились, ловили рыбу и даже

подумать не могли, что надо перед кем-то оправдывать свой стиль жизни, столь естественный и удобный. Для них не было удивительно, что этносы, как люди и животные, рождаются, стареют и распадаются на части, которые затем образуют новые комбинации, т.е. новые этносы.

Рождение новой системы — результат энергетического импульса, конец ее — следствие затухания его инерции. Люди же, входившие в старую систему, при смене ее новой не умирают, а просто перестраиваются, не становясь ни лучше, ни хуже. А род занятий, будь то охота, земледелие, скотоводство, промышленность или научная работа в каком-либо НИИ — это другая система отсчета или, точнее, особый характер адаптации. И нет никаких оснований предпочитать авелей каинам или наоборот. И те, и другие уместны в своем геобиоценозе, а пассионарные толчки нарушают равновесие с окружающей средой. И нельзя сказать: хорошо это или плохо. Просто так есть! Это особенность биосферы, существующей вне нашего сознания и помимо него. Люди иногда портят окружающую среду, но этим их возможности взаимодействия с природой исчерпываются.

В концепции каинитов (будем называть их так для краткости) обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — обязательное введение в анализ качественного критерия: либо добра и зла, либо прогресса и регресса, либо света и мрака. Но ведь к явлениям природы оценки неприменимы. В самом деле, чем горы лучше или хуже равнин? Что прогрессивно: кислоты или щелочи? Можно ли предпочесть анионы катионам или циклоны антициклонам?

Этносы (по К. Марксу — гемайнвезен, в отличие от общества — гезельшафт) — природные коллективы, адаптированные в своих вмещающих ландшафтах. В сухих степях древнее земледелие было невозможно, а в дубравах и кипарисовых рощах — кочевое скотоводство бессмыс-

ленно. Ясно, что качественные оценки при сопоставлении разных ландшафтов неуместны, ибо всегда будут субъективны; северян изнуряет климат субтропиков, а южан — морозы Сибири. Ну и что? Даже не нужно спорить, кто из них прав, потому что понятие «правоты» к вкусам людей неприменимо.

Сказанное не означает утверждения, что все этносы одинаковы. Они различаются друг от друга по степени сложности системы, которая зависит от «возраста» этноса, что отсчитывается от момента первоначального импульса — пассионарного толчка. Это применение системного подхода, снимающее также и расизм, ибо «высших» и «низших» этносов быть не может, а могут быть только «старые» и «молодые», различающиеся по степени сложности этносоциальной системы. Хунны и аланы были ровесниками, но гунны, в силу ряда условий, имели более высокую пассионарность, что и сказалось на дальнейшем ходе событий.

ДИАЛОГ ОБ ЭТНОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ

Аммиан Марцеллин⁴ был, пожалуй, самым блестящим историком своего времени. О гуннах он писал в самом конце IV в.⁵⁵ и, судя по тональности, очень их не любил. Вряд ли он сам их видел, так как скончался наш автор в 400 г., а гунны достигли границ империи несколько позже⁵⁶. Вероятно, он записал рассказы какого-нибудь гота, потому что в этом повествовании мало реальной информации и чересчур много эмоций. Поэтому целесообразно не просто воспроизвести текст Аммиана Марцеллина, пусть даже с комментариями, что в свое время сделал автор этих строк⁵⁷, но перейти к критике информации, содержащейся в тексте Аммиана Марцеллина, не на основе сравнения с

параллельными текстами IV–V вв., ибо их нет, а на базе сопоставления с данными науки XX в., а именно: со статьей С. И. Руденко⁵⁸ и собственными соображениями автора этой книги. В дальнейшем сведения Аммиана Марцеллина пойдут под грифом А. М., С. И. Руденко — С. Р., а автора книги — Л. Г.

А. М. пишет: «Гунны живут за Мэотидским озером (Азовским морем) до Ледовитого океана. Дикость их нравов безгранична... Они похожи на животных или грубо отесанные чурбаны...»

И ниже: «В сраженьях они с криком бросаются на врага, *построившись клиньями*. Они ловки, и лошади у них быстры...»

Л. Г. Чему верить? Разве звероподобные дикари могут строиться в конные клинья и выводить табуны лошадей, т.е. заботиться о жеребятках?

А. М. «Они способны выносить всякие неудобства и лишения, так как вовсе не употребляют огня и не умеют готовить хорошую пищу. Они живут исключительно кореньями, травами и сырым мясом всяческих животных, которое несколько размягчают тем, что кладут его на спину лошадей и ездят на нем».

Л. Г. А что они едят зимой? Когда нет ни кореньев, ни трав? И как можно пережить сибирскую зиму без огня? Что это: ложь или ошибка?

С. Р. Внесем ясность: «Лошадь требует заботы с детства. Даже одомашненных лошадей, выловленных из табуна взрослыми, приходится укрощать и постепенно приручать. Выпущенные на свободу, такие лошади дичают, и за ними приходится охотиться, как за дикими. Мясо под седло кладут не для приготовления пищи, а для залечивания ран, натертых грубым седлом. Лошадей очень ценили и о них заботились. В древности хунны, саки и другие кочевники выводили высокопородных лошадей — скакунов и иноходцев. Номенклатура лошадей была разра-

ботана детально. У казахов и башкир было 22 наименования для лошадей по полу, возрасту и породе. Но для постоянного питания кочевникам необходимы овцы. Они же дают кизяк — калорийное топливо. В пустынях содержать крупный рогатый скот трудно. Казахи рода Адай обходились без коров», причем они жили в тех же природных условиях, что и гунны — между Каспием и Аралом.

А. М. Да, гунны «как будто приросли к своим некрасивым, но крепким лошадям и делают все свои обыкновенные дела, не слезая с них; день и ночь... сидя верхом, покупают и продают, едят и пьют, даже спят, наклонившись к шее лошади. На общественных собраниях они тоже не слезают с лошадей...»

Л. Г. Но ведь лошади устают, им надо пастись. Значит, каждый гунн должен иметь 10–12 лошадей, не считая жеребят и кормящих кобылиц. Где же столь обильные пастбища, да еще в зимнее время?

А. М. «Они кочуют, как скитальцы, на своих телегах; эти телеги — их жилища, там сидят их жены... ткут грубую одежду и держат подле себя детей». «Одежда у них льняная или кожаная, сшитая из шкур полевых мышек». (Так, см.: *Ант. Марс. XXXI. С. 2, 5; Ср.: Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 223.*)

Л. Г. Все непонятно! Если есть телеги, то их надо сделать: сидя на коне, телегу не сделаешь! И почему бы гуннам не спать с женами в тепле, ибо крытая кибитка хорошо защищает от холода. Если ткут льняную одежду, то откуда у них лен? А «полевые мыши», шкуры которых идут на одежду, — белки, горностаи, а то и соболя. Из шкур сусликов и тушканчиков тулуп не сшить; уж очень эти шкурки непрочные, а зимы в Западной Сибири холодные. И как эти нищие дикари могли побеждать?

А. М. «Издали они бьются, бросая дротики и пуская стрелы, наконечники которых искусно сделаны из заостренных костей... накидывают на врага аркан и делают его

беззащитным... не нападают на крепости и укрепленные страны».

Л. Г. Но если при таком несовершенном оружии, как костяные стрелы, которые не могли пробивать аланские катафракты (броню), гунны все-таки побеждали за счет прекрасной организации, то почему их надо называть дикарями?

А. М. «Они вероломны, непостоянны, увлекаются всякой новой мыслью, следуют внушению минуты». «Так живут они, подобно неразумным животным, не понимая разницы между добродетелью и пороком, не имея уважения к религии...»

Л. Г. Ну это просто декламация озлобленного гота или алана! А все-таки, как строилась жизнь и быт гуннов в Прикаспийских степях во II–IV вв.? Есть ли путь для получения более достоверных знаний?

С. Р. «За редкими исключениями археологические памятники, будь то поселения или могилы, дают слишком мало материала для суждения о хозяйстве различных племен древности. Там, где имеются письменные источники и орудия производства, задача выявления основных занятий народа облегчается. Там же, где их нет, для суждения о формах хозяйства остается едва ли не единственный путь — путь аналогий по этнографическим данным».

Л. Г. (перебивая) Значит, подтверждается формула строгого соотношения этноса с ландшафтом, опубликованная нами в серии статей в «Вестнике Ленинградского университета» в 1964–1973 гг.?

С. Р. Да, и в качестве наглядной аналогии можно взять быт казахского рода Адай, живущего ныне в тех же природных условиях, что гунны II–IV вв. Именно адаевцы практикуют «таборное», т.е. круглогодичное кочевание, которое наблюдалось в арало-каспийских степях и полупустынях у казахов и туркмен, в забайкальских степях у бурят и монголов.

Л. Г. Это значит, в тех же местах, где жили хунны и гунны! А «малосильные» хунны — юебань и тюрки-шато?

С. Р. Живя около гор, эти хунны вели «полукочеевое хозяйство, при котором кочевник, имея постоянное зимнее жилище, возвращается к нему ежегодно, пройдя через весеннее пастбище к летнему и через осеннее к зимнему.. Такого типа хозяйство обязательно сочеталось с земледелием, хотя бы в виде заготовки корма для скота, в каком бы малом количестве он ни заготавливался».

Не то было в прикаспийских полупустынях. «Непрерывная кочевая жизнь определяется природными условиями территории. Зимние осадки там настолько незначительны и зима так коротка, что лошади и овцы (а впоследствии и верблюды, пришедшие сюда с монголами в XIII в.) имели возможность в течение круглого года находиться на подножном корме. Пастушеский аул, в отличие от аулов полукочевых предков казахов, не имел сезонных пастбищ, покосов и пахотных угодий. Совместная пастьба и водопой стад, уход за ними и их охрана объединяли пастушеский аул. Размер общины определялся количеством скота, который можно было напоить из специально вырытого колодца в течение дня. Соответственно, возможностью вырыть колодец глубиной 3–6 метров. На северной окраине степи лошади паслись в речных долинах и на полянах, что очень затрудняло охрану животных от волков.

Для нужд средней семьи (гуннской или казахской) в 5 душ необходимо было иметь столько скота, чтобы поголовье его в общей сложности соответствовало 25 лошадям, исходя из следующего расчета. Одна лошадь равна пяти коровам, 6 овцам; двухлетка — 1/2 взрослой лошади, жеребенок — 1/4. Кроме того, лошади для перевозки жилища и верховые по числу взрослых членов семьи». Для содержания такого количества скота необходимо иметь области, где снежный покров не превышает 30 см, рельеф расчленен, чтобы ветер мог сдувать снег с

возвышенностей, и пастбища достаточно обширны при наличии питьевой воды. Этим условиям отвечают степи и предгорья Юго-Восточного Урала, Тянь-Шаня, Алтая и современной Монголии.

Добавлю, что кочевники были довольны своим бытом, который им не мешал пользоваться благами культуры и создавать сложные социальные системы, достаточно устойчивые, как будет видно ниже.

А. М. Но у гуннов нет ни дворов, ни домов... даже крытого тростником шалаша... Они кочуют на телегах (кибитках). Никто не может, ответить на вопрос: где его родина? Он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше...

Л. Г. Ответить на этот вопрос легко: родина их — вся Великая степь. Жилище на колесах — блестящее достижение архитектуры, мобильная юрта на колесах⁵⁹. А шалаша гунны перестали делать, так как войлок защищает от холода лучше, чем тростник.

Аммиан Марцеллин был введен в заблуждение своим информатором, сведения которого он воспринял некритично. Ведь по сути дела С. И. Руденко сказал о кочевниках то же самое, но с толковым анализом особого, непривычного строя жизни, с уважением к людям, умеющим жить по-своему. И он показал, что кочевой быт — оптимальный способ адаптации к специфическим природным условиям. Скифы и сарматы жили иначе, так как в Причерноморье снега глубокие и надо заготавливать на зиму сено, а это одно ведет к оседлости, а значит, сооружению укреплений, развитию ремесел, торговли и, наконец, работорговли.

Гуннам это не нравилось, но они-то своих вкусов никому не навязывали. Они 200 лет жили мирно, на опустелой земле, которую им не пришлось завоевывать. И поток обвинений на них, вероятно, удивил бы их, если бы они научились читать латинские тексты.

На этом можно кончить затянувшийся диспут и вернуться к изложению хода событий, сделав очень важную оговорку. Широко, даже слишком широко распространено мнение, что Великое переселение народов вызвано натиском гуннов. Так даже в учебниках пишут. А верно ли это? Об этом и пойдет речь.

СМЕНА ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

Изменения начались с природы, нет, не земного шара и даже не всего Евразийского континента, а интересующего нас региона — Великой степи. В середине IV в. желтое было перекрыто голубым, а смесь того и другого — зеленое. Муссоны понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а циклоны — атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатай. Река Или наполнила прекрасной водой впадину Балхаша; Сырдарья подняла уровень «болота Оксийского», снова превратив его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней туда же двинулась тайга. Сухие степи, бывшие доселе ареалом гуннов, стали сокращаться, и гуннскому скоту стало тесновато. Однако давняя дружба между немногочисленными пришельцами и редким населением Западной Сибири, видимо, повела не к конфликтам, а скорее наоборот — к углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена болгар и сабир носят приставку — «гунно»... Причислять себя к гуннам в VI в. было гордо.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы. Во II в. они покидали прикаспийские равнины, усыхавшие у них на глазах. Но это были их земли; это-то они помнили. И когда разнотравные злаковые степи поползли на восток, аланам должно было показаться, что выходцы с берегов Орхона и Селенги не должны жить на берегах Волги и

Ялика. Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, вечно меняющейся, и даже быстрее, чем жизнь этноса или существование социальной системы. Но, увы, сведения источников скудны. Известно лишь, что гунно-аланская война началась, по устарелым данным, в 350 г., а по уточненным данным — в 360 г.⁶⁰, и закончилась победой гуннов в 370 году.

Это более чем странно. Это противоречит здравому смыслу. Аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юечжам (согдам) и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы, лучшую пехоту III века.

За спиной у алан было громадное готское царство, созданное королем Германарихом. Оно простиралось от Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона⁶¹. Остроготы стояли во главе державы; визиготы, гепиды⁶², язиги⁶³, часть вандалов, оставшаяся в Дакии⁶⁴, тайфалы⁶⁵, карпы⁶⁶, герулы⁶⁷, их южные соседи — скиры и северные — росомоны⁶⁸, венеды⁶⁹, мордены (мордва), мерено (меря), тьюдо (чудь), вас (весь) и ряд других, смысл коих невосстановим, были их подданными. Готам принадлежал и степной Крым, и Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом готы были надежными союзниками алан, благодаря чему последние считали, что их тыл обеспечен.

Наконец, у алан были прекрасные крепости. Гунны брать крепостей не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не могли сделать ни римляне, ни персы?

Источники, т.е. соображения людей IV в., ничего путного не сообщают. Они только констатируют некоторые факты, отнюдь недостаточные для решения задачи. И за то им спасибо. Все-таки кое-что есть.

Вернемся к географии. Циклоны, проходившие в III в. по полярной зоне, в середине IV в. вернулись в аридную. Следовательно, в начале IV в. они обильно оросили гумидную, т.е. лесную зону. Там постоянные летние дожди и зимние заносы снега, весной таявшего быстро и заболачивающего лесные поляны, были крайне неблагоприятны для хозяйства лесных этносов. Потому готам, успевшим продвинуться в степи, к берегам Черного моря, удалось установить гегемонию на большей части юга Восточной Европы⁷⁰.

Балтские (литовские) этносы оставили следы своего пребывания по всей лесостепной и лесной зоне, вплоть до Пензы. Венеды заняли область между Вислой и Лабой (Эльбой). Но возможно, что, сохраняя автономию, оба эти этноса находились в сфере готской гегемонии, ибо в неблагоприятных климатических условиях им было трудно собрать силы для борьбы за независимость.

Итак, Германарих создал лоскутную империю, прочность которой обеспечивалась только высоким уровнем пассионарности самих готов и низким у части покоренных племен. Ну а у другой части: ругов, росомонов, антов?.. Этот вопрос надо рассмотреть особо.

КАК ДОБЫТЬ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ?

Это не просто. Если бы сохранившиеся источники, ныне изданные, переведенные и комментированные, давали толковый ответ на вопрос о первом столкновении Дальнего Востока с Крайним Западом, то нам было бы незачем писать эту главу. Но источники невразумительны. Поэтому на минуту отвлечемся от темы ради методики.

Хочется сказать слово в защиту Аммиана Марцеллина и его современников. Они писали чушь, но не из-за глупости или бездарности, а из-за невозможности прове-

ритель тенденциозную информацию. Ведь не мог же римский центурион ради научных интересов выправить себе командировку в Западную Сибирь?! Да если бы он даже смог туда поехать, то во время Великого переселения народов у него было слишком мало шансов уцелеть и вернуться, чтобы написать очередной том «Истории».

Итак, критическое отношение к древним авторам не осуждение их, а способ разобраться в сути дела. Но вот кого следует осудить, так это источниковедов XX в., убежденных, что буквальное следование древнему тексту — есть правильное решение задачи, и вся трудность — только в переводе, который следует каждому историку выполнять самостоятельно.

Буквальный перевод, сделанный филологом, обязательно будет неточным, потому что без знания страны (географии), обычаев народа (этнографии) и его традиций (истории) передать смысл источника невозможно. Если же за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже имеющуюся у него концепцию, а последняя всегда предвзята. Так, А. Н. Бернштам «сочинил»⁷¹ перевод текста надписи из Суджи и «родил», тем самым, великого завоевателя Яглакара, возникшего из неправильного перевода⁷².

А какой выход предлагает С. Е. Малов? Цитирую: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений» (с. 88). Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) вообще не переведены. Например: «Болчу — название реки» (с. 112). Где эта река? Как называется теперь? В каком атласе ее можно найти⁷³? Филологу это неважно!

Поэтому филологически правильный перевод — это сырье, требующее обработки.

Ну а если добавить к переводу хороший комментарий, как сделали Д. С. Лихачев и Е. Ч. Скржинская⁷⁴. Этим способом можно достичь адекватного восприятия текста источника, или, что то же, понять взгляды, воззрения и интересы древнего автора: Нестора или Иордана. Но ведь у читателя XX в. совсем другие запросы, требования к предмету, интересуют его иные сюжеты: не как думал Нестор или Иордан о передвижениях готов и гуннов, а почему эти передвижения совершались? И какое место они занимают либо в обществоведении, либо в науке о биосфере, т.е. в этнологии? Вот чтобы ответить на последний вопрос, написана эта книга. Потому в ней двухступенчатая система отсылочных сносок предпочтена прямой: сноскам на источники, ибо тогда пришлось бы давать собственный комментарий, дублирующий уже сделанный. А это было бы неуважением не только к Дмитрию Сергеевичу и Елене Чеславовне, но и многим другим историкам, труды которых были нами внимательно прочитаны и изучены.

Иными словами, соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Ни один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Но в одном я позволю себе не согласиться с С. Е. Маловым. Он пишет: «Я буду очень рад, если историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики» (там же). Наверное, академик пошутил! Ведь это то же, что рекомендовать строителю высотного дома самому выплавлять сталь из железной руды, самому изготавливать двухтавровые балки, самому поднимать их на кране и уже потом водворять на место. Знание древнего

языка для историка — роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказаться от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше. А для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход — попросту говоря, *событие*. Оно-то и является тем «кирпичом», из которого сооружают дворцы, замки и халупы. Тут другой первичный материал и другая методика, которую, в отличие от «филологической», можно назвать «криминалистической». Подобно тому как хороший детектив использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отслоив факты от источника, этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому, и читателю.

Начнем поиски удовлетворительной версии, объясняющей преимущества гуннов в IV–V вв. Аммиан Марцелин и Иордан объясняют победу гуннов над аланами их специфической тактикой ведения войны. «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они... подчинили себе, обессилив частыми стычками»⁷⁵. С традиционных позиций это объяснено было достаточно⁷⁶, но если мы хотим понять процесс как феномен, то оно слабо. В самом деле, почему аланы не переняли тактику гуннов? У них было время — целых 200 лет. Затем, гунны разбивали и готскую пехоту, вооруженную длинными копьями, на которые легко поднять и коня, и всадника? И наконец, у алан были крепости, где воины могли отдыхать: гунны же брать

крепости не умели. Нет, эта версия необходима, но недостаточна.

Сравним фазы этногенеза. Хунны и сарматы — ровесники. Оба этноса вышли на арену истории в III в. до н.э. Значит, 700 лет спустя они были в самом конце фазы надлома, причем хунны испытали феномен смещения — внешний разгром и раскол этнического поля. В этой фазе появляется много субпассионариев, разлагающих этносоциальную систему, или являющихся балластом. У алан так и было, а хунны сбросили свой балласт сяньбийцам, и хуннские субпассионарии быстро разложили сяньбийскую державу, вместо которой появились десять химерных этносов⁷⁷.

Но «неукротимые хунны», т.е. пассионарии, оказавшиеся на западе Степи, нашли выход из крайне тяжелого положения. Вместо того чтобы встречать и побеждать врагов, они стали искать друзей, где только было можно. И когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды. Вот что дал симбиоз!

Но симбиоз достигим лишь при наличии терпимости и взаимности. У субпассионариев первое бывает часто, но как следствие равнодушия, которое для тонких людей оскорбительно, а второго не бывает вовсе, ибо они принципиально эгоистичны. Поэтому субпассионарии презирают и часто ненавидят своих соседей и говорят про них гадости, как тот информатор Аммиана Марцеллина, о котором уже было рассказано. Чтобы установить симбиоз, надо иметь воображение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют акматической фазе этногенеза, т.е. молодости этноса. Гунны — это возвращенная молодость хуннов, но хватило ее только на сто лет. Впрочем, и этих ста лет могло бы не быть, так что нечего жаловаться на судьбу

Ведь за спиной у аланов стояла могучая держава Германариха из рода Амалов, короля готов. Остроготы, его родное племя, держали власть в державе, а другие три племени: герулы на востоке и визиготы с гепидами на западе — поддерживали силу державы. Готы были молодым этносом, находившимся в фазе подъема. Но, как юноши, они имели недостатки, свойственные этому возрасту. Их держава была построена на силе, т.е. на принципе силы, без уважения к обычаям соседей, без сочувствия к их слабостям (у кого их нет?) и без симпатии ко всем, за исключением римлян. Этими готы восхищались и даже переняли религию потомков Константина Великого — арианство. Но поскольку большинство византийцев — т.е. ромеев-христиан — держалось никейского исповедания, готы оказались в изоляции и тут. Да и митраисты — анты, венеды и склавины — видимо, не испытывали восторга от того, что ими управляли пришельцы, чуждые по крови и по религии. Список племен, якобы покоренных Германарихом, достигает 13 названий, но нам интересно одно — руги, и отчасти другое — росомоны.

Руги — германское племя, вышедшее с «острова Скандзы» задолго до готов. Готы застали ругов на южном берегу Балтийского моря и на островах около него. Может быть, на острове, ныне именуемом Рюген. Готы погнали ругов и их соседей — вандалов на юг, до берегов Дуная, и неизвестно — удалось ли готам упрочить свою власть над ругами или те сохранили самостоятельность, передвигаясь вверх по Дунаю до Норика (ныне — Австрия).

Руги нам интересны более других потому, что немецкие хронисты X в. называют киевскую княгиню Ольгу — царицей ругов (*Helena regina rugarum*; см. ниже). Следовательно, в их глазах народ «русь» был ветвью племени ругов. У Иордана обитатели среднего Приднепровья называются росомоны⁷⁸. Это несомненно предки древних ру-

сов⁷⁹, но каково их отношение к историческим ругам, рассеянными в V в. по Италии?

Было бы крайне соблазнительно признать росомонов за группу ругов, убежавшую от готов не на Дунай, вместе с прочими, а на Днепр, но доказать это невозможно, ибо росомоны упомянуты только у Иордана и один лишь раз. Зато ясно другое: росомоны, как и руги, вандалы и анты, были не в ладах с готами. Иордан называет их «вероломным народом» и считает виновниками в бедах готов. Думается, что он прав, но хороши готы, сумевшие возбудить против себя столько этносов. Заметим это и перейдем к изложению хода событий.

ОЛЕНЬ, ИЛИ НЕПРЕДВИДЕННАЯ ПОБЕДА

К 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения было очень далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского⁸⁰. Но предгорные крепости взяты не были⁸¹, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам, базирующимся на водораздельных степях⁸². Низовья Дона обороняли эрулы, этнос, по-видимому, не скандинавский, а местный⁸³, но покоренный Германихом и впоследствии огерманившийся. В истории Италии, которую они покорили под предводительством Одоакра в 476 г., этот этнос известен под названием герулов (*Gens Helulorum*).

Эрулы отличались чрезвычайной подвижностью и необыкновенным высокомерием. Они поставляли всем соседям легкую пехоту. О столкновении их с гуннами сведений нет. Это указывает на то, что гунны не пытались форсировать и низовья Дона. У них нашелся иной путь.

Однажды в 371 г. изрядно проголодавшиеся гуннские всадники, забредшие на Таманский полуостров, увидели пасущуюся там самку оленя и погнались за ней. Притиснутая к берегу моря олениха вдруг вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь»⁸⁴, перешла в Крым и убежала. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен»⁸⁵ захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии»⁸⁶, т.е. Северного Крыма⁸⁷.

Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа, тогда неукрепленного, и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои лучшие войска на берегу Дона, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья. И тогда началось!

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство»⁸⁸. Конечно, тут не обошлось без преувеличений⁸⁹. Многие остроготы остались с гуннами и сражались на их стороне на знаменитом Каталаунском поле, а потом против них на р. Недао. Но важнее другое: держава Германариха представляла собой не союз племен, а «лоскутную империю». Гунны, разбив остроготов, дали возможность завоеванным племенам освободиться и, надо думать, рассчитаться с иноземными захватчиками.

М. И. Артамонов отмечает, что археологическая «черняховская культура полей погребений» по своему характеру должна быть приписана готам. Она бытовала всего два века — III и IV вв. Даже если эта культура не была этнически монолитна, т.е. включала готов, сарматов и,

возможно, славян (антов), то остается фактом ее исчезновение в IV в., что совпадает с гуннским нашествием⁹⁰. Доводы М. И. Артамонова убедительны, но остается только одно сомнение: черняховская культура размещена в лесостепи; гунны — степняки, лес им был не под силу. Не помогли ли им местные славянские, литовские и угрофинские племена? Это уточнение не принципиально, но, как будет видно в дальнейшем, существенно.

Потом пострадали эллинские города бывшего Боспорского царства, в том числе Пантикапей (ныне Керчь). Эта область сохранила тень самостоятельности под римским верховным владычеством, но в IV в. была покинута римлянами на произвол судьбы. В эпоху Августа и Тиберия южнобережные города имели ценность как торговые центры. Степняки доставляли туда рабов и шкуры, а греки привозили вино и предметы роскоши⁹¹. Но в III в. готы заставили боспорцев предоставить им свои корабли для пиратских набегов на Малую Азию и Грецию⁹². После этого предательства римляне утратили симпатии к Боспору. И когда пришли с Северного Кавказа гунны, то они уничтожили все города Боспорского царства⁹³ без помех.

Почему? Почему сдались эллинские крепости, хотя известно, что гунны осаждают и брать города не умели? Хотя гунны были достаточно покорны своему вождю Баламберу — вот, даже имя известно — и, следовательно, дисциплинированы. Да и корабли у греков были, и море под боком... Немного энергии, и можно было отбиться или спастись!

Вот что такое — фаза обскурации. В этой фазе легче погибнуть, чем сопротивляться. А если бы и нашелся энергичный грек, предложивший способ спасения, то его бы постигла судьба Стилихона и Аэция⁹⁴, ибо статистические закономерности этногенеза неодолимы. Но последствия этого погрома были неотвратимы: Восточно-Римс-

кая империя, становящаяся Византией, оказалась в числе врагов гуннов. И это на пользу делу не пошло!

Вернемся на север, где как будто все должно быть иначе. Перейдя Перекоп, гунны столкнулись не с обскурантами, а с этносами, находившимися в фазе подъема. Энергии там было даже слишком много, но доминанты, которая бы направила эту энергию в заданное русло, не было. Германариху было уже 110 лет, и старик не может быть столь пластичным, чтобы быстро находить выходы и применяться к изменившейся ситуации. Визиготы тяготились его властью, ибо их королей сделали просто «судьями»⁹⁵, лишив титулов и власти. Всеми силами старались добиться независимости и визиготы, и гепиды, но хуже всех было венедам (славянам). Росомонку Сунильду Германарих за измену супругу приказал разорвать на части дикими конями. Тогда ее братья, Сар и Аммих, нанесли ему удар мечом в бок⁹⁶. Германарих не умер и не выздоровел, но стал управлять делами как больной старик, т.е. очень плохо.

Еще до этого Германарих подчинил «достойных презрения» венедам⁹⁷, которые были многочисленны и пробовали сначала сопротивляться. Так же он подчинил эстиев (не эстов, а литовское племя айстов)⁹⁸, приобретя, таким образом, большое количество подданных, от всей души ненавидевших остроготов. Поскольку гунны, в отличие от готов, искали не врагов, а друзей, то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт.

В 375 г. Германарих, видя неизбежность гибели, вонзил в себя меч, запоздав умереть лет на тридцать (тогда бы он наделал меньше глупостей), а остроготы частью подчинились гуннам, а частью ушли к визиготам, твердо решившим не сдаваться.

Визиготы управлялись родом Балтов (храбрых), издавна соперничавших с королевским родом Амалов (благородных), и отчасти поэтому приняли самостоятельное

решение, которое, как впоследствии оказалось, повело к этнической дивергенции: разделению одного этноса на два, взаимно враждебных. Так историческая судьба, или «сила вещей», как называли современники А. С. Пушкина логику событий, иногда влечет за собой далеко идущие последствия, а иногда затухает без всяких результатов. Это, конечно, выпад против исторического детерминизма, но для понимания дальнейшего отнюдь не лишний.

Гунны продолжали идти на запад. Визиготы ждали их на Днестре. Отряд гуннов в лунную ночь переправился через Днестр там, где не было охраны, напал на визиготов с тыла и вызвал панику. Большая часть готов бросилась бежать к Дунаю и там просила убежища у восточно-римского императора Валента. В 376 г они, с разрешения властей, переправились через Дунай, крестились по арианскому исповеданию⁹⁹ и перестали, таким образом, быть для нас интересными. Их история прекрасно изучена, и добавить к ней нечего.

Меньшая часть визиготов, языческая, во главе с Атанарихом, укрепились засеками в густом лесу (Гилее) между Прутом и Дунаем. Атанарих поставил в своем стане идола и жертвенник, на котором приносили в жертву пленным¹⁰⁰. Но поняв безнадежность дальнейшего сопротивления гуннам, Атанарих договорился с императором Феодосием и в 378–380 гг. перевел свое войско на службу империи на правах федератов-союзников с автономным командованием. Его воины и их дети стали служить Византии.

Иначе сложилась судьба остроготов. Готы после гибели Германариха попытались вернуть независимость и славу. Преемник Германариха Амал Винитарий «с горечью переносил подчинение гуннам»¹⁰¹. В конце IV в.¹⁰² он попробовал «применить силу, двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял их

короля Божа с сыновьями его и семидесятью старейшинами»¹⁰³.

Как понять такое странное самовольство? Видимо, рассказ Евнапия о свирепости гуннов был обычным преувеличением, которым страдают не только античные писатели, иначе откуда бы взяться большому войску, после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть остроготов, а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от остроготов при первом же их ослаблении¹⁰⁴.

Зато анты были «многочисленны и сильны»¹⁰⁵. Война с ними была трудной и, в конечном счете, губительной. Это был как бы вызов гуннам, путем ликвидации их союзника. Разумеется, гунны ответили. Через год после казни Божа гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитария и, после нескольких неудач, разбил войско и убил его стрелой в бою на р. Эрак (нижний Днепр). После разгрома Винитария в степи наступил долгий мир.

Гунны в начале V в. продвинулись на запад, но без военных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но посмотрим на ход событий, которых было очень мало, и на историческую географию этносов Паннонии.

В Дакии укрепилось готское племя гепидов, вождь коих Ардарих был личным другом Атиллы. Остроготы, ушедшие с визиготами в 376 г. в римские пределы, не ужились с ними. В 378 г. полководцы Алатей и Сафрах увели своих остроготов в Паннонию и поселились на берегах Дуная¹⁰⁶. В 400 г. на этой реке появились гунны. Мятежный готский федерат Гайна, проиграв столкновение с населением Константинополя, бежал за Дунай, был схвачен гуннами и обезглавлен¹⁰⁷. Около того же времени сын римского генерала Гауденция, Аэций, был заложником у гуннов и тоже подружился со своим сверстником — Аттилой и его дядей — Ругилой, который затем стал царем гуннов. Итак, гунны заняли Паннонию без войны, при

поддержке многих племен, среди которых, вероятно, были анты и руги. Вот так выглядело «губительное вторжение гуннских орд». Но ведь историю писали потомки Каина о потомках Авеля. Так что с них спрашивать?

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союзных с гуннами племен. Это были свевы — враги гепидов, вандалы — враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов — аланы. Эти этносы действительно, покинули свою родину, страшась гуннов. В 405 г. они ворвались в Италию. Вождь их, Радагайс, дал обет принести в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был окружен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот поход можно считать последствием гуннского нажима на этносы Европы. А ведь Великое переселение народов по общепринятому, и на этот раз правильному, мнению началось в 169–170 гг. Это маркоманская война¹⁰⁸, переход готов из Скандзы, но никак не появление кучки беглецов в заволжских степях — гуннов.

Однако главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули, и, кажется, мы уже знаем почему

Поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышенному увлажнению степной зоны вызвал расширение сибирского леса и лесостепи к югу, полоса сухих степей сузилась, а значит, сузился и гуннский ареал. Экстенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к калорийным степным травам, не могут жить на лесных, влажных кормах, а тем более добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвину-

лись на территории завоеванные, где было можно использовать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей, больше было нечем. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они могут получить только в Римской империи, но, без должной организации, их вторжения были сначала неудачны, потом полуудачны: римляне впустили бургундов в долину Роны, вандалов, свевов и аланов — в Испанию, визиготов — в Аквитанию, франков — в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель всегда считается с пожеланиями масс. Рутила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но он умер в 434 г., власть перешла к Атилле и Блеме — детям его брата Мундука, и... ох, как много случилось за эти двадцать лет!

АТИЛА, АЭЦИЙ И ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА

История европейских гуннов уже написана, и куда подробнее, чем это можно сделать в одном разделе одной главы. Но никто из историков не ставил себе задачи показать уникальное соотношение старца, юноши, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека. А в это жуткое двадцатилетие, когда решались судьбы этносов Европы и даже путей развития культур, ситуация была именно такова.

Переведем образ в академическую терминологию. В V в. римский суперэтнос находился в фазе обскурации: он почти переставал существовать. Но Восточная Римская империя была сильна, ибо многие обитатели Малой Азии,

Сирии находились в акматической фазе этногенеза. Там прошла ось пассионарного толчка, и христианские, гностические и манихейские общины всосали в себя тех юных пассионариев, которым была противна самовлюбленная античная пошлость. Они спорили друг с другом, проповедовали свои учения всем желавшим слушать, интриговали и защищали стены своих городов, что давно разучились делать те, кто оставался в полузабытом язычестве. И в отличие от их ровесников — германцев у них была этническая доминанта, философема, переданная им неоплатониками. Эта философема не существовала в глубокой древности, ни в эллинской, ни в иудейской, ни в египетской. Первым неоплатоником был Христос.

Однако этим энергичным пассионариям страшно мешали субпассионарии, расплодившиеся за три века имперского благополучия и изобилия. Они отнюдь не были «низами» общества. Многие из них пролезали на высокие посты и на средние должности. Но где бы они ни находились, они безжалостно разьедали тело римской цивилизации, не желая думать о завтрашнем дне, а тем более — о неизбежном конце.

Не будем ограничиваться собственными соображениями, а выслушаем беспристрастного современника событий. В 448 г Приск Панийский в ставке Аггилы, где он был в составе посольства, встретил грека, богато одетого в «скифские» одежды; разговорились, и Приск записал слова этого грека.

«Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны... ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дела, тот должен понести налагаемое законом наказание». Приск возразил, что законы римлян гуманные и «рабы имеют много способов получить свободу». Грек ответил: «Законы

хороши и общество прекрасно устроено, но властители портят его, поступая не так, как поступали древние»¹⁰⁹. Грек отметил вариабельность стереотипа поведения, как главный фактор, дающий людям жить. Культура — дело рук человеческих — стабильна, а римский суперэтнос уже вступил в последнюю фазу: мечтатели оплакивали уходящую культуру, а другие ее проедали. И пока готы не разрешили античного населения в Македонии, Фракии и Элладе настолько, что подготовили пустые места для славян, т.е. до VI в., Византия была заключена в городских стенах, а Гесперия¹¹⁰, где эти стены пали, вообще исчезла с карты мира.

Германцы, ровесники византийцев, не имели такой культурной традиции, способной объединить их в суперэтническую целостность. Наоборот, пассионарный толчок, не будучи направлен, разорвал даже те связи, которые у них были в первые века н.э. Чтобы объединиться, им было нужно начальство; и они нашли его в гуннах.

Гунны, как и их соперники — аланы, и хунны в Северном Китае переживали страшную фазу надлома, или неуклонного снижения пассионарного напряжения этнической системы. На этом фоне достоинства отдельных личностей меркли. Лишенные своей экологической ниши, они были вынуждены получать необходимые им продукты или как дань, или как военную добычу. На чужой земле они превратились в хищников, которые вынуждены охотиться на соседей, чтобы не погибнуть, и пользоваться услугами этносов, на них непохожих и им неприятных, но крайне нужных.

Пассионарность их была разжижена из-за включения в их среду многочисленных угро-финнов, за счет коих они пополняли потери в боях. Угро-финны были очень храбры, выносливы и энергичны, вполне лояльны гуннским вождям, но сердце их билось в другом ритме, их собственном, вследствие чего они образовали гунно-угорскую химеру.

До V в. их сочетание не носило такого характера, ибо они жили в разных экологических нишах: в степи и в лесу, а когда их задвинула в окруженную горами долину Дуная историческая судьба, да еще добавила к ним кельтов — бастарнов, дакийцев — карпов, сарматов — язигов и кое-какие роды славян, то все изменилось, и отнюдь не к лучшему.

В инерционной фазе находились только персы. Сасанидский Иран — это союз трона и алтаря, потомков парфян и потомков эламитов из города Аншана, с добавкой потомков саков и арамеев, мидян и бактрийцев. Это была стройная система, напоминавшая империю Августа, Траяна и Марка Аврелия. Ужасы обскурации были для персов еще будущим, хотя уже недалеким.

Вот на каком фоне развернулись события, связанные с деятельностью двух упомянутых в заглавии персон.

Аттила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая. Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, болгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость дикого гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Сначала Аттила делил власть со своим братом Бледой, но в 445 г. убил его и сосредоточил власть в своих руках. При совместном их правлении гунны, а точнее — присоединившиеся к ним племена, совершили набег на Балканский полуостров и дошли до стен Константинополя. Они сожгли 70 городов, от Сирмия до Наиса. Но добыча их была меньше ожидаемой, так как на полуострове уже

дважды похозяйничали визиготы. В 447 г. Феодосий II заключил с Атиллой унижительный мир, обязался платить ежегодную дань и уступил южный берег Дуная от Сингидуна до Наиса, но сменивший Феодосия Маркиан расторг этот договор в 450 г., заявив, что его подарки — для друзей, а для дерзких врагов у него есть оружие. Атила был не только обидчивый азиат, но и дипломат. Он рассчитал, что на западе достигнет больших успехов, и решил двинуть свои войска в Галлию.

У него для похода был повод — просьба принцессы Гонории обручиться с нею и, что важнее — союзники: один из франкийских князей, изгнанный из своего отечества, и король вандалов — Гензерих, взявший столицу провинции Африки — Карфаген. Римлян можно было не бояться, но хорошо продуманный поход дал неожиданный результат. У Агилы оказался противник, достойный его и по личным качествам и по уровню пассионарности, — Аэций.

Аэций (род. около 390 г.), сын германца и римлянки, был представителем нового поколения, новой породы пассионариев, которое подняло раннюю Византию. Красивый, сильный мужчина, он не имел равного в верховой езде, стрельбе из лука, метании дротика. Честолюбие и властолюбие были лейтмотивом его бурной биографии. На его глазах мятежные легионеры убили отца; он дважды был у гуннов: то как заложник, то как изгнанник. Он свободно говорил на германских и гуннском языках, что располагало к нему легионеров, среди которых уже не было уроженцев Италии. Карьеру он сделал быстро, но ревность к славе и власти породила в нем вражду к наместнику провинции Африки — Бонифацию, честному, доброму и способному «последнему римлянину», как потом назвал его историк Прокопий¹¹¹. Аэций оклеветал Бонифация и спровоцировал его на мятеж. Бонифаций в 429 г. пригласил на помощь вандалов из Испании. но те,

как водится, захватили эту провинцию для себя. Бонифаций вернулся в Рим и оправдался, ибо действительно потеря Африки была вызвана интригами Аэция.

Тогда Аэций, командовавший войсками в Галлии, пошел походом на Рим. Бонифаций, командуя правительственными войсками, разбил Аэция, но, раненный копьем, скоро умер (432 г.). Аэций бежал к гуннам, где его принял царь Ругила, но после его смерти, происшедшей в 433 г., вернулся и в 437 г. был вторично назначен консулом. Третий раз он получил эту должность в 446 г. До тех пор многократно консулами бывали только императоры¹¹². Но ведь только Аэций умел заставить варваров сражаться за ненавистный им Рим.

Если вдуматься в историческую ситуацию середины V в., то между Аэцием и Атилией наблюдается некоторый параллелизм. Оба стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых было чуждо своим правителям и по крови и по религии, да и по всему этническому облику. Во главе восточной коалиции германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной — германо-кельтско-аланской — римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев.

Все варвары, вторгнувшиеся в начале V в. в Галлию: визиготы, бургунды, аланы, армориканцы (кельты из Валлиса, переселившиеся на материк в V в., после чего полуостров был назван «Бретань»), франки и отчасти алеманны, были усмирены Аэцием, который мобилизовал их друг против друга. А местные жители сражались против него: это было движение багаудов. Аэций подавил его с помощью гуннских отрядов, присланных ему Атилией, и Атилией пришлось подавлять сопротивление своих подданных акациров — «старшего войска»¹¹³, подстрекаемого византийскими лазутчиками. Один из старейшин, обиженный тем, что грек вручил ему подарок второму, а не

первому, как следовало, обиделся и донес Аттиле о заговоре. Тем и кончилось: карательная экспедиция, отрубленные головы, принятие покорности от уцелевших...¹¹⁴ все как обычно и как везде.

Аттила и Аэций были приятелями в детстве. Ссориться им было незачем. Но правители зависят от масс не меньше, чем те от них. А в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в покое. В Византии рост пассионарности породил борьбу церковных направлений, а в среде варваров — войну, в которую были втянуты гунны и Рим, хотя воевали, в основном, германцы. Война началась в 450 году.

ВОЙНА 450—472 ГГ. И ЭТНОГЕНЕЗ

Каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в социальном, культурном, государственном и т. д. Нам, для нашей темы, нужен этнический аспект. Посмотрим, какие этносы сражались под руководством Аттилы? «В его войске были, кроме гуннов, бастарны, скиры, остроготы, гепиды, герулы, руги, алеманны, часть франков, бургундов и тюрингов»¹¹⁵. Здесь перечислены только германские и кельтские этносы, а прочие, видимо, объединены под названием «гуннов», в том числе — биттогуры, или «Черная Угра»¹¹⁶, и анты, которые, как верные союзники гуннов, не могли не участвовать в походе.

Список этносов, самоуправляющихся, независимых друг от друга и связанных только политическими договорами, никак нельзя именовать «племенным союзом», как это легкомысленно и слишком часто делается. С равными правами можно было бы называть племенным союзом Австро-Венгрию или даже Антанту — союз Великобритании, России и Франции против Германии.

Равным образом не было «племенным союзом» войско, собранное Аэцием: визиготы, аланы, армориканцы, саксы, часть франков, бургундов и какие-то литицианы, рипарии, олибрионы¹⁷. Но возникает вопрос: если этих людей не гнали в бой их короли, то зачем они пошли на войну? Без науки об этногенезе этого объяснить нельзя, а с этнологией — очень просто. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. Нам понятно, что люди хотят сидеть дома и «есть курку с маслом», а начальники их гонят в бой; а при подъеме пассионарности — люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии делают то же самое, только с другими мотивами и результатами: без цели и без смысла.

Подробное описание этой войны выполнено неоднократно. Достаточно напомнить читателю основные факты. На пути в Галлию гунны (так мы будем условно называть разноплеменное войско Аттилы) разбили бургундов и уничтожили их королевство, затем, разрушая все города на своем пути, дошли до Орлеана и отступили от него. В 451 г. на Каталаунской равнине гунны приняли бой с подошедшими войсками Аэция. Битва была кровавой, но победа не далась никому Аттила отступил, Аэций его не преследовал.

В 452 г. Аттила возобновил войну. На этот раз он вторгся в Италию и взял самую сильную крепость — Аквилею. Вспомним, что степняки-гунны крепостей брать не умели. Значит, тут постарались остроготы и гепиды. Разграблена была вся долина По. Медиолан и Павия сдались, чтобы, отдав имущество, сохранить жизнь людей. Аэций имел слишком мало войск для активного отпора гуннам.

Римляне просили мира и предложили Аттиле громадный выкуп за уход из Италии. Аттила принял предложение, ибо в его войске возникла эпидемия, и гунны покинули Италию. В 453 г. Аттила женился на бургундской

красавице Ильдиго, но умер в брачную ночь. В следующем, 454 г., гуннская держава развалилась, и в том же году (24 сентября) император Валентиниан заколол Аэция собственной рукой во время аудиенции.

Остроумные римляне говорили, что император левой рукой отрубил себе правую. Так оно и было. В 455 г. вандалский король Гензерих взял Рим и отдал город на двухнедельное разграбление своим воинам. Дальнейшая история Италии — это агония, уже даже не этноса, а его осколков. Но поскольку происходила она далеко от Каспия, вернемся к гуннам.

Исходя из всего вышесказанного, следует заключить, что название Аттилы «Бичом Божиим» вполне неоправданно. Конечно, он был человек волевой, умный и талантливый, но так зажатый этнической ситуацией, что ради спасения себя и своего народа вынужден был плыть только по течению, которое несло его со страшной силой. Так ведет себя акробат на канате под куполом цирка без страхующей его сетки внизу. Любой ошибочный шаг... и неизбежная гибель.

Гунны в Паннонии были окружены со всех сторон враждебными подданными; поэтому они оказались на поводу у большинства, которое их не любило. На Каталаунском поле напор Аэция удержали не союзники гуннов, а их богатыри, которые полегли на поле боя. В Италии много гуннов умерло от эпидемии в непривычном климате. Восполнить потери было нечем, ибо акациры в Северном Причерноморье были, как уже говорилось, ненадежны.

Аттила умер вовремя. Наследство, им оставленное, было губительно для его сыновей и его близких. Заслуга Аттилы перед своим народом только в том, что он отдалил гибель гуннов на двадцать лет, а среди европейцев оставил память, едва ли не мифическую. Но Великое переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось

и после их исчезновения, ибо это был феномен планетарного масштаба.

Итак, Аэций и Атила на персональном уровне — талантливые герои, на этническом — индикаторы контактных ситуаций, на суперэтническом — детали грандиозных процессов, бессильные их исправить или изменить. Однако суперэтнические процессы не только можно, но нужно изучать, как метеорологию или сейсмографию. Так, своевременно зная о цунами, можно уйти в горы и спастись. А это далеко не бесполезно.

ТРИ ПОРАЖЕНИЯ

Смерть Атилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда после похорон сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинившиеся Атиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой Иордан повествовал красочно и невразумительно: «...можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его (гепида? — предполагает Е. Ч. Скржинская) ране, и свева, отважно действующего дубинкой, и гунна — стрелой, и алана... с тяжелым, а герула — с легким оружием»¹¹⁸.

Кто был за кого? Из текста это неясно. Известно, что остроготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы, т.е. язиги¹¹⁹. А вот руги и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г., они бьются против готов на р. Болии¹²⁰. А поскольку Одоакр покорил часть ругов, то надо полагать, что герулы,

на которых он опирался, были врагами ругов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были ясны, и он не мог представить читателя, который не знает столь общеизвестных деталей. А что будут думать и знать через 1500 лет, ведь и из наших историков никто не предполагает.

В этой битве погиб любимый сын Атиллы — Эллак и 30 тысяч гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллака — Денгизих и Ирник — увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остроготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик, кроме тех, которые нашли приют в Византии.

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те, в свою очередь, были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают, вместо них, быть союзниками империи»¹²¹.

Ныне эти странные для греков названия расшифрованы и ход событий восстановлен с законным допуском¹²². Сарагуры, оногуры и уроги — угры, предки древних болгар; савиры — этнос самодийской группы¹²³, населявший окраину сибирской тайги; абары — джунгарское племя, их соседи — мукрины, предки киргизов, известные во II–V вв. как «Западная сяньбийская орда»¹²⁴. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно вынужденную событиями на юго-востоке? И не только это, а и то, почему эта война стала

возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними бежала полоса пустыни.

Вспомним, что в середине IV в. изменили путь своего прохождения атлантические циклоны¹²⁵. Они начали смещаться к югу и увлажнять не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легко проходимой. Тогда события, происходившие в Средней Азии, отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

Казалось бы, повышенное увлажнение Великой степи — благо, но для савиrow оно обернулось бедой. Значительная часть их покинула родину, но не нашла счастья на чужбине. Они побеждали, но не могли пользоваться плодами побед. Те, которые по западному берегу Каспийского моря прошли в Иран, были вынуждены отдавать свои жизни на службе у персидских шахов или византийских императоров¹²⁶. Северные савиrow ославились по языку, но долгое время боролись с россами и антами¹²⁷, а потом с царством Московским. В XVII в. они еще сохраняли свой древний этноним: «севрюки». Под этим именем они пополняли войска Болотникова.

Итак, оптимизация природных условий Великой степи привела к беде три этноса: савиrow, болгар и акациrow, — но считать ее злом тоже неправильно. Циклоны, проходя через лесную зону, наполнили влагой истоки Волги и ее притоков, из-за чего уровень Каспия поднялся на 3 м и образовалась знаменитая волжская дельта, которую заселили выходцы с низовий Терека — хазары¹²⁸. Они получили роскошные земли, но что из этого вышло? Посмотрим!

Так что же все-таки этнические контакты, миграции и смены климата: благо или беда? Очевидно, ни то, ни другое, ибо природа не знает таких категорий, как «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», «прогресс» и «регресс». Природа вечно меняет ландшафты и их наполнение —

этносы. Подобно всем природным неуправляемым системам, этносы возникают, как определенные целостности, и исчезают, теряя системные связи. А люди? Они входят в состав иных этносов и продолжают жить, забывая утраченное прошлое.

Конечно, такие перемены не безболезненны. Отдельные особи или персоны гибнут, но ведь во всех фазах этногенеза смерть индивида неизбежна. Так что разница здесь непринципиальна. Процессы этногенеза, как жизни организмов, дискретны: они имеют начала и концы. И нам осталось описать конец гуннов.

КАТАСТРОФА

После болгарского удара в спину — разгрома акациров — положение гуннов было безнадежно. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и неистребимое угорское упорство. Так как оба предка обучили потомков не бояться смерти в бою, то Денгизих продолжал войну с готами. Его поддерживали три гуннских племени (ултзинзуры, биттогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, — ангискиры¹²⁹. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао¹³⁰. Готы напали на садагов в 60-х гг. V в., но Денгизих произвел нападение на город Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить в покое садагов и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в свои степи Поднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам — врагам не только гуннов, но и Византии, Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил внезапный и удивительный отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему?

Ведь готы были врагами не только гуннов, но и греков?! Очевидно, надо внимательно разобраться в византийских делах.

Готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378—468) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы: македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев — просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами¹³¹, готы охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством в жертву воинственным варварам.

На Западе свев Рицимир, на Востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть (пассионарность). Но Восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 463 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и направо его голову в Константинополь.

Официальная версия гласит, что гунны совершили набег на Византию. Но вдумаясь: гунны были окружены: с запада им грозили готы, с востока — болгары, с севера — савиры. Где уж тут начинать новую войну, и чего ради? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, так как можно было получить благодарность от готов. Поэтому было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда Аспар был убит и гвардейцы его перебиты в 471 г.

исаврийскими войсками, находившимися под командой будущего императора Зинона, выяснилось что гунны переходят Дунай не для войны, а чтобы вступить в подданство империи. Им были выделены земли в Малой Скифии (Добрудже)¹³². И на этом история гуннов кончилась. Их сменили племена ранних болгар: кутургуров, и утургуров, и огоров (угров). В VI в. степи до Дона и берега Черного моря подчинили тюркюты¹³³, которым помогли хазары. Но о хазарах речь впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Иордан считал готов потомками гетов, конечно ошибочно. С. 195.
- ² Дата появления готов на Черном море (весьма приблизительно: «время Каракаллы» (211–217). (См.: *Вебер Г.* Всеобщая история. Т. IV. М., 1893. С. 449.)
- ³ См.: *Гумилев Л.Н.* Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. 1960. № 4. С. 120–125. (Приведена литература.)
- ⁴ См.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны / Тр. туркологического семинария. Т. I. Л., 1926. С. 118–119 (предложил применить название «гунны» для европейской ветви хуннов, дабы избежать путаницы. Применять же современное китайское чтение иероглифов — «сюнну» — равно безграмотно и антипатриотично).
- ⁵ См.: *Иностранцев К.А.* Указ. соч.
- ⁶ См.: *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung-nu. Bizantion, American Series. III. Т. XVII. 1925. P. 222–243; The Legend of the Origins of Huns. Ibid., 244–252.
- ⁷ См.: *Гумилев Л.Н.* Некоторые вопросы... // ВДИ. 1960. № 4. С. 120–125; *Он же.* Хунну. С. 236–249.
- ⁸ См.: *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951.
- ⁹ См.: ВДИ. 1952. № 1. С. 101–109; Сов. археология 1953. Г. XVII. С. 320–326

- ¹⁰ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Второе издание — Л., 1989.
- ¹¹ См.: Maenchen-Helfen O. Op. Cit. P. 244–252.
- ¹² См.: Гумилев Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ. 1960. № 4. С. 120–125.
- ¹³ См.: Иордан. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁴ Там же. С. 195.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. № 3. С. 164–174.
- ¹⁷ См.: Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1. С. 129–140.
- ¹⁸ См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 103–113 (приведена литература).
- ¹⁹ Именно предки вогулов (манси) в первых веках н.э. имели наибольшую территорию, и этнонимы манси, мадьяр и мишар — всего лишь звуковые варианты одного имени. (См.: Чернецов В.Я., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 190.)
- ²⁰ См.: Скржинская Е.Ч. Комментарии в кн.: Иордан. С. 222–223.
- ²¹ Бичурин (Иакинф). Собрание сведений... Т. III. Приложения, карта 3 (время Сань-го).
- ²² См.: Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966. № 18.
- ²³ См.: Рихтер В.Г. Донные отложения Кара-Богаз-Гола как индикатор колебаний уровня Каспийского моря // Бюл. МОИП. Отд. геологии. 1961. Вып. 1.
- ²⁴ См.: Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen Samojedem und die jienisseischen Völkern // Acta Orientalia. Т. III. Budapest. S. 88–89, 99.
- ²⁵ Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов. С. 163–192.
- ²⁶ Сиуртя — слово самоедское; применяется также к Заволоцкой Чуди. (См.: Ефименко П.С. Чудь Заволоцкая. Архангельск, 1869. С. 24, 42, 86; Записки Географического общества. 1864. № 2. С. 49 (Шаманство в Сибири))

- ²⁷ См.: *Серебрянников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 41.
- ²⁸ См.: *Haldu P.* Op. cit. 5. 88–89, 99; *Эрдейи И.* Большая Венгрия // *Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1961. № 13. S. 309–319.
- ²⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.). Колебания увлаженности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 37–39.
- ³⁰ *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. С. 85.
- ³¹ См.: *Берг Л.С.* Беседа со студентами Московского университета // *Вопр. географии.* 1951. № 3. С. 68–69.
- ³² См.: *Altheim F., Stiel R.* Die Araber in der Alten Welt. Bd. V. Teil 2. Berlin, 1969. S. 507–525.
- ³³ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 18–19.
- ³⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 249; Т. III. С. 19.
- ³⁵ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Серединой Азии. Чебоксары, 1960. С. 365.
- ³⁶ Там же. С. 557–562.
- ³⁷ См.: *Марцеллин Аммиан.* Вып. II. С. 198–191.
- ³⁸ См.: *Hannestad K.* Les relation de Byzance avec la Transcaucasic et L'Asie Centrale au V et VI siècles. Byzantion. T. XXV–XXVII. Bruxelles, 1957. P. 450.
- ³⁹ Ibid. P. 120
- ⁴⁰ Подробнее см.: *Гумилев Л.Н.* Колебания степени увлажнения и миграции народов в Юго–Восточной Европе с II по IV в. // *Autes du VII e Congrès International' des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques.* Prague, UNESCO. 1971. P. 951–955.
- ⁴¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 35–37.
- ⁴² См.: Евхерий, епископ Лиона около 530 г. Цит. по: *Робертсон Джемс С.* История христианской церкви. Т. I. СПб, 1890. С. 133.
- ⁴³ См.: *Робертсон Д.С.* Указ. соч. С. 170.

- ⁴⁴ См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. С. 447–451.
- ⁴⁵ См.: Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИ–ИМК. Вып. VI. 1940. С. 5.
- ⁴⁶ Рыбаков Б.А. Древние русы // Сов. археология. 1953. Т. XVII. С. 23–104; Ср.: Скржинская Е.Ч. Комментарии в кн.: Иордан... С. 279.
- ⁴⁷ «Поляне, яже ныне рекома Русь». (См.: Лихачев Д.С. Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1950. С. 21.)
- ⁴⁸ Блестящий комментарий Е.Ч. Скржинской см.: Иордан... С. 274–279 (приведена литература).
- ⁴⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии... Т. 2. С. 229.
- ⁵⁰ Из краткого упоминания о деяниях императора Тацита (275–276) видно, что аланы были в союзе с готами. См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. IV. С. 515.
- ⁵¹ «Потоп» в Месопотамии имеет две даты: вавилонскую, по поэме «Энума Элиш» — 2379 г. до н.э., и еврейскую, по Библии — 2355 г. до н.э. (См.: Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Геогр. общ-ва. Т. XVI. М.; Л., 1957. С. 220–221, 262).
- ⁵² См.: Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Географ. общ-во СССР. II., 1973. С. 101–108.
- ⁵³ См.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 66; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 51.
- ⁵⁴ См.: Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. I. С. 51, 55, 57, 93–96.
- ⁵⁵ См.: Марцеллин Аммиан. История. Т. III. Кн. XXXI. С. 236–243.
- ⁵⁶ Византийское посольство к гуннам в Северное Причерноморье было в 412 г. (См.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 55.)
- ⁵⁷ См.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 241–247.
- ⁵⁸ Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Л., 1961. С. 2–15.
- ⁵⁹ См.: Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980. С. 19–21.

- ⁶⁰ См.: *Скржинская Е. Ч.* Иордан... С. 270.
- ⁶¹ См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 593.
- ⁶² *Визиготы* и *гепиды* — западные разделы готов.
- ⁶³ *Язиги* — сарматское племя в Паннонии.
- ⁶⁴ Другая часть вандалов, сдавшаяся римлянам, была поселена в Британии в 277 г. (См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 517.)
- ⁶⁵ *Тайфалы* — германское племя, жившее в IV в. на Серете; союзники готов, но другого происхождения. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 251.)
- ⁶⁶ *Карпы* — могучее племя на нижнем Дунае, Пруте и Серете. По-видимому, дакийское, воевавшее в III в. с римлянами, будучи в союзе с остроготами. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 252–254.)
- ⁶⁷ *Герулы* — «скифское» (т.е. не германское) племя, жившее у Азовского моря, покоренное Германарихом. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 279.)
- ⁶⁸ Об этих особо, ниже. (*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 279.)
- ⁶⁹ Северные, т.е. прибалтийские славяне; южные назывались «склавины».
- ⁷⁰ Эти сведения Иордана вызывают сомнение у *Е. Ч. Скржинской* (С. 268). Однако если считать, что венеды и айстии, т.е. славяне и балты (литовцы), находились на границе владений Германариха и подчинение их было формальным, как это часто бывало в средние века, то очертания державы Германариха у древних и новых авторов расходятся только в деталях, т.е. в пределах допуска.
- ⁷¹ См.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л. 1952. С. 88.
- ⁷² Там же. С. 85–90.
- ⁷³ *Болчу* — ныне р. Урунгу в Джунгарии. (См.: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.)
- ⁷⁴ Сноски даны не на всю литературу вопроса, а на заключения новейших авторов, дабы не подменять историю историографией и повторением критики устарелых соображений.
- ⁷⁵ *Иордан.* Указ. соч. С. 91.
- ⁷⁶ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунну. С. 247.
- ⁷⁷ См.: *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. С. 25–43.

⁷⁸ См.: *Иордан*. Указ. соч. С. 91.

⁷⁹ См.: *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Сов. археология. XVII.

⁸⁰ «По ту сторону Мэотиды» (*Марцеллин Аммиан*. XXXI. 2, 1).

⁸¹ Автору удалось в одной из экспедиций побывать в такой крепости, над долиной Сулака. Обрыв в долину неприступен, валы, видимо, были грандиозны: они защищали поселение с горной стороны, поросшей густым лесом. Такие замки конница брать не может, да и следов разгрома на городище нет.

⁸² Средний Дон окаймляют три террасы. На нижней — прибрежный лес (тугай), на средней — степь с колками (рощами) — прекрасным укрытием для местных жителей и их отрядов. Вспомним, что донские казаки защищались от ногайцев с XIII по XVIII в. Чтобы их разбить, нужен был большой численный перевес, а «бесчисленные полчища гуннов» — плод фантазии европейских историков. Гунны в этой войне кормились охотой, следовательно, могли передвигаться только малыми отрядами, совмещая охоту с войной. Да и было их до 370 г. очень мало. Положение изменилось потом.

⁸³ Источник Иордана, Аблавий, относит эрулов к «скифам». Историю вопроса см.: *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 89, 266–267; отождествление этнонимов «эрул — герул» наша гипотеза.

⁸⁴ *Иордан*. Указ. соч. С. 90–91.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Е.Ч. Скржинская начинает свой комментарий словами «Легенда об олене» (Указ. соч. С. 271) и солидаризируется скорее со скептиками, нежели с Иорданом и Зосимой, автором второй половины V в. Иордан приписывает этот трагический для готов переход через море злым духам — предкам гуннов (там же), а Зосима пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил, им (гуннам) перейти пешком из Азии в Европу» (Там же. С. 271). Я верю Зосиме, и вот почему. Быстрый перенос пути циклонов из Заполярья в степь в IV в. должен был

вызвать бурную гумидизацию лесной зоны, где берут начало Волга, Дон и Днепр. При половодьях эти реки снесли в устья размытую почву и создали на Волге дельту, в низовьях Дона — бар, который впоследствии был размыт волнением Азовского моря. Поэтому больше оснований для доверия к источнику, нежели для скепсиса, свойственного авторам, привыкшим считать свой уровень знаний за наивысший. Так Лавуазье отверг сведение о найденном метеорите. Он сказал: «Камни с неба падать не могут, ибо на небе нет камней». Истина часто бывает неожиданной.

⁸⁸ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом *В.В. Латышев*. Греческие писатели. Т. I. СПб., 1893. С. 726.

⁸⁹ См.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 51.

⁹⁰ Там же. С. 46–51.

⁹¹ См.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. М., 1949. С. 272.

⁹² Там же. С. 211.

⁹³ Еще в 336 г. Боспор принадлежал римлянам, но вскоре после этого Рим перестал заботиться о судьбе греков, живших в Крыму (см.: Там же. С. 268.)

⁹⁴ Оба героя были предательски убиты римскими императорами.

⁹⁵ См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 593.

⁹⁶ См.: *Иордан.* Указ. соч. С. 91–92.

⁹⁷ Там же. С. 90: «хотя теперь (в VI в.) они свирепствуют повсеместно...» Вот граница пассионарного толчка. Венеды, а потом саксы и франки получили пассионарность от генетического дрейфа и, отстав на старте, выиграли в финише.

⁹⁸ См.: *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 221.

⁹⁹ Валент был ревностным арианином.

¹⁰⁰ См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 594.

¹⁰¹ *Иордан.* Указ. соч. С. 115.

¹⁰² См.: *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 320.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 206–208.

¹⁰⁵ Пожалуй, только это одно и бесспорно в антской проблеме. Все суждения историков расходятся друг с другом настолько, что перечислять их в этой главе нецелесообразно, ибо это увело бы нас в сторону от интересующих нас вопросов: о характере контактов гуннов с народами Европы. Сводку и разбор историографии см. у *Е. Ч. Скржинской* в цитируемом комментарии. Мое мнение согласуется с теми авторами, которые считают антов славянами и предками полян (см. ниже)

¹⁰⁶ См.: *Иордан*. Указ. соч. С. 92.

¹⁰⁷ Там же. С. 301.

¹⁰⁸ См.: *Вебер Г.* Указ. соч. С. 310.

¹⁰⁹ *Дестунис Г.С.* Сказания Приска Панийского. СПб., 1861. С. 55–58.

¹¹⁰ Западная Римская империя; название позабылось к VI в.

¹¹¹ Он также назвал Аэция, но тут с ним нельзя согласиться. По характеру, страстности, отсутствию патриотизма и авантюризма Аэций больше ранний византиец, чем поздний римлянин. И недаром он родился на берегах Нижнего Дуная, а не Тибра или По. Ни он не любил италиков, ни они его.

¹¹² См.: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 302.

¹¹³ См.: *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 56. (Примеч. ред. *Л.Н. Гумилева.*)

¹¹⁴ Там же. Указ. соч. С. 55.

¹¹⁵ *Вебер Г.* Указ. соч. С. 670.

¹¹⁶ См.: *Европеус Д.* Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб., 1874. С. 3.

¹¹⁷ См.: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 307.

¹¹⁸ *Иордан*. Указ. соч. С. 118.

¹¹⁹ См.: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 341.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Сказания Приска Панийского. / Пер. *Дестуниса*. Уч. зап. II отд. ИАН. Кн. VII. Вып. 1. 1861. С. 87.

¹²² См.: *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа. // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 106–109; *Он же* Хунны в Китае. С. 200–201. Приведена литература.

- ¹²³ См.: *Найди Р.* Ор. cit. S. 88–89.
- ¹²⁴ См.: *Бичурин И.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Серединной Азии / Сост. *Л.Н.Гумилев* и *М.Ф.Хван.* Чебоксары, 1960. С. 542, 549, 553.
- ¹²⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V в.) // *Вестн. Ленингр. ун-та.* 1966. № 18. С. 81–90; *Он же.* Истоки ритма кочевой культуры Серединной Азии: Опыт историко-географического синтеза // *Народы Азии и Африки.* 1966. № 4. С. 85–94.
- ¹²⁶ См.: *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 60–78.
- ¹²⁷ См.: *Шевченко Ю.К.* На рубеже двух этнических субстатов Восточной Европы. С. 39–58.
- ¹²⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. С. 63–64.
- ¹²⁹ См.: *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 340.
- ¹³⁰ Там же. С. 333.
- ¹³¹ Арианство, принятое готами случайно — при их договоре с императором Валентом в 376 г., затем стало символом этнического самоутверждения восточных германских племен, знаменем, противопоставленным никейскому исповеданию, которому покровительствовал враг готов — император Феодосии I. То, что догматическое разногласие — спор о «единосущии» и «подобосущии» — было непонятно безграмотным готам, очевидно. Ведь это различие в буквальном переводе с греческого пропадает. Но люди, в критических фазах этногенеза, думают не о философии, а о том, где свои, а где враги? При этнических контактах исповедание — только индикатор связи: положительной или отрицательной.
- ¹³² См.: *Иордан.* Указ. соч. С. 20; *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 336.
- ¹³³ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 35–39.

V. В АРЕАЛЕ ЗАТУХАЮЩЕЙ ПАССИОНАРНОСТИ

МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМИ И ПРИРОДНЫМИ ЗАКОНОМЕРНОСТЯМИ

А теперь обратим лицо к восходящему солнцу и посмотрим на последствия вековой засухи в Великой степи, покинутой хуннами во II в. и оставленной табгачами в IV в. (около 326 г.). В III в. страна от северных склонов Иньшаня до южных отрогов Хамар-Дабана почти полностью потеряла свое население, ушедшее на окраины растущей пустыни. Но в середине IV в. тихоокеанские муссоны понесли животворную влагу в степь, которая быстро начала зеленеть. Тогда туда вернулись травоядные копытные, за ними пришли хищники — волки и наконец там появились храбрые и сильные люди: жужани — осколки разбитых в Китае сяньбийских и хуннских родов¹ и теле, ранее жившие на окраине державы Хунну Теле изобрели телеги на высоких колесах, весьма облегчившие им кочевание по степи. Они были храбры, вольнолюбивы и не склонны к организованности. Формой их общественного строя была конфедерация 12 племен, из которых ныне известны якуты, теленгиты и уйгуры. Этноним их сохранился на Алтае в форме «телеут». Так мы и будем их называть.

Жужани, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировала всех соседей и после удачных

внезапных набегов укрывалась на склонах Хэнтэя или Монгольского Алтая. Захваченные в плен, они находили способ убежать. В 411 г. жужани покорили саянских динлинов, вернее — остатки их, и Баргу; в 424 г. разгромили столицу империи Тоба-Вэй; в 460 г. взяли крепость Гаочан (в Турфанской впадине), а в 470 г. разграбили Хотан. Жужани были проклятием кочевой Азии и всех соседних государств. Но и этому осколку эпохи надлома должен был наступить конец.

В социальном аспекте жужани — типичная военная демократия, в политическом — орда, что буквально значит: «ставка хана». События их истории и гибели известны и подробно описаны, а вот место их в этнической иерархии и роль этногенеза в биосфере следует установить.

Отметим некоторые важные детали. Жужани, как этническая целостность, не имели предков. Основателями этого ханства были отдельные люди, разного происхождения, часто преступники или дезертиры, которым в Северном Китае грозила казнь. Наиболее энергичные предпочитали бегство в пустующую степь, а там они составляли шайки, способные прокормиться грабительскими набегами. Подобным образом вели себя флибустьеры Карибского моря, пока их «подвиги» не пресек английский флот. Значит, это была большая консорция, неспособная вырасти в этнос, так как она не имела обратной связи с вмещающим ландшафтом, а паразитировала на соседних этносах, что и было ее доминантой.

Итак, у жужаней не было ни экологической ниши, ни культурной традиции, зато была в избытке пассионарность, но не оригинальная, а импортная. Поэтому соседние этносы сохранили о жужанях недобрую память. Чингиз Айтматов передает о них жуткую легенду. Жужани будто бы надевали на головы пленных чехол из свежей кожи, которая, обсыхая на солнце, сдавливала череп и деформировала мозг. Подвергнутый этой операции плен-

ник терял разум, и его использовали как послушного работника в домашнем хозяйстве. Верно это или нет, но сам факт существования такой легенды показывает степень жестокости жужаней, как превышающую нормы III—VI вв., что не противоречит обобщенным характеристикам китайских хроник.

Гнет жужаней на окрестные этносы вызывал восстания, последнее из коих — тюркютское — закончилось разгромом жужаней в 552—555 гг. и уничтожением всех взрослых пленников; детей и невольников тюркюты пощадили. Даты существования жестокой социальной системы жужаньского ханства — 360—555 гг. Эти 200 лет падают на конец фазы надлома и начало инерционной фазы, в коей отмечается подъем хозяйства и военной мощи. Однако и то, и другое осуществили органичные этносы: тюркюты и телеуты, имевшие родину, кормившую их, и предков, передавших им давнюю традицию. Жужани же, не имея предков, не оставили и потомков. Их система была социально-политически безукоризненна, но, не имея этнической основы, сменила знак доминанты и превратилась в антисистему, т.е. не творческую, а паразитирующую на соседях. Конечно, если бы в IV в. был в пустыне Гоби пассионарный взлет, жужани, как римляне, спаялись бы в этнос, но его не было, и потому потомки западных хуннов вернули этногенез Центральной Азии в надлежащее русло. Чтобы разобраться, как это произошло и откуда появились победители жужаней — тюркюты, окинем взглядом хуннский этнос в конце V в. с высоты птичьего полета.

Прежде всего отметим, что три ветви хуннов: хунны в Китае — княжество Хэси, акациры — старшее войско и гунны — потеряли политическую независимость в одно десятилетие — с 460 по 468 г., и четвертая ветвь — Юебань в Семиречье — отстала от своих соплеменников лишь на 20 лет. Да и эти годы она продержалась лишь из-за отсутствия мощных соседей, ибо жужани воевали с теле-

утами, а эфталиты не сочли прибалхашские степи, куда они вторглись в 460 г., достойными завоевания². Им было куда приятнее одерживать победы в Индии и Иране. Поэтому они оставили Юебань в жертву телеутам, которых все-таки подчинили, но позднее, в 495—496 гг.³

Это не могло быть случайным совпадением. Социально-политические ситуации во всех четырех случаях непохожи друг на друга, следовательно, они должны были бы дать и разные последствия, но результат оказался один и тот же, значит, был еще фактор, общий для всех четырех ветвей.

Общей была только фаза этногенеза — надлом пассионарности, после чего этнос, если не погибнет, может перейти в инерционную фазу, когда пассионарное напряжение низко и стабильно, а именно эта коллизия дает возможность консолидации всех уцелевших сил и, соответственно, укреплению политической мощи этнической системы. Но гуннам фазу надлома пережить не удалось. Нет, их никто не истреблял. В V в. войны велись за власть, за господство, за обладание сокровищами — т.е. золотыми и серебряными украшениями, пригодными для подарков любимым женам и очаровательным невестам, но не было ни одной войны на истребление людей. Не было геноцида — грандиозного достижения западноевропейской цивилизации⁴. Не было трагедий, похожих на освоение Тасмании. Еще жили в американских лесах гуроны, начтезы, майданы, а в горах — инки. Еще не была загадкой этническая принадлежность македонян, потому что потомки этих завоевателей жили среди греков, так же как потомки каледонян, называемых римлянами — «пиктами» (татуированными), спокойно общались с кельтами на вересковых пустошах современной Шотландии.

То, что имя гуннов стало синонимом жестоких убийц, — очередной миф, созданный древними авторами в угоду готским вождям, фактически контролировавшим

Испанию, Галлию, Рим и Константинополь. Поэтому и гуннов никто не уничтожал. Был не геноцид, а рассеяние (дисперсия) с последующим преобразованием поведенческих стереотипов.

Иными словами, потомки разбитых гуннов вошли в состав болгар и антов (славян), поволжских угров, что породило этнос чувашей и прикавказских аланов; не менее вероятно, что отдельные гуннские удалыцы могли найти приют у тюрингов и даже франков. Таким образом, потомки гуннов уцелели в достаточном числе, но этническая система распалась, так как оборвались связи и традиции. Это и есть конец этноса.

У читателей может сложиться мнение, что пассионарность — благо, порождающее прогресс. Это не так. Пассионарность не генератор, а катализатор. Она так ускоряет этнические процессы, что многие этносы сгорают от собственных деяний, не дожив до спасительного гомеостаза.

И наоборот, за пределами прямого воздействия мутации, там, куда пассионарность попадает генетическим «дрейфом», этносы организуются, усиливаются и оставляют могучее потомство и устойчивую традицию. Не вечны и они, но их распад идет более плавно и конец наступает менее болезненно.

Начнем с известного. Где мужественные готы, неукротимые вандалы, героические севеы и руги? Они погибли в своем расцвете, в акматической фазе этногенеза, ибо силой своего пассионарного напряжения были выброшены с родной земли, или, точнее, из привычного ландшафта, кто в Италию, кто в Испанию, кто в Африку. Жесткая обратная связь этноса с ландшафтом была нарушена... и они исчезли так же, как гунны, и по той же причине.

А франки, алеманны, саксы и англй не переселялись, а расселялись. Они просто расширили свой ареал, не порывая связи с окружающей средой. И они дожили до нового толчка, до IX в., когда из галлов, франков и

бургундов сложились французы, а из англов, саксов, югов и бриттов (кельтов) — англичане.

Впрочем, если быть точным, приоритет принадлежит древним китайцам.

То же самое было на востоке от оси пассионарного толчка II в., где уцелели болгары, угры, финны и балтийские этносы, а то, что было на этой оси, сторело бесследно: квады, бастарны, карпы, тайфалы, лугии... От них остались только имена, упоминавшиеся римскими географами. Так же было и в Азии.

В зоне хунно-сарматского толчка IV в. до н.э. уже к V в. не осталось жунов и ди. Зато в стороне от него, в Западной Сибири и в Поволжье, сохранились угры и болгары, которые пережили фазу надлюма. Им принадлежало будущее. Точно так же, вспыхнув, исчезли «неукротимые» хунны — потомки соратников Модэ и их победители — сяньбийцы, а часть хуннов, подчинившихся в свое время сяньбийцам и кочевавших на Западе, уцелели на склонах приютившего их Алтая. Здесь появились новые хозяева Степи.

АЛТАЙСКОЕ УКРЫТИЕ

Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке пересечен цепью горных кряжей: Алтаем, Тарбагатаем, Сауром и, наконец, Западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор — одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей Степи: гузов, канглов, карлуков и даже куманов.

По отношению к степным соседям, Алтай — крепость «Крутой скат» (Эргене Куй), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища — северные склоны речных долин, опаленные южным

солнцем, а для охоты — южные склоны, поросшие густым лесом, по которым солнечные лучи только скользят, не иссушая почву и не сжигая растения. В чистых речках много рыбы, на опушках леса — птицы. Короче говоря, Алтай — самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая. И не случайно, что именно на Алтае началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая.

Однако для того чтобы пользоваться дарами природы, надо самому быть энергичным, смелым и творческим. Географическая среда может помочь или помешать, но она не заменяет пассионарности, ибо последняя — тоже природа, только расположенная внутри этноса. Фаза надлома — возрастная болезнь этноса, катаклизм, который надо уметь пережить, что удастся не всегда и не всем.

Во время жестокой эпохи перелома, перемоловшей все племена в муку, военные отряды часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и прочих. Во главе одного такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд вместе с семьями воинов через Гоби на север, поселился на склонах Алтая и «стал добывать железо для жужаней». Это были предки этноса «тюрк». Этноним не надо путать с современным значением этого слова — лингвистическим. В XIX в. их называли по-китайски «тю-кю» — тюркют по-монгольски. Так и мы будем их называть, «Ут» — монгольский суффикс множественного числа. Тюркютами называли тюрков жужани, разговорным языком коих был сяньбийский, т.е. древнемонгольский⁵. Но Алтай укрыл за своими хребтами не только дружину Ашины.

Китайская историко-географическая традиция сохранила смутные сведения об «отрасли дома Хунну от Запад-

ного края (так назывался в древности бассейн Тарима) на запад». Это, безусловно, слух о державе Аттилы, т.е. гуннах, по легенде начисто истребленных соседями; уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица убежала на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей, а о дочерях нет и помина. По прошествии нескольких поколений некто Асянь-ше (Арсланшад) вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана⁶. Дальше идет нормальная история каганата, включающая, наряду с изложенной, еще две версии происхождения тюркютов (древних тюрков), менее романтических, но более вероятных и, скорее, более верных. Но речь идет не о том. Разумеется, понимать легенду о мальчике и волчице буквально — неправомерно. Важнее отдельные детали.

Мальчик брошен в болото, похожее на озеро Балатон, около которого гунны потерпели сокрушительное поражение. Венгерское название «балатон» произошло из славянского «болото», так что гуннский перевод верен.

Волчица, родившая от искалеченного ребенка десять сыновей, — образ, такой же, как «галльский петух», «английский леопард» Плантагенетов или «русский медведь» Пещера, в которой скрылись потомки волчицы, — центральная часть Горного Алтая, место, весьма пригодное для укрытия.

И наконец, тюркские ханы сами себя считали, по психической структуре, волками, и слово «Ашина» обозначало «Благородный волк», хотя корень слова монгольский.

Этот сюжет введен в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четверной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский

язык, тот — на китайский, а последний — на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так поэма превратилась в изложение сюжета, как если бы кто-либо составил пересказ «Песни о Нибелунгах», убрав из нее все поэтические удачи.

«Песнь о Нибелунгах» здесь приведена не случайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, потому что пергамент лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста.

Но что дает этот скучный пересказ науке, стоит ли эта недостоверная информация того, чтобы уделять ей внимание?

Пожалуй, стоит. Она показывает, что при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, что этническая традиция, она же — сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, что западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т.е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости, ибо гуннам и тюркютам предательство гепидов и сарагуров представлялось именно таковым. И последнее, эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершали, и теперь мы знаем почему: незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновили их на подвиг.

Так сомкнулись две нити повествования: историко-географическая и этнологическая, причем первая подтвердила правильность второй. Объединение орды Ашина с племенами хуннов усложнило этносистему и сделало ее способной к сопротивлению, а потом и к завоеваниям. Пребывание этноса в привычном ландшафте повело к восстановлению кочевого хозяйства и развитию ориги-

нальной культуры. Тюркский период был продолжением хуннского, хотя социальные формы изменились: вместо родовой державы возникла орда, но сменившие тюркютов уйгуры вернулись к родоплеменной системе, так что, очевидно, обе формы сосуществовали, образуя «эль»⁸.

ИНЕРЦИОННАЯ ФАЗА — ТЮРКСКИЙ «ВЕЧНЫЙ ЭЛЬ»

Если этнос во время катаклизма не распался и сохранил здоровое ядро, оно продолжает жить и развиваться более удачно, чем во время пассионарного перегрева. Тогда все мешали друг другу, а теперь — выполняют свой долг перед родиной и властью. Трудлюбивые ремесленники, бережливые крестьяне, исполнительные чиновники, храбрые копьеносцы, имея твердую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие планы, какие в эпоху «расцвета» казались мечтами. В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы — продуманные и взвешенные.

Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной. Именно в этой фазе римляне назвали свою столицу — «Вечный город», тюрки свою державу — «Вечный эль», а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же еще? Лишь социальное развитие идет по спирали, а этническое — дискретно, т.е. имеет начала и концы. Инерционная фаза в Великой степи продолжалась 200 лет (552–747) и закончилась трагически: этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи, имя да еще генофонд. А может быть, это не так уж мало?

Вихрь времени ломал дубы — империи и клены — царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она встала неповрежденной. Рассеянные потомки хуннов

и смяббийцев были геноносителями, и их пассионарность сплавления отдельные популяции (субэтноты) — осколки былых великих степных народов — в новые оригинальные, не очень похожие на своих предков этноты. И даже если последние исчезли, как гунны или тюркюты, в стихии степной войны или вытеснялись на окраины вековыми засухами, рассыпаясь на горстки полуголодных семей, цепь превращений не прерывалась до тех пор, пока шел прогресс этногенеза и сохранялся пассионарный генофонд. Менялась и фаза этногенеза. Вот почему непрерывная линия этнокультурной динамики «хуннского» (степного) суперэтноты в отличие от всех прочих (рис. 3.) состоит из последовательности сменяющих друг друга этносов, а не названий эпох или династий. Именно в результате одного из таких «перерождений», когда в Великой степи господствовали свирепые жужани, на Алтае появились тюркюты. В 552 г. их глава — потомок Ашины Бумынкаган, подчинив телеутов, одержал полную победу над жужанями. А уже в следующие три года его сын Муганькаган, покончив войну с жужанями, вышел к бассейну Желтого моря, а его брат Истемикаган достиг Аральского, подчинив Центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм. Вскоре к тюркютам примкнули остатки хазар, болгары-утургуты (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы. Эфталиты и огоры (угры) были побеждены. Так из княжества создалась степная империя — Великий Тюркский каганат.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, надо было создать жесткую социальную систему Тюркюты ее создали и назвали «эль».

В центре этой социально-политической системы была «орда» — ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос «кара будун» или «тюрк беглер будун» — тюркские беги и народ;

почти как в Риме: «сенат и народ римский». Термин «орда» совпадает по смыслу и звучанию с латинским *ordo* — орден, т.е. упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крыльями. Восточные назывались «толос», а западные — «тардуш». Это, все вместе, было ядро державы, заставлявшее «голова склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы — покоренные племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не по искренней симпатии.

И вот что интересно. Вместе с усложнением социальной структуры идет снижение эстетического уровня. Искусство тюркютов — надгробные статуи — хотя и эффектны, но и по выдумке, и по исполнению несравнимы с хуннскими предметами «звериного стиля». Тюркютское искусство уступает даже куманскому, т.е. половецкому, сохранившемуся в европейской части Великой степи. Но это не вызывает удивления: тюркюты все время воевали, а это не способствует совершенствованию культуры. Зато оружие, конская сбруя и юрты — все то, что практически необходимо в быту, выполнялось на исключительно высоком уровне. Но ведь такое соотношение характерно для инерционной фазы любого этногенеза.

По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху Принципата, когда были завоеваны Прирейнская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакция, Каппадокия и Мавритания, или как Англия и Франция в XVIII–XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее Хунну, ибо он взял контроль над «дорогой шелка» — караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото, пристававшее к липким рукам согдийских купцов-посредников.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства: Бей-Чжоу и Бей-Ци — охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан

говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности». (Два мальчика — Чжоу и Ци.)

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она соглашалась оплатить любое количество шелка, но торговый путь шел через Иран, который тоже жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, но строго ограничивал, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Обостренная экономическая коллизия повела к войнам каганата с Ираном, но тюркюты, в отличие от хуннов и гуннов, использовали изобилие высококачественного железа и создали латную конницу, не уступающую персидской. Но победы они не достигли. Войны повели к истощению сил не столько социальной системы каганата, сколько самого тюркютского этноса, ибо от торговли шелком выигрывали и богатели согдийские купцы и тюркские ханы, а не народ. Но пока не сказал своего слова обновленный Китай, положение и расстановка сил были стабильны. Они изменились в начале VII в., когда снова в историю вмешалась природа, и произошел раскол каганата на Восточный и Западный — два разных государства и этноса, у которых общей была только династия — Ашина.

Восточный каганат был расположен в Монголии, где летнее увлажнение стимулировало круглогодичное кочевание, при котором пастухи постоянно общаются друг с другом. Навыки общения и угроза Китая спланивали народ вокруг орды и хана, и держава была монолитна.

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня. Увлажнение там зимнее, и надо запастись сеном для скота. Поэтому летом скот и молодежь

уходили на джейляу — горные пастбища, а пожилые работали около зимовий. Встречи были редки, и навыков общения не возникло. Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация. 10 племенных вождей получили в виде символа по стреле, почему этот этнос называется «десятистрельные тюрки». Ханы Ашина вскоре потеряли значение и престиж, ибо их собственная тюркютская дружина была малочисленна, и вся политика определялась вождями племен. Китай был далек, Иран — слаб, караванный путь обогащал тюркскую знать. Вот на этой-то дороге шелка совпали интересы тюрков и хазар

ТЮРКЮТЫ И ХАЗАРЫ

Этнополитические контакты проходят двояко. Иногда пришлым войскам приходится ломать сопротивление аборигенов; тогда завоевание проходит болезненно для обеих сторон и бывает неустойчиво. Иногда же местная ситуация такова, что появление пришельцев воспринимается как подарок судьбы, как способ упорядочить внутренние конфликты, например, межплеменные войны. Так, тласкаланцы и тотонаки поддержали испанцев Кортеса, дабы избавиться от ацтекских завоеваний, связанных с сезонными жертвоприношениями покоренных людей богу Уицтлилопочтли. Так русские войска спасли грузин от персов, турок, лезгин и черкесов. И так оказались полезны тюркютские дружины Истеми-хана хазарам, обитавшим в обширной дельте Волги и лесистой долине Терека, ибо степняки — черные болгары и горцы Серира (Дагестан) давили на хазар с севера и юга.

Когда появились тюркюты, то хазары сочли за благо поддержать их, и не просчитались. Тюркюты подчинили своей власти все степные племена от Алтая до Дона⁹ и перенесли острие войны в Закавказье, где были их главные

противники — персы, парализовавшие караванную торговлю шелком. Хазары вместе с тюркютами ходили громить Азербайджан и Грузию¹⁰ и привозили оттуда богатую добычу. Когда же Тюркский каганат пал под ударами империи Тан, хазары освободились и создали собственную державу, но ханами их остались тюркюты из династии Ашина. К 650 г. Хазария превратилась в мощную страну благодаря удачному симбиозу с тюркютами. Этот контакт правильной назвать даже не симбиозом, а ксенией¹¹.

Вспомним, что этническая «ксения» имеет тенденцию образовывать субэтнос, потому что инкорпорированные, но не ассимилированные этнические группы берут на себя какую-либо этносоциальную функцию, благодаря чему структура этноса усложняется. Аналогичная ситуация возникла в Англии в XIII—XIV вв., когда французы, приехавшие с Плантагенетами из Анжу и Пуату, пополнили феодальную знать, чем усилили конное войско, а покоренные валлийские кельты поставляли отборных лучников. Это позволило Эдуарду III и его сыну — Черному Принцу — одержать во Франции несколько блестящих побед.

Но обязательным условием для устойчивости «ксении» является этническая совместимость составляющих ее элементов, т.е. принадлежность их к одному суперэтносу. Реликты-персистенты легко контактируют с соседями, особенно когда те не затрагивают их быт. Так гасконские бароны влились в маленькое войско Черного Принца и отстояли Бордо и Байонну от превосходящих сил французов и кастильцев. Ту же роль по отношению к тюркютам выполнили хазары. За это тюркюты, не жался жизни, отстояли независимость Хазарии, а значит, дома и сады, которые были бы сровнены с землей, женщин и детей, которых бы продали на невольничьих базарах, обычаи и священные места, которых не щадили фанатичные мусульмане.

Все это потеряли жители цветущей Кавказской Албании (Северный Азербайджан) и высоких нагорий Дагестана, ибо они не нашли искренних и храбрых друзей. Хазария же возглавила силы сопротивления арабам и, благодаря этому, расширила сферу своего влияния до Крыма и Аральского моря, до Кубани и Оки, до Десны и Сакмары.

Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и болгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар. Но поскольку этносы входили в систему единого «хуннского» суперэтноса, межплеменные столкновения не переходили ни в истребительные, ни в завоевательные войны. Все эти этносы жили натуральным хозяйством, которое всегда тесно связано с природными особенностями вмещающих ландшафтов. Гузы привыкли к сухим степям и полупустыням, где снежный покров тонок и не препятствует круглогодичному кочеванию. Но эти степи были не нужны уграм, населявшим лесостепную зону Западной Евразии, и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном. Там зимой выпадает много снега, следовательно, необходимы заготовки сена для скота, значит, кочевой быт невозможен; скотоводство должно быть отгонным.

Но никому из перечисленных этносов не были нужны поймы рек, заселенные хазарами, равно как и хазарам нечего было делать в степях и окаймляющих их лесах. Каждый из этносов занимал свою экологическую нишу. Родина хазар находилась в низовьях Терека и Сулака. В древности, когда уровень Каспия стоял на абсолютной отметке минус 36 м, т.е. на 8 м ниже, чем в XX в., прибрежная равнина была гораздо шире, чем сейчас, и смыкалась с устьем Волги. Здесь процветало рыболовство и отгонное скотоводство, составлявшее основу хазарского натурального хозяйства. Ныне большая часть этой равнины покрыта морем, но только до крутых предгорий горно-

го Дагестана. Эти-то трансгрессии Каспия не пострадали даже в XIII в., когда был достигнут уровень моря минус 19 м и большая часть Хазарии оказалась под водой¹².

Но, приняв тюркютский генофонд, хазары преобразились так же, как в свое время хунны на Алтае или угры в Поволжье, и стали ведущим этносом в циркумкаспийском регионе. Хазарские ханы в VI–VIII вв. господствовали не только в низовьях Беленджера, и на окраине «Черных земель» — там стояла на берегу Терека их столица Семендер. И тут и там они взаимодействовали с соседями: в степи с аланами (осетинами) и черными болгарами (балкарцами), которых они легко победили, а на юге — с горцами.

Не только маленькая группа алтайских монголоидных тюркютов¹³, но и вассалы, сопутствовавшие им в походах, вошли в состав хазарского этноса в течение VII–VIII вв. Одни ассимилировались, другие сохранили свой этнический облик. Так, барсилы авторы X в. перестали отличать от хазар, а печенеги, до IX в. приходившие в Хазарию с востока как друзья и союзники, с хазарами не смешались¹⁴ — очевидно, кочевой быт привлекал их больше, чем изобильная жизнь оседлых хазар. Но дружбе это не мешало. Хазар, барсилы, тюркюты, телесцев, печенегов связывала не общность быта, нравов, культуры и языка, а нечто другое — общность исторической судьбы: наличие общих врагов и единство политических задач, основной из которых было стремление не погибнуть, а уцелеть от агрессий Халифата Омейядов. И до начала IX в. хазары справлялись с этой задачей блестяще. Так же, как и их спасители тюркюты, хазары были, видимо, веротерпимы. Поэтому этническая пестрота каганата не препятствовала образованию государственной целостности, а наоборот, делала ее разнообразной и, следовательно, устойчивой полиэтнической системой. Так, на границе Хазарии с горным Дагестаном, в стране Беленджер

прослеживаются следы миролюбивого сосуществования хазар с албанами. Церкви на городище Чир-юрт имеют монофизитские кресты¹⁵, а не греческие, православные. Это говорит о том, что городское население Беленджера были албаны, жившие под нетяжелой властью хазар, которые терпимо относились и к другим своим христианским подданным, обращенным византийскими проповедниками. Византия не стремилась к расширению территории, но усердно распространяла свою культуру — православие, полная уверенности, что единоверцы против нее воевать не будут. Уже в I в. н.э. апостол Андрей посетил северный берег Черного моря, по-видимому, Тавриду¹⁶, служившую убежищем скифам. Если даже после его отъезда в Крыму остались обращенные скифы, то при падении скифского царства на рубеже II–III вв. эта традиция угасла. И хотя авторы III–IV вв. Тертуллиан (ум. в 240 г.), Афанасий Александрийский (ум. в 373 г.) и Иоанн Златоуст (ум. в 407 г.), говоря об успехах христианской проповеди, упоминают скифов и сарматов, нет уверенности, что под этими названиями они подразумевают именно исторических скифов и сарматов или, точнее, что это упоминание не метафора¹⁷. Однако из этих отрывочных упоминаний можно сделать вывод, что христианство в Причерноморье в III в. было известно. Выше было отмечено, что в IV в. христианство приняли готы; западные — арианское, а восточные — никейское исповедание. Готы-ариане, разбитые гуннами, ушли в Европу, а восточные остались в Крыму и на Северном Кавказе, где оказались в сфере влияния Византии, а затем Хазарии.

Терпимость к православию внутри каганата подтверждается и политической ориентацией Хазарии на Византию.

Византия была страна сильная, богатая, в меру воинственная, но поглощенная постоянной войной с врагами хазар: арабами и болгарами. Поэтому Хазария и Византия

были естественными союзниками. Традиции дружбы и взаимопомощи продолжались даже тогда, когда изменилась обстановка и между подругами стала бегать черная кошка. В 670–679 гг. хазары овладели всем Крымом, кроме укрепленного Херсонеса, где ощущались голод и нужда, ибо хлеб пришлось привозить с южного побережья Черного моря. Так как все силы Византии были связаны войной с арабами и вторгшимися в Мизию болгарами, то Херсонес долгое время был оставлен без помощи.

Юстиниан II, изгнанный туда из Константинополя, сначала попытался договориться с хазарским ханом и даже женился на его сестре, но затем бежал к дунайским болгарам и с их помощью вернул себе престол в 705 г. Репрессии Юстиниана против жителей города Херсонеса, просивших покровительства хазарского хана, вызвали конфликт Хазарии с Византией, к счастью не вылившийся в войну. В 711 г. хазары поддержали восстание херсонитов, свергшее Юстиниана II, и заключили с его преемником Филиппом союз, который продержался сто лет.

Таким образом, хазары унаследовали не только тюркютский генофонд, но и военно-дипломатические традиции Западного каганата, что пошло им на пользу. Омейядский хищник, легко растерзавший Закавказье и Согдиану, был остановлен на рубеже Терека. Пограничной крепостью остался Дербент. Политическая граница надолго совпала с ландшафтно-географической, благодаря чему Хазария пережила великую державу тюркютов, продлевая собой инерцию остывания «хуннского» суперэтнуса. Все шло, казалось, по схеме этногенеза с отклонениями в пределах законного допуска. Но история Хазарии пошла вдруг по-иному, и это нас заставляет уделить ей еще несколько слов.

Но тут возникает неожиданная трудность: у Хазарии не было своей истории! Поясню: историей мы называем

последовательность событий, каузально связанных между собой. Причинно-следственная связь всегда закономерна, допуская отклонения, как флуктуации, на низших ступенях иерархии системы: например, при исследовании системы на популяционном уровне возможны вариации на персональном уровне, но и они взаимно компенсируются. Хазарский этнос находился в гомеостазе, но территория Хазарии дважды подвергалась нашествиям: в VI в. Хазарией овладели тюркюты... и создали там симбиоз, точнее — ксению.

Это был род ханов Ашина с небольшой дружиной, добровольно принятый хазарами; в IX в. власть перешла в руки иудейской общины, продержавшейся на Нижней Волге до 965 г., после чего хазарский этнос рассыпался на части, оставив только реликты.

Таким образом, перед нами не одна, а две «истории»: тюрко-хазарская и иудео-хазарская; каждая из них укладывается в закономерность своего этноса, а не хазарского. Общим для обеих «историй» была только территория, ибо характеры контактов с аборигенами были предельно различны. Поэтому целесообразно рассматривать Хазарию как зону контактов, отложив иудео-хазарский эпизод для специального исследования, тем более, что он был связан с Древней Русью и Западной Европой; следовательно, изучение его требует иной методики и иной степени приближения, нежели описанный нами тюрко-хазарский отрезок этнической истории.

Прежде чем продолжить повествование о последнем взлете «хуннского» суперэтноса, обратим пристальный взгляд на юг от Великой степи, где появились главные враги тюркютов и хазар — Арабский халифат и агрессивный танский Китай: новые фигуры на Евразийском полотне. Откуда они взяли такие силы?

Пассионарный толчок — такое же явление природы, как засуха или наводнение. На рубеже VI–VII вв. на полосе от Мекки до Японии увеличилась активность людей настолько, что они сломали все старые социальные и этнические перегородки и преобразились в новые молодые этносы.

Арабы приняли ислам — кто искренне, кто лицемерно, и за 100 лет завоевали страны Запада от Луары и востока — до Инда и Сырдарьи. Иран остался севернее линии толчка, но в Синде произошла «раджпутская революция», свергнувшая наследников династии Гупта и уничтожившая буддизм в Индии, за исключением Непала и Цейлона. В Южном Тибете возникла могучая военная держава, 300 лет оспаривавшая у Китая гегемонию в Восточной Азии, а в Японии наступила эпоха великих перемен, и созданный тогда порядок дожил до реставрации Мэйдзи. Но самое главное и важное произошло в Северном Китае. Там возникли два этноса: северокитайский, активно боровшийся против пережитков табгачского господства, и этнос окитаенных сяньбийцев, смешавшихся с китайцами. Тюрки называли его по привычке табгачским, как византийцы именовали себя «ромеями».

Эти два этноса создали две империи: китайцы — Суй (581–618), а псевдотабгачи — Тан (618–907). Этих последних мы будем называть «имперцы», ибо фактический создатель империи Тан — Тайцзун Ли Шиминь, подобно Александру Македонскому, попытался объединить два суперэтноса: степной и китайский. Из этого, конечно, ничего не вышло, так как законы природы не подвластны произволу царей. Зато получилось нечто непредусмотренное: вместо противостояния Великой степи и Срединной равнины возникла третья сила — импе-

рия Тан, равно близкая и равно чуждая кочевникам и земледельцам. Это был молодой этнос; и судьба его была замечательна.

Окинем взглядом ход событий. К 577 г. Тюркский каганат расширился на запад до Крыма. Это значит, что силы тюркютов были рассредоточены. А Китай (Северный) объединился: Ян Цзянь, суровый полководец царства Бэй-Чжоу, завоевал царство Бэй-Ци, а вслед за тем подчинил Южный Китай: Хоу-Лян и Чэнь, в 587 г. и в 589 г. Китай стал сразу сильнее каганата, переживавшего первую междоусобную войну и к 604 г. расколовшегося на Восточный и Западный каганаты. Тогда же погиб общетюркский хан, убитый тибетцами, и два новообразовавшихся каганата оказались вассалами империи Суй.

В начале VII в. как бы воссоздалась коллизия Хань и Хунну, но перевернутая на 180 градусов. Разница была еще в том, что молодая империя Суй, находившаяся в фазе подъема, была сильнее, богаче и многочисленнее каганата, уже вступившего в инерционную фазу. Казалось, что Китай вот-вот станет господином мира, но человечество спас преемник Ян Цзяня — Ян Ди. Это был человек, в котором сочетались глупость, чванство, легкомыслие и трусость. Роскошь при его дворе была безмерна; пиры-оргии с тысячами (да-да!) наложниц, постройки увеселительных павильонов с парками от Чаньани до Лояна, смыкающимися между собой; подкупы тюркютских ханов и старейшин, поход в Турфан и войны с Кореей — абсолютно неудачные, ибо сам император принял командование, не зная военного дела, и т.д.

Налоги возросли и выколачивались столь жестоко, что китайцы, ставшие молодым этносом, восстали. Восстал и тюркютский хан, отказавшийся быть куклой в руках тирана, восстали пограничные командиры, буддийские сектанты, поклонники Майтреи, и южные китайцы, завоеванные отцом деспота. Ян Ди укрылся в горном замке и

там пировал со своими наложницами, пока его не придушил один из придворных.

Этот подробный рассказ приведен для того, чтобы показать, что личные качества правителя, хотя и не могут нарушить течение истории, но могут создать в этом течении завихрения, от которых зависят жизни и судьбы их современников. Подавляющее большинство китайцев, сильно- и слабопассионарных, стремились к национальному подъему и поддерживали принципы Суй, но коронованный дегенерат парализовал их усилия, и победу в гражданской войне 614–619 гг. одержал пограничный генерал Ли Юань, обучивший свою дивизию методам степной войны и отразивший тюркютов, пытавшихся вторгнуться в Китай.

Фамилия Ли принадлежала к китайской служилой знати, но с 400 г. оказалась в связи с хуннами, потом с табгачами и, наконец, добилась власти, основав династию Тан. Опорой династии были не китайцы и тюркюты, а смешанное население северной границы Китая и южной окраины Великой степи. Эти люди уже говорили по-китайски, но сохранили стереотипы поведения табгачей. Ни китайцы, ни кочевники не считали их за своих. По сути дела, они были третьей вершиной треугольника, образовавшегося за счет энергии пассионарного толчка.

Сам Ли Юань был просто толковым полководцем, но его второй сын Ли Шиминь оказался мудрым политиком и правителем, подлинным основателем блестящей империи Тан. По его совету Ли Юань, взяв Чаньань, объявил амнистию, кормил голодных крестьян зерном из государственных амбаров, отменил жестокие суйские законы и назначил пенсии престарелым чиновникам. Новая династия приобрела популярность.

Будучи талантливым полководцем, Ли Шиминь подавил всех соперников — пограничных воевод (с 618-го по 628 г.), победил восточных тюркютов в 630 г., отразил

гибетцев, разгромил Кюгурё (Корею) в 645–647 гг. и оставил своему сыну в наследство богатую империю с лучшей в мире армией и налаженными культурными связями с Индией и Согдианой. Оставалось лишь подчинить Западный каганат... и это произошло в 658 г. С этого года империя Тан была 90 лет гегемоном Восточной Азии. Искусство и литература эпохи Тан остаются до сих пор непревзойденными¹⁸.

Примечательно, что мыслители VII в. заметили смену «цвета времени». Ли Шиминю приписана формулировка: «В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен, а северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их»¹⁹.

Что Ли Шиминь подразумевал под «силой»? Явно, не число подданных и не техническую оснащенность. Он имел в виду тот уровень энергетического напряжения этносистемы, который раньше назывался «боевым духом». Ныне его материальная природа вскрыта и описаны энтропийные процессы, ведущие систему к распаду. В III–I вв. до н.э. хунны были молодым этносом, т.е. находились в фазе подъема, а Хань — в фазе угасающей инерции. В VII в. положение изменилось диаметрально: потомки хуннов и сяньбийцев находились в инерционной фазе, в этнической старости, еще не дряхлости, а Северный Китай — на подъеме, так же, как его ровесник — Арабский халифат.

Оба они прошли через тот уровень пассионарного напряжения, при котором расцветают культура и искусство, и оба были сожжены пламенем пассионарного перегрева. В Китае это произошло так.

Китайские националисты, поборники Суй, ненавидели поборников Тан, не считая их за китайцев. Тюркюты и уйгуры служили императорам Тан, называя их ханами, но «имперцев» они своими не считали. Китайские грамотеи.

служившие чиновниками, боролись против ненавистного им этноса путем лжи, доносов и интриг, вследствие которых танские богатыри гибли на плахе. Этим империя Тан ослаблялась. Тюркюты, видя, что китайские интриганы, добившиеся должностей казенных танских воевод, вернулись к традиционной политике высокомерия, поняли, что их уже не любят, а используют. Это их обидело. А когда императрица У захватила власть, истребив почти всех принцев династии Тан, то кочевники порвали с Китаем.

В 682 г. Кутлуг Эльтерес-хан восстановил Тюркский каганат, и до 745 г. тюрки отражали китайские набеги на Великую степь. Борьба была неравной. Китайцы путем дипломатии лишили тюрков союзников и подвергли истреблению, еще более страшному, чем хуннов.

Но уже в 751 г. китайские армии потерпели поражение на трех фронтах: арабы победили китайцев при Таласе, чем принудили их покинуть Среднюю Азию; кидани разгромили китайский карательный корпус в Маньчжурии; лесные племена Юннани, освободившиеся от власти Китая в 738 г., у озера Сиэр начисто уничтожили 60-тысячную оккупационную армию, а их союзники тибетцы вытеснили китайцев с берегов озера Кукунор. Танская агрессия захлебнулась так же, как на 600 лет раньше — ханьская, и, что особенно важно, по тем же причинам.

Реальной силой империи Тан была наемная армия, вербовавшаяся среди иноземцев, ибо для придворных китайцев терпимость династии Тан была одиозной, как по отношению к буддизму, так и в плане компромиссов со степняками. Однако благодаря интригам придворных китайские порядки восторжествовали сначала при дворе, а затем проникли и в армию. Это вызвало среди воинов такое недовольство, что один из генералов, Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, в 756 г. возглавил восстание

трех регулярных корпусов, составлявших ударную силу армии. Восстание было подавлено лишь в 763 г. благодаря военной поддержке врагов Китая: уйгуров и тибетцев, которые отнюдь не щадили население, отданное им в жертву императорским правительством. За семь лет население Китая сократилось с 52 880 488 душ до 16 900 000 душ. Конечно, надо учесть потерю населения почти всех застенных владений, но и остальное — ужасно! После восстания Китай перешел к обороне границ и был вынужден довольствоваться собственной территорией, южнее Великой стены. Степи Центральной Азии поделили уйгуры и тибетцы.

КОНЕЦ ТЮРКЮТОВ

Итак, с VI в. Северный Китай набухал пассионарностью. Но только после 626 г., когда власть сосредоточилась в руках Тайцзуна Ли Ши-миня, перевес империи Тан над каганатом стал очевиден. Степные племена начали отпадать от тюркютов и передаваться «табгачскому хану», т.е. Тайцзуну, которого тюрки считали «полусвоим». Это решило судьбу каганата. В 630 г. китайские войска при поддержке телесских племен разбили и взяли в плен последнего самостоятельного тюркютского хана, и тюрки «пятьдесят лет отдавали табгачскому хану душу и силу»²⁰. Тайцзун проявил к побежденным милость, чем добился их искренней привязанности.

Затем наступила очередь Западного каганата, завоеванного новыми кочевыми подданными империи Тан в 659 г., капитулировавшими и ставшими опорой династии. Автономия «десятистрельным тюркам» была оставлена, но правителей им назначали в Китае. До Хазарии китайцы не дошли. Их отвлекли тяжелые войны с Кореей и Тибетом. Корею удалось победить в 668 г., предварительно отогнав японский флот, а война с Тибетом затяну-

лась до IX в., да и тогда кончилась вничью, хотя было 3 млн против 57 млн китайцев. Но ведь Тибет лежал на линии пассионарного толчка VI в., так что с позиции этнологии здесь ничего удивительного нет.

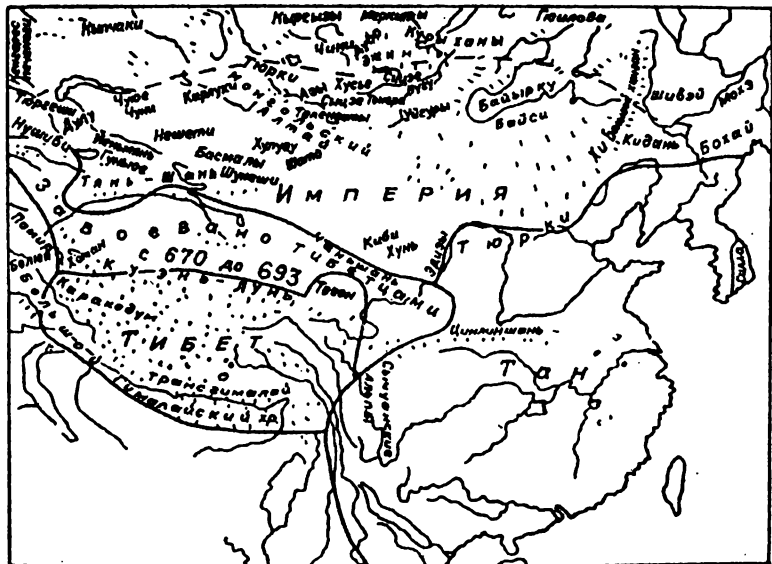
Удивительно другое: как исчез без остатка этнос, находившийся в инерционной фазе и объединивший своей доблестью половину Северной Азии. Должны же были остаться от него какие-нибудь реликты!

Да, кое-что осталось. В центре Горного Алтая сохранилась кость телес²¹, существовавшая самостоятельно до XVIII в., после чего она слилась с теленгитами, бежавшими в горы от маньчжуров и китайцев, истреблявших народ ойратов. О своем происхождении они забыли, но этноним помнят.

От западных тюркютов остались потомки в Средней Азии. Это род тюрк-кальтатай, противопоставляющий себя узбекам и киргизам и выводящий своих предков из «Татарстана», откуда они пришли 1200 лет назад²². Точность хронологии поразительна.

Но большая часть тюркютов подчинилась «табгачскому хану», по совместительству императору Срединной империи (Тайцзуну Ли Шиминю). Он щадил захваченных в плен, давал им высокие чины в армии, прекратил систему доносов и кляуз, утверждая, что «царствующий не должен никого подозревать». Китайцы относились к нему скептически, а тюркский царевич Ашина Шени на похоронах своего повелителя и друга решил последовать за ним в загробный мир, но стоявшие рядом китайцы отняли у него кинжал, которым царевич хотел заколоться.

Казалось, что империя Тан, объединившая тюркский воинский дух, китайское трудолюбие и образованность, буддийскую силу воображения и табгачскую веротерпимость, вот-вот овладеет всей Азией, но случилось наоборот. Уже при слабосильном сыне основателя империи китайские грамотеи оттеснили от престола тюркских ру-

бак и вернулись к политике традиционного высокомерия. Они не угнетали своих степных подданных, но постоянно унижали их пренебрежением, невниманием к заслугам, несправедливостью в суде и т. п. Китайские подданные такое отношение терпели, а тюрки в 679 г. восстали²³ (см. карту).

Народное ополчение, даже полное энтузиазма, не может долго противостоять регулярной армии. У тюрков не было ни надежного тыла, ни союзников, ни численного превосходства. Уйгуры на севере пустыни Гоби готовились встретить тюрков с оружием в руках, китайцы наступали с юга. Дважды тюрки были разгромлены, а их вожди погибли на плахе. Лишь третий вождь, Кутлуг, вместо бессмысленных сражений с китайцами «ограничил токуз-огузов (уйгуров) и разбогател лошадьми». Это дало ему возможность сделать свой отряд мобильным и увести его, вместе с семьями, на север от Гоби, а тем самым оторвать-

ся от противника. В 693 г. Кутлуг умер, а престол унаследовал его брат Мочур, с титулом Капаган-хан.

Капаган-хан показал себя незаурядным полководцем и выдающимся политиком. Он использовал государственный переворот в Китае, произведенный императрицей У, главой китайских шовинистов. Былые сторонники династии Тан — добровольно подчинившиеся тюрки — оказались в опале и, следовательно, в оппозиции к правительству. Это использовал Капаган-хан. Поскольку границу охраняли именно опальные тюрки, он переманил многих из них на свою сторону и принудил Китай к позорному миру.

Но этот умный и энергичный хан очень плохо относился к своим племянникам, царевичам-сиротам. Он посылал их в самые опасные походы, явно надеясь, что они погибнут в бою и престол можно будет передать своему сыну, носившему титул «Кучук-хан». Хана поддерживала сильная партия бегов, т.е. командного состава войска, составлявшего весь народ. Мудрый Тоньюкук был его советником. Казалось бы, положение сыновей Кутлуга было безнадежно, но когда мужество объединяется с талантом, то логика истории делает зигзаги, пусть короткие, но для персональных биографий вполне достаточные.

Бытующее среди западных ученых мнение, что хан кочевого народа — деспот, произвол которого не ограничен, крайне ошибочно. Хана сдерживает традиция, общественное мнение и обычай, по которому хана нельзя сменить, но можно убить. Капаган-хан это знал. Поэтому опальные царевичи рисковали жизнью в боях, а не в ставке хана, который не смел их убить.

Капаган-хан назначил старшего племянника — Могилян — шадом тардушей (западное крыло войска). Хотя тому шел семнадцатый год, а его брат Кюль-тегин был на год младше, обоих царевичей послали на войну в Джунгарию, где обстановка была очень сложной. Войска

империи Тан — табгачи оспаривали эту область у воровавшихся туда тибетцев — тангутов, так как по северным склонам Тянь-Шаня шел великий караванный путь — единственный источник богатства для государства, контролирующего его.

Тюрки разгромили тибетский экспедиционный корпус в 700 г. и получили богатую добычу из пленных девиц и скота²⁴. На следующий год шад тардушей вместе со своим братом победили народ Алты-Чуб — потомков «малосильных» хуннов, т.е. тех хуннов, которые во II в. не ушли от наседавших сяньбийцев (древние монголы) на запад, а укрылись в горных долинах Тарбагатая и Саура. Позднее, в V в., они покорили Семиречье и Западную Джунгарию, а в VI–VII вв. вошли в состав Западнотюркского каганата, сохранив автономию и приобретя влияние на ханов династии Ашина, ибо те не могли обходиться без толковых и храбрых подданных. В научной литературе принято называть их «чуйские племена».

Справиться с этими доблестными кочевниками тюркским царевичам, видимо, не удалось, зато они победили народ «согдак», т.е. согдийские поселки, расположенные на великом караванном пути, здесь победа была легкой, а добыча — обильной.

Однако, выйдя на трассу караванного пути, тюрки не могли не натолкнуться на китайцев. Сражение, о котором китайские историки умалчивают, произошло в 701 г. при Ыдук-баше (Святой горе). Кюль-тегин лично взял в плен китайского воеводу и покрыл себя славой. Но война на этом не кончилась. В 706 г. воевода империи Тан, Чача-сенгун, был снова разбит шадом тардушей — Могилянцем и Кюль-тегином при Минша, в Северном Китае²⁵.

Этот краткий экскурс показывает, как причудливо переплетаются судьбы людей, деятельных и патриотичных, с судьбами многих самостоятельных этносов, часть коих вообще исчезла с арены истории, оставив ей только

имена. Конечно, такие коллизии бывают не часто, не тем более ценны биографии Бильге-хана и Кюль-тегина, а также их соратников: мудрого Тоньюкука, Альп Эльэтмиша, Куличура и замечательной женщины Побег, дочери Тоньюкука и жены Могиляня, не губившей, а спасавшей погибавших людей. Через биографии этих богатырей и мудрецов как бы просвечивает история не только тюркского народа, но и всех его соседей. А коль скоро так, то попробуем представить читателю действующих лиц развернувшейся трагедии, пусть не на персональном, но на этническом уровне.

На южных склонах Алтая кочевали карлуки, делившиеся на три раздела (уч-огуз). Их мечи упомянуты в «Слове о полку Игореве» — «мечи харлужные», — и владеть ими они умели прекрасно. По происхождению и языку карлуки были близки к тюркам, но предпочитали свободную жизнь подчинению даже самым сильным ханам. Они составляли племенной союз.

Другой племенной союз — басмалы, обитавшие в Восточной Джунгарии, состоял из тридцати родов (отуз-огуз), но был немногочислен, ибо сложился из осколков разных племен, и слово «басмал» означает «помесь». В 703 г. Могилянь — шад тардушей напал на них и заставил подчиниться и платить дань²⁶. Если бы он знал, во что обойдется этот его поход вдове и детям, надо думать, он договорился бы с ыдук-кутом басмалов иным способом.

Между Саянским хребтом и Алтаем жили азы, в верховьях Селенги — изгили, близкие родственники уйгуров, на малых речках, составлявших истоки Енисея, — чики, в Прибайкалье — курыканы, в Забайкалье — байырку. Но самым сильным племенем были токуз-огузы, или уйгуры²⁷, населявшие степь между Толой и Орхоном. О прочих мы говорить не будем, потому что они в этой драме либо были статистами, либо заслуживают отдельного описания.

Рисуя картину, нельзя упускать из вида фон. Несмотря на одержанные победы, тюрки оказались в трудном положении, которое лаконично и исчерпывающе описал мудрый Тоньюкук: «Каган табгачский был нашим врагом. Каган «десяти стрел» (так называли западных тюрков, но в данном случае тюргешский хан Согэ. — Л.Г.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: «Да пойдем мы на Алтунскую чернь (лиственный лес)... отправимся в поход и уничтожим его (хана тюрков)». Положение было критическим, но Тоньюкук нашел выход. Он предложил перехватить инициативу и бить врага по частям.

Саянские кыргызы VIII в. были многочисленным народом, освоившим ирригацию и земледелие с отгонным скотоводством, имевшим развитую металлургию и замечательное искусство, а значит, и хорошее оружие. Кыргызская держава была сильнее тюркской орды, но мудрый Тоньюкук использовал фактор внезапности. Взяв с собой обеих царевичей и отборный отряд, он, при помощи местного проводника, провел людей и коней «через снег глубиной с копье» и спустился в Минусинскую котловину в том месте, где его не ждали. Тюркам пришлось долго скакать, прежде чем они достигли поселка кыргызов. Зато они напали на них «во время сна»... Киргизскому хану все-таки удалось собрать войско, но Кюль-тегин на белом жеребце возглавил атаку, сам застрелил одного и заколол двух врагов. Хан кыргызов был убит, воины сдались. Одним врагом стало меньше.

Вторым соперником тюрков были тюргеши, храбрые, энергичные, многочисленные. Они долгое время помогали согдийцам отражать нападения арабов и на некоторое время остановили их. Но беда тюргешей была в отсутствии монолитности: они делились на «желтые» и «черные» роды, всегда соперничавшие друг с другом. «Желтые» тюргеши были потомками племени мукри, пришед-

ших из Уссурийского края в конце II в., преследуя вместе с другими сяньбийцами отступавших хуннов. Вековая засуха III в. прижала их к склонам Тянь-Шаня, а наступление на запад остановлено героическими абарами, в VI в. вошедшими в Великий тюркский каганат. Когда же каганат распался, мукрины и абары составили новый каганат — тюргеши были степняки, мукрины — горцы. Они постоянно ссорились друг с другом и в конце концов разделились: потомки мукринов стали называться киргизами, а потомки абаров — каракалпаками. Но в 710 г. хан Согэ, из «желтых» тюргешей, повел против тюрков войско, «подобное огненному вихрю».

Тоньюкук с обоими царевичами немедленно предпринял контрнаступление, перешел через лесистые отроги Алтаин-нуру, переправился через Черный Иртыш, за одну ночь достиг р. Болчу (Урунгу) и, напав на спящих тюргешей, нанес им небольшое поражение. Тюргеши ответили ударом на удар, но тюркская латная конница смяла их и погнала; ушли только те, у кого были резвые кони. Хан Согэ попал в плен и был казнен по приказу Капаган-хана в 711 году.

Развивая успех, тюрки двинулись на юг, но были остановлены арабами, рвавшимися на север. Только героизм Кюль-тегина позволил тюркам оторваться от превосходящих сил противника и отойти к Алтаю. Но и там их подстерегала опасность: карлуки «ради свободы и независимости» вытеснили тюрков на восток, в Джунгарию, а эту страну снова пытались захватить тибетцы, заключившие союз с арабами. Запад был тюрками потерян; война перенеслась на восток.

Народы Маньчжурии: кидани (кытай) и татабы — отнюдь не хотели менять тюрков на китайцев. В 712 г. татабы разбили китайскую экспедиционную армию и выдали пленных Капаган-хану, а тот их казнил. Китай, в котором не прекращались дворцовые интриги, наветы и

отравления, вынужден был согласиться на мир и выдать за тюркского хана княжну с титулом царевны. 714 год был кульминацией тюркского могущества. Но Капаган-хан с огорчением видел, что успехами он обязан не сыновьям и окружавшим его бегам, а племянникам и тестю Могилян — мудрому Тоньюкуку. Поэтому, будучи и ранее жестоким, в старости «стал глупее и неистовее». Эти черты характера не замедлили дать плоды.

Конечно, поведение правителя орды имеет некоторое значение, но гораздо важнее установка, т.е. политическая программа. А она была такова: покорить народы, живущие по четырем углам, склонить их головы и заставить преклонить колени. Кому это может понравиться?

Несмотря на все победы, каганат был окружен врагами, которые даже в одиночку были сильнее его. Империя Тан, Тибет, Арабский халифат располагали, сравнительно с тюрками, огромными армиями, но степь защищала кочевников от пехоты противников, которую всегда связывали обозы с провиантом и снаряжением. Но когда вздумали сказать свое слово сами кочевники, не желавшие «склонять головы и стоять на коленях», тюркскому хану стало туго.

В 715 г. все покоренные племена восстали против ханского гнета и «бесчеловечности». Карлуки, западные тюрки, татабы, кидани, изгили, уйгуры, байырку стали защищать свою свободу. Тоньюкук был уже стар — 70 лет, спасти каганат пришлось Кюль-тегину. Он нанес поражение карлукам, потом — изгилям, потом — четыре побоища с уйгурами и, наконец, будучи оставлен ревнивым к славе Капаган-ханом на охране ставки, отразил набег карлуков, «заколол девять богатырей и не отдал орды», чем спас от смерти или рабства женщин и детей.

В это время Капаган-хан, командуя главными силами, разбил племя байырку на р. Толе. И надо же... после битвы хан ехал через лес и столкнулся с толпой разбитых байырку, которые стащили его с коня и отрубили ему голову А

Могильянь в это время воевал в Маньчжурии, но, несмотря на две победы, не удержал страны, вернувшейся под власть Китая.

Наследником Капаган-хан назначил, вопреки закону, своего любимого сына, носившего титул «Малый (Кучук) хан». Кюль-тегин привлек на свою сторону воеводу Альп Эльэтмиша, казнил Кучук-хана с советниками, а на престол возвел своего брата как законного наследника престола, с титулом «Бильге-хан». Тот удивил свой народ несказанно: простил всех своих врагов, как политических, так и личных, а своему тестю — Тоньюкуку вернул титул бойла бага тархана и должность ханского советника. Кюль-тегин получил командование всеми войсками, т.е. диктаторскую власть. Так образовалась «могучая тройка»: хан — добр, полководец — храбр, советник — мудр.

Изменилась и политическая программа. Повстанцам было объявлено прощение, а упорные уйгуры и татабы разбиты и разогнаны по лесным чащам, причем табуны их достались тюркам. Поскольку кони — самая большая ценность в степной войне, тюрки снова обрели силу. И тут Тоньюкук наметил новую программу действий: победами вынудить у врага приемлемый мир, не доводя его до крайности. Но добиться этой цели можно было только путем отчаянной войны.

Первую задачу выполнил Кюль-тегин, к 722 г. победивший всех степных сторонников Китая. Вторую — решил Бильге-хан: «... я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимуший народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные эли и ханы, я творил добро. Живущие по четырем углам народы я всех принудил к миру... все они подчинялись мне»²⁸. Третью задачу — китайскую — решил Тоньюкук. Если Капаган-хан утверждал, что воюет только против китайского правительства, но любит народ и приемлет китайскую культуру, то Тонью-

кук противопоставил учениям Лаоцзы и Будды тюркскую культуру, как самостоятельную и равноценную²⁹.

И он был прав! Даже по уцелевшим памятникам лапидарной литературы, составлявшим едва ли сотую часть той, что была записана на бересте либо хранилась в памяти степных сказителей, видно, что тюрки имели оригинальное мировоззрение, мифологию, историю и большие сведения по географии. Постоянная пастьба скота приучила их к бережному отношению к природной среде, и боевых коней они уважали, как меньших братьев.

Тюркам для развития культуры были нужны мир и независимость от агрессивного Китая. Бильге-хан сумел добиться того и другого. Он отказался от завоеваний в Сибири, оставив свободу енисейским кыргызам. Спорные владения в Южной Джунгарии и Семиречье оставил за империей Тан. За тюргешского хана выдал дочь «с большими почестями»³⁰, а тибетскому царю отказал в военной помощи против Китая. Этими поступками он обеспечил своему народу двадцатилетний мир (722–741), покой и уважение соседей.

Мир, достигнутый такими сверхусилиями, принес тюркам, кроме покоя, богатство. По договору 727 г. тюркам за условленное число коней ежегодно выдавалось 100 тысяч кусков шелка. Это значит, что шелк поступал в степь по демпинговым ценам как замаскированная дань.

В 731 г. умер Кюль-тегин, верный сподвижник своего брата. Памятник его показывает, что культура тюрков VIII в. ничем не уступала культурам других народов того же времени. Бильге-хан пережил своего брата на три года. В 734 г. его отравил изменник, тюркский вельможа, бывший послом в Китае и подкупленный императором Сюаньцзуном. Предатель и весь его род были казнены.

Наследник Бильге-хана, его сын Йоллыг-тегин, был талантливый писатель, мыслитель и историк. Он мирно правил Тюркским каганатом до 739 г. Ему удалось сохра-

нить мир на южных границах, так как империя Тан воевала с Тибетом, а хан тюргешей Суду отражал натиск арабов на Согдиану. Положение Тюркского каганата казалось устойчивым, но грядущая беда пришла из давнего прошлого, ибо время, подобно пространству, способно сочетать причины и следствия, обрывать эпохи и рассеивать этносы.

Второй Тюркский каганат включал в свой состав кроме немногочисленных тюрков³¹ еще уйгуров, басмалов и карлуков. Хотя они жили по соседству с тюрками, говорили на тюркском языке и были тоже кочевыми скотоводами, они отличались от тюрков стереотипами поведения, внутренней структурой и идеалами, т.е. цели, к которым они стремились, были иными.

Тюрки несли на себе традиции походов и завоеваний, жесткой дисциплины в орде и отличались умением властвовать над народами. Уйгуры мужественно защищали свои пастбища и свою независимость, не покушаясь на чужие земли. Тюрки охраняли свою культуру, уйгуры жадно впитывали чужие мировоззрения, кроме китайских. Тюрки любили побеждать, уйгуры — защищаться. Пути развития этих народов, а также близких к уйгурам карлуков и басмалов, были противоположными.

Пока тяжелый груз тюркской традиции лежал на богатырских плечах Кутлуга и Тоньюкука, Бильге-хана и Кюль-тегина, каганат процветал, но в плане этнологии следует отметить одну важную деталь: вся героическая оборонительная война в течение 42 лет (681–721) была проведена по существу одним поколением.

К счастью, благодаря надгробным надписям, нам известны возрасты некоторых полководцев. Мудрый Тоньюк родился в 646 г., Куличур — в 662 г., сыновья Кутлуга: Бильге-хан — в 683 г., а Кюль-тегин — в 684 г. В 721 г. им было 35–75 лет. Но с 721-го по 742 г. был мир, а за 20 лет мира дети и внуки богатырей привыкли к очарованию степного приволья, безмятежному покою и интригам.

А коль скоро так, то они потеряли преимущества способности к сверхнапряжениям, т.е. снизили уровень пассионарности до того, что сравнялись со своими соседями и подданными. И тогда началось!

При Йоллыг-тегине в тюркской ставке (орде) был порядок, но уже в 741 г. начались интриги и борьба за власть с казнями и убийствами. Тогда в 742 г. уйгуры, карлуки и басмалы восстали... и покатались тюркские головы по степной траве. Часть тюрков была перебита, часть — покорила хану басмалов; только вдова Бильге-хана, Побег, собрала самых мужественных беглецов и увела в Китай, где их зачислили в пограничные войска. Только эти тюрки уцелели от резни. В 756 г. они оказались среди воинов Ань Лушаня и погибли вместе с прочими повстанцами. Так исчез великий тюркский этнос.

АВАРЫ ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ

Инерционная фаза описываемого нами витка этногенеза нашла воплощение не только в созданном тюркскими богатырями «Вечном эле». VI–VIII вв. стали эпохой каганатов по всей Великой степи от Желтого до Черного моря. Причем все они: Хазарский и Аварский на западе, Тюркютский на востоке — возникли и исчезли, с известным допуском, почти синхронно. Случайность совпадения исключается. Во всяком случае единая закономерность этногенеза прослеживается настолько четко, что стоит уделить западным сверстникам тюркютов, хотя они и не были кочевниками в прямом смысле слова, несколько слов. О хазарах и их этногенезе мы уже написали выше, к тому же о них речь еще пойдет в особой книге. А вот о наследниках древнего Турана — аварах необходимо сказать. Но здесь мы наталкиваемся на загадку, над которой еще нужно поломать голову. Авары (обры), появившиеся в Европе в

VI в., никакого отношения к истинным абарам-степнякам не имели. Более того, и о последних почти ничего не известно. Получается, говоря языком математики, одно уравнение с двумя неизвестными. Что ж, попробуем его решить!

Как мы помним, в 155 г. «неукротимым» хуннам удалось оторваться от преследования Таншихая и уйти на Волгу. Но странно, почему сяньбийское наступление на запад после этого прекратилось и почему в эпоху надвигающейся засухи сяньбийцы отказались от богатых земель Тарбагатая с их роскошными альпийскими лугами — джейляу и склонами, покрытыми лесом, столь ценным кочевниками. Нет, тут что-то кроется! По-видимому, кто-то сяньбийцев отразил. Но кто?

Действительно, Таншихай отправил в Джунгарию армию, состоявшую из мукринов, приамурского племени тунгусской группы³². Эта армия дошла по северным склонам Тянь-Шаня до Тарбагатая и была там остановлена племенем абаров³³, которые считались самыми воинственными в степной Азии. Происхождение абаров неустановимо, ибо они не относились ни к хуннской, ни к телеской, ни к тюркской группе, а составляли «особливое поколение»³⁴. В истории Азии они упоминаются еще в VII в., после чего были покорены тюркютами.

Истинные абары были реликтом какого-то очень древнего этноса, слава которого гремела до VI в. Можно думать, что именно они разгромили угро-самодийские племена Западной Сибири, вынудив тех спасаться на север, по льду Оби, Волги и Енисея. Вероятно, «тролли» — образ предков лопарей. Это гипотеза автора, предлагаемая на основе обобщения разрозненных фактов; она подлежит проверке.

Но тому, что джунгарские абары были храбрецами, поверить можно, потому что остановленные ими мукрины, или мукри (*кит.* — мохэ), — этнос, хорошо известный

на Дальнем Востоке и неоднократно прославлявшийся мужеством и стойкостью.

Китайские авторы, передавая звучание этого имени, отмечают этнографическое расхождение восточных и западных мохэ после миграции, сказавшееся в изменении быта и культуры. Для приамурских мукринов ключевым знаком является звериная шкура, для джунгарских — трава³⁵. Это часто наблюдаемая этническая дивергенция, вроде разделения хуннов и гуннов, англичан и американцев, саксов — в Британии и саксов в Германии (саксонцев) и т.д.; примеров несть числа.

Однако мукрины и абары воевали друг с другом недолго, ибо им обоим грозила разбойничья держава Жужань. От нажима жужаней мукрины уходили в горы Тянь-Шаня, ибо были привычны к горам Хингана на своей покинутой родине. И они пережили своих обидчиков, которых в 552 г. разгромили тюркюты; с теми ужиться было легко. Потомки их выступают под разными названиями, но ясно, что часть их вошла в узбекский союз³⁶, а часть — в состав современных киргизов, сообщив последним свой героизм, пронесенный через века. Засуха III в. отгородила абаров и мукринов от восточных, северных и западных соседей и дала возможность им уцелеть, пока они не слились в сложный этнос тюргешей, состоящий из «желтой» (мукрины) и «черной» (абары) ветвей. В VII в. тюргеша создали свой каганат, просуществовавший, как Второй Тюркский каганат, до середины VII в. Потомки абаров известны: это каракалпаки, часть которых в X–XI вв. попала в Древнюю Русь, сохранив свое название: «черные клобуки».

Итак, с истинными абарами как будто все ясно. Но кто такие псевдоавары, или вархониты?

В хуннское время в низовьях реки Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни»³⁷ и никогда не смешивали с хуннами³⁸. Хиониты

были сверстниками хуннов, так как происходили из круга народов сарматского мира, поднятого пассионарным толчком в III в. до н.э. С хуннами в III–IV вв. они не встречались, а воевали с персами. Пустыня, располагавшаяся севернее их поселений, упасла их от гуннов, но в VI в. зазеленевшая степь открыла дорогу тюркютам к Аралу. Хиониты не подчинились завоевателю — Истеми-хану и в 557 г. бежали от него на запад, под защиту угров. Всего ушло 20 тысяч человек, к которым позднее присоединились еще 10 тысяч угров, разбитых тюркютами: племена тарних, кочагир и забендер³⁹. Эта небольшая угорская примесь зафиксирована венгерскими археологами: 80% аварских черепов европеиды, 20% принадлежат к западносибирскому слабо монголоидному типу

Прикаспийские народы по ошибке приняли хионитов за истинных абаров⁴⁰, некогда проявивших особую доблесть и свирепость. Это слово по-среднегречески произносится «авар», и в этом произношении хиониты вошли в историю. Но зачем им понадобился этот этнонимический камуфляж?

Автор VII в. Феофилакт Симокатта в своем труде «История» пишет об объединении двух племен: уар и хунни, сначала живших на р. Тил, которую тюрки называли «Черной». Они в 555 г., под давлением тюрков, бежали на запад, назвав себя «аварами» (абары-обры), так как «среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным»⁴¹. Поэтому он называет европейских аваров «псевдоаварами», но тем самым оставляет открытым вопрос: кто же были истинные авары, точнее — абары, хунни и племя «уар» или «вар»? И где текла река «Тил»? Отождествление ее с Таримом⁴² невозможно, ибо из Такла-Макана в Европу пути не было. Его преграждали тюркюты (древние тюрки) — враги вархонитов.

Литература по этой проблеме столь велика, что здесь не может быть даже перечислена. Однако она критически

проработана автором этих строк и изложена в нескольких статьях и главах книги «Древние тюрки» (М., 1967)⁴³ и в примечаниях к книге М. И. Артамонова⁴⁴. Многое проявилось, но, тем не менее, вопрос не может считаться исчерпанным, так как многие авторы, следовавшие версии Симокатты буквально, оставили нераскрытой этническую принадлежность уар или вар (бар). Первое сведение о хионитах имеется у Аммиана Марцеллина. В 356–357 гг. хиониты воевали с персами, а уже в 359 г. участвовали в походе Шапура II на Амиду, где на глазах нашего автора погиб их царевич, красавец в глазах грека⁴⁵. Вспомним, что Аммиану Марцеллину монголоидность гуннов казалась безобразием. Значит, хиониты были европеиды, а угры — монголоиды.

Затем, севернее Аральского моря лежит суглинистая пустыня, которая гораздо хуже песчаной. Осадки не впитываются почвой, а образуют быстро высыхающие лужи. Переходы через эту пустыню были возможны только зимой, когда лошади утоляли жажду снегом. Как место развития большого этноса, равнина между Аралом и лесостепью непригодна, даже при повышенном увлажнении степной зоны. И ведь позднее, когда возник великий караванный путь между Хорезмом и долиной Яика, он был проложен через Устюрт, а не севернее Арала.

И наконец, слово «вар» или «уар» имеет значение — «река» на гуннском языке⁴⁶, который, будучи тюркским, видимо, включал в себя архаизм, даже для того времени. Это слово, как имя собственное, сохранилось на Алтае: так называется приток Урсула — Уар.

Поэтому надо полагать, что слово «вар» (бар) или «уар» было эпитетом к этнониму хиониты; видимо, «вар-хиониты» значило «речные хиониты»⁴⁷, действительно жившие на берегах большой реки. Для греков, франков и славян этимология этого слова была неясна, и они приняли эпитет за этноним. Славяне называли хионитов, поселив-

шихся на берегах Дуная, «обры», а слова «хион» или «хунн» не замечали:

И если так, то понятно, что среди казахских родов нет потомков «уар», тогда как потомки хионитов — голубоглазые блондины — встречаются в Младшем джузе, как потомки каракиданей — найманы⁴⁸ в Среднем, а потомки кангюйцев-печенегов и хуннов в Старшем. Казахи, как и все крупные этносы, имеют много предков, т.е. этнических субстратов, спаявшихся в ходе истории в единую этническую систему, где реликты сделались элементами обновленного этноса. Так, современные англичане включают в свой состав остатки кельтов, датчан, норвежцев, анжуйских французов, и разница лишь в том, что на Западе легко забывают далеких предков, а в Великой степи их помнят и знают. И если потомков «уар» нет, хотя есть потомки их соседей — огоров — маджары и западных динлинов — кыпчаки, то можно заключить, что упоминание «уар» у Феофилакта Симокатты — плод недостаточной осведомленности ученого грека, а последующая грандиозная литература вопроса следствие «переходящей ошибки», вроде поисков Атлантиды или страны Шамбала⁴⁹, а попытку сопоставить китайское этническое название «хуни» с этнонимом «хунну» надо считать неудачной⁵⁰.

Но, видимо, возникновение ошибки было неслучайным. Запоминается наиболее важное, а здесь существенным было то, что свирепые пришельцы, осаждавшие Константинополь и разгромившие антский союз, *не были степняками*, как гунны или печенеги (канглы), гузы (торки) и куманы (половцы). Они были осколком древнего суперэтноса, расколотого проповедью Заратустры и вынужденного на склоне лет сменить родину Именно в VI в. Приаралье из «Турана» превратилось в «Туркестан», ибо Время (историческое) имеет такие же границы, как и Пространство. А то, что многие историки до сих пор смешивают авар с кочевниками гуннами, это их вина.

Узкая специализация в истории дает тот же результат, как рассматривание звездного неба через микроскоп.

Именно отсюда возникло предвзятое мнение, что Запад многообразен и бурно развивается, а Восток — серая туча, скучная и бессмысленная, но иногда угрожающая культуре цветущего Запада. Нет ничего более неверного! Этносы Великой степи столь же разнообразны и закономерно изменчивы, как и те, которые живут на берегах Средиземного и Желтого морей, а вред соседям причинять могут не только кочевники, но и оседлые, лишь бы в этом была нужда. Этот тезис доказали авары, т.е. хиониты, перебазировавшиеся с Яксарта⁵¹ на Дунай.

Грозное имя абаров, заимствованное хионитами, вызвало панику у прикаспийских народов и позволило аварам добраться до безопасной страны — Паннонии, где они в союзе с лангобардами сокрушили гепидов и укрепились на Тисе и Дунае. Затем они победили и взяли в плен франкского короля Сигберта Австразийского, подчинили болгаркутургуров, живших западнее Дона, и разгромили антов (славянское племя), которые после 602 г. исчезают со страниц истории. Потом они объединили вокруг своего знамени южных славян — склавинов и до 626 г. вели опустошительную войну против Византии на Балканском полуострове. Почти все древнее население Фракии, Македонии и Греции было истреблено, а земли заняты славянами. Некоторое время авары считались исчадием кочевой Азии, ибо действительно произвели жестокие опустошения в Германии, на Балканском полуострове и, особенно, в Моравии, но потом они исчезли бесследно. «Погибоша аки обре», — писал русский летописец Нестор.

Примечательно, что авары (хиониты), ровесники тюркютов, создали такую державу, как и «Вечный тюркский эль», где роль телесских племен играли болгары и славяне. «Дикими» авары отнюдь не были. Их дипломаты восстановили союз с Ираном против Византии и, подобно их

предкам, штурмовавшим Эдессу, осаждали совместно с персами сам Константинополь.

Инерционная фаза позволяет консолидировать массы и легко управлять ими, если есть толковые вожди. А такие были и у тюркютов и у авар-хионитов. Но покоренные славяне в VII в. находились в акматической фазе и нашли в себе силы для сопротивления чужеземному гнету. Венеды — предки моравов, чехов, лютичей и бодричей — в 623–658 гг. объединились под главенством некоего Само и побеждали аваров. (Отметим для сравнения, что в 659 г. пал Западный тюркский каганат.) Кутургуры в 630 г. отложились от Аварского каганата, после чего натиск аваров на Византию ослабел. (В том же году пал Восточный тюркский каганат.) Полтора века об аварских набегах было не слышно. Наоборот, в 796 г. франки перешли в наступление и захватили аварские укрепления на окраине Венского леса, где нашли богатую добычу. Однако дальше на восток франки пробиться не смогли.

Чем объяснить такое умиротворение аваров, если исключить концепцию естественного старения этноса? В пользу последней говорит также синхронность этногенезов в Монголии и Паннонии, при различной природе этих стран, ином окружении и несходстве в характере и уровне производительных сил и культурно-политических контактов. Авары просуществовали до прихода венгров в 900 г., с которыми объединились и слились. Византия вела себя куда спокойнее, чем грозная и непоследовательная империя Тан, и потому авары пережили не только Тюркский, но и Уйгурский каганат.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гумилев Л.И. Хунны в Китае. С. 116; Он же. Древние тюрки. С. 11–13.

- ² См.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С 200–201.
- ³ См.: Гумилев Л.Н. Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ. 1967. № 3.
- ⁴ Впрочем, если быть точным, приоритет принадлежит древним китайцам.
- ⁵ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 24.
- ⁶ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 23. Приведена литература.
- ⁷ См.: Там же.
- ⁸ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 63.
- ⁹ См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 145. Примечание.
- ¹⁰ Там же. С. 146–156.
- ¹¹ Термин «ксения» (*греч.* — гость) принят в геологии, где обозначает глыбу, перенесенную лавиной, впаявшуюся в мягкую породу и составляющую с ней единую целостность.
- ¹² Понятно, что следов затопления не может быть в предгорьях Дагестана, лежащих много выше отметки минус 19 м. Хазарские находки там и обнаружены. Но то, что очевидно для географа, еще ясно не всякому археологу. Пример подобной ошибки см.: Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. Подробнее о затоплении Хазарии см.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1960.
- ¹³ Когда в 627 г. тюркюты и хазары совместно с византийцами осаждали Тбилиси, грузины вынесли на стену города тыкву и нарисовали на ней лицо джабгу-кагана: вместо бровей — тонкие черточки, подбородок голый, редкие волосы на усах, ноздри шириной в локоть; и кричали: «Вот царь ваш!»
- ¹⁴ См.: Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 127–142; *Он же.* Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXVI. С. 49–51; *Он же.* Кочевнические погребения в дельте Волги // Доклады по этнографии. Вып. 6. Л.: ВГЛО, 1968. С. 33–41.
- ¹⁵ См.: Магомедов М.Г. Указ. соч. С. 158–163.
- ¹⁶ См.: Голубинский Е. История русской церкви. Т. I. М., 1901. С. 23.

- ¹⁷ См.: *Голубинский Е.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ Литература вопроса громадна. Библиографию см.: *Всеобщая история искусств.* Т. 2. Кн. 2. М., 1961. Обзорная статья; Там же. С. 319–384.
- ¹⁹ Вэнси-тункао XVI. Цз. 344. С. 17а, 176 / Пер. проф. *Н.В.Кюнера.* Цит. по: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 175.
- ²⁰ Памятник в честь Кюль-тегина; Большая надпись, строка 8.
- ²¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 231, 259–262.
- ²² Там же. С. 151–152.
- ²³ Там же. С. 270 и сл.
- ²⁴ См.: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 20.
- ²⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 297.
- ²⁶ См.: *Малов С.Е.* Указ. соч. 20.
- ²⁷ Тюркские авторы VIII в. употребляли названия «уйгуры» и «токуз-огузы» как синонимы. (см.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 274–317).
- ²⁸ *Малов С.Е.* Указ. соч. С. 40.
- ²⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 318.
- ³⁰ Дочь тюргешского хана вышла замуж за сына Бильге-хана тоже «с большими почестями». (См.: *Малов С.Е.* Указ. соч. С. 23–24.).
- ³¹ Теперь можно назвать их без множественного числа — ут, ибо они лишились подданных. Сами себя они называли «кок (голубые) тюрк».
- ³² См.: *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. 1961. С. 107–109.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах... Т. I. С. 296.
- ³⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа... С. 108.
- ³⁶ См.: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 533.
- ³⁷ См.: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. С. 129–140.
- ³⁸ См.: *Артамонов М.И.* История хазар. С. 103–113. Приведена литература.
- ³⁹ Подробнее см.: Там же. С. 140–141, 163.

- ⁴⁰ Там же. С. 106–107. Прим. 12.
- ⁴¹ *Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957. С. 160.*
- ⁴² Там же. Прим. *Осиповой К.А.* С. 211; *Тил* — Яксарт или низовья Сырдарьи; см. ниже.
- ⁴³ См.: *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа. С. 103–113; *Он же.* Эфталиты и их соседи в IV в. С. 134–135; *Он же.* Эфталиты-горцы или степняки // ВДИ. 1967. № 3. С. 91–98; *Он же.* Древние тюрки. С. 35.
- ⁴⁴ *Артамонов М.И.* История хазар (Ред. и примеч. *Л.Н. Гумилева*). С. 106–107.
- ⁴⁵ См.: *Марцеллин Аммиан.* История. Вып 1. Киев, 1906. С. 233; *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. С. 134. Хиониты (*греч.*) или хуни (*кит.*) — потомки сакского племени хиаона. (*Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. 1. 1960. S. 53.*) С.П. Толстов обнаружил в низовьях Сырдарьи «болотные городища», которые правильно приписал хионитам (см.: По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 218).
- ⁴⁶ См.: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926. С. 63; *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁷ В смысле «прибрежные, живущие по берегам реки».
- ⁴⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 136–139.
- ⁴⁹ См.: *Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.* Страна Шамбала в легенде и истории // Азия и Африка сегодня. 1968. № 5. С. 48–50.
- ⁵⁰ См.: *Haussig H.W.* Theophylaktus. Exkurs über die skythischen Völker Byzantion. Т. XXIII. 1953. S. 304–305, 345–362, 413–429; *Enoki K.* The Origin of the White Huns or Heptalites. East and West. 1955. № 3. С. 231–238. Ср.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т. II. С. 260.
- ⁵¹ Яксарт (*греч.*), Гульзариун (*перс.*), Сейхун (*араб.*) — Сырдарья.

VI. В АРЕАЛЕ ОСТЫВАЮЩЕЙ ПАССИОНАРНОСТИ

УЙГУРЫ

Пассионарный толчок IV—III вв. до н.э. поднял степных хуннов и сарматов, но не задел ни Южной Сибири, ни цепочки оазисов в предгорьях Наньшаня и Куньлуня — области, которую китайские географы называли «Хэси», то есть Западнее реки (Хуанхэ). Когда великая засуха окончилась и пустыня снова превратилась в цветущую, благоухающую степь, сибирские кыргызы (потомки динлинов), привыкшие в благодатной Минусинской котловине к оседлой жизни, не воспользовались представившимися возможностями для расширения на юг. Их потребности вполне удовлетворяла ирригация, позволявшая пасти скот около дома, на орошенных пастбищах.

Иначе повели себя южане. Двенадцать племен теле (телеутов)¹ заполнили демографический вакуум в Великой степи. В IV в. они несколькими волнами переселились на север от сузившейся пустыни на телегах с высокими колесами, развели стада и табуны и... попали в лапы хищных жужаней, обложивших телеутов тяжелой данью². Сто лет (384—487) телеуты терпели жужаньский гнет, но в 487—488 гг. они проявили неожиданную прыть: восстали, переселились в долину Черного Иртыша, разгромили Юебань, державу потомков «малосильных» хуннов, и добились желанную независимость. Надо полагать, что за

столетие телеские женщины восприняли некоторую долю хуннской пассионарности от аборигенов Великой степи, с которыми они не могли не общаться: тесно и дружелюбно. Ведь они заселяли пустую, а не чужую землю.

Но конфедерация племен не могла тягаться с военными организациями: ордами, обладавшими твердой властью и дисциплиной. Телеутов в 495–496 гг. разгромили эфталиты, затем, в 516 г., им нанесли тяжелое поражение жужани, подчинившие их в 541 г., а в 546 г. их покорили тюркюты, под игом которых телеутские племена изнывали 200 лет. Причиной столь тяжелых неудач было, с одной стороны, слишком широкое распространение от Балхаша до Байкала — при редком населении, а с другой — особенности их этнической доминанты: племенная раздробленность и вольнолюбие, питавшее эту раздробленность. В результате одни племена погибли, как сеяньто, другие отложились и зажили самостоятельно — курыканы на Верхней Ангаре, третьи слились с иноплеменниками — киби. Только одно племя — уйгуры, или токуз-огузы³, объединив вокруг себя остатки рассыпавшейся конфедерации, сокрушили в 745 г. Тюркский каганат, разбили своих бывших союзников: басмалов и карлуков и основали в 747 г. собственный каганат, продержавшийся до 840 г., то есть меньше ста лет.

За это небольшое время уйгуры спасли династию Тан, подавив солдатское восстание пограничных войск в 763 г. и остановив тибетскую агрессию в «Западный край» (бассейн реки Тарим)⁴, подчинили соседних киданей и кыргызов и построили роскошный город — Каракорум, ставший резиденцией хана. Каждые три года только в Минусинскую котловину приходил караван арабских купцов из 20–24 верблюдов, нагруженных узорчатыми тканями⁵. «Страна диких нравов... превратилась в страну стремления к добрым делам», — писал манихейский миссионер IX века.

Границы Уйгурии были уже границ Тюркского каганата, но благодаря удачным походам хана Моянчура (745–759) она оказалась в исключительно благоприятных условиях и не имела сильных врагов вокруг себя. На западе с 766 г. усилились карлуки, но они сосредоточили все свое внимание на юго-западе и не переходили естественной границы — Тарбагатая. На юге лежал в развалинах униженный Китай. Император признал за Моянчуром ханский титул, то есть равенство Уйгурии и Китая, и уйгуры получали замаскированную дань. Тибет был не опасен — все силы он отдавал на войну с заклятым своим врагом — Китаем.

И тут мы наталкиваемся на трудность, пока еще никем не отмеченную. В поединке Китая с Тибетом Уйгурия была в самом выгодном положении: она решала судьбу успеха на каждом этапе войны. А ведь война шла за контроль над великим караванным путем, то есть за пошлины, уплачиваемые купцами, возившими шелк из Китая в Европу.

Поскольку самый удобный маршрут караванного пути шел от Дуньхуана, через Хами в Турфан, Джунгарию и оттуда в Хазарию, уйгурам перепадала изрядная часть пошлины. Поэтому Уйгурия богатела. Кроме того, подчинив енисейских кыргызов, уйгуры взимали с них подать мехами, и сами могли продавать соболей, стоивших не меньше шелка.

В VIII–IX вв. степная зона Евразии была обильно увлажнена. Скоту угрожала не засуха, а слишком глубокий снег, разгрести который овцам было не под силу. Но выпадал он не часто. Короче, Уйгурия перед своим концом находилась в самых лучших условиях.

Так почему же в 840 г. один заговорщик при помощи тюркок-шато убил хана, а другой — изменник — привел отряд кыргызов и отдал на разорение столицу своей родины? Почему в обоих случаях были призваны инопле-

менники? И почему не реагировали на это сами уйгуры? Источники на эти вопросы не отвечают, историки их обходят. Значит, надо прибегнуть к этнологии.

ФАЗА ОБСКУРАЦИИ — УЙГУРСКОЕ ХАНСТВО

Трагедия 840–848 гг. — явление недооцененное во всемирной истории. Оно упоминается почти во всех обзорах⁶, но как эпизод, тогда как это был конец суперэтнуса, созданного хуннами, сяньбийцами и сарматами в III в. до н.э., и превращение этносов в реликты. Традиционная методика исторического анализа не могла отличить грань между историческим становлением — этногенезом и клинической смертью — гомеостазом.

Попытка ввести в научный оборот большее количество подробностей⁷ увеличила калейдоскопичность, но не внесла ясности в проблему и ее значение. Жаль, потому что разгром Каракорума в 840 г. — событие такого же масштаба, как падение Константинополя в 1453 г., а уйгуры по талантам, восприимчивости, героизму не уступали византийцам эпохи Палеологов и также стали жертвой природных смен фаз этногенеза и контактов на суперэтническом уровне.

В VIII в. уже никто из степняков не хотел воевать, иначе как ради защиты своих юрт и кочевий от соседей. Племена устали от потрясений, произведенных тюрками, и хотели наслаждаться безмятежным покоем. «Уйгурия вела свои войны необыкновенно вяло, ограничиваясь пограничными стычками». Кидани подчинились уйгурам добровольно; кыргызы — ненадолго, да и отплатили за это подчинение с лихвой. В этой политической бездеятельности сказалась психология народа, стремившегося не столько к порабощению соседей, сколько к обеспечению собственной свободы. Это отмечено китайским дипломатом, ска-

завшим тибетскому полководцу: «Мы уважаем это государство за то, что оно свято блюдет договоры и не покушается на не принадлежащие ему земли»⁸.

В Уйгурском степном ханстве стало мало искренних жертвенных людей, способных сплотиться вокруг хана, но их было достаточно для оппозиции правительству и возбуждению племен к отпадению. Честолюбивые претенденты в борьбе между собой привлекали иноземцев, а в племенах наряду с вольнолюбивыми богатырями, которых становилось все меньше и меньше, умножались люди, склонные к праздности. Это и есть снижение пассионарного напряжения, ведущее этническую систему к последней фазе — обскурации. Тогда этнос разваливается на части, и никто уже не в силах остановить этот необратимый процесс.

Согласно теории этногенеза, в фазе обскурации идет быстрая утрата пассионарности этнической системы. Это выражается в том, что процент особей с высокой пассионарностью сокращается и последние пассионарии уже не могут влиять на большинство, состоящее из гармоничных и субпассионарных особей. Процесс может быть задержан устранением из популяции субпассионариев, пусть не всех, но многих. Однако вряд ли кто-либо решится на такую вивисекцию. Это могут сделать только обстоятельства, находящиеся вне контроля людей.

В середине VIII в. пассионарность у уйгуров была высока. Арабский историк Кудама сообщает, что десять токуз-огузов могли справиться с сотней карлуков⁹. Такие богатыри, даже будучи малочисленны, поднимали воинский дух тех пастухов, «силами которых тюркюты героически воевали в пустынях севера»¹⁰. О субпассионариях пока не слышно. Прошло полвека. Победы продолжались, но при численном перевесе, и сопровождались жуткими экзекуциями. Побежденных убивали, а союзников грабили до нитки. Так всегда поступают мобилизованные гармонич-

ники, будь то легионы Цезаря, дивизии Наполеона, стратоты Василия Болгаробойцы или шведы Густава Адольфа, но не ландскнехты, на вербованные его генералами. Те были субпассионарии.

В условиях материального благополучия и покоя отбор перестает действовать и процент субпассионариев увеличивается. Справиться с ними не могут самые талантливые воеводы. Дисциплина в армии становится мечтой, грабеж — повседневным занятием. Стойкость в бою сменяется дезертирством, а сдача в плен рассматривается как удачный уход от опасности. Тогда победы сменяются поражениями, как и случилось в Уйгурии после страшного 840 года.

Непонятно, как могли уйгуры пропустить кыргызов из Минусинской степи до Орхона, не дав им встречного боя?! Ведь до этого войска одерживали только победы.

После разгрома Каракорума энергичный Уге-тегин пытался возглавить сопротивление, но его ратники, вместо того чтобы пойти в контрнаступление на кыргызов, разбежались, и ему пришлось уйти на юг от Гоби. На берегах Хуанхэ отступавшим через пустыню воинам пришлось добывать пропитание грабежом селений, пограничных китайцев и юрт собственных союзников: татабов, татар и киданей. Те поднялись против грабителей, и уйгуры гибли от их рук. К 843 г. Уге, пытавшийся скрыться у татар, был выдан китайцам и казнен, а его ратники рассеялись. Уйгуры этого поколения предпочитали не сражаться, а сдаваться китайцам. Те принимали уйгуров, но лишали сдавшихся всех прав, даже свободы передвижения и вступления в браки с соплеменницами. Уйгурские девушки были обязаны до тридцати лет быть наложницами китайцев и, только отбыв этот срок и воспитав нескольких детей, получали право на брак с уйгурами¹¹. Неудивительно, что в X в. уйгуров, как этноса, не стало, но и империя

Тан не выиграла от получения метисованного поколения, лишённого традиций и патриотизма. В критическое для Китая время эти уйгуры примыкали к врагам его, вторгавшимся из Маньчжурии, пока не были разгромлены монголами в 1232 г. Но и тут потомки богатырей жили как холопы, время от времени менявшие хозяина.

Фаза обскурации, хотя и неизбежна в процессе любого этногенеза, но может протекать без фатальных последствий. Но уйгуры, как этнос, исчезли, а ожесточение противников достигло такого накала, что даже голодных беглецов, скрывавшихся в лесах и горах Маньчжурии, вылавливали специально и никого не оставляли в живых. Значит, был еще один фактор, который ускорил развал этнической системы.

Обскурация — возраст, опасный для этноса не только по причине естественно наступающей старости, делающей этнос нерезистентным и бессильным, но и потому, что при резком снижении пассионарности, находясь в окружении чуждых суперэтнических систем, культурное влияние соседей порождает этнические контакты, ведущие к образованию химер и жизнеотрицающих антисистем.

Прогрессирующее внутреннее разложение в Уйгурском ханстве было очевидно для современников.

Поэтому уйгуры и их подданные стали искать психологическую доминанту, которая бы объединила остатки пассионариев, способных поддержать государство.

Сами создать оригинальную доминанту, или мировоззрение, близкое всему народу, они не могли, так как для этого нужен высокий пассионарный уровень, дающий лабильность системе. Отдельные — даже очень способные и творческие — персоны не могут сломать и перестроить застывший стереотип. Так из горячего воска легко вылепить статуэтку, а из застывшего ее сделать нельзя. Но тогда выручает заимствование идей, а заодно и инкорпорация людей со стороны, как своего рода подпитка системы

энергией. Важно лишь, чтобы подпитка легко усваивалась и шла на пользу. И тут у кочевников Великой степи в VIII в. был богатый выбор.

Китайские учения: даосизм, конфуцианство и даже чан — созерцательный буддизм — кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов арабов. Культ Митры — бон¹² — в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгуров. Это была воинственная религия, мироощущение богатырей, а не пастухов, переходящих к оседлости. Зато христианство и манихейство понравились миролюбивым степнякам, хотя и были в непримиримой вражде. И эта вражда повлекла за собой трагедию.

Обычно обмен идеями считается благом, но это далеко не всегда. Иногда сочетаются концепции, которые взаимно аннигилируются, и такие коллизии иной раз — губительны, так как неизбежно воздействуют на стереотип поведения.

Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неопитов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению завлекательным, опьяняющим идеям. К числу таких принадлежали гностицизм и его персидская ветвь — манихейство. Подробное описание этих могучих антисистем выходит за пределы нашей темы, но краткое изложение принципов гностицизма будет небесполезно для широкого читателя. Поэтому начнем с Римской империи, точнее, с ее восточной окраины, где эллинские, египетские, сирийские и иранские воззрения переплелись столь тесно, что образовали новую целостность.

Бывают эпохи, когда людям жить легко, но очень противно. Именно таким был закат Римской империи, но с рождением Византии появились цели и интерес к жизни. Как было уже сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце таился и второй зародыш, так называемый гностицизм¹³. Гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм — это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Среди множества гностических школ и направлений общим было учение о Демиурге, т.е. ремесленнике, сотворившем мир, чтобы забавляться муками людей. Этим Демиургом они считали еврейского ветхозаветного Яхве, которого они противопоставляли истинному Богу, творившему души, но не материю. Вместе с тем они все признавали Христа, но считали его человеческий облик призрачным, т.е. нематериальным. Наиболее распространено было учение офитов.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного Змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со Змеем — символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, «оро-

сив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удается подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле — он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили некоторые еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василнд и его соотечественник Валентин, пересхавший в Рим.

Александрийские гностики представляли Бога высочайшим существом, заключенным в самом себе, и источником всякого бытия. Из него, подобно солнечным лучам, истекли второстепенные божеские существа — зоны. Чем более отделялись зоны от своего источника, тем слабее они становились. Все они в совокупности назывались Плеромой, или полнотой всего сущего. Вместе с Плеромой существует грубая, безжизненная материя, не имеющая действительного бытия, а только вид его. Она называется пустотой. Мир возник из соприкосновения и смешения этих двух стихий. Самый крайний из зонав по слабости своей упал в материю и одушевил ее, благодаря чему образовался видимый мир. Противоположность божественного и материального стала причиной зла в людях и демонах. Зона, из-за которого возник мир, гностики называли Демиург, т.е. ремесленник, и приравнивали к Богу Ветхого завета. Они полагали, что он делал мир халтурно, что он был и рад освободить дух из уз материи, но сделать это не умеет. Была также гипотеза, что он злобно противится помощи, которую могут ему оказать высшие зоны.

Высочайшее Божество постоянно заботится о жертвах Демиурга — людских душах. Оно стремится поддержать в них мысль о их высоком происхождении и укрепить их в борьбе с материей. Для этой цели оно по временам сообщало людям, к тому способным — пророкам и философам, — новые духовные элементы и, наконец, послало на Землю первого зона в призрачном теле. Этот зон соединился при крещении с человеком Иисусом и показал людям путь обратно в Плерому. Раздраженный этим Демиург, а по другим мнениям — Сатана, довел Иисуса до распятия. Небесный Христос оставил человека Иисуса на кресте и возвратился к Верховному существу. Спасение души — это освобождение от материи через борьбу с ней.

Восточные гностики (Саторнил, потом Мани) считали, что есть два равноправных «царства» — мрака и света. Мир — пограничная зона, где частицы света и мрака смешаны, вследствие чего возникает телесная жизнь, т.е. страдание. Отделение частиц света, духовных элементов человека, от материи, как косной, так и живой, будет освобождением и желанным концом мира. Царство мрака окажется в изоляции, но существовать не перестанет.

Напомним, что, в отличие от гностицизма, манихейство — не вариант христианской ереси, а самостоятельная религия, противоположная христианству. Гностические учения выступали одновременно против иудаизма и против церковного христианства, так как в их представлении метафизическим Злом был материальный мир и его Создатель. До тех пор, пока сложные философемы были только поэзией понятий, они были просто занимательными. Но как только идея профанировалась в мироощущении массы, она становилась убийственной и для культуры, и для беззащитной биосферы. Ведь и та и другая были объявлены злым творением Демиурга и, следовательно, подлежа-

ли уничтожению. К счастью, гностики были последовательны и не делали для собственных тел исключения, поскольку те были тоже материальны. Поэтому они запрещали брак, но допускали оргии, изнуряющие плоть. В результате они исчезли, не успев причинить окружающей среде большого вреда. Но манихеи поступали совсем иначе.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЛАЗНА

Хотя Великая степь остановила натиск Китая и отвергла его специфическую духовную культуру, но не избежала сладкого соблазна антисистемы. Уйгуры были одним из наиболее талантливых, мужественных и восприимчивых этносов не только средневековья, но и всей мировой истории. Это-то их и погубило.

Манихеи, преследуемые мусульманской инквизицией, искали убежища на востоке. Китайцы отнеслись к манихейской проповеди крайне враждебно, но уйгурский хан в 766 г. пригласил манихейского законоучителя к себе и дал ему слово для изложения своего учения.

«Речи его лились, как спущенная река, потому он смог открыть истинное учение у уйгуров»¹⁴. Манихеи сумели поспорить уйгуров со всеми соседями: китайцами-конфуцианцами, кыргызами-шаманистами, христианами, мусульманами и даже буддистами, утверждая, что «неверующие по незнанию называли чёрта Буддой»¹⁵. Они ввели обязательные постные дни, когда запрещалось вкушать не только мясо, но даже молоко. Уйгурским пастухам и охотникам пришлось заводить огороды, чтобы не умереть с голоду. При этом надо учесть, что проповедь «религии света», как манихеи называли свою веру, ограничивалась знатными, ибо «как люди высшие действуют, тому низшие подражают»¹⁶.

Манихейская непримиримость привела Уйгурию к гибели¹⁷. Уйгурское ханство было конфедерацией шести племен с собственными вождями, и давление правящей кучки на народ не могло быть значительным. Племенные беги зависели от родовичей, которые издавна исповедовали теистический культ Тенгри — Неба. Они нуждались в вере в Бога, потому что только он мог помогать кочевникам против злых духов ночной степи: яка и ычкака, чулмусов и албастов. А манихейство — система атеистическая, хотя и мистическая.

Бог в космогонии манихейства отсутствует. Его место занимают две стихии: Света и беснующегося Мрака. Мрак сам по себе нематериален, но однажды его скопления случайно подкрались к области Света и попытались в нее вторгнуться. Против них вышел Первочеловек, но они облекли его световое тело, растерзали на части, и мучают их; это сочетание света, заключенного во мраке, и есть материальный Мир. Задачу свою манихеи видят в освобождении плененных частиц света из оков материи. Достигается оно не через смерть, ибо манихеи признают переселение душ, а через отвращение к жизни и всему телесному, материальному, в том числе к искусству, ибо вещи сделаны из материи.

Таким образом, у манихеев мир — не творение, заслуживающее любви, а результат катастрофы и подлежит уничтожению. Это учение — весьма последовательно, и именно поэтому оно вызывало отвращение всюду, где проповедовалось: в Риме, Иране, Китае. Римлян шокировала нетерпимость манихеев и их заумная натурфилософия, претендовавшая на то, чтобы вносить поправки в естествознание, в то время достаточно совершенное (т.е. воинствующее невежество); персов и арабов — безбожие и ложь, не только разрешенная, но и прямо предписанная манихейским «верным» как средство борьбы с материей; китайцев — запрещение семьи и изнурение плоти путем

аскезы и коллективного разврата, чтобы вызвать в себе отвращение к жизни; буддистов — жестокость по отношению к людям и животным, которых манихеи считали «злыми», т.е. несогласными с их учением. Только уйгуры приняли манихейство как государственную религию. И тогда в Великой степи впервые начались гонения за религиозные взгляды.

Принятие уйгурами манихейства не было предопределено судьбой. Нет, это только историческая случайность. В Уйгурии была и христианская община. Троица, которой поклоняются все христиане, по-уйгурски называлась «Учудук», буквально — «Три святыни». Но во время межплеменной войны 752 г. эта община оказалась союзницей басмалов и тюргешей, которые были разбиты. Манихейская же община поддержала победившего хана и выиграла власть.

По сути дела, Уйгурия, одержав ряд блестящих побед, находилась в это время на пороге гибели. Социально-этническая система ее упростилась до такой степени, что удержать ее от распада на независимые племена можно было только силой. Поэтому появление конфессиональной общины с культурной доминантой укрепляло власть хана. Вопрос в другом: удачен ли был выбор? Пожалуй, не очень. Но с Китаем отношения были натянуты, а в Китае христианство в VIII в. было дозволено, манихейство же — запрещено. Следовательно, для Уйгурии манихеи были естественными союзниками, и в 766–767 гг. хан и вельможи приняли «религию света», а «как люди высшие действуют, тому низшие подражают».

Первыми жертвами фанатичных манихеев оказались каменные изваяния тюркских богатырей. Ю. Н. Рерих рассказал автору этих строк, что в Монголии они все разбиты и обезображены, и был удивлен, что они сохранились на Алтае и в Семиречье. Вряд ли кто-либо из наших историков может одобрить сектантский вандализм.

Затем, в 795 г., в результате дворцовых переворотов, ханская власть была ограничена советом чиновников (не племенных вождей) и руководителей манихейской церкви, которые требовали, чтобы «во всей земле простолюдины и живые существа чистые и добрые были покровительствуемы, а злые — истребляемы».

Определяли же, кто добр, а кто — зол, те же манихеи, и есть сведения, что в манихейских кумирнях изображался демон, которому Будда моет ноги. Эти кумирни, конечно, не сохранились. Нетерпимость надолго стала знаменем эпохи.

Но не только враги, а и сами уйгурские простолюдины тяготились новой религией. Возможно ли было растолковать пастуху, неграмотному храброму воину, что родная благоухающая степь, любимая жена и веселые дети — страшное зло, от которого надо отречься? Мог ли он представить себе абстракцию борьбы лучистого Сияния с беснующимся Мраком? Мог ли он возненавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, носившего его к победам над врагами? Ясно, что народ был манихейским только по названию. Так произошел разрыв между неопитами и массами.

И правительство ничего не могло изменить, так как в 795 г. на престол был возведен приемный сын одного из вельмож Кутлуг, на условиях ограничения власти. «Вельможи, чиновники и прочие доложили: «Ты, небесный царь, сиди спустя рукава на драгоценном престоле, а помощника должен получить, обладающего способностями управления мерой с море и гору; ...законы и повеления должны быть даны; должно надеяться на небесную милость и благосклонность». Иными словами, у хана были отняты исполнительская и судебная власть, а политика взята под контроль «небесной милости», т.е. манихесв¹⁸. Союз племен превратился в теократию.

Как совместить это странное, хотя и не уникальное явление, с фазами этногенеза? В общую систему оно не укладывается и, как будто, противоречит ей. Однако надо помнить, что ни один этнос не живет одиноко, а контакты, даже идеологические, могут нарушить закономерность этногенеза, если они достаточно сильны. Конечно, при контактах с положительной комплиментарностью, проще сказать, с взаимной симпатией возможны симбиозы и даже слияние двух-трех сомкнувшихся этносов, но слияние происходит лишь на подъеме пассионарности и в акматической фазе, когда этносы молоды и эластичны, а их системы имеют один знак, например — развитие в сторону усложнения и увеличения системных связей (система-плюс).

Сочетание «молодого» этноса со «старым», т.е. находящимся в инерционной фазе, может дать «ксению», или этноса-гостя. Эти последние живут в чужой этнической среде, как колонии, и обычно взаимно нейтральны, ибо не вмешиваются в чужие дела. А если они навязывают друг другу свой стереотип, культуру и психологическую доминанту — то это будет химера (система-ноль).

Но беда в том, что в химерных сочетаниях возникают антисистемы (системы-минус), упрощающие социальные структуры и обрывающие системные связи. Взаимодействие системы с антисистемой влечет выход из развития, в данном случае — из этногенеза. Происходит превращение природной системы в искусственную, из процесса — в вещь. Прогресс, пусть даже старение, заменяется аннигиляцией при неизбежных контактах с соседями и природной средой, ибо вожди антисистемной секты остаются людьми, и притом пассионарными.

Именно так сломалась в 840 г. манихейская община, погубив при этом доверившийся ей народ — уйгуров. Но этот великий этнос подарил свое имя населению оазисов,

приютившему его потомков в столетие бедствий; и те несут его с гордостью поныне.

С 840 по 925 г., пока опустевшую степь не включил в свою державу киданьский хан и император Елюй Амбагань, местные жители опасались водить караваны, а тем более предпринимать торговые дела, чтобы не попасть в руки врагов. Поэтому торговля перешла к иноземцам, которые, не будучи связаны с воюющими сторонами, пользовались традиционной безопасностью купцов, характерной для всего средневековья. Этими купцами стали евреи, платившие пошлины за свободный проход через все страны, лежавшие на их путях, и поэтому охраняемые властями, заинтересованными в постоянных доходах.

Так антисистема вспыхнула и сгорела, оставив после себя пепелище, в которое влились иноземцы, как в опустевшую экологическую нишу. Для истории Срединной Азии наступил двухсотлетний период упадка, который можно фигурально назвать — «Темным веком».

ПОСЛЕДНИЕ ХУННЫ

После гибели Уйгурского ханства судьба восточных степняков была предрешена. Эпоха каганатов, обеспечивавших не только политическую независимость, но и право на жизнь, окончилась. Темный век принес в восточные кочевья беззащитность и гибель. Правда, оставалась еще последняя надежда на империю Тан, симпатизировавшую степнякам, но это была иллюзия.

После подавления восстания Ань Лушаня тибетцами и уйгурами идея империи Тан была потеряна. Она превратилась в банальное китайское царство, хотя и сохранила свои «западнические» симпатии: буддизм и наемную армию, комплектуемую из кочевников. «Запад» — понятие относительное. Например, для арабского мира «Магриб» —

это страны Атласа, но отнюдь не Германия или Россия. Для средневекового Китая «Запад» начинался уже в Дуньхуане и включал в себя Индию, Иран, Джунгарию и даже Саяны. Для китайцев династия Тан была «западнической» и потому чуждой. У ее основания стояла фамилия Ли, которая была смешанного происхождения и по своим традициям больше походила на пограничных табгачей, нежели на природных жителей Срединной равнины. Моды, вкусы, развлечения, нравы, философемы при дворе были иноземные, а в народе — свои. Окружение же императоров и вельмож было китайским, так как гаремы пополняли крайне патриотичные китайки, продвигавшие на доходные должности своих ученых родственников. Те брали взятки и ненавидели правителей, считая их варварами, а соседние кочевники видели в империи Тан — китайцев, которых терпеть не могли. И никакие культурные влияния Индии и Ирана тут не могли помочь.

Китайские шовинисты, главным образом — ученые, ненавидели все иноземное: буддизм, индийские пляски полунагих девиц, доблесть кочевых тюрок и киданей, торговлю с заграницей, куда по демпинговым ценам утекал шелк, а взамен приходили соблазнительные учения: несторианство и манихейство, как раньше пришел буддизм. Все это они считали наследием империи Тан и ненавидели искренне и последовательно. Но избавиться от чуждых наслоений было нелегко.

Инициативу борьбы против «западничества» и даосизма проявил профессор государственного университета (Тай-сюе) в Чанъани — Хань Юй. В противовес индийским и хотанским философским школам он провозгласил «путь к древности», выдвинув общественно-политическую программу: «Запретить эти учения! Расстричь монахов! Храмы и монастыри обратить в обыкновенные жилища!» Книги же Хань Юй предлагал сжечь, как и картины. Академик Н. И. Конрад¹⁹ называет эту програм-

му гуманизмом. Не будем спорить. Отметим лишь, что при жизни Хань Юя его идеи успеха не имели. Он был... «только профессор», т.е. не имел власти и возможности управлять.

Табгачские ханы, ставшие «Сынами Неба», и их соплеменники не стремились к казням индусов, тибетцев и тюрок только за то, что они не имели времени и желания изучать конфуцианскую литературу и этику. Но ветер времени дул в сторону Хань Юя. В Китае начало расти шовинистическое направление, встречавшее, однако, сопротивление среди соседних народов.

Культура часто переживает этнос. Большая часть героев, сражавшихся за империю Тан, к концу VIII в. погибла: одни — в боях с повстанцами, другие — на плахе, оклеветанные хитрыми китайцами. Но моды, вкусы и симпатии погибших сохранились как традиция, противоречившая национальной исключительности и доброжелательная к мировой культуре, представленной в Китае в то время индусами, хотанцами и северными варварами — кочевниками. Это приманивало последних в Китай, ибо Уйгурия стала манихейской, а Тибет — буддийским. В Китае же при династии Тан существовала терпимость, что и обнадежило потомков последних хуннов — тюрок-шато.

Тюрки-шато были ветвью «малосильных» среднеазиатских хуннов, предки которых не ушли в Европу, а застряли у озера Баркуль в Джунгарии. В 808 г. они восстали против тибетцев, отвергли покровительство уйгуров, покинули обжитую землю, и 30 тысяч кибиток потянулось в Китай. Как стареющий лосось в реке или угорь в океане, этнос потянулся к месту своего рождения — туда, где шаньюй Модэ в 209 г. до н.э. создал «державу на коне» и установил «господство над народами».

Тибетцы гнались за ними до китайской границы; каждый день шел бой. Спаслись только 2 тысячи человек,

из которых танские императоры создали пограничный корпус.

Тем временем в самом Китае росли националистические идеи, к 870 г. — овладели массами, и в 874 г. грянул гром. Началось восстание Хуан Чао — китайского Пугачева.

Восстание было направлено против династии Тан и иноземцев, которых Тан впустила в Китай. Этим пощады не было. В 879 г. повстанцы взяли Кантон и вырезали там всех арабских и еврейских купцов, в 880 г. та же судьба постигла Чанъань. Только Ли Кэ-юн, тюрк-шато, прозванный «одноглазым драконом», при поддержке тангутского вождя Тоба Сыгуна нанес поражение повстанцам. Но империя Тан все-таки пала. В 907 г. китаец Чжу Вэнь — трижды предатель, ибо он перешел к Хуан Чао, вернулся к Тан, наконец, низложил последнего танского императора; захватил власть и основал династию Хоу-лян.

Тюрки-шато любили династию Тан, китайцы ее ненавидели. Поэтому в 923 г. эти последние хунны низвергли узурпатора и восстановили империю Тан (Хоу-Тан). Но тут в игру вступили последние сяньбийцы — кидани. И повторилась коллизия IV–V вв. Шато, как и в древности хунны, проиграли войну потомкам сяньбийцев. Последнее хуннское царство в Шэньси носило уже китайское название «Северная Хань». Теснимые с севера пустыней Гоби, а с юга — многочисленными китайскими войсками империи Сун, предаваемые собственными подданными китайского происхождения, хунны уже не могли спастись. В 979 г. Северная Хань находилась в союзе с киданьской империей Ляо и надеялась на ее помощь. Но союзники предали хуннов, разбитые суннскими войсками, и император Бэй-Хань сдался, по-видимому, без боя²⁰. Последнее хуннское царство пало, а последние хунны могли уцелеть только в рассеянии, как осколки, имя которых через 200 лет

было забыто²¹. Их стали называть «белые татары»; это название нарицательное, а не этноним²².

На этом кончился виток этногенеза, который мы назвали «хуннским», потому что все другие этносы, порожденные или сформированные хуннами, прожили меньше.

Надо заметить, что хунны пережили одновозрастные им этносы не случайно: характерная для них этнографическая черта — неизменная взаимовыручка, порожденная привычкой к коллективному опыту, помогла преодолеть такие трудности, какие становились катастрофой для этносов, члены которых были друг для друга в меньшей, чем хунны, степени товарищами и в большей соплеменниками, соседями. Таким образом, исторический период хуннского этногенеза продолжался 1188 лет (209 г. до н.э. — 979 г. н.э.), но к этому числу надо прибавить инкубационный период — около 150 лет — и время существования, которое метафорически назовем «посмертным», ибо конец этноса не означает физической гибели его членов, а только распад системы, забвение традиции и возможность для уцелевших особей войти в состав других этносистем.

Природа изменчива. Она заполняет опустевшие экологические ниши, погребает исторические эпохи сыпучими песками и глубоким забвением прошлого. Великие в прошлом города, превратившиеся в «телли», на которых гнездятся жалкие деревушки, обитаемые темными крестьянами, — явление не менее распространённое, чем так называемые «погребенные почвы». Но такой сон, похожий на смерть, не длится нигде вечно. И природа, и народы рано или поздно оживают, причем последние — только под действием некоего «катастрофического» природного события, результат которого мы называем пассионарным толчком. Но его не было ни в X, ни в XI в., и в Степи продолжалось «темное столетие».

Вслед за последними хуннами должны были исчезнуть и последние сяньбийцы — кидани²³. Появившись после хуннов, они и закончили свой путь в этногенетическом времени — позже. Но это наследство было для киданей невыносимым бременем, ибо им предстояла мучительная двухсотлетняя гибель, а не легкая смерть в бою.

Кидани с IV в. жили в Западной Маньчжурии и по берегам реки Ляо-хэ. Это был полукочевой народ, воспринявший пассионарность от соседних сяньбийцев. Восемь родственных племен составляли союз, управляемый своими вождями, по три года каждый. Кидань подчинялась тюркам, потом уйгурам. В 907 г. один из старейшин, Елюй, Амбагань не переизбрался, а отрубил головы прочим семи вождям. Он объявил себя «небесным императором», а жену — «земной императрицей», подчинил себе всю Маньчжурию, восточную часть современной Монголии и отторг от Китая Хэбэй.

Китай в X в. переживал очередной период развала, свойственного для акматической фазы этногенеза (эпоха Пяти династий — 907–960 гг.) и не мог оказать сопротивления даже этому небольшому этносу. Но кидани были народом древним. Они достигли мудрой и крепкой старости, фазы гомеостаза, и не могли оказать сопротивление главному оружию «Поднебесной» — китайской культуре.

Они не были подлинными кочевниками и, подобно табгачам, восприняли слишком много элементов китайской культуры, в том числе иероглифическую письменность, тогда как все прочие центральноазиатские народы использовали алфавит.

В 947 г. киданьские цари наименовали свою династию Ляо, тем самым окончательно причислив ее к китайскому культурному миру. Полукочное ханство превратилось в

химерную империю. Повторилась коллизия табгачей: кидани сделались врагами степных кочевников и охотников лесных массивов Маньчжурии, не сумев слиться с китайцами.

В 960 г. Китай был снова объединен династией Сун. Программой этой династии было восстановление древних традиций, фактически забытых, изгнание всего иноземного из культуры и осуждение династии Тан, позволявшей иноземцам помогать себе. Последствия этой программы сказались тут же.

Кидани перешли к активным действиям и заняли северо-восточный угол Китая; подлинные китайцы удержались только на юге от Хуанхэ. А в 982 г. тибетский народ миняги, потомки древних жунов, ди и кянов (цян), которых мы называем их монгольским названием — тангуты, восстали против сунской оккупации и к 990 г. создали в Ордосе свое государство — «Западное Ся», отрицавшее все китайское. Тангуты сами считали свое царство наследником полуинородческих китаизированных династий Тоба-Вэй и Тан. Они отстаивали право некитайцев жить на землях, некогда захваченных Китаем, сохранять свои племенные традиции и управляться вождями из своей среды, а не китайскими чиновниками. И они отстаивали свою независимость, отбросив китайцев на юг от линии Великой стены²⁴.

Можно было бы предположить, что снижение уровня пассионарности у степняков, самоустранение кыргызов, вернувшихся после победы над уйгурами в Сибирь, и уход китайцев за Великую стену дадут пострадавшим кочевникам вожделенный покой. Но в этнических контактах важны не абсолютные величины пассионарного напряжения, а соотносительные... и кровь течет на перепадах.

Тангутское и киданское государства, отделив Китай от степных народов, несли в себе ту же ущербность, что и их прототипы: империи Тоба-Вэй (Бэй-Вэй) и Тан. Для

киргайцев они были варварами, для степных кочевников — ренегатами, передавшимися китайцам. И тут роль индикатора сыграл буддизм, гонимый в сунском Китае. Еще в 845 г. в Китае была произведена секуляризация буддийских монастырей, сожжены манихейские книги и изображения и объявлено вне закона христианство²⁵. Начались гонения на буддистов, манихеев и несториан. На них китайцы вымещали горечь поражений. Но гонимые нашли приют среди инородческого населения на северной окраине Китая. Буддизм был принят в Тангуте и Кидани как «некитайская религия», еще раньше уйгурские вельможи приняли манихейство, а простодушные степняки басмалы, онгуты и кераиты приняли крещение от несторианских священников, изгнанных из Китая в то время, когда буддистов там еще терпели. Поскольку в ту эпоху религия была идеологическим знаменем, новообращенные кочевники стали принципиальными врагами тангутов, которым пришлось сражаться на два фронта, причем так, что «кровь текла, как журчащий поток»²⁶.

Как взболтанное масло и вода расслаиваются по своему удельному весу, так расслоилась империя Тан, и Восточная Азия оказалась разделенной на китайскую (Сун), степную и лесную дальневосточную части, резко противостоявшие друг другу.

Судьбы их были различны. Китай медленно остывал, а Кидань, превратившись в монголо-китайскую химеру, пала в 1125 г. под ударом чжурчжэней (маньчжуров) — лесного племени, не затронутого цивилизацией.

Культурные кидани, усвоившие китайскую цивилизацию, подчинились победителям. А остальные, то есть необразованные, но не утратившие степной доблести, отступили с боями в Семиречье и там столкнулись с сельджуками, с самим великим султаном Санджаром! Между 1137 и 1141 гг. шли упорные сражения между киданьским гурханом Елюем Даши и Санджаром. Гурхана

поддерживали «отсталые» степняки. Султана — лучшие воины из Хорасана, Седжестана, Гура, Газни и Мазендера — еще не растроченные силы мира ислама, а всего 100 тысяч воинов. Гурхан победил! Султан бежал, покинув семью и 30 тысяч храбрых соратников, убитых в честном бою, но кидани проявили удивительную умеренность: обложили города Средней Азии небольшой данью и стали пасти скот в Семиречье и Джунгарии.

Так дала о себе знать последняя вспышка сяньбийской пассионарности. С появлением чжурчжэней на Дальнем Востоке началась новая эпоха, но об этом следует сказать особо, в свое время и не опережать пока события.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Теперь, когда мы проследили до конца, как в пламени разгорающейся китайской и остывающей хунно-сяньбийской пассионарности рухнула не только сама империя Тан, но и ее идея — стремление соединить китайское и степное начала в единой этносоциальной системе, естественно задаться вопросом, а возможно ли это в принципе?

События XI–X вв., когда Китай вытошнило «Западом», имеют очевидную этническую подоплеку. В эпоху, когда этническая сущность человека определялась его принадлежностью к конфессиональной общине, понятия «национальная дискриминация» и «религиозные гонения» совпадали. Китайцы боролись не с иноземными религиями, а с инородцами, жившими в пределах и за пределами Китая. Поэтому китайская идеология не перешагнула через Великую стену. Неприятие китайской культуры характерно для всех народов Центральной Азии.

Хунны и тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. А после падения Второго каганата, когда

в Азии наступила эпоха смены веры, кочевники заимствовали культуру и мировоззрения с запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Аравии — ислам, из Тибета — теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования оставался прежним — «антикитайским». Из Китая заимствовался только шелк, а помимо него — печенье и в некоторых случаях фарфоровая посуда. Китайцы Средней равнины и кочевники Великой степи столь различались между собой, что не перенимали культуры друг друга. Кидани были исключением. Это и привело их к гибели как этнос.

Секрет хода событий, влекущих за собой утяжеляющие последствия, заключался, пожалуй, не в экономике и политике, а в феномене этнографии, действовавшем на поведение людей. Китайцы и кочевники настолько различались по стереотипу поведения, что не хотели, не могли и не искали даже поводов наладить контакт, считая контакты вообще лишёнными смысла. Тут были важны некоторые подробности быта.

Прежде всего, китайцы не употребляли молочных продуктов, основной пищи кочевников, и взаимопонимание отсутствовало из-за презрения к такой пище одних и непонимания и раздражения по поводу такого неприятия у других.

Для китайца все жены отца — его матери, сколько бы их ни было. Для хунна, например, или тюрка, мать только одна, а наложницы отца — подружки, а вдова старшего брата становится законной его женой, которую он обязан содержать, причем чувства роли не играли.

Женщина в Китае в те века не работала, она рожала и нянчила детей, и никаких прав не имела. В Великой степи женщина выполняла все домашние работы и была владелицей дома; мужу принадлежало только оружие, ибо ему

полагалось умереть на войне. В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а тюрки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. Представители двух великих суперэтносов никак не могли ужиться рядом.

«Опыт истории показал, что с китайцами лучше жить в мире и порознь». Но это достижимо только тогда, когда первоначальный импульс, преобразующий население «Срединной равнины» в новую этническую систему, теряет инерцию. Но пока эта инерция есть, было необходимо защищаться до последней стрелы. И не потому, что китайцы — дурные люди, или был плох китайский феодализм, или в Китае правили жестокие деспоты, а потому, что для того, чтобы ужиться с китайцами, надо самому стать китайцем. Это значит, что надо забыть все традиции, полученные от предков, все навыки культуры и быта, все нормы этики и идеалы красоты, а вместо них воспринять те, которые, сложившись в Китае за тысячелетия, сильны потому, что неосознанно считаются единственно правильными. Это и есть этнопсихология.

Далеко не каждый способен на такую внутреннюю ломку, даже если он на нее согласен. А тогда ему не выжить, даже если его не убьют. Будучи чужим, он не найдет защиты в суде, не продвинется по службе, не сможет завести семью и воспитать детей. В лучшем случае реликтовые этносы, вроде мяо, лоло и т. п., живут в своих деревнях под защитой тропических джунглей, но и их число уменьшается на глазах историка.

Но как только инерция этногенетического взрыва иссякает, китайцы превращаются в милых, трудолюбивых и честных людей. Такими и застали их первые синологи в XVIII веке.

Теперь, имея историческую перспективу, мы можем сделать вывод, и даже не один, а два. Во-первых, пресловутое миролюбие китайцев мнимо. Оно было вынуждено

тяжелыми поражениями и иноземным владычеством, а отнюдь не национальным психологическим складом. Как только Китай набирал силу — он начинал расширяться по всем направлениям. Конечно, и в Китае с глубокой древности имелись противники завоевательных войн, но правящие круги с ними не считались, и война с варварами, т.е. всеми соседями, была три тысячи лет лейтмотивом китайской внешней политики. Во-вторых, нет никаких оснований считать тюрков, монголов и маньчжуро-тунгусов народами, близкими Китаю. Культура, быт, языки и происхождение их были совершенно иными, а историческая закономерность сделала кочевников и китайцев врагами. Никак нельзя считать случайностью то, что по линии Великой китайской стены 2000 лет шла почти не прекращающаяся война, в которой хунны, тюрки, а затем монголы отстаивали свои родные степи от гораздо более многочисленного, хитрого, жестокого и прекрасно вооруженного противника. Не случайно и то, что даже метисация тюрко-монголов с китайцами на линии Великой китайской стены не дала положительных результатов. Слишком различны были эти народы для того, чтобы слиться воедино любым способом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гумилев Л.Н. Древние тюрки*. С. 16

² См.: *Гумилев Л.Н. Хунны в Китае*. С. 117

³ В степи в то время наряду с этнонимами применялись метафорические численные названия, как синонимы этнических. Например, токуз-огузы — «девять племен» — уйгуры; уч-огузы — «три племени» — карлуки; отуз-огузы — «тридцать племен» — басмалы; и т. п. И только кидани имели числовое название найман «восемь» — монгольское, а не тюркское. С точки зрения этнологии, огуз — конвексия.

- ⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 411–420.
- ⁵ Там же. С. 386–387.
- ⁶ Первым исследователем уйгуров был *Д.Позднеев* (Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899), последним — *А.Г.Малявкин* (Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв.) См.: История и культура востока Азии. Т. II. Новосибирск, Сиб. отд. АН СССР, 1974. Библиография по уйгурам и кыргызам столь огромна, что приведение ее здесь нецелесообразно.
- ⁷ См.: *Малявкин А.Г.* Уйгуры и Китай в 840–848 гг. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века Т. III. Новосибирск, 1975. С. 65–82.
- ⁸ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. П., 1926. С.347.
- ⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 378.
- ¹⁰ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Л.; М., 1950. С 301.
- ¹¹ См.: *Малявкин А.Г.* Китай и уйгуры в 840–848 гг. С. 8; *Он же.* Материалы... С. 92.
- ¹² См.: *Гумилев Л.Н., Кузнецов В.И.* Бон: древняя тибетская религия // Доклады Географ. общ-ва. Вып. 15. Л., 1970. С. 72–90.
- ¹³ Прекрасный обзор гностических систем см.: *Николаев Ю.* В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб., 1913.
- ¹⁴ *Васильев В.П.* Китайские надписи в Орхонских памятниках в Кошоцай-даме и Карабалгасуне // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. III. СПб., 1897. С. 13.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 13.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 381–387, 425–434.
- ¹⁸ См.: *Васильев В.П.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁹ *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1966. С. 119 и сл.
- ²⁰ См.: *Е Лун-ли.* История государства киданей. М., 1979. С. 117.
- ²¹ См.: *Мэн-да Бэй лу* / Пер. Н.Ц.Мункуева. М., 1975. С. 93. Прим. 8.

²² Там же. Прим. 10; литература о них см.: Там же. С. 92. Прим. 4.

²³ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 63.

²⁴ Там же. С. 89.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма. М., 1965. С. 52.

VII. НА ИЗЛЕТЕ

ФАЗА И СОСТОЯНИЕ

Как уже было показано, этногенез — процесс, закономерно проходящий несколько фаз. Но если этнос при всех испытаниях не распался, то он продолжает существовать как этноценоз, верхняя ступень геобиоценоза, не развиваясь, а лишь взаимодействуя с соседними этносами. Различие такого этноса с этносами, проходящими пассионарный толчок и спад, чисто количественное: вместо одного грандиозного толчка, создающего колебания акматической фазы и надлома, идут мелкие волнообразные повышения и снижения пассионарного напряжения системы. Эти колебания не меняют стереотипа поведения, не ломают структуры, а культура, если она и меняется под влиянием соседей, то не влияет на устойчивые формы, отработанные веками и соподчиненные жесткой обратной связи этноса с вмещающим ландшафтом.

Говоря проще, гомеостаз — торжество посредственности, выбрасывающей из системы и гениев, и преступников. Поэтому прогресс культуры и мысли, как и регресс норм этики в нем, невозможен. Гомеостатическая система имеет начало — затухание первичного пассионарного толчка, но не имеет естественного конца. Она осуждена на бессмертие. Зато она легко может быть убита соседями, обладающими повышенной пассионарностью при нали-

чий этнокультурной доминанты — цели. Но она успешно сопротивляется не организованным в систему пассионарным популяциям и наносит сокрушительные удары субпассионарным системам, ибо нулевой уровень выше отрицательного. В этом состоянии были индейцы Северной Америки, патаны Гиндукуша, алтайцы, эвенки и многие другие.

Ни в коем случае не следует считать людей гомеостатических популяций неполноценными, отсталыми или «дикими». Вспомним, что подавляющая масса персон в развивающихся этносах — такие же обыватели, как и в племенах горцев, лесовиков и степняков. Различие идет не на организмическом, а на популяционном уровне: одни системы обладают талантами, героями, мудрецами, а также подонками, лентяями, преступниками, а другие выбрасывают из своей среды тех и других, мешающих им жить.

В обоих типах систем посредственности сходны между собой, и тут и там поведенческий императив — консервация стереотипов, но не навязывание своего — соседу. Эта позиция ведет к этническому симбиозу и сохранению многих этносов, которые, в противном случае, были бы или обращены миссионерами, или ограблены и перебиты флибустьерами. В том и другом случае их бы не осталось.

Разумеется, в гомеостатичных этносах сокращается патриотизм — жертвенная любовь к традициям далекого прошлого, но его заменяет «натализм» — любовь к родной природе. Широко известна история половецкого хана Атрака, ушедшего в Грузию со своей ордой и прижившегося там. Когда соплеменники захотели вернуть его домой, никакие уговоры не помогали. Тогда один из послов дал ему понюхать пучок сухого ковыля. Хан немедленно поднял орду и вернулся в донскую степь. Отсюда вытекает вывод: сила воображения и абстрактной мысли обратно

пропорциональна силе ощущения и условного рефлекса. А что оценивать выше или ниже — вопрос праздный, потому что природа не базар, а значит, природные явления (феномены) подлежат описанию, а не оценке.

Конечно, гомеостатичные этносы так же непохожи друг на друга, как и этносы, складывающиеся в этногенных процессах. Сиу не похожи на ирокезов и алгонкинов, патаны на гималайских ггурков, печенеги (канглы) на торков (гузов), а те и другие — на половцев (куманов), но главное, что надо помнить: ни те, ни другие не примитивная, а финальная стадия этногенезов, происходивших в разных местах и в разное время. Этносы, изучаемые нами, не дети, а старички, у каждого из которых есть своя история, даже если она ими забыта.

ПЕРСИСТЕНТЫ

Утрата этносом пассионарности — процесс необратимый, но постепенный. Не все дети героев одновременно превращаются в капризных мальчишек и тупых эгоистов, не умеющих отличить приятное от необходимого.

На юго-восток ушли те уйгуры, которые предпочитали отступление сопротивлению, не соображая, что отступить некуда, ибо танский Китай степнякам не друг. Но были и «отсталые» уйгуры, еще не утратившие пассионарности дедов. Они пошли на юго-запад, где натиск тибетцев окончился, а китайский не возобновился. Они отделились от своих разложившихся соратников и перебрались в Ганьсу. В то же время джунгарские племена, члены уйгурской конфедерации, но не уйгуры, захватили Турфанский оазис и разбили тибетцев в 861 г.

Земли, освобожденные уйгурами от тибетских захватчиков, считались принадлежащими империи Тан, но китайцы не имели сил для возвращения их. Они были заняты

делами внутренними — смирением постоянно возникавших возмущений: то крестьянских, то военных. Не имея возможности одерживать победы над внешними врагами, китайцы постарались создать врагов внутренних, расправиться с которыми было легко. Благодаря этому «отсталые» уйгуры укрепились в прекрасном оазисе Ганьчжоу и создали самостоятельное государство в Принаньшанье, присоединив к нему Дуньхуан и Хами. А джунгарские уйгуры овладели Карашаром, Кучой и окрестностями Лобнора. Так создались два уйгурских княжества, жизнеспособных, богатых и весьма непохожих на степное ханство, породившее и воспитавшее их предков¹.

Военные успехи 851–861 гг. избавили уйгуров от южной, тибетской угрозы, но война с северными кыргызами продолжалась до начала X в. И, как ни странно, кыргызы терпели неудачи. Западная Гоби стала непроходимым барьером их экспансии, хотя до этого они торжествовали на востоке до самой Маньчжурии.

Тут невольно напрашивается аналогия с Византией XIII в. Крестоносцы с потрясающей легкостью взяли и разграбили богатый, многолюдный Константинополь, население которого позволяло себя грабить и убивать. Но маленькая Никея и бесплодный гористый Эпир побеждали лучшие войска французских и итальянских рыцарей, пока не вернули себе столицу и захваченные врагами области,

А в то время, когда этносы южной окраины Великой степи сгорали в пламени этносоциальных контактов, обитатели северной окраины жили относительно спокойно. В Горном Алтае, как в природной крепости, уцелели остатки древних тюркютов — телесы и их соперников телеутов — теленгиты. В Минусинской котловине до XIII в. сохраняли независимость кыргызы, а в Прибайкалье — курыканы, известные под названием «курумчинские кузнецы», так как у них было наиболее развито изготовление железного оружия. В VIII в. курыканы владели западным Забайкаль-

ем², но к XI в. были вытеснены оттуда предками западных бурят: эхиритами и булагатами.

Война между монголоязычными древними бурятами и тюрко-язычными предками якутов не нашла отражения в письменной истории, но якутские былины — «олонхо» сообщают, что праотцы якутов Омогой и Эллой под давлением врагов погрузили свое имущество на плоты и спустились по течению Лены³.

В пойме этой великой реки и ее притоков есть много лугов, а в прилегающей тайге встречаются широкие поляны — аласы. Здесь бежавшие курыканы нашли пастбища для своих коней и рогатого скота. Поскольку соседние эвенки были таежные оленеводы, войны из-за территории между пришельцами и аборигенами не возникло. Вскоре якуты достигли Лены, Индигирки и даже Хатанги (на Таймыре), но свою родину они покинули навсегда.

Курыканы были многочисленнее, богаче своих врагов и отнюдь не трусы. Но личные достоинства людей не восполнят уровня пассионарного напряжения этносов, которое в гомеостазе равно нулю. Уйгуры и якуты — восточные осколки хуннского суперэтноса — дожили до наших дней, ибо, сменив степной ландшафт, нашли эквивалентные экологические ниши — одни в оазисах Принальшанья и Джунгарии, другие в аласах Лены. Смена ландшафта неизбежно привела к смене стереотипа, но позволила еще долго существовать забывшим историю потомкам. Совсем по-другому сложилась судьба западных степняков: гузов, печенегов, половцев и кимаков.

ПОЗАБЫТЫЙ ЭТНОС

Странный это был этнос — кимаки. Существовало их государство более трех веков: с IX по XI, занимало огромную территорию: от верхней Оби до нижней Волги и от

низкий Сырдарьи до сибирской тайги¹, — но ни предки, ни потомки их не известны. Первые сведения о них встречаются у ибн Хордадбега, начальника почты при халифе Мутамиде (870–892) в «Книге путей и государств» — административно-географическом справочнике, составленном для нужд его службы. Содержащиеся в нем данные датируются VIII в.⁵ Так, но где же были кимаки раньше?

Еще более неясно исчезновение этого большого государства вместе с населявшим его народом. Предполагается, что кимацкое государство было погублено миграциями центральноазиатских кочевников, подвигнутых на это толчками с Дальнего Востока⁶. Сомнительно, но поставим другой вопрос: куда же девался сам народ, живший на рубеже алтайской горной тайги и широкой степи? Ведь туда не попадали центральноазиатские кочевники! И почему нет среди казахов ни одного рода, считающего кимаков своими предками? И почему инициатива этих миграций приписана киданям, будто бы проникавшим в 1017–1018 гг. в Джунгарию, но отраженных Туган-ханом Караханидом⁷. На самом деле это были отнюдь не кидани, а «турки Китая»⁸, как персы называли восточных кочевников.

Кидани в эти годы воевали в Корее, а на западе было тихо⁹. Слишком много «почему». Но при традиционной методике так и должно быть.

Источники X–XI вв. были написаны не для ученых XX в., а для своих современников. Те же имели запас сведений о степных этносах по объему не меньше нашего, но не такой. Многие нам неизвестное было для них обыденным, т.е. ясным без описания, но нам-то оно неизвестно. Поэтому для нас сведения источников неполны, а из-за этого часто непонятны. Зато нам известна история государства киданей или империи Ляо, а они о ней не имели представления, как и об истории народов Сибири, открытой нам работами археологов¹⁰.

Поэтому ограничение себя арабско-персидской географией неизбежно низведет уровень знания предмета не просто до XI в., а еще ниже, ибо наше восприятие источников менее совершенно, нежели тысячу лет назад.

Но если подойти к проблеме, вооружившись всеми достижениями исторических наук, — т.е. широко, есть возможность получить ответы на вопросы интересующие нас, но не занимавшие средневековых арабов и персов. Из их текстов легко получить только голый фактический материал, который пополнит данные киданьской истории¹¹ и археологии Сибири¹², уже изданные и введенные в научный оборот. И этого будет достаточно, чтобы ответить на вопросы: откуда взялись кимаки, когда и почему они исчезли, что от них осталось и, наконец, какое касательство имела их история к интересующим нас этносам Великой степи. Но для получения толковых ответов надо подумать¹³.

Сначала отметим то, что доподлинно известно и бесспорно. К западу от горных хребтов, отделяющих внутреннюю Азию от внешней, со II до VIII в. жили потомки «малосильных хуннов», уклонившихся от перехода в Европу В VI–VIII вв. они назывались «чуйские племена», часть коих — тюрки-шато, т.е. «пустынные», в 808 г. пробились в китайские владения и там поддерживали династию Тан до ее падения. Оставшиеся — племя чумугунь — обитали западнее Тарбагатая и Алтая, сохранив самостоятельность. Гардизи в этом районе локализует кимаков¹⁴.

Китайским географам название «кимаки» было неизвестно, так же, как названия «чумугунь» не знали арабо-персидские географы. Поскольку в этих районах в IX–XI вв. переселений не зафиксировано, то можно думать, что те и другие имели в виду одно и то же племя¹⁵. Но происхождение правящего племени в китайских текстах не отражено. Оно отмечено в персидской географии XI века.

Территория кимацкого государства была населена не только самими кимаками, но и угро-самодийцами, динлианами и, возможно, реликтами древних саков¹⁶.

После распада Западного Тюркского каганата и ухода части чуйских племен на восток в 808 г. этносы Восточного Казахстана и Западной Сибири были предоставлены сами себе до тех пор, пока там не сложилась новая держава. И тут предоставим слово Гардизи, автору, не имеющему в этой проблеме серьезных соперников¹⁷.

НАЧАЛОСЬ С ТРАГЕДИИ

К источникам надо подходить со вниманием. Персидский историк XI в. Абу Сайд Абдал-Хайя ибн Зохаг Гардизи включил в свой труд «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»), составленный в 1049–1058 гг., легендарное сведение о генеалогии кимаков. Приводим текст в переводе В. В. Бартольда¹⁸ с нашим комментарием: «... начальник татар¹⁹ и оставил двух сыновей; старший брат овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад²⁰. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он взял с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня выходили на охоту, питались мясом и делали себе одежду из меха соболей, бслук и горностаев²¹. После этого к ним пришло 7 человек из родственников татар... (приведены имена²². — *М.Г.*). Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где прежде были табуны, не осталось пастбищ, ища травы²³, они пришли в ту сторону, где находился Шад²⁴. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Иртыш», т.е. «остановитесь»²⁵. Отсюда река получила название Иртыш²⁶.

Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там было много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь²⁷, чтобы он принес известие о том племени. Тот, когда пришел туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ²⁸. Остатки племени спустились к этому человеку с гор²⁹, он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они отправились к Иртышу. Прибыв туда, все приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить (сюда); собралось 700 человек. Долгое время³⁰ они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек».

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Несмотря на аморфность и даже путаницу приведенного текста, из него можно извлечь крайне ценное указание на переход небольшой группы дальневосточных памидианцев в богатую страну, населенную этническими осколками Западного Тюркского каганата с добавкой реликтовых угро-самодийских племен³¹. Возникшее в X в. государство кимаков было защищено от внешних врагов самой природой. На севере — монотонная сибирская тайга, с крайне редким населением; на востоке — высокие горы Алтая; на юге — пустыня Бет-Пак-дала, в засушливую эпоху в X в. отгородившая кимаков от воинственных государств Средней Азии; на западе — суглинистая равни-

на от Урала и Эмбы, еще более труднопроходимая, нежели песчаная пустыня, ибо в последней все-таки можно выкопать колодец и добраться до грунтовых вод, а через глину пробиться трудно.

Поэтому кимаки жили спокойно, подвергаясь лишь естественной энтропии, но и ее оказалось достаточно, чтобы вызвать развал этноса: в конце X в. от массы кимаков отделились кыпчаки³². Они двинулись на запад, в роскошные степи Причерноморья, где стали известны под именем куманов и русским названием — половцев³³. Последующая история их описана в связи с историей Руси, Византии, Грузии, Венгрии и нам пока не нужна.

Между Хазарией VIII в., т.е. тюркского периода, и державой кимаков X в. наблюдается определенный параллелизм. В Хазарии правила тюркская династия Ашина, опиравшаяся на племенную знать. У кимаков — хакан из татар и II наследственных управителей уделов³⁴, причем — все были пришельцы, кроме, может быть, кыпчаков.

Первобытная религия их — почитание Тенгри, Голубого Неба, — общая для всей степной Евразии, а вера в духов — для всего средневекового человечества. Внедрение чужеземных культов проходило сходно: в Хазарии — иудаизм, у кимаков — манихейство. Но манихеи, в отличие от иудеев, скромно держались на северной окраине кимакской земли, в лесах и чащах, и на захват власти не покушались³⁵. В XI в. среди тюрков появились христиане несторианского исповедания. «Они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана»³⁶, т.е. после запрещения всех религий императором Чэн-цзуном из династии Сун. Именно тогда христиане эмигрировали, манихси выдали себя за буддистов, а буддисты доказали атеистичность своего учения, не налгав, ибо чан-буддизм — учение о созерцании — действительно исключает теизм.

Земля кимаков была очень богата мехами, скотом и храбрыми воинами, но в XII в. их державы не стало, хотя бурные события и миграции прошли мимо нее — гораздо южнее³⁷. История не может решить эту задачу и должна передать эстафету этнологии.

Вспомним, что и правящая верхушка выходцев с Дальнего Востока, равно как и масса аборигенов, потомков «малосильных» хуннов, имела уже солидный возраст. Их подъем начался в III в. до н.э., а к XI в. для них наступила фаза обскурации. Это означало, что в племенах, составлявших государство кимаков, рос процент субпассионариев. Исключение составляли кыпчаки, уже успевшие пережить этот тяжелый возраст и вошедшие в гомеостаз, т.е. равновесие со средой, природной и этнической.

В гомеостазе хотя и торжествует посредственность, но не исключено появление отдельных пассионариев, беда которых лишь в том, что они не могут нарушить установившийся общественный строй, поддерживаемый большинством. На этом фоне даже слабопассионарным особам неуютно. Им хочется вырваться на свободу, т.е. отделиться от массы... и в середине XI в. эти энергичные кыпчаки появились на границах Киевской Руси. А кимакское объединение развалилось на части, как Римская империя III в. Народ, как поголовье, уцелел, а этноса, как системы, не стало.

И когда в 1129 г. в Джунгарию вступили кидани, уже разбитые чжурчжэнями и бегущие от них, хан Елюй Даши, вынужденный сражаться с мусульманами, среди потомков кимаков обрел пополнение для своей потрепанной и усталой армии. Благодаря этому он победил последнего «великого сельджука», султана Санджара, и создал кара-киданьское ханство в Семиречье. А Сибирь уже в 1143 г. отделилась под руководством тех же киданей, известных под именем «найманов»³⁸. Кимакские массы приняли новую власть безропотно, так же спокойно сменили ее на мон-

гольское господство в 1208 г, вместе с другими «лесными народами» Сибири.

Да и в самом деле, зачем им было волноваться. Этнос, лишившийся пассионарного генофонда, перестает мечтать «о подвигах, о доблести, о славе», а хочет спокойно пасти своих овец и охотиться на соболей. Воспоминание о героических предках становится ненужной нагрузкой на память, только мешающей повседневной хозяйственной деятельности, на которую не покушались правители сменяющихся династий. А все эти династии, начиная с тюркютских ханов, были иноземными, но для народных масс необременительными, ибо торговля, в отличие от Хазарии, была развита слабо и вытягивала соки из народа умеренно³⁹.

Пожалуй, наиболее неприятным для нормальных кимаксов было увеличение процента субпассионариев, но и тут кидани и монголы оказались «благодетелями». Они нуждались в воинах и охотно принимали в свои войска неуживчивых кимакских юношей, а те, не ладя с родственниками, меняли профессию: из пастухов становились «бродячими солдатами» и домой не возвращались, либо сделав карьеру, либо потеряв голову.

Короче говоря, кимаки, как этнос, не дожили до гомеостаза. Кимакские гармоничники, без которых этнос не может жить, рассосались по соседним племенам, субпассионарии уходили воевать в Баласагун и Хорезм, а место их памяти о прошлом заняла адаптация к ландшафту. Этнос превратился в популяцию.

Хотя хронология кимакской державы приблизительно, видно, что уже в начале XI в. между Каспием и Аралом господствуют не кимаки, а гузы.

В VI в. до н.э. в Арало-Каспийской области жили массагеты — по-видимому, один из разделов саков: (мае + сака + та = большая сакская орда, ставка)⁴⁰. По поводу их образа жизни и ныне уместно повторить слова Страбона: «... В результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного» (Страбон, книга XI, глава VI)⁴¹. Во II в. до н.э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II в. н.э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланам⁴², которых около 156 г. хунны оттеснили на запад, на Волгу⁴³. Хунны не остались в Приаральской равнине. Они предпочли Волго-Уральское междуречье и, объединившись там с уграми, образовали новый народ — гуннов.

Дальнейшая история гуннов освещена относительно неплохо, но о восточной окраине их владений нет никаких сведений. Известно лишь, что в IV в. в низовьях Сырдарьи обитали хиониты⁴⁴, которые сначала, в 356–357 гг., воевали с Ираном, а потом в составе иранской армии штурмовали Амиду⁴⁵. Об их внутреннем устройстве и образе жизни нет никаких сведений.

В середине VI в. тюркюты вторглись в Нижнее Поволжье и, значит, оккупировали приаральские степи⁴⁶. В хорошо разработанной истории Великого каганата о судьбе этих территорий нет ни слова, и только авторы X в. сообщают, что здесь обитают два народа: гузы⁴⁷ и печенеги⁴⁸. Не странно ли такое умолчание о приаральских степях, в то время как история Монголии, Джунгарии и Семиречья описана весьма подробно?! Это не может быть случайностью.

Виной этому особенности древней историографии. Внимание летописцев привлекали преимущественно грандиозные или, по крайней мере, выходящие из ряда события. Обыденщина их не интересовала. Поэтому те местно-

сти, где не возникало заметных — иными словами, агрессивных держав, где не происходила организация походов и где не сооружались огромные дворцы или храмы, выпадали из их поля зрения. То, что кочевники ежегодно повторяли свои маршруты от колодца к колодцу и отгоняли волков от стад и табунов, историки древнего мира считали настолько очевидным, что не считали нужным это фиксировать. Только авторы X в. Гардизи⁴⁹ и Константин Багрянородный⁵⁰ оставили описание быта гузов и печенегов⁵¹.

В этом регионе основой общественной жизни был материнский род — огуз⁵², управлявшийся старейшинами. Группа родов управлялась советом старейшин, причем председательство переходило от одного родового старейшины к другому по очереди. Только в далеких походах твердая власть вручалась военному вождю, при выборе которого учитывались способности, а не только старшинство. Все указанные особенности общественного устройства, как мы видим, вытекали из повседневной хозяйственной деятельности, единственно возможной в данных природных условиях.

Гузы жили в бассейне Урала, по границе тайги и степи. В то время в степи, ныне распаханной, было много сосновых боров, подобных островам в открытом море. Одним из таких «островов» остался сосновый бор с озерами в Кокчетавской области Казахстана — курорт Боровое. Лес в степи — великое благо. В нем устраивают скот во время буранов, берут дерево для изготовления телег. Там ловят соколов для охоты на волков. Хозяйство гузов было органичным, а идея прогресса техники отсутствовала, поскольку жизнь их базировалась на природе, с которой гузы не воевали, а жили в прекрасном равновесии.

Южнее, между Балхашом и Аралом, располагалась держава Кангюй, или Канг. Это была тоже редконаселенная страна, но, видимо, культурная и самостоятельная.

Жители ее назывались по-тюркски «канг-эр» — кангюские мужи, но уже в VIII в. их стали называть «пацзынак» — по-гречески или печенегии, что нам знакомо по русским сведениям.

Они не ладили ни с гузами, ни с соседними кыпчаками, обитавшими на склонах Алтая и в Барабинской степи, где растительность напоминает богатые пастбища по обоим берегам реки Дон, да и Иртыш своим положением в степи напоминает Дон.

Все три этноса были европеоиды по своему антропологическому типу, тюркоязычны, воинственны, но не агрессивны. Вторжение иноплеменников им не грозило, ибо арабы в такую далекую степь не приходили: Хазарский каганат на Волге был заинтересован в мире со степняками, а Уйгурский каганат был занят постоянной войной с Тибетом.

КУДА ДЕВАЛИСЬ ГУЗЫ?

В середине X в. гузы подчинили среднеазиатских печенегов и кимакское племя баяндур, жившее на берегах Иртыша. На юго-востоке государство гузов граничило с областями Тараза (ныне г. Джамбул, на реке Талас) и Шаша (Ташкент), на юго-западе охватывало часть Устюрта, на севере включало бассейн Сары-су, Челкара и Иргиза; вплоть до предгорий Урала⁵³. Это государство находилось в постоянной войне с Хорезмом на юге, с кыпчаками на северо-востоке. И ведь даже имело успехи, такие, что багдадские халифы считались с вождями гузов, но...

Беда пришла с неба и весьма неожиданно. В IX–X вв. степную зону Евразии постигла вековая засуха, ибо орошающие степь циклоны сместились к северу. Как уже было сказано, в степи шла трехсторонняя война, малая, но постоянная. Для степной войны необходимо иметь откорм-

ленных коней и много баранов, чтобы не голодали воины. Поэтому состояние пастбищ определяет возможность победы. Значит, засуха, влияя на произрастание трав, либо способствует, либо мешает военным успехам кочевых народов, причем в большей степени, нежели оседлых, ибо те могут создать запасы зерна хотя бы на несколько лет, а кочевники этих возможностей лишены.

Они были ничуть не менее талантливы и героичны, чем их соседи, населяющие страны с благодатным климатом, изобилующие водой и пастбищами, и, как только природные условия менялись, проявляли способности воинов и правителей занятых ими новых территорий. Связь этноса с ландшафтом — это не теория географического детерминизма, а несомненный факт, фиксируемый исторической географией.

Этноландшафтное равновесие является обязательным условием устойчивости системы геобиоценоза, в которую люди входят как верхнее завершающее звено. Любое нарушение характера системных связей пагубно. Оно сказывается на людях не менее сильно, чем на растениях и животных, фиксируется этнической историей, которая располагает абсолютной хронологией, что дает возможность ввести необходимые уточнения. В X в. больше всех пострадали от засухи экстрааридные степи современного Центрального Казахстана. Большая часть их превратилась в пустыню. Кангары вынуждены были покинуть родину. Часть их поселилась во владениях хорезмшахов, приняла ислам и стала называться просто «канглы», а другая часть переправилась в 889 г. в Причерноморье и долгое время удерживала самостоятельность, даже будучи зажата двумя великими державами: Византией и Русью. Руси эта часть канглов боялась меньше, чем соседей — кыпчаков.

Гузы тоже пострадали от засухи и ушли частью в верховья Амударьи, в окрестности Балха и Мазар-и-Шерифа, а частью на Волынь, где подчинились киевским князьям.

Засуха, прокатившаяся по степи, сделала с этим древним этносом то, что не могли сделать их враги. Она расколола гузов на два взаимно враждебных этноса: торков и туркменов.

Описанный здесь раскол этноса имел причиной сочетание природных и социальных факторов. До тех пор пока хозяйство гузов позволяло им поддерживать изобилие внутри страны и охрану границы с Хорезмом, форпостом мусульманского суперэтноса, все было спокойно. Но как только изменился режим увлажнения, возникли трения между отдельными компонентами этнической системы гузов, которая отнюдь не была монолитом. В составе гузов были, наряду с потомками сарматов и алан, предки угров, осколок среднеазиатских печенегов и заброшенные тюркютскими бегами на западную границу каганата племена баяут, баяндур (покорены в X в.), кайи — видимо, сяньбийского (древнемонгольского) происхождения⁵⁴.

Но самое главное — начальная фаза гузского этногенеза должна совпадать с рождением основного этнического компонента.

Чтобы понять события XI в., придется сделать краткий экскурс в древность. Гузы — наследники древних туранцев, сарматов и аланов. Начальная фаза этногенеза сарматов такая же, как у хуннов — рубеж IV и III вв. до н.э. Ровесниками этих могучих этносов, как мы уже знаем, были согдийцы, которых китайцы называли юэгэи, парфяне (Аршакиды) и харазмии, у которых начало городской цивилизации датируется IV–III вв. до н.э.⁵⁵ А это значит, что гузы в X в. были стары и находились на излете инерции породившего их толчка. Поэтому они так расширили свою территорию⁵⁶, поэтому же и лопнули их внутриэтнические системные связи, износившиеся от всеистребляющего Времени. Достаточно было легкого удара извне — длительной засухи, чтобы этнос развалился на две части.

Но не древние племенные традиции стали основой формирования этих новых этносов, а то, что отвечало духу времени, г. е. нравам и культуре X века.

Древнее объединение гузов строилось на родо-племенном принципе. Племя увеличивалось за счет естественного прироста; за соблюдением порядка следили старейшины, с врагами или, что то же, соседями сражались молодые богатыри. Расширение шло за счет подчинения соседних племен, социальный строй которых был близок к описанному прототипу. И так тянулось тысячу лет.

На нашей планете стареет все, в том числе и этносы. Потомки храбрых воинов стали спокойными пастухами. Правнуки мудрых старейшин превратились в ленивых обладателей скота и пастбищ. Но поскольку этот процесс — снижение пассионарного напряжения системы — всегда идет неравномерно, то наряду с субпассионариями сохранялись персоны «отсталые», то есть не потерявшие былой доблести и жажды свершений. Будучи людьми акматической фазы, эти «богатыри» томились в тенетах степной обывательщины, столь же активно-посредственной, как и деревенская или городская. Но сдерживать своих богатырей увядающая система могла лишь до того предела, пока увядание не достигло критической точки — перехода в фазу обскурации. В этой фазе зажим богатырей прекратился, ибо даже это стало слишком трудным и сложным. Но воцарившаяся лень погубила традицию: немногочисленные пассионарии, которых перестали давить, нашли новую этнопсихологическую доминанту: они сменили культуру.

В самом деле, восстанавливать старый порядок, при котором им стало так плохо, они не пожелали. Вместо этого они усвоили конфессиональный принцип, применявшийся их соседями. Среди гузов появились несториане и мусульмане, а община цементирует своих членов не хуже,

чем семья или род. Но характер связей тут иной, и это немедленно отразилось на истории гузов.

Историк начала XII в. Шараф ат-Тахир Марвази писал: «После того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, а положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений печенегов»⁵⁷. «Неверные гузы» назывались в русских летописях торки. Они были союзниками Святослава и Владимира, очевидно, в качестве вспомогательной конницы⁵⁸. Но когда в середине XI в. они большой массой передвинулись в Приднепровье, русские князья Ярославичи выступили против них. Разбитые князем Всеволодом в 1060 г., торки в 1064 г. переправились через Дунай, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Греки, действуя золотом, заставили торков уйти. Много торков умерло от эпидемий, многих греки перебили, а часть их вернулась на Русь и была расселена в Киевском и Волынском княжествах⁵⁹, где образовала «торческий пояс» — охрану границ от половцев.

В 1116 г. половцы покорили часть торков и остатки печенегов⁶⁰, после чего эта ветвь торков (гузов) в истории упоминается только как войско волынских князей.

«КУМАНЫ, ИЖЕ РЕКОМЫЕ ПОЛОВЦЫ»

«Куманы, иже рекомые половцы» — народ сложный и весьма интересный. О них создано множество превратных мнений, главным образом потому, что автор «Слова о полку Игореве» изобразил их главными врагами Русской земли. Однако эта традиционная концепция основана на

слишком буквальном понимании литературного произведения⁶¹.

Как мы уже сказали, кыпчаки (куманы) были частью племенного союза кимаков. И те, и другие не были степняками в собственном смысле слова. Кыпчаки спустились с Алтая, кимаки жались к берегам Иртыша. И потом, распространяясь на запад, куманы держались лесостепной зоны, то есть сосновых боров и рощ, в те времена простиравшихся к югу от озер Зайсан и Тейгис (по обе стороны 50° северной широты). Ныне там голая степь, но это плоды деятельности человека, умеющего губить природные богатства.

В середине XI в. часть кыпчаков отделилась от основной массы кимаков и ушла на запад. Средняя часть лесостепи между Ишимом и Яиком осталась почти незаселенной. Это понятно, ибо в этом регионе сухая степь заходит далеко на север (вплоть до современного города Кустаная) и для привычных половцам способов хозяйства непригодна.

Кыпчаки прошли через захваченные гузами земли и обрели новую родину в роскошных злаковых степях низовий Дона, Днепра и Днестра. Здесь их стали называть куманами или половцами.

Китайцы описывали кыпчаков как народ светловолосый и голубоглазый: рыжим был мамлюкский вождь Сонкор, по происхождению кыпчак. Потомки куманов в Венгрии, называемые чанго, часто имеют светлые, как лен, часто вьющиеся волосы и голубые глаза, хотя встречаются среди них и брюнеты. Русское прозвище — половцы — происходит от слова «половца» — рубленая солома, что отражает цвет их волос — соломенно-желтый. По словам арабского географа XIV в.: «Кыпчаки отличаются от других тюрков своей религиозностью, храбростью, быстротой движения, красотой фигуры, правильностью черт лица и благородством»⁶². Итак, кыпчаки — типичные ев-

ропеоиды, отличающиеся от своих южных соседей туркменов лишь светлым цветом волос и глаз, что и было замечено русскими, когда они столкнулись в 1055 г. и заключили первый раз мир. Ведь когда русские впервые встретились с монголоидными татарами, облик последних произвел на них ошеломляющее впечатление и заслужил специальное внимание летописца. Следовательно, он был для русских людей к 1223 г. непривычен⁶³.

Кыпчаки происходили от европеоидного народа динлинов, обитавших в эпоху бронзы в Минусинской котловине и на Алтае⁶⁴. Позже, объединившись с племенем кимаков, ответвлением хуннов, они унаследовали некоторые элементы хуннской внешности. Хунны, хотя и относились к монголоидной расе, имели специфические черты, делавшие их немного похожими на североамериканских индейцев. Когда в 350 г. в Китае было предпринято истребление живших там хуннов, было убито много китайцев «с возвышенными носами» и бородатых⁶⁵. Поэтому смесь кимаков с кыпчаками не выделялась среди широколицых европеоидов.

Предки кыпчаков имели в эпоху бронзы богатую культуру, о чем свидетельствуют минусинские и алтайские могильники. Но уже в XI в. большая часть этой культуры была забыта. Оно и понятно: процесс куманского этногенеза был на излете. Этому выводу соответствуют все известные и приведенные факты и характеристики.

Институт власти деградировал. Хан был только военным вождем добровольцев, шедших за ним в поход. Этим объясняются ничтожные численности отрядов, ходивших в набеги: 3–5 тысяч сабель. Разумеется, что при такой системе дипломатия на международном уровне была невозможна. Если бы даже куманские вожди могли заключить с кем-либо договор, то у них не было возможности заставить своих соплеменников его соблюдать. Поэтому все соседи куманов не любили. Число пассионариев в этой

фазе этногенеза всегда сокращается, ибо пассионарии нужны властям, а не соседям. Работоторговля была одним из способов избавиться от неуживчивых родственников. Это, конечно, снижало боеспособность этноса, но разве обыватели, пусть степные, заглядывают в будущее. Поэтому за двести лет с XI в. куманская этническая целостность потеряла и силу натиска, и, частично, сопротивляемость. Социальные связи, образующие систему жесткого типа, ослабли, и этнос, рассредоточившийся на огромное пространство, стал для соседей неопасным, хотя и оставался неприятным.

Но как только отдельные куманы попадали в страну, где пассионарное напряжение было высоким, например, в Грузию, Византию, Иран, они сразу находили себе применение. Куманских рабов и наемников высоко ценили и выдвигали на ответственные посты, потому что их этнические черты, описанные выше, не гасились инертностью соплеменников на родине⁶⁶. Такая коллизия наблюдается в истории часто. Наиболее известные примеры ее: швейцарцы и шотландцы, поставлявшие своих юношей французским королям, а также албанцы, служившие в Венеции и Стамбуле. Для этноса как целостности это губительно, и, действительно, куманов больше нет, хотя потомки их имеются повсюду.

В XIV в. слово «половец» изменило значение. Так стали называть, и вполне правильно, степняков Причерноморья⁶⁷, вставших в оппозицию к «татарам» Поволжья. Вожди причерноморских улусов: в XIII в. Ногай, опиравшийся на Тверь, Москву и Переяславль, а в XIV в. Мамай — на Литву и гетуэзскую колонию Кафу — боролись против Золотой орды и Ростово-Суздальской земли. В 1377 г., при подготовке русского общественного мнения к Куликовской битве, осуждение «половцев» означало антипатию к Мамаю, и, видимо, поэтому летописец Лаврентий перенес близкую ему ситуацию на прошлое, уже потеряв-

шее актуальность. Однако, будучи добросовестным историком, он не искажил хода событий, чем сделал очевидной дисгармонию между фактами и своими личными эмоциями. По свидетельствам иностранных авторов, русские называли мусульманских кочевников «половцами» до 1630 г.⁶⁸ Войдя в стихию иного, чуждого для Руси суперэтнуса, эти «половцы», «татары» или «ногайцы» воевали со своими бывшими, но давно обруселыми соплеменниками до конца XVIII в. Так этноним, переживший этнос, как призрак, вводит в заблуждение историков, придерживающихся буквального восприятия текстов, а вслед за ними всю читающую публику. Надо ли говорить, что искаженное восприятие прошлого не только калечит психику читателя, но и не безразлично для настоящего. На этом кончим! Ведь нам необходимо вернуться в XII век.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Литературу вопроса см.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Указ. соч. С. 361–364.
- ² См.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. С. 275–276; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 266.
- ³ См.: *Окладников А.П.* История Якутской АССР. М.; Л., 1955. С. 365; *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 5–9.
- ⁴ См.: *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков в IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 105.
- ⁵ Там же. С. 36; *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. I. М.; Л., 1989. С. 145.
- ⁶ См.: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 124.
- ⁷ Там же. С. 123.
- ⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. С. 105.
- ⁹ См.: *Е Лун-ли.* История государства киданей. С. 130–131.

- ¹⁰ См.: *Савинов Д.Г.* Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху Л., 1964. С. 103 и сл.
- ¹¹ См.: *Wittfogel K.A., Feng Hsia-sheng.* History of Chinese Society Leao. Philadelphia, 1949.
- ¹² См.: Археологическая карта Казахстана. 1960; *Савинов Д.Г.* Указ. соч. С. 107–113 (приведена литература).
- ¹³ Я не надеюсь переубедить востоковедов-филологов, считающих, что «надо цитировать» и понимать цитаты буквально (см.: *Кумекоев Б.Е.* Указ. соч. С. 32).
- ¹⁴ См.: *Кумекоев Б.Е.* Указ. соч. С. 53–55.
- ¹⁵ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 381.
- ¹⁶ См.: *Савинов Д.Г.* Указ. соч. С. 117 (приведена литература).
- ¹⁷ Значение и происхождение этнонима «кимак» мы не разбираем, так как это задача лингвистики, а не истории. Этносы часто меняют и перенимают названия, из-за чего ономастика не является надежным критерием. География и этнография точнее, хотя пользоваться ими сложнее. Поэтому использование исторической географии так редко.
- ¹⁸ *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1983–1984 гг. СПб., 1887 // Записки Императорской Академии наук. VIII. Сер. по историко-филологическому отделению. Т. I. № 4. С. 82–83, 105–106.
- ¹⁹ Название «татар» в XI в. имело два значения: непосредственное наименование племени отуз-татар, живших южнее р. Керулэн, и собирательное: всех восточных кочевников от Китайской стены до сибирской тайги, которых раньше называли «туркон-и-Чин» — тюрки Китая. Аналогично, все кочевники западной части степи назывались «турк», в том числе и венгры. Здесь слово «татар» применено в широком смысле. (См.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 206.) Представление о суперэтносах у древних авторов было.
- ²⁰ «Шад» не имя собственное, а титул — «принц крови», но не наследник престола в Тюркском каганате. Для Гардизи эта эпоха — далекое прошлое чуждой страны.
- ²¹ Описание флоры и фауны отвечает природе Горного Алтая; следовательно, «большая река» не Иртыш, текущий в

степи, а один из притоков Оби, может быть, Катунь или Урсул, Гардизи ниже называет эту реку «Иртыш» ошибочно, ибо география Сибири была ему известна лишь по слухам, а меха, наоборот, известны хорошо, как предмет торговли.

- ²² Названия некоторых явно искажены (*Кумекоев Б.Е.* Указ. соч. С. 36) и поэтому разбор их здесь неконструктивен.
- ²³ Прямое указание на начало засухи X в. (См.: *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90; Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии // Народы Азии и Африки. 1966. № 3. С. 85–95.) Это значит, что встреча имела место в самом конце XI в. (См.: *Кумекоев Б.Е.* Указ соч. С. 114.)
- ²⁴ Очевидно, это была не перекочевка, а разведка, поиск новых пастбищ, как и при очередном усыхании в XVI в., когда калмыки перешли на Волгу.
- ²⁵ «...-ердаш» — часть композитума: «адаш, колдаш, ердаш» — друзья. (*Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 176. Ср. С. 91.) Значит, приехавшие были ей знакомы и она поздоровалась.
- ²⁶ Ertis — река, упомянута еще в стеле Тоньюкука, т.е. задолго до встречи. (*Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 344; *Древнетюркский словарь.* С. 182.)
- ²⁷ Трава была под снегом, и кормить коней было трудно. Значит, коней было мало и удалось заготовить сено, что делают казахи на зимовках. В Монголии зимой снега мало и ехать на конях удобно, так как кони добывают траву из-под снега. Эти же 7 человек провели всю зиму на Алтае, а потом отправили одного посла за сородичами, не ожидая ничего плохого, но...
- ²⁸ Истребление целого народа на Дальнем Востоке явление незаурядное. Известно только поголовное уничтожение ойратов в 1758–1759 гг. Даже охота уйгуров, карлуков и басмалов за разбитыми тюркютами в 747 г. не была тотальной войной. Много тюркютов успело сбежать в Китай и спрятаться в Горном Алтае. Здесь же имела место, по-видимому, война киданей с татабами в начале X в. (*Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 381.)

- ²⁹ Какие это горы? Не Хангай и Хэнтэй, ибо татары не владели этими землями. Может быть, это Хинган, так как пришельцы, в дальнейшем «рассеялись по горам», а не по степям, как сделали бы нормальные кочевники. В.В. Григорьев предположил, что это были татабы. (Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 209.)
- ³⁰ Какое время требуется для того, чтобы 700 воинов, допустим, с женами, размножились так, что составили большой народ, не меньше полмиллиона? Учтем все замечания и сделаем вывод: Гардизи — автор очень талантливый, но уровень науки XI в. был таков, что принимать данные источника без критики — недопустимо.
- ³¹ «Царь кимаков — один из величайших царей... Тюркские цари опасаются власти хакана» (Идриси, цит. по: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 120).
- ³² См.: *Савинов Д.Г.* Указ. соч. С. 141; *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 56.
- ³³ Хотя Гардизи, перечисляя племена пришельцев, помещает в их число кыпчаков, это результат его неосведомленности. Кыпчаки — западная ветвь динлинов, этнос, близкий по антропологическому типу к енисейским кыргызам — европеоидам. Они были светлоглазы и желтоволосы (шары), из-за чего их называли «половцы» (полова — рубленая солома). (См.: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 125–126.)
- ³⁴ См.: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 117 (ссылка на Худуд ал-'алам).
- ³⁵ Там же. С. 111.
- ³⁶ Там же. С. 123.
- ³⁷ Вопреки мнению И. Маркварта (цит. по: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 122), считавшего причиной миграций XI в. киданьскую агрессию на запад. Но киданям преграждали дорогу тангуты, война с коими не дала киданям победы. (См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. С. 108.) Войны в Западной Евразии носили локальный характер и, главное, не задевали Южной Сибири — родины кимаков.
- ³⁸ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. С. 136–139.
- ³⁹ См.: *Кумеков Б.Е.* Указ. соч. С. 95–96.

- ⁴⁰ См.: *Тревер К.В.* История Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1964. С. 46.
- ⁴¹ *Страбон.* География / Пер. Г.А.Стратановского. М., 1964. С. 480.
- ⁴² «Владения Яньцай (сармат) переименовалось в Аланья». (*Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. Л.; М., 1950. С. 229.)
- ⁴³ См.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 247.
- ⁴⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1. С. 134.
- ⁴⁵ *Марцеллин Аммиан.* История / Пер. Ю.Кулаковской и А.Сони-на. Вып. 1. Киев, 1906. С. 233, 248.
- ⁴⁶ См.: *Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Т. II. С. 107.
- ⁴⁷ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 78, 166–167.
- ⁴⁸ См.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 350 и сл.
- ⁴⁹ См.: *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. С. 120.
- ⁵⁰ *Багрянородный Константин.* Об управлении государств // Извест. ГАИМК (Государственная Академия материальной культуры). Вып. 91. М.; Л., 1934. С. 17.
- ⁵¹ См.: *Артамонов М.И.* Указ. соч. С. 350–352, 416–418.
- ⁵² См.: *Кононов А.Н.* Анализ термина «гюрк» // Сов. этнография. 1949. № 1. С. 84.
- ⁵³ См.: *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 249.
- ⁵⁴ См.: *Толстов С.П.* По следам... С. 245–249. Отмечаю, что упоминания эфталитов в цит. фрагменте устарели и не имеют ныне научного значения. (См.: *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1. С. 129–140; *Он же.* Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ. 1967. № 3. С. 91–99.)
- ⁵⁵ См.: *Неразик Е.Е.* К проблеме развития городов Хорезма: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 221.
- ⁵⁶ Толстов С. П. считает, что «полтора столетия между 80-ми годами IX в. и 80-ми годами XI в. являются периодом

непрерывного роста» (По следам... С. 247). Верхняя дата ничем не подкрепляется и не вызывает доверия.

⁵⁷ Цит. по: *Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э.* История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950. С. 269.

⁵⁸ См.: Повесть временных лет. Т. I. М.; Л., 1960. С. 59.

⁵⁹ См.: *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги: Труды. Т. I. Спб., 1908. С. 26–29; Повесть временных лет. Т. II / Комментарий *Д.С.Лихачева*. С. 392.

⁶⁰ См.: *Артамонов М.И.* История хазар. С. 450.

⁶¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. С. 305–346.

⁶² Подбор сведений — *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. С. 57–59.

⁶³ Там же. С. 58.

⁶⁴ Там же. С. 57 и сл.

⁶⁵ См.: *Иакинф (Бичурин Н.Я.)* Статистическое описание Китайской империи. Т. II. СПб., 1853. С. 74–75; *Дебец Г.Д.* Палеоантропология СССР. М., 1948. С. 58.

⁶⁶ См.: *Умняков И.* «История» Фахрэддина Мубаракшаха // ВДИ. 1938. № 1. С. 10

⁶⁷ См.: *Лихачев Д.С.* Указ. соч. Т. II. С. 141.

⁶⁸ См.: *Шенников А.А.* Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 48–50.

VIII. НА ЧУЖБИНЕ

ПОСЛЕ КОНЦА: ЭТНИЧЕСКИЕ ОСКОЛКИ

Как известно, случайности в истории встречаются часто, но большого значения не имеют, потому что их последствия — зигзаги — компенсируются в могучих течениях исторических и природных закономерностей. Но совпадения, или встречи двух-трех потоков закономерностей, влекут за собой либо смещения исторических судеб даже очень крупных народов, либо их аннигиляцию. Так произошло в Центральной Азии в так называемый «темный век» — 860–960 гг.¹

В это столетие совпали кризисы трех линий, или, точнее, трех исторических закономерностей, и именно совпадение их оказалось трагичным для культуры Центральной Азии, потому что создался разрыв традиции и возникло забвение прошлого.

Первое. С разгромом Уйгурии закончилась инерция пассионарного толчка III в. до н.э. Все этносы, возникшие тогда в Великой степи, либо перестали существовать, либо превратились в реликты, либо стали примыкать к соседним могучим суперэтническим целостностям: к Китаю, мусульманскому Халифату, к Византии и даже вступали в контакты с лесными племенами Сибири. Дольше всех продержались тюркы-шато, потомки «малосильных» хуннов, вернувшиеся на древнюю родину — северную грани-

цу Китая, карлуки — потомки ветви тюркютов и куманы — смесь среднеазиатских хуннов с алтайскими динли-нами. Поскольку этот грандиозный этногенез с хуннов начался и хуннами кончился, правомерно называть его, пусть условно, хуннским. Но коль скоро так, то он просуществовал 1200 лет и в X–XII вв. затухал. Собственные силы его стали малы и не обеспечивали возможности роста. И не случайно, что в том же X в. (995 г.) прекратилась династия Афригидов, носивших титул «хорезмшах». Этнос хорезмиев был сверстником хуннов.

Короче говоря, инерция пассионарного толчка, всколыхнувшего предков хуннов, сяньбийцев и сарматов, иссякла, и пред степными народами Азии была безотрадная перспектива медленного увядания или быстрого истребления хищными и не утратившими пассионарности соседями. И действительно, окитаенные кидани Ляо совершали планомерные набеги на Степь, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство на плантации Северного Китая. А на Ближнем Востоке шла планомерная работорговля куманами, гузами и даже туркменами, хотя последние были мусульманами, т.е. единоверцами работорговцев.

Да, видно, синезеленая идиллия гомеостаза — бескрайняя степь под куполом ясного неба — находилась рядом с багрово-черной бездной феодальных и работорговых цивилизаций, для носителей коих слова «жалость», «сострадание» и «милосердие» были неизвестны. А ведь среди кочевников X–XII вв. было много людей смелых, сильных и ловких.

К. Э. Босворт отмечает, и вполне убедительно, что тюрки XI в., попадая в мусульманские земли, сохраняли качества «благородных дикарей»: смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, нелюбовь к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию. Арабы и персы-сунниты определенно предпочи-

тали тюрок дейлемитам и исмаилитам, ценили их «львиноподобные качества»: гордость, свободу от протivoестественных пороков, отказ выполнять ручную домашнюю работу, «стремление к командным постам»², что толкало их на усердие в боях и походах.

Но это были отдельные люди, имеющие свои личные цели и вкусы, а не идеалы, т.е. далекие прогнозы для потомков и соплеменников.

Тюркские рабы поступали частью из Средней Азии и Сибири: тюргеши, кимаки, карлуки, токуз-огузы, огузы (туркмены), кыргызы и кыпчаки, — а частью с берегов нижней Волги и Дона: «ал-Хазари». Но конечно, среди последних были не только хазары. Этих людей продавали их купеческие цари, при молчании бессильных ханов.

Такой массовый отлив населения из Великой степи в страны Ближнего Востока был возможен только при отсутствии в Степи сильной власти, способной уберечь своих подданных от продажи на чужбину. А власть опирается на пассионарные консорции, которые до IX в. существовали и поддерживали степные каганаты. Но когда тюркютские богатыри погибли, а вольнолюбивые уйгуры поверили соблазнам манихейских учителей и отдали свою жизнь жестоким кыргызам³, гомеостаз пришел в Степь как неизбежность, как необратимость эволюции. Угасание пассионарности породило бессилие.

Второе. Ни в Китае, ни в Халифате кочевники не обрели покоя. Их не любили, а использовали. В этих обеих империях шла фаза этнического надлома. И там, и тут вероломство и жестокость стали знаменем эпохи, хотя и с различной окраской. В Китае прокатилась волна шовинизма, безотчетной ненависти ко всему чужому и уж больше всего — к кочевникам. В халифате тюрок ненавидели шииты и карматы, хотя последние так же ненавидели мусульман. А в Византии в это время в тюрках не нуждались и пренебрегали ими.

Более того, покинув родину, тюрки — так называли всех степняков на Ближнем Востоке — неизбежно попали в зоны активного взаимодействия трех ведущих суперэтносов: византийского, арабомусульманского и молодого — западноевропейского, или «христианского мира», и, будучи сами представителями четвертого мира — Степного — они не могли не подчиниться объективным закономерностям этнических контактов.

Проблема контактов на уровне этносов относительно проста. Либо этносы сосуществуют рядом, помогая друг другу в ведении натурального или простого товарного хозяйства, — симбиоз; либо небольшая группа чужого этноса внедряется в среду аборигенов и бытует в относительной изоляции — ксения; либо пришлый этнос узурпирует ведущие позиции в местном этносе или захватывает целые профессии — химера. А иногда слабо пассионарный этнос растворяется в соседе путем смешанных браков — ассимиляция. Но это бывает очень редко, и процесс всегда мучителен для обоих компонентов, да и столь слабая пассионарность ассимилируемого этноса знаменует его полную беспомощность, что возможно лишь на субпассионарных уровнях — ниже гомеостаза.

Однако на уровнях суперэтнических все выглядит несравненно сложнее и неожиданнее. Сосуществование становится трудным, особенно при высоких уровнях пассионарности. И тогда возникают контроверзы, что буквально значит «препирательства», которые в Древности и Средневековье разрешались путем войны. Таким образом, в стихийных процессах этногенезов при наличии разных фаз и разных традиций (стереотипов) столкновения и борьба неизбежны даже при симпатиях друг к другу. А тюрки были чужими для всех: греков, арабов, латинян — и потому их ждала участь дальневосточных сверстников — киданей, ставших жертвой китайско-сяньбийской химеры.

Так, может, лучше было бы кочевникам не соваться на чужбину, а жить дома? Но тут вмешалось третье. В степной зоне наступил очередной период вековой засухи. Волей-неволей приходилось уходить на окраины степи⁴. С одной стороны, засуха X в. была полезна, ибо кыргызы покинули степь, превратившуюся в пустыню, и ушли домой, в Минусинскую котловину. Война их с уйгурами, не кончившись, загасла. Кровь перестала литься на пересохшую землю. Но, с другой стороны, кочевники, покидавшие родину и терявшие связь с ландшафтом, невольно упрощали этносистемы и теряли традиции, как это было с гузами и кыпчаками.

Именно поэтому они воспринимались в окрестных странах как «дикари», тем более что в X–XII вв. никто из соседей не знал истории хуннов, тюрков и уйгуров. Обывательскому мышлению свойственно считать, что увиденное им теперь было таким всегда, а беду соседа рассматривать как его неполноценность. Так и создалось устойчивое мнение, что кочевники Азии — это дикари, трутни человечества, неспособные воспринимать культуру. Нужно ли говорить, что это неверно и антинаучно?

Поэтому направимся за осколками степных каганатов на Запад, где сложили буйные головы последние тюркские богатыри. Однако здесь нам придется изменить точку отсчета и способ изложения. До сих пор в центре нашего внимания находились сами степняки, и мы проследили закономерность их этногенеза. Но это удалось нам лишь потому, что был строго выдержан уровень приближения — суперэтнический. Но тюрки на чужбине, оторванные от родной степи, уже не представляли собой самостоятельных этнических систем, а образовывали либо отдельные рассеянные консорции (как гулямы), в которых соблюдался общий для всех этнических уровней принцип объединения «своих», либо небольшие популяции (субэтноты), инкорпорированные этносами

Ближнего Востока. Поэтому судьба последних тюрков уже не была связана с внутренней закономерностью их собственного этногенеза — этногенетическое время тюрков остановилось, — а определялась возрастом вмещавших их суперэтносов и контактами последних между собой. Вот почему мы вынуждены теперь обратиться к Миру ислама и его соседям — Византии и Западной Европе, в препирательствах которых угасали лучи великой тюркской славы.

«МИР ИСЛАМА»

Названия обманчивы. Слово «ислам» обозначает одно из исповеданий монотеизма, но оно же выступает как наименование огромной суперэтнической целостности, особой культуры, системы государственных образований и мировоззрений. Но и это очень важно. В этой системной целостности (суперэтнической) далеко не все были мусульманами, хотя и числились таковыми. И речь идет не об иноверцах: христианах, гебрах-огнепоклонниках, иудеях, язычниках, а о членах мусульманской общины, претендовавших на правоверие. Это обстоятельство имело столь большое значение для этногенеза арабо-мусульманского суперэтноса, что стоит уделить внимание тому, как это могло произойти, т.е. истории феномена.

По библейской легенде, арабы произошли от наложницы Авраама — Агари и их сына Исмаила. Авраам, родив от жены своей Сары Исаака, выгнал Агарь и Исмаила в пустыню. Исмаил нашел источник воды, чем спас свою мать и себя, но неприязнь между его потомками и потомками Исаака сохранилась. И ведь не исключено, что сама легенда сохранена для объяснения той вражды, которая разделяет эти этносы с XVIII в. до н.э., хотя, казалось бы, им ссориться было не из-за чего.

До VI в. арабы вели себя тихо. Одни пасли верблюдов — бедуины, другие в оазисах разводили финиковые пальмы и работали проводниками купеческих караванов через Каменистую Аравию — Хиджас, третьи блаженствовали в Йемене, подвергаясь время от времени вторжениям абиссинцев или персов. Но все они находились в гомеостазе (равновесии с ландшафтом) и были далеки от участия в исторических событиях, хотя постоянная война Рима с Ираном протекала на границах их страны.

Этногенетический взрыв, подобный взрывам, создавшим как хуннов, сарматов и парфян в III в. до н.э., так и Византию и Великое переселение народов в Европу во II в. н.э., в Аравии наступил в VI в. и протекал одновременно в Синде, Тибете, Северном Китае, Корее и Японии, о чем мы уже частично сказали.

Аравия в V–VI вв. была раздроблена и бессильна. Именно это открыло в нее двери для самых разнообразных культурных влияний. В город Ятриб — будущую Медину — убежали от римлян уцелевшие евреи; туда же скрывались христианские еретики; там же учили арабов зороастризму персидские маги, а вокруг бродили по пустыне бедуины, поклонявшиеся звездам и особенно Зухре — планете Венере. В торговой Мекке святыней был камень, упавший с неба, — метеорит. Но мекканцы были люди практичные. Они принимали в свой город паломников, позволяли им поклоняться черному камню, а воду и финики продавали по повышенным ценам. Так, в благодатной тишине, жила Аравия, пока не начала раскаляться внезапно возникшим внутренним жаром.

Поэзия, хотя бы примитивная, была нужна арабам, путешествующим по пустыне, чтобы соразмерить колебания своего тела с аллюром верблюда. Этому помогал ритм стиха, подчиняющий себе человека целиком. Так как у верблюдов аллюров много, то и трясут они всадника разнообразно. Поэтому в арабской поэзии есть 27 разме-

ров, тогда как в русской только 5. Поэзия была для арабов также насущно необходима, как для греков музыка, для негров-банту — танец, для славян — песня и т.д. А раз так, то первыми пассионариями в Аравии стали поэты, и в VI в. на месте ритмической болтовни бедуинов оказались стихи Имруль Кайса, шедевры мировой поэзии.

В VII в. поэтов вытеснили и убили религиозные фанатики, сплотившиеся около пророка Мухаммеда. Они победили мекканских купцов, бедуинов пустыни и евреев Ятриба, переименованного в «Город пророка» (Медина-тун Наби), потому что не жалели жизни ни своей, ни чужой. Порыв их был столь силен, что они сокрушили великий Иран и отторгли от Византии Сирию и Египет.

Никто не ожидал от них такой прыти.

Но приняв ислам на словах, мекканские купцы и бедуины в душе оставались равнодушны к теологии. Победившие их сектанты, руководимые халифами (наместниками пророка) Абу-Бекром и Омаром, были большинству арабов несимпатичны, хотя завоевания этих халифов приносили громадные доходы от грабежа покоренных стран и работоторговли. Так в Халифате создались две этнопсихологические доминанты. К одной из них принадлежали фанатики — истинные мусульмане, а к другой — потомки врагов Мухаммеда, принявших ислам под угрозой гибели еще при жизни пророка.

Эти силы не могли не столкнуться в смертельной схватке. Она произошла в 660 г., и победили лицемеры. Вождь их, Муавия ибн Абу-Суфьян, основал династию Омейядов и перенес столицу из Медины в Дамаск, а его противники образовали партию погибшего халифа Али, «шият-Али», и стали называться шиитами, буквально — «партийными». Фанатиков сменили политики.

Победа Омейядов легко объяснима. Пассионарные люди были на обеих сторонах. Разделяли их только психологические доминанты, а сделать выбор мог каждый по

своей воле. Большинство предпочло успех и богатство мученической смерти за религию, навязанную им силой. И вот потому Омейяды сидели на троне халифов и обращали избыточную энергию своих соплеменников на завоевания Средней Азии, Закавказья, Северной Африки, Испании и Аквитаний. 90 лет они шли от победы к победе, и это их погубило.

Халифы Дамаска покорили столько народов, что в Халифате сами арабы превратились в господствующее меньшинство. Сверх того, так как всем покоренным рекомендовалось принимать ислам, чтобы не платить тяжелый налог харадж, количество лицемерных мусульман выросло, а этнос, объединенный Мухаммедом, превратился в суперэтнос. В то же время первоначальная пассионарность самих арабов-мусульман расплескалась в завоеваниях, гражданских войнах (656–666 и 673–677) и восстаниях сектантов-хариджитов (684–697). И уже в VIII в. Омейяды пожинали плоды своей политики: господствующие лицемеры в ряде внутренних войн истребили большую часть искренних мусульман и дали возможность размножиться другим лжемусульманам неарабского происхождения, однако не предоставив им никаких прав. Те нашли вождя, Абу-Муслима, перса, который поднял народ на борьбу за потомков дяди пророка, Аббаса, против узурпаторов. Его поддержали буквально все, и в 750 г. последний омейядский халиф Мерван II погиб в Африке, а его родственники были убиты. Обыватели победили потомков воинов, задавив их массой. Новый халифат — Багдадский — стал уже не арабским, хотя и оставался таковым по языку, а арабо-персидским, почти копией царства Сасанидов, если бы те не сменили религию. Персы, перемешавшись с арабскими завоевателями, получили от них пассионарную инъекцию, но сохранили свой культурный идеал, привив Аббасидам элементы своего мировоззрения.

Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Уцелевший Омейяд — Абдурахман отделил Испанию и стал там самостоятельным халифом в 756 г. Затем отпали Марокко в 789 г., Алжир в 777-м, Ифрикия (Тунис) в 800-м, Хорасан в 821-м, Сеистан в 867-м и Средняя Азия в 900 г. Аналогичный развал шел и в Сирии, Месопотамии, Аравии, Иране. Мятежники доходили до ворот Багдада.

К 900 г. обыватели проявили полную неспособность защищать свою страну, свои дома и семьи, и уж тем более свою веру, от внешних и внутренних врагов.

Ослабление, а потом и унижение такой мировой державы, как Багдадский халифат, трактовалось неоднократно и разнообразно. В аспекте этнологии проблема ясна: полигамия и привоз разных рабов из Азии, Африки и даже Европы создали в арабских странах этническую пестроту, для удержания которой в рамках системы требовалась огромная затрата энергии, т.е. высокий уровень пассионарного напряжения. Но и это не спасало, потому что дети грузинок, половчанок, гречанок и африканок наследовали пассионарность своего арабского отца и вкусы своих матерей, вследствие чего часто становились врагами друг друга.

А ведь все начинается с мелочей, казалось бы не заслуживающих внимания: Пророк Мухаммед не мог пить вино, но любил своих жен. И он запретил выпивку, разрешив устраивать гаремы. Поэтому мусульмане выпивали тайком, а детей производили вполне официально от самых разных жен. Для сохранения этноса было бы лучше наоборот. Но начавшиеся процессы были необратимы.

Арабы быстро начали терять ведущие позиции в Халифате и были бессильны остановить этническую дивергенцию. Попытки халифов Мамуна (813–833), Мутаваккиля (убит в 861 г.) и Мутамида (погиб в 892 г.) навести порядок в полиэтничной стране кончались трагическими

неудачами. Уже халиф Му'тасим (833–842) вынужден был создать гвардию гулямов, т.е. воинов-невольников из тюрок, славян, берберов и негров. Эти гвардейцы в 865 г. взяли власть в свои руки и за десять лет низвергли и убили четырех халифов. Однако они были необходимы, так как только они смогли подавить восстание зинджей — черных невольников из Африки, работавших на расчистке солончаков Нижнего Ирака (869–883).

Общим между гулямами и арабами было лишь исповедание ислама, но этого оказалось достаточно, чтобы система Халифата уцелела. Гулямы были Ксенией — колонией гостей в арабском городе Багдаде, и по существу хозяевами страны.

Получилось более чем странно: халиф, глава всех мусульман, не мог и часу удержать власть без тюркских гулямов, а те не могли господствовать в чужой им стране без соизволения халифа. Условия, которые для них создали Аббасиды, были роскошны. Они получали содержание, на котором могли жить безбедно, выполняли привычную работу — воевали, подавляли восстания для халифов, а власть защищала их от народа... Ведь они оставались чужими и людям, и климату, и растениям, и горам, и равнинам. Оторванные от родины и традиции, тюркские гулямы убивали халифов, грабили купцов, издевались над крестьянами, потому что для них это были чужие, неприятные люди, к тому же беззащитные, ибо сабли были только у тюрок.

Превратностью исторической судьбы они были задвинуты в чуждые им условия — в столицу полумира Багдад, и суперэтнические различия неизбежно должны были сказаться. И это произошло, но пока судьба улыбалась тюркам не только в Ираке.

Благодаря тому же халифу Му'тасиму один из гулямов, тюрк Ахмад ибн Тулун, получил назначение помощником наместника Египта, в 863 г. взял власть в свои руки и присоединил к Египту Сирию и Палестину

Но прежде чем идти дальше, необходимо расправиться с одной аберрацией, очень старой и слишком привычной. Нам всем с детства казалось, что Египет — обширная страна, культурная и могущественная. Это мнение, на первый взгляд, подтверждала географическая карта, где территория Египта показана от Красного моря до нагорий Тибести и от дельты Нила до Хартума. Это, действительно, — огромное пространство. «Но видит лишь коршун бессонный, что страна — это только река, окруженная рамкой зеленой и второй — золотой, из песка».

Пригодная для людей земля — это узкая зеленая полоса по обоим берегам Нила. Величина ее примерно равна территории нынешней Бельгии. Более того, и в IX в., и позже, при египетских халифах — Фатимидах, ни члены правящей династии, ни их придворные, ни их воины, куницы, муллы, эмиры, шейхи, ни даже жены и одалиски их не были египтянами и египтянками, хотя именно потомки строителей пирамид и храмов, создателей древней письменности и учителей Пифагора, Птолемея (астронома) и отшельников Фиваиды составляли большинство населения прекрасной долины Нила.

Энергия египтян Древнего царства иссякла уже в XVIII в. до н.э. Этнический толчок, изменивший лицо Египта, создал Новое царство, отличавшееся от Древнего так, как, например, Италия отличается от античного Рима или Франция — от кельтского племенного союза на этой же территории, руководимого друидами.

Но и этот толчок этногенеза, сообщивший энергию Новому царству, со временем потерял инерцию. Страна

прошла свой цикл развития, хотя египтяне сохраняли навыки земледелия, знание астрономии, медицины и способности к философии.

Угасающий этнос, переходящий в своей этнической истории «к старости» — научно выражаясь, в стадию гомеостаза, неустойчивого равновесия с окружающим ландшафтом, — теряет одно важное качество, не восполнимое никакой культурной традицией: это — способность к самообороне. Египтом, страной культурной и трудолюбивой, по очереди овладевали нубийцы, ассирийцы, ливийцы, персы, македоняне Александра Македонского, римляне и, наконец, арабы. Сами египтяне не сопротивлялись ни одному из завоевателей, давая им драться друг с другом.

Последние судороги ускользящей активности стали заметны в первые века нашей эры, когда египтяне, сменив свои прежние культы, приняли христианство — не совсем равнодушно. Но после V–VI вв. египетские землевладельцы возделывали поля и платили налоги Византии, полагая, что большего от них не нужно и все остальное их не касается. Этническая система египтян упростилась до того, что их стали называть не по этносу, а по роду занятий — феллахи, что значит «землепашцы».

Но пока Нил тек, откладывая на поля плодородный ил, Египет был самой богатой страной Средиземноморья. Правители его не мешали аборигенам жить привычным бытом, ограничиваясь сбором налогов. Политическая и интеллектуальная жизнь кипела в городах Дельты: в Александрии, Мансуре, Дамiette и других. Бедуины пасли своих верблюдов в пустынях по обе стороны долины реки Нил. Купцы всех стран везли для эмиров, военачальников, горожан товары со всех концов известного тогда мира. И немаловажным товаром были рабы и рабыни.

Казалось бы, зачем они были нужны, если никто не собирался посылать их на тяжелые работы? Рабы стоили дорого, а для строительства, ирригации и сельского хозяй-

ства было сколько угодно покорных феллахов. Нет! Девушки-рабыни пополняли гаремы, а мужчины — личные войска наместника, ибо в IX в. в Халифате было очень неспокойно. Восстания поднимались всюду. Шииты, группировка мусульман, боровшихся за власть в Халифате, «отложились» в Марокко, создав тем в 789 г. независимый султанат. Хариджиты, группировка, отрицавшая власть халифа над правоверными, создали собственное государство в Алжире. Правоверные Аглабиды в Тунисе отложились в свою очередь и завоевали в 878 г. Сицилию для себя, а не для халифа.

И хотя Ахмад ибн Тулун не собирался отторгнуть Египет от Халифата, он заложил для этого необходимые предпосылки. Опорой его стали гулямы, которых он покупал в Европе и в Судане. Среди первых было много его соплеменников. И с тех пор тюрки начали попадать в Египет. Из Судана же покупались черные гулямы, благодаря чему в Египте сложились две гвардии гулямов-рабов: белая и черная. Одно время этой богатой и беззащитной страной управлял черный гулям, нубиец Кафур, прославившийся как щедрый покровитель литературы и искусства. Но эти наместники еще считались с халифом. Беда пришла в конце IX в., и не только для Египта, но и для всего Халифата.

ХИМЕРА НА НИЛЕ

В отличие от Китая, где третий взлет пассионарности имел шовинистическую доминанту и привел к отторжению всего нескитайского, в Халифате — новый всплеск арабской пассионарности породил националистическое, но совершенно антимусульманское движение. В 890–906 гг. вспыхнуло восстание карматов — арабов Бахрейна и бедуинов. Карматы и близкие к ним исмаилиты принесли

Халифату гораздо больше вреда, чем все остальные иноверцы вместе взятые. Они разъедали тело Халифата, как бактерии — туловище больного зверя. Их принципами действия были ложь, обман и предательство. Это была типичная антисистема, но ведь пассионарность — это эффект энергии, безразличный к добру и злу.

Карматы были разбиты в Ираке и в Сирии тюркскими гулямами, но они удержались в Бахрейне и даже на время захватили священный город арабов Мекку, увезли оттуда черный камень Каабы, который был возвращен позже за большой выкуп.

Другая группировка исмаилитов, возглавленная Убейдуллой, выдававшим себя за потомка халифа Али и дочери пророка Фатьмы, опираясь на оседлое берберское племя кетама, жившее на склонах Атласа, сокрушила аббасидского наместника Магриба (запада Халифата). По сути дела, предприимчивые вожди исмаилитов использовали вражду покоренных берберов к завоевателям-арабам.

Однако берберы отнюдь не были наивными фанатиками, которых можно было просто использовать, не давая ничего взамен. Вымышленная генеалогия Убейдуллы, бывшего на самом деле евреем⁵, интересовала их лишь постольку, поскольку этот авантюрист помог им сокрушить суннитов Ифрикии (Тунис), хариджитов Тахарты (Алжир) и шиитов Феса (Марокко). В совместно завоеванном в 969 г. Египте они были не прочь проделать то же самое с потомками Убейдуллы — Фатимидами, для которых успели завоевать еще Палестину и часть Сирии.

Эти успехи оказались фатальными. Берберы встретили своих единоверцев — карматов из Бахрейна и... схватились с ними насмерть, потому что карматы были ненавистные им арабы. Обе стороны сражались под белыми знаменами исмаилизма, но конфессиональные символы не корректируют законов биосферы. Если в Испании берберы в X в. поддерживали своих арабских единоверцев против

ного суперэтнуса — католиков Кастилии и Арагона, то внутри собственного суперэтнуса, т.е. на порядок ниже, этнические различия оказались решающими, и фатимидам пришлось сделать выбор между религиозным и этническим принципами.

Умный и циничный политик Убейдулла уже в начале своего правления учел ненадежность своей берберской опоры. С 918 г. он начал усиленно покупать славянских, венгерских и тюркских рабов, захваченных на побережье Далмации многочисленными пиратами⁶. Из них он создал гвардию, с помощью которой его преемник Азиз подавил восстание берберов в 984 г.⁷ Конечно, после этого он потерял Магриб (страны запада), но сохранил власть в Египте и авторитет среди азиатских исмаилитов.

Египетское войско при Фатимидах, по словам поэта и путешественника Насир-и-Хосрова, состояло из 60 тысяч гулямов: суданских негров, тюрков и славян, а также из 135 тысяч ополчения, в состав которого входили берберы Магриба и арабы Хиджаса. Когда же берберы и арабы отпали от Фатимидов, значение гвардии возросло. Быть рабом-воином стало не позорно, а почетно и выгодно.

Иностранский легион — изобретение древнее. Обычно наемники — свободные люди, поступающие на службу добровольно, но в Египте их роль выполняли мамлюки, буквально «принадлежащие», т.е. рабы. Поэтому они не могли уволиться и вернуться домой: ведь они были невольниками.

Казалось бы, мамлюкам легче всего было принять ислам, что давало свободу, и раствориться в конгломерате народов мусульманского мира. Но они избегали свободы как огня, и не зря. Одинокий человек на чужбине, без денег и друзей, обречен на самую жалкую жизнь. А находясь в войске, он был сыт, одет, вооружен и имел прекрасную перспективу повышения, потому что султан или эмир нуждался именно в его преданности и доблести.

Согласно традиционным представлениям эволюционной этнографии, мамлюки, находясь в чужой стране с непривычным климатом, изолированные от местного населения, должны были слиться в единую целостность на основе социальной близости, а потом исчезнуть, вследствие нарушения связи этноса с ландшафтом. Не произошло ни того, ни другого. Кыпчаки из южнорусских степей объединили вокруг себя славян, мордву, торков, монголов и курдов, но не горцев: черкесов и чеченцев. Степняки базировались на острове ар-Руада на Ниле (ал-Бахр) и назывались — бахриты, а горцы — в цитадели Каира (ал-Бурдж) — бурджиты. Иными словами, на уровне этноса объединение шло легко, а на уровне суперэтноса — не происходило, несмотря на социальную близость.

Механизм такого разделения понятен.

Представьте такую картину. На невольничий базар, где стоят нагие юноши, выходит сотник в чалме, в роскошных шароварах, с саблей на боку и кричит: «А ну, крещенные, кто из Чернигова, кто из Муррома, отзовись!» Кое-кто отзывается, и сотник уводит их к себе в казарму, чтобы включить в свой отряд.

Затем выходит другой сотник и кричит: «Эй, уланлар, ким Джаиктан? Кельмунда!» Его сменяет третий, говорящий по-черкесски, четвертый — по-алански, пятый — по-грузински, и так, пока не разберут своих земляков. Принцип этнической близости в неволе выдерживается более строго, чем в любых иных коллизиях.

И это закономерно! Верность своему начальнику обеспечена, ибо воину податься некуда. Чужие его не примут, и даже если не выгонят, то продвинуться не дадут. Разумеется, местных мусульман, уроженцев страны, в эту гвардию не допускали. Ведь они были связаны с населением, они могли найти защиту у мулл и улемов, имели возможность принадлежать к разным скрытым шиитским

толкам... Нет, не надо! Разве только рядовыми без права на выслугу.

Однако вряд ли сытые, одетые, вооруженные и никем не обижаемые мамлюки были счастливы. Приобретя некоторый комфорт, они потеряли родину и родных. Пусть даже военный лагерь на острове, где были расквартированы степняки, или в замке, где жили черкесы и грузины, были роскошнее их кочевий и селений, горных аулов и землянок в долине Риони, но ведь там оставались друзья и подруги, мудрые старики и ласковые бабушки.

А память подсовывала им совсем не нужные картины. Врагов — которые вяжут руки и гонят плетьюми их, привязанных к хвостам коней. Купцов — покупающих их на базарах в Суроже, Херсоне или Трапезунде. Надсмотрщиков с ременными бичами... Тяжелая штука, эта память. И ведь не выкинешь ее, как обгрызенную кость.

Таким образом, Фатимидам удалось создать государство не на основе того или иного этноса, пусть даже завоевателя, а на основе консорции, пополняемой новообращенными из всех этносов Ближнего Востока и Европы. Исмаилитская община умело использовала феллахов как трудящихся, христиан-коптов как чиновников, евреев как купцов-посредников, причем тем удалось наладить торговые связи с Индией и Западной Европой⁸, тюрок и суданских негров как гвардию), берберов и хиджасских арабов как ополчение, а сами члены исмаилитского ордена правили захваченными землями и проникали в мусульманские страны, подготавливая их к присоединению к Египту.

Эта типичная химера, возглавляемая антисистемой, могла держаться довольно долго благодаря веротерпимости халифов. Но как только «сумасбродный деспот» халиф Хаким (996–1021 гг.) начал религиозные преследования, сначала христиан и иудеев, а потом суннитов, — он исчез, да-да, исчез, а его преемник немедленно отменил все его указы.

Но еще до его исчезновения в 1021 г. обнаружился первый признак грядущего распада: негры — личная гвардия Хакима — схватились с тюркскими гулямами, которых поддерживали берберы⁹. Это была первая, но не последняя резня.

Этнические феномены продолжали разрывать социальную общность мамлюков. В 1058–1062 гг. тюрки снова схватились с суданскими неграми и изрубили их.

Во время беспорядков были разграблены дворец халифа, государственная казна и даже библиотека. Только энергия халифа Мустансира, призвавшего из Сирии армянина Бадра, тоже бывшего раба, ставшего военачальником, спасла положение. Армянские и сирийские войска заняли Каир в 1073 г. Бадр заманил тюркских повстанцев в западню и перебил всех до единого в одну ночь. Порядок был восстановлен, но за время смуты отпали Алжир и Тунис, а Сицилию в 1071 г. завоевали норманны, точнее, французы из Нормандии. Надо было заново комплектовать армию и научиться обходиться без выходцев из Судана — негров и, следовательно, снова покупать рабов, т.е. поддерживать химеру со всеми вытекающими из этого последствиями. Но иного выхода у Фатимидов не было. Арабы не только в Египте, но и во всем Халифате уступали позиции тюркам и превращались из воинов и правителей в поэтов, ученых и купцов. Все эти занятия не требовали риска, что показывает на снижение арабской пассионарности, характерное для фазы надлома. Но и тюрки, в каких бы привилегированных условиях они ни находились в Египте, потеряв связь с родным ландшафтом, не могли регенерировать как этническая система, воспроизводящая себя из поколения в поколение. Их ожидало неизбежное вырождение.

Вырождение у мамлюков выражалось своеобразно: семьи у них были большие, но дети теряли вкус к военной карьере и становились просто горожанами. Это значит, что

они утрачивали пассионарность, а вместе с ней стимул к этнической обособленности — противопоставлению своих — чужим. Поэтому для поддержания политической системы требовались постоянные пополнения, причем статус невольника был обязательным. Свободных в войско принимали, но только на низшие посты. Очевидно, пребывание в неволе рассматривалось как искусство, в котором выяснялись личные качества будущего мамлюка.

В 1094 г. два сына халифа Мустансира возглавили две партии: крайних и умеренных. Последние победили и вытеснили своих соперников в Иран. Затем, в 1130 г., возникло междоусобица, а вслед за ним в 1134 г. новая резня белых и черных мамлюков обескровила войско халифа Хафиза. Белые мамлюки — кыпчаки — победили черных — суданских негров, тем самым сократив число воинов вдвое. После этой вспышки власть фатимидских халифов стала фиктивной и фактическими хозяевами в стране оказались гулямы — мамлюки. Нет необходимости видеть в резне белых и черных мамлюков борьбу рас. Устойчивое размежевание самих белых мамлюков на степняков-бахритов и горцев-бурджитов тому доказательство. Принцип деления был не расовый, а этнический. На этом следовало бы поставить точку, но мамлюки — столь оригинальный феномен этнической истории, что следует довести повествование о них до конца. К тому же химера, созданная Фатимидами на берегах Нила, продолжала свое существование и после них.

Ненавидя своих продавцов, мамлюки отнюдь не обожали своих покупателей. Поэтому они спокойно позволили заменить исмаилитского халифа суннитским султаном в 1171 г. Когда же им показалось, что султан Тураншах руководит ими плохо, они взяли дворец и убили султана, что случилось 2 мая 1250 г. Инициатором переворота был половец Бейбарс, которого поддерживали его земляки.

Бейбарс посадил на престол ребенка Камиля, за которого правили его мать, султанша Шеджерет ад-дурр, и мамлюк туркмен Айбек, ставший ее мужем. В 1257 г. ревнивая султанша отравила своего супруга за измену. Тогда мамлюки посадили ее в тюрьму и в 1259 г. выбрали султаном другого половца — Кутуза, друга Бейбарса. Так совершилась в Египте «революция рабов», или, что то же, завоевание страны мамлюками. Это произошло в те самые годы, когда у себя на родине половцы были разбиты и разметаны так, что больше не составляли единого этноса. Жуткая ирония судьбы!

Осколки южнорусских степняков вошли в состав Золотой орды, где в 1312 г. хан Узбек произвел переворот и навязал всем кочевым подданным веру ислама.

Согласно шариату, мусульманин не может быть продан в рабство; поэтому в Египте покупали только язычников и христиан. Следовательно, обращение половцев в ислам в 1312 г. прекратит поступление их в войско бахритов, а число кавказцев — бурджитов росло, и в конце XIV в. преобладание перешло к ним, что выразилось в смене династии и личного состава эмиров. В 1517 г. искусственная социальная система мамлюков была сокрушена новорожденным этносом османов, находившихся тогда в фазе этнического подъема. Османы сохранили мамлюкское войско, и оно, как реликт, еще защищало Египет от Наполеона. Упразднено оно было лишь в 1811 г. Химеры часто бывают устойчивы, но способности к саморазвитию лишены всегда.

НАДЛОМ В «МИРЕ ИСЛАМА»

Прямое воздействие пассионарного толчка VI в., породившего общину Мухаммеда, которая превратилась в «мусульманский суперэтнос», вобрав персов и берберов, про-

слеживается до середины X в., но уже в конце IX в. в Багдадском халифате, как мы уже сказали, появились грозные симптомы надвигающегося религиозного раскола.

История культуры, точнее, история мысли тесно связана с этнической историей. Идеологическая система, как религиозная, так и атеистическая, будучи создана людьми на ранней фазе этногенеза, превращается в символ, в котором члены этноса мыслят и ощущают себя как части реальной целостности. Символ становится индикатором этноса; исповедание его — частью стереотипа поведения.

Все природные детерминанты принуждают; символы привлекают с силой, прямо пропорциональной искренности объекта (персоны или коллектива), на который они воздействуют. А так как потребность в непротиворечивом мировоззрении и в положительной комплиментарности входит в число потребностей человека, то символы, как явления культуры, несут определенную нагрузку в этнической истории. Они представляют людям ценности, которые нужно отстаивать или распространять, и наоборот, отрицание символа означает выход из этноса или раскол этнического поля, после чего на месте одного этноса возникают два-три, пусть объединенных единой государственной властью, но чуждых друг другу. Раскол поля не миновал и мир ислама. Уже при жизни Мухаммеда и первых халифов были определены основные стороны культуры ислама: строгий монотеизм в теологии, шариат в юстиции, преемственность власти халифа в государственном праве, неограниченное распространение своей веры, т.е. расширение мусульманской общины до пределов ойкумены, обязанность вести джихад — священную войну и не вступать в союзы с иноверцами против мусульман.

Этот неполный список «граней символа» создал новое мироощущение, непохожее на древние эзотерические культы, бытовавшие на Ближнем Востоке до торжества христианства, а также после запрещения язычества Феодо-

сием I. Мусульмане (арабы) сделали для истребления язычества больше, чем христиане (византийцы), но и ими не была одержана окончательная победа. Тени древних богов бродили и между церквями, и между мечетями. Они ждали минуты, когда им удастся снова внедриться в жизнь людей, и дождались... и отплатили за все обиды, нанесенные их капищам несколько веков назад.

Началось антиисламское карматское движение, по идеологии — эклектический вариант древнего гностицизма. Отряд карматов участвовал уже в восстании зинджей, а в 90-х гг. IX в. вооруженные карматы свирепствовали в Ираке и Сирии. После поражений, нанесенных им суннитами, они укрепились на побережье Персидского залива в стране, называемой Бахрейн.

Бахрейн — страна, расположенная на востоке Аравии и отделенная от Хиджаса и Йемена пустыней, была родной многих этносов, сумевших прославить свое имя в истории. В древности отсюда вышло племя халдеев, отвоевавших у ассирийцев Вавилон, а затем совместно с мидянами разрушивших в 612 г. до н.э. Ниневию. Долгое время Бахрейн был под властью иранских династий: Ахеменидов, Аршакидов, Сасанидов, вследствие чего там поселилось много персов¹⁰. Торговля с Индией увеличила пестроту населения, которое и так пополнялось выходцами из различных племен Аравии, только после Мухаммеда слившихся в единый этнос — арабов. И хотя немедленно после смерти пророка Бахрейн изгнал из своих пределов проповедников ислама и сборщиков налогов (632), при приходе войск халифа Абу-Бекра сдался без боя, чем спас свои города и сады¹¹, Персия, которой подчинялся Бахрейн, ничем не помогла своим подданным, а вскоре и сама стала жертвой мусульман.

Потрясшие Халифат гражданские войны опустошили Западную Аравию и прошли мимо берега Персидского залива. Поэтому Бахрейн стал прекрасным убежищем для

карматов, потерпевших тяжелые поражения в Сирии и Ираке. Отсюда карматы совершали губительные набеги на караваны богомольцев, шедших в Мекку, на села Ирака и Юго-Западного Ирана, где они убивали мужчин, насиловали женщин, грабили дома, а пленных обращали в рабство¹². Более того, взяв в 930 г. Мекку, карматы выломали и увезли черный камень — святыню мусульман.

Глава карматов, Абу Тахир, приказал распилить этот камень пополам и пользовался двумя кусками, как подставками для ног в уборной¹³. Лишь по настоянию главы всех исмаилитов, египетского халифа Мансура, «черный камень» был возвращен в Мекку за большой выкуп.

Было бы ошибкой отождествлять организацию карматов с населением Бахрейна: свободными крестьянами и ремесленниками, а также соседними бедуинами. Они были лояльны карматской общине, захватившей в 899 г. город Лахсу и удержавшей его после разгрома восстаний в Сирии и Ираке. Карматы платили за предоставленное им убежище тем, что не взимали с жителей налогов, бесплатно мололи их зерно на государственной мельнице, давали им пособия без процентов, не ограничивая тех в сроке возврата долга. Сами же карматы жили за счет военной добычи, прежде всего рабов: негров и абиссинцев, которые принадлежали не отдельным людям, а государству, причем предоставляли их жителям для отдельных работ в поле или в саду и для ремонта зданий¹⁴.

Жителей Бахрейна такой порядок устраивал, тем более что карматы не только не вовлекали их в свою организацию, но в нее не допускали, хотя в частых походах теряли много людей. Карматская община пополнялась пассивными, которых вербовали по всему мусульманскому миру эмиссары — да'и. Люди слабовольные и инертные были карматам не нужны. Но как только число пассивных в арабских странах уменьшилось, а следовательно, сократилось количество возможных неофитов, кар-

матское государство стало умяляться, слабеть и, наконец, утратило всякое влияние за пределами Лахсы. Последний раз их имя упоминается в сочинении Насир-и-Хосрова в 1051 г. Ужас, висевший над Аравией, Сирией и Ираком, растаял сам по себе¹⁵.

И это не должно нас удивлять. Карматы не имели связи с ландшафтом, т.е. у них не было родины, и они отреклись от арабских традиций, как исламских, так и бедуинских; значит, они потеряли отечество. Идеологическая система их была эклектична. Она состояла из весьма искаженных концепций Плотина, Платона и гностиков, дошедших до их вождей в очень неточных иудейских переводах, смешанных с чужими элементами¹⁶. Короче говоря, у карматов не было ничего своего, а куча награбленного. Это особенность антисистемы, которая может существовать только за счет соседей, но ничего не производит и не хранит.

Впрочем, то, что все течения исмаилизма предлагали своим сторонникам, было крайне эфемерно. «Справедливость» — народам и племенам и «тайна» — только посвященным. Но так как земледельцы и скотоводы совсем не интересовались тайными учениями, а справедливость воспринимали каждый по-своему, то даже последняя ниточка, связывавшая общину с массой, оборвалась. В 988 г. бедуины нанесли карматам жестокое поражение и с тех пор приняли на себя охрану паломников в Мекку, разумеется, за приличную плату. Антисистема всегда нежизнеспособна.

Середина любого этногенеза характеризуется спадом пассионарности ведущего этноса и сменой поведенческого императива, когда принцип «будь самим собой» сменяется усталостью и появлением субпассионариев, заботящихся только о себе. Идеалы патриотизма, ревности к вере, влюбленности в культурную традицию утрачиваются, что делает этносоциальную систему беззащитной. Это фаза пассионарного надлома.

Фаза надлома — это как бы возрастная болезнь этноса, которую необходимо преодолеть, чтобы обрести иммунитет. Этнические контакты в предшествующей — акматической и последующей — инерционной фазах не влекут тяжелых последствий, ибо образуются не химеры, а симбиозы, при которых этносоциальная система усложняется. Но фазу надлома надо уметь пережить, что удается не всегда.

В Багдадском халифате она наступила в X–XI вв. и проявилась в расколе мира ислама на суннитов и карматов. Появление карматов и исмаилитской антисистемы резко изменило политическую обстановку в Халифате, и в Багдаде — прежде всего: из арабского города он превратился в зону активных этнических контактов и средоточение химер. Снижение пассионарности самих арабов только накаляло страсти, так как устраняло препятствия к проявлению национализма покоренных народов. И события потекли.

Исмаил Самани в 900 г. разбил разбойничьи отряды сеистанского правителя, захватившего в конце IX в. весь Иран, Амра ибн Ляйса Саффарида. Его эмират стал опорой суннитского правосерия и традиций Персии и включал помимо Восточного Ирана современные Афганистан и Среднюю Азию.

Саманиды были последними древними иранцами, но арабская пассионарность преобразила их в новый этнос — таджиков.

Вслед за Саманидами воспользовались политическим развалом в Халифате горцы Дейлема (Буиды). Дейлемиты были народом очень древним и находились в гомеостазе. Они жили в естественной крепости — на склонах Эльбруса и не давали себя подчинить ни македонянам, ни парфянам, ни персам, ни арабам. Когда же арабы раскололись на суннитов и карматов, дейлемиты приняли шиизм зейдитского толка и почти без сопротивления покорили Западный

Иран и Восточное Закавказье. В 945 г. их вождь вошел в Багдад и, оставив халифа на месте, принял титул эмир-ал-умара (главнокомандующий). Шиизм Буидов был проявлением антиарабского иранского национализма, вследствие чего они воевали против карматов как арабов и против Саманидов (900–999) как суннитов. Для себя же они сочинили генеалогию, восходящую к Сасанидам, и возродили титул «шахиншах». А в это время, как мы уже сказали, исмаилит — Убейдулла, опираясь на берберов племени кетама, уничтожил арабские государства Аглабидов (сунниты), Рустамидов (хариджиты) и подчинил Идрисидов (шиит), после чего его потомки Фатимиды завоевали Египет, часть Сирии и Хиджас. По сути дела, это был раскол поля суперэтнуса.

Казалось бы, вслед за политическим распадом должен был последовать распад этнический, но символ — «ислам» продолжал цементировать эти различные этносы, ненавидевшие друг друга. Без признания себя мусульманским ни одно из правительств не могло тогда удержаться, хотя искренность правителей была крайне сомнительна, а осведомленность их подданных в теологии равна нулю или даже бывала отрицательной величиной, как у карматов и исмаилитов.

ХИМЕРА НА ДЖЕЙХУНЕ

Мы рассмотрели ход этногенеза в Арабском халифате. Теперь сосредоточим внимание на его восточной окраине — оазисах Средней Азии. Пассионарный толчок — явление природы и, следовательно, ареал его не связан с родом занятий и культурой населения. Оседлые этносы Согдианы и Хорезма были ровесниками хуннов и сарматов. Поэтому в X в. они находились бы в том же возрасте, что и их кочевые соседи, но, став в VIII в. добычей

молодых и хищных арабов, они были вынуждены усвоить их культуру и мировоззрение, а также получить пассионарный генофонд, вследствие чего не могли уже не разделить судьбу Багдадского халифата, т.е. должны были вступить в фазу надлома.

В конце X в. тюркские племена чигиль и ягма, только что принявшие ислам, двинулись на Самарканд и Бухару. Казалось бы, соотношение сил было в пользу Саманидов. У них было больше людей, городов, полей и пастбищ. У них была роскошная культура, базировавшаяся на древней иранской традиции, обновленной влиянием арабской культуры. Бухарским таджикам X в. были ведомы греческая философия и достижения индийской мысли. Одного у них не хватало: воли к свершениям, жажды славы и жертвенности ради далекого прогноза — идеала. Да и сам идеал стал слишком расплывчат и аморфен. С таким этно-психологическим настроением легко жить и работать, но невозможно успешно воевать. Поэтому Саманиды стали вербовать в армию тюрков, доверили чужим людям защищать себя и свою страну. Что делать? Старики и больные поступают так всегда, не только люди, но и этносы.

Их подданные, их опора — дехкане, так же как и военное сословие в Багдаде, теряли свою пассионарность. И когда в 999 г. тюрки «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, малым количеством волос (на бороде), с железными мечами, в черной одежде»¹⁷ подошли к Бухаре, то саманидское правительство обратилось к народу. Однако факихи (теологи) разъяснили народу, что «если бы Жаниды (тюрки) препирались (с Саманидами) из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательным. Но когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя и предоставлять себя для убийства»¹⁸. Бухара сдалась, Саманиды были убиты. Оседлые, цивилизованные люди подпали под власть кочевников... но

как будто они этим не очень тяготились. Странно, не правда ли?

Причин, объясняющих эту странную коллизию, несколько, но мы отметим из них три, что будет «необходимо и достаточно». Спад пассионарного напряжения всей суперэтнической системы «мира ислама» безусловно имел место, но в фазе надлома исчезают не все пассионарии и не сразу, так что это одно не решает проблемы. Потеря популярности Саманидами тоже была налицо. Ведь им, как и багдадским халифам, приходилось окружать себя тюркскими гулямами, т.е. самим организовывать химеру. Так если тюрки все равно правят, то зачем тогда эмиры? Вероятно, так или вроде того рассуждали обыватели Бухары, Нишапура, Рея и Хорезма.

И наконец, мучительной болезнью «мира ислама» были злые сектанты, о которых было рассказано выше. Как упоминалось, на протяжении X в. они произвели ряд восстаний, где пролились реки крови, и создали два государства: Фатимидский халифат в Египте и Карматскую республику в Бахрейне (Восточная Аравия), но не в этом была их сила. Карматы и исмаилиты широко использовали ложь. Они притворялись мусульманами. Они убивали мусульман безнаказанно, ибо убийц спасала тайная община. И ладно бы, если бы они убивали только феодалов; нет, каждый простой человек мог стать жертвой убийцы, которым руководил пир (старец). А халифы и эмиры так боялись отравленных кинжалов исмаилитов, что не принимали против них решительных мер. Да и не могли они это сделать, так как не знали, кто из их визирей и эмиров — тайный исмаилит. Исмаилиты всегда лгали, ибо таков был их закон, весьма для них выгодный, ибо с желавших не быть убитыми они брали большие деньги¹⁹. Как это напоминает гангстеров XX века!

Так в середине X в. оказалось, что в Саманидском эмирате исмаилиты занимают важные должности: военна-

чальник саманидских войск в Хорасане, раис Бухары, сахиб хараджа (нач. фин. отдела), пославший фатимидскому халифу Кайму (934–946) дотацию в 119 тысяч динаров. Исмаилитов особенно поддерживал эмир Наср II. Его сын Нух I (943–954) отрешил отца от власти, перебил захваченных исмаилитских вельмож с помощью тюркской гвардии, но при этом выяснилось, что верить можно только тюркам, которые по простодушию и необразованности были чужды гностической исмаилитской философии и мистике. Но они-то и погубили последних Саманидов.

В решающие дни битв за Бухару между таджиками-саманидами и тюрками, династию которых условно принято называть «Караханиды», саманидский полководец, наместник крепости Газны Себук-тегин предал эмира Нуха II (976–997) и его преемников Мансура II (997–999) и Исмаила (999–1005), которые героически сражались против тюрков, но погибли, и не от сабель противников, не в боях, где смерть так естественна, а от рук своих подчиненных. Поистине, нельзя спасти народ, который не желает, чтобы его спасали.

Себук-тегин был простым гулямом. Он овладел властью, опираясь не на членов своего этноса, а на своих боевых товарищей, т.е. на консорцию. Это был тип химеры, где ведущая часть была полностью оторвана от почвы, или, точнее, дестигнизирована. По сути дела, Себук-тегин и его сын Махмуд Газневи (998–1030) создали и постоянную армию, т.е. уподобились римским солдатским императорам, с той лишь разницей, что не армия служила стране и народу, а народ — армии.

Так возник Газневидский султанат, где все подданные султана делились на два сорта: воины и налогоплательщики. Одни платили налог кровью, другие — деньгами. Воины были тюрки, прочие — аборигены, которым запрещалось даже выражение патриотизма. Однажды жители Балха вздумали защищать свой город от Караханидов и

получили выговор за сгоревший во время боя базар. Султан Махмуд сказал, что воевать — не их дело, а на реставрацию базара с горожан надо бы потребовать деньги, но он их, по доброте, прощает.

Сила такой системы была огромной. Пятнадцать походов в Индию доставили Махмуду много денег: в 1000 г. Махмуд подчинил Хорасан, в 1010–1011 гг. — Гур, в 1017-м — Хорезм, в 1029-м — Рей и Хамадан, разгромив при этом Бундов. Но этот колосс на глиняных ногах упал в 1040 г., когда сельджуки перебили газневидских гулямов при Денданакане. Но о них позже.

ХАЛИФАТ И ХИМЕРЫ

Сделаем краткое резюме. Прогрессивное экономическое развитие стран Ближнего Востока в X–XI вв. отсутствовало. Рост производительных сил ограничивался постоянными войнами. Если и были то там, то здесь «тихие» десятилетия, вслед за ними шли годы кровопролития, сметавшие часть накопленных материальных и культурных благ. В лучшем случае сохранился уровень, достигнутый при Аббасидах, да и то за счет талантов и трудолюбия таджиков, персов, арабов и хорезмийцев.

Социальные системы упрощались. Победоносные тюрки либо сохраняли свой быт, либо составляли войска султанов, живших очень неплохо за счет аборигенов и умиравших в сражениях, которые бывали часто, даже слишком часто. Талантливых поэтов и ученых было много, но жизнь их была незавидна. Судьба их зависела от произвола султанов и доносов факихов. И все-таки они работали. Слава им!²⁰

Но на фоне социально-экономической стабильности процессы этногенеза шли убыстренно, что и определяло напряженность политической истории. т.е. калейдоско-

пичность событий, смену удач и трагедий, определяющую характер жизни этносов и отдельных людей. А ведь именно это интересует современников и участников событий и тех историков-этнологов, которые хотят в этом разобраться.

Теперь пора перейти к первому, предварительному обобщению. В начале XI в. всей оседлой, земледельческой, цивилизованной частью мусульманского суперэтноса овладели химеры. В Ираке и Западном Иране — дейлемито-арабо-персидская — Халифат; в Восточном Иране — тюрко-иранская — Газневидский султанат; в Мавераннахре и Кашгарии — тюрко-таджикская — государство Илекханов (Караханидов); в низовьях Амударьи — тюрко-хорезмийская. Моноэтнический принцип социальной организации был утрачен всюду, кроме Сибири, Месопотамии, где вожди бедуинских племен захватывали города и держали себя независимо, и самой Аравии, где в Бахрейне весь XI в. процветала Карматская республика. Как ни странно, именно эта антисистема сохранила этнический арабский облик, который был утрачен в столице — мировом городе Багдаде. Но распространение ее было ограничено. Хотя карматские эмиссары (да'и) проповедовали по всему Ирану, новообращенные неизменно терпели поражения от дейлемитов и тюркских гулямов. Следовательно, можно сказать, что карматская угроза стимулировала размножение этнических химер, а это влекло важные сдвиги в этногенезе.

Химера — система неустойчивая. Возникает она только тогда, когда пассионарное напряжение спадает и приближается к нормальному уровню — гомеостазу. Тогда исходные этносы не сливаются в новый этнос, а аннигилируются, т.е., попросту говоря, исчезают. Это равно относится к побежденным и победителям. И вот нет более грозных дейлемитов; исчезли храбрые чигили и ягма; без следа пропали древние хоразмии; куда девались халаджи, карлуки

и могучий этнос гурцев? Хотя потомками их В. В. Бартольд считал современных джемшидов и тайменей²¹.

Однако потомки есть у всех, и они живут, но в составе других этносов, ибо этносы — система, а не человеческое поголовье с условным названием, которое можно менять по произволу. Но когда этнос живет как целостность и сталкивается с химерой или антисистемой, дело кончается тем, что остается кто-то один. В XI в. эта ответственная роль выпала на долю сельджуков.

ЭТНОС И ХИМЕРЫ

Бывает, что старые этносы вдруг оживают.

Вспомним, что чаще всего пассионарный генофонд передается по материнской линии, хотя растрачивается он драчливыми мужчинами. Когда огузы, оттесненные засухой X в. на юг, поселились на склонах Копетдага, с которого стекали прозрачные ручьи, орошавшие заросли фисташковых деревьев и прилегающие луга, они продолжали делать набеги на соседей, ибо привыкли к мелким войнам на своей родине. В числе добычи были женщины из Хорасана и Гургана, носительницы пассионарности арабов и таджиков. Действительно, уже второе поколение этих метисов, воспитанное в традициях степной доблести и верности, одержало победу при Денданакане над газнийскими гулямами, а их детей и внуков донесли степные кони до лазурных вод Мраморного моря.

Когда циклоны снова понесли атлантическую влагу в степи Приаралья, те зазеленели, овцы и кони нагуляли жир, а люди получили возможность истратить свою энергию, ранее уходившую на поддержание жизни, на улучшение ее. В XI в. этого можно было достичь только путем побед. Тогда огузы-мусульмане покинули родные степи и устремились на юг.

В 1030–1040 гг. потомки славного сельджука из племени кынык захватили Хорасан, без боев подчинили Иран и в 1040–1054 гг. и вышли на границы Византии.

Сельджуки быстро шли на запад, безжалостно истребляя беззащитное население, даже женщин и детей²². В 1055 г. великий султан Тогрул-бек вступил в Багдад. Разложившиеся и потому не сопротивлявшиеся Буиды еще семь лет держались в Фарсе, а потом все кончилось, и для династии, и для этноса. Еще одной химерой стало меньше. В 1071–1078 гг. сельджуки захватили Малую Азию и Сирию.

Затем пришел черед Караханидов. Великий султан Мелик-шах в 1089 г. взял Бухару и Самарканд и пленил караханидского хана. Через некоторое время султан освободил хана, но того убили заговорщики. Постоянные беспорядки в Самарканде были прекращены лишь в 1130 г. великим султаном Санджаром, который взял город и подчинил себе последних бессильных Караханидов.

Три первых великих султана: Тогрул-бек, Алп-Арслан и Мелик-шах — правили счастливо, потому что их подданные, переселившиеся в Иран и Малую Азию, продолжали пасти свой скот, приносить подарки своим женам и обучать доблести и верности своих сыновей. Они оставались воинами. Духовные дела были препоручены халифу и арабам, а гражданские — образованным персам. Значит, в обширной Сельджукской империи возникла этническая ксения, а не химера. С химерами этносы умеют справляться, но когда сельджуки натолкнулись на организованную антисистему, им пришлось туго.

Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1094 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме и еще многими замками, в разных местах Ирана и Сирии, а в 1126 г. сирийские исмаилиты приобрели крепость Баниас и десять других в

горах Ливана и Антиливана. Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков.

Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Но по ночам они, послушные приказам своих да'и, совершали тайные убийства или собирались в отряды, нападавшие даже на укрепленные замки. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. рассказывает, что во время приступа одного замка мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам²³. Попытки уничтожить этот орден были всегда неудачны, ибо каждого визира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца.

Хасан Саббах не ощущал недостатка в искренних приверженцах. Жестокость сельджуков при походе на Багдад не была забыта за сорок лет. И поэтому персы, пошедшие на службу к сельджукам, рассматривались как предатели. Так погиб в 1092 г. визир Низам-аль-Мульк от кинжала фидаина. Так в Исфахане ложно-слепой нищий, прося проводить его до дому, заманивал мусульман в засаду, где доверчивого добряка убивали²⁴. Но это были мелочи. Хасан, не будучи в силах справиться с сельджукскими воинами, лучшими в мире, нашел способ сломать не социальную, а этническую систему. Он направил своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров, место которых, естественно, занимали менее способные, а то и вовсе бездарные тупицы и себялюбцы. А эти последние, занимая низшие должности, способствовали действиям исмаилитов, ибо знали, что кинжал фидаина откроет им путь на вершину власти. Такой целенаправленный геноцид за 50 лет превратил Сельджукскую империю в бессистемное скопление небольших, но хищных княжеств, пожиравших друг друга, как пауки в банке.

Однако исмаилитам не удалось победить! Даже расколовшись на княжества и потеряв этническую структуру, сельджуки своей здоровой посредственностью усложнили разваливающуюся суперэтническую систему, придав ей необходимую сопротивляемость. Сельджуки в Халифате играли ту же роль, что славяне в Византии при Македонской династии, а туареги и берберы в Испании при последних Омейядах. Не претендуя на самостоятельное творчество, точнее, на оригинальность, они мужественно выполняли свой долг. Именно сельджуки отбросили греков за Босфор, победив лучшего полководца Византии Мануила Комнина, они же сдерживали натиск крестоносцев и остановили первую колониальную агрессию французов и итальянцев в Палестине, чем продлили существование Халифата до середины XIII в., т.е. до вторжения монголов.

О неудаче крестоносного движения в целом следует сказать особо, ибо тюрки имели к этому непосредственное отношение. Поэтому прервем на время повествование о судьбе химер на Ближнем Востоке и отправимся на Запад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. С. 55 и сл.

² *Босworth К.Э.* Пашествия варваров // *Мусульманский мир.* 950–1150. М., 1980. С. 24–25.

³ См. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки.

⁴ См. *Гумилев Л.Н.* Истоки ритма кочевой культуры // *Народы Африки и Азии.* 1966. № 4; *Он же.* Открытие Хазарии. М., 1966. С. 92.

⁵ См. *Босworth К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 78.

⁶ См. *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. СПб., 1895. С. 316–317.

⁷ Там же. С. 333.

- ⁸ См.: *Босворт К.Э.* Указ. соч. С. 81; История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1970. С. 367.
- ⁹ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. С. 341; Негры в Египте становились исмаилитами, а турки — суннитами, хотя они служили исмаилитскому халифу Суперэтнические различия облекались в идеологические мантии, несмотря на социальную однородность: те и другие были невольниками халифа (*Мюллер А.* Там же).
- ¹⁰ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. С. 203.
- ¹¹ Там же. С. 251.
- ¹² См.: *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. М., 1957. С. 60; *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране. Л., 1966. С. 291.
- ¹³ См.: *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁴ Там же. С. 284–285.
- ¹⁵ Там же. С. 284; *Мюллер А.* Указ. соч. С. 334.
- ¹⁶ *Петрушевский И.П.* Указ. соч. С. 287.
- ¹⁷ Свидетельство автора XI в. Утби. Цит. по: *Делец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. С. 284–285.
- ¹⁸ Цит. по: История народов Узбекистана. Т. I. С. 277.
- ¹⁹ См.: Книга Марко Поло / Пер. И.П.Минаева. М., 1956. С. 70–72.
- ²⁰ Рекомендую книгу *Салаадзе Л.* Созвездие Ориона. М., 1980. Редкий пример убедительной и наглядной подачи истории на высоком уровне эрудиции и литературного дарования.
- ²¹ См.: *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 55; *Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. I. М., 1964. С. 270.
- ²² См.: *Мюллер А.* История ислама. Т. III. СПб., 1896. С. 85.
- ²³ См.: *Усама ибн Мункыз.* Книга назидания. М., 1958. С. 201.
- ²⁴ См.: *Мюллер А.* Указ. соч. Т. III. С. 114.

IX. БОГАТЫРИ, РЫЦАРИ И УБИЙЦЫ

«ХРИСТИАНСКИЙ МИР» (CHRÉTIANTÉ)

Положение Западной Европы долгое время было предельно жалким. Потомки римских граждан изнывали под игою жестоких завоевателей: готов, вандалов, бургунов, лангобардов, аланов, свевов. Все эти этносы зародились и сложились в природных условиях, совсем не похожих на те, куда их забросила историческая судьба. Из дубрав Прибалтики, с берегов сурового моря, окаймленного песчаными дюнами, эти люди попали в выжженные солнцем горы Атласа и Сьерра Морены, в лавровые рощи Италии, на склоны Альп и берега Роны и Гаронны. Установить непосредственный контакт с непривычной окружающей средой варвары не успели, ибо предпочитали жить за счет местного населения, ограбляемого систематически и беспощадно. Победители даже не пытались слиться с покоренными, которых они презрительно называли: «иноход».

Но за все надо платить! За чванство и нахальство особенно. Все перечисленные народы и созданные ими королевства исчезли, ибо оказались нестойкими. Исключением было одно — франки, которые не переселялись, а расселились. Точнее, франки не меняли вмещающий ландшафт, а только расширили его. И они не перенесли в покоренные страны своего мировоззрения — арианства, а,

будучи язычниками, приняли местное — православие, причем бездумно и, по сути дела, формально. Поэтому они разлагались медленнее прочих германских племен, благодаря чему были в состоянии подчинить себе ту часть Западной Европы, которая не была захвачена арабами, греками, славянами и аvaraми. Так создалась в VIII в. Каролингская империя.

В эти же века дружины саксов и англов были приглашены бриттами в покинутую римлянами Британию, как наемные войска. Они быстро взяли власть в свои руки, хозяев частью перебили, частью оттеснили на западный берег острова, но, подобно прочим племенам Великого переселения, раздробились на семь королевств, диких и враждебных друг другу.

Англосаксонская анархия и франкская тирания стояли друг друга. Фазу этногенеза народов Западной Европы начала IX в. правильнее всего назвать надломом, который не удалось преодолеть.

И тут вдруг произошел новый взрыв этнической деятельности новое «начало», подобное уже описанным выше. Одновременно возникло три феномена. Из фиордов Норвегии и с берегов Дании стали отплывать эскадры викингов, оставлявших на родине своих родных и близких — трудолюбивых хевдингов. Викинги большей частью гибли в походах, но скандинавские юноши продолжали идти на смерть с 793-го по 1066 г.

В империи франков возникли мощные сепаратистские движения, на национальном принципе. Внуки Карла Великого, разорвавшие железный обруч империи, были просто вывесками, ибо сам процесс осуществляли народные ополчения.

В 843 г. в Страсбурге впервые были зачитаны для воинов юридические документы, «клятвы», на французском и немецком языках, а не по-латыни. Этим было установлено существование французов и немцев, вместо

волохов и тевтонов. Королевские домены продолжали дробиться до XI в., опять-таки по национальному признаку. Во Франции появились Бретань, Нормандия, Гиень, Гасконь, Прованс, Лангедок, Бургундия — как этносы, лишь юридически и формально связанные с маленьким парижским графством, сюзерен коего носил титул «король». Так же разделились Германия и Италия, но всех их объединяло одно — они были членами единого по идее «христианского мира», в который не принимали схизматиков-греков и не признававших папский престол ирландцев, не говоря о язычниках-славянах и мусульманах. Так содался романо-германский суперэтнос, полный энергии и честолюбивых планов.

Появление чего-либо нового неизбежно влечет за собой деформацию старого. Если до VIII в. культурный мир Средиземноморья был единым, то с появлением романо-германской целостности он раскололся надвое. Политическая раздробленность существовала и раньше, но христианская религия потомков римлян была одна, что и сближало их в борьбе с исламом и северными язычниками.

Лишь в середине IX в. возникли разногласия между Западом, претендовавшим на католичность (вселенскость), и ортодоксией Востока — Византии. Относится ли это явление целиком к культуре и культурогенезу? Нет! Догматические принципы изменились минимально, и тонкости их были непонятны подавляющему большинству верующих. Следовательно, они не могли их волновать. Спор папы Николая I с патриархом Фотием представлялся современникам как очередная склока среди прелатов и был быстро забыт. Войны между византийскими императорами и Каролингами, королями Франции и Германии, не возникали, ибо те и другие боролись с агрессией ислама. И тем не менее глубина раскола росла, хотя бессмысленность ее была очевидна всем.

Понятен этот феномен вражды лишь на этническом, точнее, на уровне выше этнического — на суперэтническом уровне, при котором и Византия и Западная Европа рассматриваются в целом, без внутренних региональных особенностей. Византия прожила свое тысячелетие крайне активно, и теперь ее развитие было инерционным движением по нисходящей этнической истории. На Западе же наступила фаза этнического энергетического подъема, мучительная фаза, как всякое творчество. После 1054 г. — года официального разделения церквей на западную и восточную — французы и немцы уже не были официально единоверцами греков и болгар. Но поверить в это не могли как «западники», так и «восточники». Однако, когда в конце XI в. они столкнулись, то греки показались французам еще более непохожими на них, чем мусульмане, к которым рыцари привыкли в Сицилии и Испании.

Третьей точкой, где прослеживается этногенетический взрыв, была Астурия, горная страна на берегу Бискайского залива. Туда отступили теснимые арабами христиане и так там смешались, что не стало ни готов, ни свевов, ни иберов, ни римлян, а стали испанцы, в середине IX в. предпринявшие попытку освободить свою страну от мусульман. Они дошли до реки Дуэро, были разбиты, отброшены в горы, но с этого времени началась реконкиста — отвоевание родины у захватчиков.

И ведь вот что характерно: несмотря на все выгоды централизации, христианская Испания распалась на полдюжины крошечных государств подобно другим странам Западной Европы. Такое разделение страны затянуло реконкисту до 1492 г., но децентрализация была способом жизни в «христианском мире» — в западноевропейском суперэтнотесе.

Если в мире ислама избыточная энергия этносов проявилась в шиитских восстаниях, в Византии — в рели-

гиозных спорах и дворцовых переворотах, то в христианском мире она выливалась в феодальные войны. Они были там хроническим бедствием, хуже чумы, наводнений и голодовок населения. И наибольшая беда была в том, что воевали не только сами феодалы, но и горожане, альпийские пастухи, прелаты и ересиархи, папы и императоры, короли и узурпаторы, короче — все, кто мог держать в руках оружие. Это и называется по этногенетическому счету времени пассионарным подъемом.

Так, этническая система Западной Европы в фазе подъема XI–XII вв. выходила за границы своего ареала. Немцы и датчане нападали на западных славян, правда, с минимальным результатом. Испанцы давили на арабов. Французские нормандцы захватили Англию и Сицилию. И наконец, стихийное движение людей в разных концах Европы охватило весь «христианский мир»: начались крестовые походы.

ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРЕГРЕВ

Если момент пассионарного толчка незаметен самим людям, им затронутым, то дата начала фазы пассионарного подъема фиксируется историей региона как своеобразный перелом, а конец фазы подъема ограниченной группы этносов и переход в акматическую фазу пассионарности — это несчастье для всех соседей. Не заметить его нельзя.

Романо-германский, «христианский» суперэтнос в X в. только защищался от окружавших его врагов: викингов, арабо-берберских пиратов и венгров, отраженных только в 955 г. Оттоном Великим. Но в XI в. этот суперэтнос начал расширяться. Языческие славяне были оттеснены за Эльбу, у арабов отняли Сицилию в конце XI в., Англию те же французские нормандцы захватили в

1066 г., покончив с реликтом эпохи Великого переселения народов. Но это были события, связанные с собственным регионом, предчувствие перегрева, а еще не сам перегрев.

А число пассионариев на территории Франции и Германии росло. Они становились неуправляемы и свирепствовали по своему усмотрению, разбрасывая генофонд по популяции, что грозило еще более жестокими последствиями. Чтобы спасти от них трудящееся население, требовалась этнопсихологическая доминанта, попросту цель, которая локализовала бы избыточную энергию и сбросила ее на сторону. Люди XI в. были умны и решительны. Они сообразили, что надо сделать.

Как происходит смена фазы и стереотипа поведения, подробно описал аббат Гвиберт Ножанский: «По закрытии Клермонского собора — а он был созван в ноябре месяце — (1095), в восьмой день после праздника святого Мартина, по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава, и каждый, кому быстрая молва доставляла палское предписание, шел к своим соседям и сородичам, увещевая (их) вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход.

Уже возгорелось усердие графов, и рыцарство стало подумывать о походе, когда отвага бедняков вопламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; всякий пускал в распродажу лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто он находился в жестоком рабстве или был заключен в темницу, и дело шло о скорейшем выкупе.

... В прежние времена ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу. Многие, не имевшие еще сегодня никакого желания пускаться в путь... на другой день, по внезапному побуждению... отправлялись вместе с теми.

... Что сказать о детях, о старцах, собиравшихся на войну? Кто может сосчитать девиц и стариков, подавленных бременем лет? — Все воспевают войну... все ждут мученичества...»¹.

«Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столпов, — сообщила в «Алексиаде» Анна Комнина, дочь императора и талантливый историк, — все вместе стали переселяться в Азию. Они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу»². Знали ли крестоносцы, на что они идут? Может быть, кто-то из них и понимал опасность, да и тщетность этого похода, но, увлеченный стихийным потоком, шел на верную гибель вместе с остальными. Из неорганизованной массы, ведомой Петром Амьенским и рыцарем Вальтером Голяком, уцелели единицы — те, кто успел бежать от сельджукских сабель. Организованное рыцарское ополчение Годфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Бозмунда Тарентского одержало несколько побед и заняло Иерусалим, но из 110 тысяч воинов, переправившихся через Босфор, до Иерусалима дошло 10 тысяч. И часть их погибла при штурме города, хотя гарнизон Иерусалима состоял из одной тысячи египетских мамлюков.

И на этом успехи крестоносцев, отборного воинства католической Европы, — прекратились. Сельджуки, уже потерявшие импульс своего этнического натиска, а с ним общую организацию, качество руководства и даже поддержку своих восточных соплеменников, а равно арабов и персов, остановили наступление крестоносцев, даже не нуждаясь в объединении своих многочисленных эмиратов. Греки воевали с мусульманами куда более удачно. И ведь нельзя обвинить французских рыцарей в недостатке храбрости, а итальянских — в нехватке хитрости и изворотливости. Иерусалимские короли сумели привлечь на свою сторону горцев Ливана — маронитов, отколовших-

ся в VII в. от греческой церкви, но мужественно отстаивавших свою свободу от арабов. Марониты объединились с Римской церковью. Рыцари-монахи: тамплиеры и иоанниты, освоили тактику войны в пустыне. Европа сто лет слала лучших бойцов в «Заморскую землю», но успеха не было. Почему?

ДЕЯНИЯ КУМАНОВ И СЕЛЬДЖУКОВ

Да, как ни странно, степные богатыри, как африканские (туареги), так и азиатские (огузы) с трудом сдерживали напор греков, но, воюя с крестоносцами, одерживали победы одну за другой. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, снова была взята в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты, а в 1187 г. мусульмане вернули Иерусалим. Второй и третий крестовые походы в 1147–1149 и 1189–1192 гг. захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

И в Магрибе, на западе арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стеклись рыцари со всех стран Европы. Эта коллизия описана Л. Фейхтвангером в романе «Испанская баллада», и там устами арабского историка Мусы (персона вымышленная, но мысли Ибн Хальдуна) дан прогноз: христианский мир молод и может позволить себе роскошь потерпеть отдельные поражения, а мусульманский мир стар и только продляет свое существование. Арабы уже потеряли к концу XII в. пыл молодости. За ними пойдут к упадку сегодняшние победители — берберы и сельджуки. Так оно и случилось в будущем. Но пока все складывалось иначе.

Французы в Средиземноморье встретили неодолимого для них врага — куманов и торков. Их не боялись только русичи, да и то потому, что русские князья женились «на красных девках половецких», а боярышни выходили замуж за кыпчакских богатырей.

Странно! Ведь куманы находились в фазе гомеостаза, а феодальная Западная Европа — в акматической фазе. Казалось бы, европейцы должны были идти от победы к победе, а половцы погибать, в лучшем случае — героически, как дакоты, семинолы и команчи. А случилось обратное. Почему?

Если подумать и поискать, то причин слабости крестоносцев — две, а силы куманов — тоже две, разумеется, не считая мелких и технических, вроде того, что у куманов и сельджуков на вооружении были сабли, а у рыцарей — мечи³. Это, конечно, тоже имело значение, но сейчас речь идет о другом⁴.

Повышенная пассионарность этнической, а тем более суперэтнической системы дает положительный результат, иначе говоря — успех, только при наличии этнокультурной доминанты — символа, ради которого стоит страдать и умирать. При этом желательно, чтобы доминанта была только одна: если их две или три, то они накладываются друг на друга и тем гасят разнонаправленные пассионарные порывы, как бывает при алгебраическом сложении разных векторов. Но даже без такой интерференции может возникнуть анархия за счет эгоистических действий сильно пассионарных особей. Усмирить или запугать их очень трудно; подчас легче просто убить.

Кроме того, при пассионарном подъеме растет число не только пассионариев, но и субпассионариев, становящихся бродягами, ворами, наемными солдатами или профессиональными нищими. В акматической фазе таких людей не ценят настолько, что дают им умирать с голоду, если не вешают «высоко и коротко». Однако эти опера-

ции оттягивают у этносоциальных систем те силы, которые можно было бы употребить на решение насущных задач.

Вот поэтому-то европейские государства окрепли, только избавившись от пассионарного перегрева, т.е. в XVI–XIX вв., когда координировать силы сложившихся «наций» было легко. Тогда-то и развернулась колониальная экспансия в глобальных масштабах, а в XII в. было так.

В Германии служилые латники превратились в бургграфов — рыцарей-разбойников. Фридриху Барбароссе пришлось их вешать. Во Франции королю отказывали в подчинении Бретань, Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Тулуза, Лангедок и Фландрия, не говоря о Бургундии и Лотарингии. А в Провансе не признавали даже католической церкви, так как там очень боялись катаров.

В Англии шла постоянная война с кельтами, а англосаксонское население убегало за пределы острова от королей-французов (Плантагенетов) и их феодальной армии.

В Италии воевали Венеция с Генуей, Флоренция с Пизой, Милан с Романьей и, что хуже всего, папы с императорами. Но это уже особая страница, беда на порядок выше.

В условиях растущей феодальной анархии умные правители нашли главную доминанту. Они предложили направить энергию системы вовне, на соседей, а потом на Святую Землю. Это-то понятно, но беда в том, что эта новая доминанта наложилась на старую — спор между папами и императорами, причем нельзя сказать, какая из сторон была хуже. Папа Иоанн XII был сатанистом, император Генрих IV — тоже. Произвол императорских чиновников не уступал взяточничеству и кощунству прелатов. Гонения на еретиков те и другие проводили одинаково. И однако до конца XIII в. взаимная резня не прекращалась и очень мешала крестовым походам.

Суммируя, можно сказать, что огромные силы Европы в значительной мере погашались внутри нее самой. А коль скоро так, то можно со вниманием отнестись к предположению, что немногочисленные половцы и гузы, находившиеся в гомеостазе, спасли Восток от жадных колонизаторов с крестами на плащах.

Феодальная Европа сто лет (1093–1192) бросала в Палестину храбрейших рыцарей, лучший флот и даже заключала союзы с исмаилитами, но тщетно. Отбитый у Фатимидов Иерусалим был снова захвачен курдом Салах ад-Дином, под предводительством которого сражались турки, как купленные на базаре, так и прикочевавшие со своими семьями и стадами. Персидский историк Раванди писал в сочинении, посвященном султану Рума (Малой Азии) Гийас ад-Дину Кай Хусрау (1192–1196): «Слава Аллаху... в землях арабов, персов, византийцев и русов слово принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах»⁵.

Когда же в 1204 г. крестоносцы взяли и разграбили Константинополь, а потом бросились на Болгарию, то именно куманы в 1205 г. напали на лагерь латинян у Адрианополя, притворным бегством увлекли императора Балдуина в засаду и взяли его в плен, перебив много отважных рыцарей. Болгарский царь посадил латинского императора в башню в Тырнове, где тот и умер. Наступление латинян на православие было также остановлено тюрками, как и нажим их на ислам. Зато там, где тюрков не было — в бассейне Балтики — немцы, датчане и шведы имели полный успех. Сопrotивление полабских славян было сломлено немцами, в устье Двины построена крепость Рига (1201 г.), Эстонию захватили датчане, Финляндию — шведы. На очереди были пруссы, литовцы и русские, но это уже XIII в., когда расстановка сил изменилась.

Третий участок немецкого наступления на восток был расположен в долине Дуная, захваченной венграми

в 900 г. Сто лет венгерские богатыри громили католическую Европу, приводя в свои становища пленных немцев, итальянцев и французов, а те, естественно, рожали им детей. К 1000 г. Венгрия стала страной со смешанным населением, наполовину христианским, что позволило королевичу Вайку, в крещении Стефану, произвести монархический переворот и объявить католичество государственной религией. Почти сто лет венгры сопротивлялись европеизации, но были жестоко подавляемы детьми и внуками своих пленниц. Так сложился новый этнос, европейский по составу и культуре, но со старым языком и названием. Венгры в 1097 г. начали наступление на русское княжество Галицию, но потерпели поражение... опять от куманов. И до середины XIV в. Галиция оставалась русской, несмотря на наличие в ней сильной провенгерской боярской партии. Все изменилось только после польской оккупации территории бывшей Киевской Руси.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Итак, пассионарный перегрев не позволил «христианскому миру» сокрушить «мир ислама». И хотя разноплеменный Халифат, ставший по существу Сельджукской державой, развалился, и хотя внуки безумно храбрых огузов просто убежали с поля боя, когда им вздумается⁶, стало ясно, что непонятный, но ощущаемый всеми символ еще отделяет мусульман от православных, католиков и евреев и способен собрать и организовать вокруг себя достаточное число жертвенных паладинов веры пророка, хотя то были турки, а не арабы.

Если на Западе крестовые походы взволновали все слои населения в христианских странах, то на Востоке, за исключением западных провинций, которых эти походы

непосредственно касались, волновался по поводу успехов христиан только фанатично настроенный Багдад⁷. Поэтому, при быстро идущем падении пассионарности, ощущаемом как снижение общего уровня искренности и жертвенности, эмиры не брезговали союзами с иноверцами против своих соседей, ибо не придавали крестоносному движению большого значения, а знали, что самый страшный враг их — антисистема исмаилитов. Арабы были для сельджуков не опасны.

«Последний араб», пытавшийся возродить славу своего этноса, был Дубейс, потомок первого великого арабского поэта Имр-уль-Кайса. Дубейс стремился уничтожить ненавистное владычество сельджуков в Южном Ираке, но ему пришлось участвовать в склоках тюркских эмиров, и только! Собственные его силы были ничтожны. Семнадцать лет он вел борьбу и кончил жизнь на плахе в 1135г.⁸ Деятельность его прошла незамеченной.

Под лучами ясного солнца тюркские всадники не имели себе равных. Однако, как только на фоне меркнувшего заката на небе появлялась голубая звезда Зухра (планета Венера), исмаилиты проникали всюду и убивали ради убийства, сами оставаясь невидимыми. Ночь — символ тайны — была их стихией. Они заключали тайные сделки, тайно дружили с тамплиерами, тайно вступали в свое братство и, погибая под пытками, хранили тайну мотивов своих деяний. Мусульмане и христиане относились к ним со страхом и омерзением, а исмаилиты к мусульманам — с презрением и ненавистью. И, самое ужасное, тем и другим приходилось жить на одной земле, в тех же городах, кишлаках и замках.

Взаимная враждебность и принципиальная невозможность достичь победы над противником исключали возможность создания сельджукско-исмаилитской химеры. Видимо, поэтому обе этнические системы не исчезли. Потомки исмаилитов живут на Памире и на склонах

Ливана (друзы) до сих пор. Сельджуки нашли районы, близкие по ландшафтным условиям к Приаралью XI в. Они поселились в Икониуме (Каппадокии), Диарбекре (Месопотамии) и в степях Азербайджана.

На рубеже XI и XII вв. Салор Огурджик увел из окровавленного Ирака тысячу огузских кибиток из племен салоров и каркын через Кавказ, Крым и Яик в Мангышлак. Они шли с боями, и потери их были велики: семьсот кибиток. Уцелевшие триста кибиток подверглись нападению канглов (восточные печенеги) с Яика и ушли в горы Балхан⁹ и поселились на берегах Каспийского моря, где и раньше жили тюрки, враги гузов¹⁰. Эти тюрки приняли остаток кибиток Огурджика¹¹. Последний великий султан Сельджукид Санджар был разбит каракитаями в 1141 г. и балхскими гузами — в 1153 г. Освободившись из плена в 1156 г., он увидел всеобщий распад своего государства и умер от горя. Западный (иракский) султан Сельджукид Тогрул III ибн Арслан проиграл войну с Хорезмом и был убит в 1194 г. Химеры растерзали симбиоз.

Жестокая эпоха, описанная здесь весьма схематично, крайне болезненно отозвалась на жизни народных масс. Читая подробные описания событий, не хочется сочувствовать ни бездарным халифам, ни алчным бедуинским шейхам, ни грубым дейлемитам, ни жестоким гулямам-тюркам, ни разнузданной солдатчине сельджукских эмиров и атабеков (наместников, опекунов), ни лживым чело-векоубийцам — исмаилитам.

Жалко персидских крестьян, искусных ремесленников, талантливых ученых, поэтов и фантазеров-суфиев. И горько думать, что процесс, влекущий за собой столько горя и бессмысленных мучений, был закономерным. Но увы, он был столь же закономерен, как и расцвет.

В системе геобиоценоза, где есть хищники, должны быть и жертвы. Это понимали даже в то время, формули-

руя тезис: «Нет тюрка без тата», то есть нет война без налогоплательщика. До тех пор пока воины вербуются из своего этноса, положение терпимо, но когда приходит чужой, и безразлично — завоеватель или наемник, бывает так плохо, что города лежат в развалинах, а поля в запустении. Это произошло в Иране в XII веке.

Но жизнь идет. И, согласно законам генетики, пассионарность окраин ареала превышает центральную. В XII в. в борьбу за сельджукское наследство вступили два новых хищника: Гур и Хорезм.

Гур, подобно Дейлему, был хранилищем древнеиранской (даже не персидской) доблести и традиций. Ислам гурские племена приняли только в середине XI в. Это был знак того, что они вышли из гомеостаза и вступили на путь завоеваний. Жертвами этого нового хищника стали сперва Газна, а затем Пенджаб, Дели, Бенарес, Гвалиор — на востоке, Тохаристан, Шугнан, Вахан — на севере и Хорасан — на западе. Здесь горный хищник столкнулся со степным — Хорезмом.

Разница между этими двумя соперниками была принципиальна. Гурские султаны были правителями своего народа, оседлого, земледельческого, аборигенного, а пришлых тюрков: халаджей и карлуков они за своих не считали. Когда тюркский вождь Ямын-малик просил у гуридского правителя пастбищ для своих людей, тот ответил: «Мы гурцы, а вы тюрки. Мы не можем жить вместе»¹². Но в походы они ходили вместе. Такова химера умеренного типа.

Совсем иная обстановка сложилась в Хорезме. В 1017 г. Махмуд Газневи покорил Хорезм и поставил там правителем своего гуляма Алтунташа. Сын последнего, Харун, в 1034 г. провозгласил независимость Хорезма от Газны, причем опорой его были не жители Хорезма, а гулямы¹³. Это значит, что в Хорезме возникла химера экстремального типа.

Масуд Газневи, занятый войной с сельджуками, не мог сам усмирить мятежный Хорезм и в 1041 г. напустил на него ябгу (титул тюркского правителя) гузов города Дженда, расположенного в устье Сырдарьи. Но того сразу же выгнали сельджуки (1044) и управляли Хорезмом через своих гулямов. Один из них, Кутб ад-Дин, принял титул «хорезмшах», что отнюдь не отражало действительности. Сам он был тюрк, оторвавшийся от своего племени, а опорой его стали канглы и туркмены¹⁴. Его сын Атсыз добился фактической независимости от ослабевших сельджуков, а его преемник Иль-Арслан и его сын Текеш и сын Текеша Мухаммед после долгих и напряженных войн (изложение которых здесь опущено, ибо уже сделано другими авторами¹⁵) завосвали Дженд, Мангышлак, весь Иран, Азербайджан, Гур¹⁶ и Мавераннахр. Маленький оазис стал центром огромной державы, и уж, разумеется, не за счет своей мощи, которой у него не было. Государство хорезмшахов было просто огромной химерой.

Победы трех поколений хорезмшахов, а точнее, султанов, легко объяснимы. Силы их соперников: Гура, Сельджукидов и багдадского халифа были ограничены, а хорезмшахи черпали героев-наездников из степей «Дешт и-кыпчака», родины богатырей. До тех пор пока у султанов Хорезма были деньги, у них не было нехватки в войнах, которым к тому же разрешалось грабить покоряемое население. И те свирепствовали так, что люди поднимались против них, даже не имея надежды на успех.

В 1196 г. хорезмские воины завоевали Ирак, но производимые ими безобразия: грабежи и убийства — вызвали в 1200 г. восстание, когда большая часть хорезмийцев была перебита населением. Спаслись немногие. В 1207 г. такие же восстания вспыхнули в Нишапуре, Герате и Бухаре... и жестоко были подавлены. В 1212 г. в Самарканде, освобожденном от неверных каракитаев, хорезмийские наем-

ники — кыпчаки творили такие бесчинства, что народ стал рвать их на куски. За это Самарканд был отдан хорезмийским карателям на трехдневное разграбление, причем было убито 10 000 человек.

Казалось, дух ненависти пролетел над завоеванным Ираном. Исмаилиты умели притворяться мусульманами. А вот последователи ханифитов и шафиитов, двух правоверных толков, начали убивать друг друга в двух больших городах: Исфохане и Рее (Тегеране). Арабский географ Якут писал: «И распространилось опустошение в это время и до него в окрестностях (Исфохана) вследствие частых смут и вероисповедной борьбы между шафиитами и ханифитами... и всякий раз, как одерживала верх одна группа, она разграбляла квартал другой, сжигала и опустошала. И эти развалины — это кварталы ханифитов и шиитов, и остался... квартал, известный под названием Шафиитского, а он самый малый из кварталов Рея; и не осталось из ханифитов и шиитов никого, кроме тех, кто скрывал свое вероисповедание»¹⁷. Конечно, здесь можно видеть социальную борьбу, но последняя никогда не ведется на тотальное истребление. Видимо, без исмаилитов не обошлось¹⁸. Да, трудновато было жить в султанате хорезмшахов. Надо было бояться всех: врагов, начальства и друзей.

Короче говоря, рассматривать господство султанов Хорезма над захваченными ими странами как объединение культурного, трудолюбивого оседлого населения более чем неверно. На почве фактов видно, что это была тирания деэтнизованных тюрок, бывших гулямов, опиравшихся на свирепых кочевников, потомков гузов, печенегов, карлуков и кыпчаков, выродившихся потомков великих предков. И то, что они проиграли войну с монголами, молодым народом, понятно, но удивительно другое: откуда возникло и почему укрепилось мнение, что дикие, кочевые монголы воевали против цивилизованных оседлых земле-

дельцев и горожан, тогда как на самом деле война шла между двумя кочевыми объединениями.

Да, конечно, оседлые горожане и крестьяне страдали, но лишь потому, что их защитники не выполнили свой долг. Тюрки сражались так плохо, что дали себя разбить. Они покинули вверенное им население в жертву противнику. Да и, как мы видели, сами хорезмийские воины были не добрее и не культурнее монголов. Монголо-хорезмийская война лежит за хронологическим пределом нашей темы. Но избавиться от предвзятого и ложного мнения настолько необходимо, что к изложению этносоциальной обстановки в Средней Азии мы добавим третье обобщение.

Оба правителя, султан и хан, имели и кочевых, и оседлых подданных. Как безобразно вели себя воины султана, мы видели, а города Уйгурии и Кашгарии под властью монголов сказочно разбогатели. Во время войны с хорезмшахами монголы, конечно, грабили, но ведь так же поступали сельджуки, которых историки не поносят. Да и вообще, деление этносов на хорошие и дурные — достояние не научного, а обывательского мышления.

Однако для обывательского восприятия событий тоже необходимы обоснования. Были они и тут. Поэтому следует рассмотреть поводы к созданию ложного мнения, тем более, что оно оказалось, в силу давности, общепринятым.

В течение всего XII и начала XIII в. три великих суперэтнуса были в тесном контакте. Крестоносцы удерживали «Заморскую землю» — побережье Средиземного моря от Антиохии до Газы и в Испании достигли успеха, овладев Андалузией. Византийцы отвоевывали у мусульман Малую Азию и Армению. А мусульмане — самый могучий из суперэтносов тратили свои силы в междоусобицах, не потому, что не понимали пользы объединения, а потому, что объединяться с исмаилитами или хорезмийс-

кими султанами было смерти подобно. Вот поэтому христианские историки не боялись мусульман, а следовательно, и не ненавидели их, несмотря на постоянную войну, ставшую привычной. В наиболее выгодном положении была Русь, которую с юго-востока ограждал половецкий барьер, сквозь который когти мусульманских химер не проникали. Поэтому и наши летописцы не интересовались кошмарами, которые их не касались.

Разумеется, такую эгоистическую систему отсчета нельзя воспринимать без строгой критики. В ней пристрастные оценки подменяют описание событий и анализ причин явлений. Иными словами, средневековая методика в современной науке не находит применения.

Отметим другое: хорезмийский султанат — химера, монгольский улус — объединенный этнос. Следовательно, наши наблюдения подтвердились. Химеры — образования агрессивные, но неустойчивые, а устойчивость этносов зависит от их возраста или, что то же, фазы этногенеза. Поэтому возникает необходимость перенести наблюдения еще восточнее, в Сибирь и Монголию, где пассионарный взлет проявился в начале XII века.

ОБНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Мутации, названные нами «пассионарными толчками», происходят время от времени по всей поверхности Земли, но никогда не дублируют друг друга точно. Это происходит от разнообразия историко-географических ситуаций в регионах, затронутых толчком. Так, один и тот же толчок в I в. задел Скандинавию, восточную часть Римской империи и Эфиопию и везде уже к середине II в. породил единообразные, но различающиеся в деталях явления. Сломить военно-административную машину Рима было трудно. Об нее разбили лбы даки и иудеи; только

христиане, будущие византийцы, пронизали империю и добились Миланского эдикта. Готы дали начало Великому переселению народов. Эфиопы создали крепкое царство — Аксум.

Везде энергетический импульс воздействовал на объект одинаково, но поскольку объекты были различны, то и судьбы возникших этносов разнились друг от друга. Однако, несмотря на разницу широт, климата, хозяйства, культурных традиций... короче говоря, обстановки, которую пассионарный импульс ломает, дальнейшее его прохождение по фазам дает крайне малый разброс синхронистических совпадений, разумеется, за исключением тех случаев, когда злая судьба обрывала процесс насильно.

Так вот, в Монголии и Уссурийском крае, на границе тайги и пустыни, за пределами киданьской империи Ляо, воинственной и беспощадной, начался процесс этногенеза почти на пустом месте. Во всяком случае, инкубационная фаза этого толчка прошла беспрепятственно. Между осью толчка и цивилизованным миром в X в. пролегла пустыня¹⁹.

Но в XI в. безмолвие пустыни было снова нарушено дождями. И снова на берегах Керулэна, Она и Селенги появились овцы и их пастухи. На этот раз они пришли из Восточной Сибири, хотя самое могучее из этих племен — татары — жило в Восточной Монголии еще до засухи. Прочие же племена: кераиты, ойраты, меркиты, тайджиуты и др. — попали в поле зрения географов XI–XII вв. именно в эти века²⁰.

Эти переселенцы говорили не по-тюркски, а по-монгольски и представления не имели о тех, кто жил в степи до них. Каменные курганы хуннского времени они называли «керексурами» — кыргызскими могилами, и правильно считали, что не имеют к ним касательства. Между ними и хуннами лежал «темный век», и надо было все начинать сначала.

Новые кочевники, в отличие от тюрок и хуннов, охотно воспринимали культуру с юга, лишь бы она не была китайской. Кераиты приняли крещение в 1009 г. от несториан, изгнанных из Китая в 1000 г., а их восточные соседи — предки монголов — усвоили «черную веру» Тибета, называвшуюся «бон». Но в XI в. эти племена и их соседи, хотя и пользовались плодами благодатной земли, не проявляли никаких стремлений к объединению, а тем более — к войнам.

Родиной монголов было Забайкалье вплоть до Онона и даже до Керулэна, т.е. южносибирские луговые степи, перемежающиеся лиственничными, сосновыми и березовыми лесами. Это была по сути дела лесостепь, окаймленная с севера горной тайгой, простиравшейся на юг до Хэнтэя. В степях паслись стада сайги и громадные дрофы; лисы-корсаки охотились на зайцев и сусликов; их же преследовали степные орлы и небольшие удавы. Воздух был сухой и прозрачный, так как над всей Монголией высился устойчивый антициклон, размываемый только летом влажными воздушными струями из Сибири и Тихого океана. Земледелие здесь не могло развиваться, зато овцы, коровы и лошади чувствовали себя прекрасно, как и их хозяева.

Предки монголов, как и прочие народы Сибири, жили в привычном для них ландшафте и входили в экосистему как верхнее, завершающее звено. Они брали от природы ее избытки, берегли ее фонды и любили ее. А природа отвечала им взаимностью. Быт их основывался на традициях коллективной жизни, и, пожалуй, при прочих равных обстоятельствах, это оптимальный способ существования. Ведь если человек у себя дома, на родине, то его неощутимо ограничивает целый ряд привычек, воспринятых в детстве и не нуждающихся в пересмотре. Привычки — это коллективный опыт поколений, накопившийся за счет постоянного взаимодействия с ландшафтом региона. Этот

опыт не дает свободы логическим свойствам рассудка, но постоянно и незаметно их поправляет. И, как ни странно, коллективный опыт всегда прав. Как понять столь парадоксальный тезис? Ведь предки монголов убивали, грабили, отгоняли скот, умыкали невест и делали много таких поступков, которые осуждены в любой хрестоматии для детей младшего возраста. Да, так. Но это была естественная жизнь. Предки монголов находились в гомеостазе, а значит, были крупными хищниками, которые всегда существуют за счет охотничьей добычи и, следовательно, убивают животных. При расширении ареала они наталкивались на соперников, и война с ними становилась естественным соперничеством. Отгон скота — это спорт, связанный для конокрада с риском для жизни. Умыкание невест — борьба за потомство, ибо с украденными женами обходились столь же деликатно, как и с просватанными по согласию обеих семей.

Да, пусть все это приносило много крови и горя, но, в отличие от прочих цивилизованных стран, в Великой степи не было лжи и обмана доверившейся, хотя позволялась хитрость против соперников и врагов. Когда же предательство возникало, то всегда за счет влияний извне.

Да, не было городов и замков, и люди жили в войлочных юртах — герах. Но ведь это экономия даров природы, от которой брали только необходимое. Зверей убивали столько, сколько нужно было для удовлетворения голода... и поэтому не оставалось мусорных куч. Одежды, дома, седла и конская сбруя делались из нестойких материалов, возвращавшихся обратно в породившую их ландшафтную оболочку Земли, или, если угодно, в Природу, вместе с телами монголов. Культура кристаллизовалась не в вещах, а в слове, в информации о предках, похищенных смертью, но спасенных от всепожирающего Хроноса памятью потомков, чтивших души умерших прародителей — онгоны

и передававших память об их подвигах из поколения в поколение, из уст в уста.

При таком способе передачи информации сомнению места нет, ибо проверить предание невозможно. Следовательно, как передающие, так и принимающие информацию обязаны были говорить правду или то, что они считали правдой, ибо «раз солгав — кто вам поверит?», и все пошло бы насмарку.

Эта система культурных навыков была равно чужда западному европейцу, мусульманину и китайцу, но именно это показывает, насколько оригинальна и самобытна была культура Великой степи. Подумать только... монголы жили в сфере земного греха, но вне сферы потустороннего зла! Прочие народы тонули и в том, и в другом.

Однако, как мы уже видели, гомеостатическая система не способна охранять себя от соседей. Для организации обороны необходима незаурядная доля пассионарности. Но у предков монголов ее не было. Не было пассионарного напряжения или этнического поля, формирующего эгоистические импульсы в общую для всего этноса доминанту. Да, с пассионарностью жить тяжело, а без нее остается только погибать. И так бы оно и было, если бы вдруг на Дальнем Востоке не стал зрим пассионарный подъем. Но первое слово было не за монголами.

Ось пассионарного толчка прослеживается на 45–48° северной широты, а длина ее невелика: от Тихого океана до меридиана Байкала — около 110° восточной долготы. На этой полосе лежат два ландшафтных региона: темнохвойные горные леса на склонах Сихоте-Алиня и широколиственные дубовые и грабовые леса по берегам рек: Амура, Сунгари и Уссури. Здесь обитали бурые медведи, тигры, лоси, зубры, бобры и огромные количества разнообразных птиц, от глухаря до кедровки, иволги и райской мухоловки. Влажность высокая: от 500 до 1000 мм в год.

Это был просто край древней оседлости. Издавна жители здесь сеяли просо и пшеницу, разводили свиней, содержали лошадей, но не коров и овец²¹, ибо в тайге мало мест для пастбищ. Предки чжурчжэней китайцами назывались — сушэнь, уги, мохэ, но это был один и тот же этнос — маньчжуры. Во время танской агрессии VII в. они поддерживали корейцев, и столь мужественно, что китайцы казнили всех захваченных пленников. Однако подчинить себе мохэ китайцы не смогли. Это сделали кидани в X веке.

Надо полагать, что двухсотлетнее подчинение чжурчжэней иноземному завоевателю знаменует даже не фазу надлома, а обскурацию или, образно говоря, излет древнего импульса пассионарности, а их взлет XII в., почти одновременно с монголами, — виток этногенеза.

Если бы не этот пассионарный взрыв, мы, вероятно, не знали бы ныне названий монгол и маньчжур, ибо щупальцы китайской цивилизации через химеру киданьского царства — империи Ляо высосали из этих этносов все соки. Юношей ловили и продавали на тяжелые работы, девушек помещали в гаремы, как прислугу, мужей и стариков убивали.

Но когда вспыхнула пассионарная энергия, вождь чжурчжэней Агуда в 1116–1125 гг. сокрушил Кидань, а затем ответил на нападение южных китайцев таким ударом, что в 1141 г. империя Сун заключила позорный мир, уступив чжурчжэням весь Северный Китай.

Захватив Северный Китай по р. Хуанхэ, чжурчжэни просто переместили передний край войны на юг, но не смешались с покоренными китайцами.

Обилие китайских вещей в чжурчжэньских городищах Маньчжурии указывает не на проникновение китайской культуры, а только на обилие военной добычи. Несмотря на то что чжурчжэньские цари именуются в китайских хрониках династией Цзинь (буквальный перевод

слова «алтан» — золото), китайцы XII в. эту династию рассматривали как иноземную и враждебную и не прекращали борьбу против «варваров».

Если можно говорить о каком-то подчинении китайской культуре южных киданей, то в отношении чжурчжэней такого вопроса даже возникнуть не может. Чжурчжэньская культура была наследницей ряда археологических культур Приморья и имела происхождение, совершенно независимое от Китая²². Но это и не означало ее родства со степной культурой монголов. Монголы были так же далеки от чжурчжэней, как последние от китайцев, что определило расстановку сил на Дальнем Востоке на 800 лет вперед. Завоевав Северный Китай, чжурчжэни-Кинь совершали планомерные набеги на Степь, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство на плантации Северного Китая. С 1141 г. «через каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения (татар). До сих пор китайцы все помнят это (и) говорят, что лет двадцать назад в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов, — все они были захвачены и приведены войсками»²³.

И вдруг все изменилось. В тридцатых годах XII в. у монголов появились и богатыри, и руководители куреней, и талантливый вождь — Хабул-хан. Сначала активных людей было мало, но число их росло, и к концу века Монголия превратилась в котел, кипящий страстями.

И как только пассионарность возросла до оптимума, монгольские женщины перестали пополнять гаремы чжурчжэньских вельмож и китайских богатеев, а монгольские мальчики гнуть спину на рисовых плантациях Шаньдуна и Хэнани. Появилась позитивная сила, спасающая этнос монголов от гибели. Так начался новый пассионарный взрыв, новый зигзаг истории в Великой степи.

- ¹ Обстоятельное описание взято из хроники аббата Гвиберга Ножанского «История, называемая Деяния Бога через франков». Кн. II. Гл. VI. (См.: История крестовых походов в документах и материалах / Под. ред. М. А. Заборова. М 1977. С. 54–56.)
- ² *Комнина, Анна.* Алексиада. М., 1965. С. 275.
- ³ См.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. С. 139–144.
- ⁴ Исторические явления всегда полифакторны, но стремление перечислить все факторы неконструктивно (см.: «Бритва Оккама»). Достаточно отметить те, которые относятся к нашей теме — этногенезу.
- ⁵ *Босфорт К.Э.* Нашествия варваров. С. 33.
- ⁶ См.: *Мюллер Л.* История ислама. Т. III. С. 122.
- ⁷ Там же. С. 123.
- ⁸ Там же. С. 138–142.
- ⁹ См.: *Абульгази.* Родословная туркмен / Пер. *А.Н.Кононова.* М.; Л., 1958. С. 72 и сл.
- ¹⁰ Язычники гузы воевали с мусульманами туркменами.
- ¹¹ Сообщения Истахри и Абульгази. Цит. по: *Джикиев Ата.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад. 1961. С. 14–17.
- ¹² *Ромодин В.А.* Указ. соч. С. 269.
- ¹³ См.: *Толстов С.П.* 77. По следам... С. 286.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Бартольд В.В., Якубовский А.Ю., Гафуров Б.Г.* и др.
- ¹⁶ Одно из малых княжеств Гура сохранило независимость, и в 1221 г. владетель его примкнул к монголам, за что Чингис сохранил ему власть. Позднее эта династия усилилась и захватила Герат. Уничтожил ее Тимур, после чего гурцы исчезли как отдельный этнос. Ослаблению Гура способствовало то, что наиболее пассионарная часть гурцев в конце XII в. захватила часть Индии и тем ослабила пассионарное напряжение на своей родине.
- ¹⁷ *Толстов С.П.* По следам... С. 288.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. С. 81–90.

²⁰ См.: *История стран зарубежного Востока в средние века.* М., 1970. С. 205 и сл.

²¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Старобурятская живопись. М., 1975. С. 19; *Банзаров Д.* Черная вера. СПб., 1891.

²² См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах... Т. II. С. 70.

²³ См.: *Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; *Воробьев М.В.* Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь / Доклады по этнографии. Л., 1965. Вып. 14.

Х. ХРОНОСОФИЯ

ЛЕГЕНДА К СИНХРОНИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ

Простая хронологическая таблица, обычно прилагаемая к историческим сочинениям, как правило, является пособием для запоминания фактов, что не исчерпывает возможностей хронологии как вспомогательной исторической дисциплины. Прежде всего, пропадает наглядность, затрудняется сопоставление разных историко-социальных процессов, а равно и этногенезов в различных регионах. Вместо этого читателю предлагается список датированных событий, неизбежно выбранных произвольно, причем значение отмеченных событий всегда различно: мелочи перемешаны с переломными датами, из-за чего не виден масштаб явлений. Это весьма снижает уровень восприятия истории читателем, даже очень внимательным.

Принцип синхронии, наоборот, позволяет представить ряды последовательных событий тем же способом, каким географ составляет карту, с той лишь разницей, что наряду с топоосновой учтена темпооснова — абсолютная хронология от н.э. Здесь важны и «пустые» места, так как они показывают периоды, в которые исторических событий не было, т.е. пассионарность этносоциальной системы находилась в равновесии, иными словами, время было спокойным.

Разумеется, синхронистическая таблица не может заменить текста, в котором события изложены подробно, а связи между ними обоснованы. Но таблица на это и не претендует; она лишь дополняет текст и служит фундаментом для диахронии, о которой речь пойдет особо.

Наша синхронистическая таблица построена по региональному принципу и не отражает ни политической, ни культурной, ни этнической географии, хотя последняя является искомой величиной.

Графа 1 — абсолютная хронология, для удобства пользования разделенная на десятилетние отрезки.

Графа 6 — описание изменений степени увлажнения в Великой степи и пассионарных толчков, так как последние тоже явления природы.

Графы 2, 3, 4, 5 — перечень значительных событий, корреляцию коих с природными феноменами предстоит показать, ради чего таблица построена предельно компактно и объединены в одну графу 5 Центральная Азия, Сибирь, Восточная Европа. Это будущая территория России и Монголии, за исключением Кавказа и Средней Азии, которые в указанный период — 230 г. до н.э. — 1225 г. н.э. — примыкали к другим регионам: Византии и Леванту (Ближний Восток), границы коих за тысячелетие менялись.

Графа 2 — Западная Европа: Римская империя, варварские королевства и романо-германский комплекс с польско-венгерской окраиной.

Графа 3 — Византия с православными сателлитами.

Графа 4 — Левант. Это условное название группы стран: Ирана, Аравии и Северной Африки. С VII в. сюда подключились завоеванные арабами — Испания, Согдиана и Закавказье.

Отмеченные натяжки вызваны необходимостью сделать таблицу краткой и наглядной. Дробное деление внесло путаницу, для избежания которой все вопросы этнокультурных контактов вынесены в текст. Отсутствие графы «Китай» восполнено подробными указаниями на столкновения хуннов, тюрков и уйгуров с Срединной империей, а ограничение хронологии 1115 г. оправдано концом хуннского витка этногенеза и началом монгольского периода, заслуживающего отдельного исследования.

СИНХРОНИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ТРЕХ ВЕКОВ ДО Н.Э.

Дата до н. э.	Рим	Эллинизм	Туран	Хунну и Хань	Природ- ные условия в Степи
1	2	3	4	5	6
230—221	Покорение италийских галлов	Великая Сирия	Парфяне против греков	Ослабление хуннов; преобладание дунху. Победа Цинь	Повышенное увлажнение степи
220—210	Ганнибал в Италии	Отделение Греко-Бактрии от Сирии	Гегемония согдов в Восточной Азии	Завоевание Ордоса и строительство Великой стены китайцами	Климатический оптимум. Пассионарный толчок
209—200	Победа Рима над Карфагеном	Антиох отгеснил парфян из Мидии и осадил Бактры	Поражение хуннов: жестокая война усуней и согдов с хуннами	Модэ организовал державу Хунну. Покорение соседей. Провозглашение Хань империей	Низкий уровень Каспия (абс. отм. минус 32 м)
199—190	Разгром Сирии и Македонии Римом	Мир Греко-Бактрии с Сирией		Договор «мира и родства» между Хунну и империей Хань	Высокий уровень Балхаша и Арала
189—180	Разгром Антиоха III римлянами	Покорение Деметрием Бактрийским долины Инда	Сарматы вторглись в Скифию: война на полное истребление	Покорение Усуни и «Западного края» хуннами	Высокий уровень Балхаша и Арала
179—170		Отпадение Греко-Индии от Греко-Бактрии. Война между ними		Набег хуннов на Хань. Договор «мира и родства»	
169—160	Подчинение Македонии Риму (167)	Парфяне отняли у греков Мерв	Победа хуннов над согдами	Война Хунну против Хань	
159—150		Парфяне захватили Мидию	Освобождение Согдианы от Греко-Бактрии	Договор о свободе торговли. Мир (152)	
149—140	Разрушение Карфагена и покорение Греции	Парфяне взяли Селевкию	Война парфян с саками		
139—130	Царь Понта Митридат против Рима	Освобождение Иудеи (143—37)	Вторжение саков в Парфию	Обострение войны Хань против Хунну: обоюдные набег	
129—120	Убийство Кая Гракха (123)	Антиох VII разгромлен парфянами	Греко-Бактрия завоевана согдами		

1	2	3	4	5	6
119–110	Война с Югуртой. Вторжение кимвров и тевтонов		Победа парфян над саками	Победы Хань; захват Иньшаня, Ухуани и южного караванного пути до Лобнора	
109–100		Завоевание понтийским царем Митридатом Херсонеса, Колхиды, Боспора		Контрнаступление хуннов. Китайский поход на Фергану за иноходцами	
89–80	Гражданская война Мария с Суллой		Мир Парфии с Римом	Образование партий в Хунну и борьба между ними	Начало временного усыхания Степи
79–70	Поход Лукулла на Понт			Восстание усуней, динлинов и ухуаней против Хунну	Трансгрессия Каспия
69–60	Завоевание Понта, Сирии, Палестины Помпеем	Самоубийство Митридата		Война с повстанцами и Китаем	
59–50	Триумвират. Битва при Каррах, убийство Красса		Распри в Парфии. Вторжение парфян в Сирию	Междоусобица в Хунну. Хухань подчинился Хань, Чжичжи был отвергнут	
49–40	Убийство Помпея. Убийство Цезаря		Борьба за Сирию и Армению с Римом	Чжичжи разбил усунь, угйе, гяньгунь и динлин, но ушел в Кангой от ханьской угрозы	
39–30	Покорение Египта Римом		Поражение парфян в Сирии; вмешательство саков и распри парфян	Разгром римской вспомогательной армии у Таласа ханьскими войсками (36 г.)	
29–20			Уступка Риму Армении	Хунны в зависимости от империи Хань	
19–10			Мир Рима с Парфией	Развал в Усуни, Ханьская агрессия на запад	
99–90	Рождение Иисуса (5 г.)			Власть в руках канцлера Ван Мана	Пассионарный толчок от Скандинавии до Эфиопии

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА НАШЕЙ ЭРЫ

Дата	Запад	Византия	Левант	Великая степь	Природные условия
1	2	3	4	5	6
Накануне н. э.	Август — «отец отечества»	Палестина под протекторатом Рима. Рождество Христа (5 г. до н. э.). Смерть Ирода (4 г. до н. э.)	Мир Рима и Парфии. Убийство Фраата IV, на престоле Парфии Фраатак	Хунны в зависимости от Китая. В Усуни — распри. Расцвет Кангюя. Сарматы на Дону. Скифы в Крыму	Повышенное увлажнение степной зоны. Низкий уровень Каспия. Сверхновая звезда (5 г. до н. э.)
1—10	Присоединение Иудеи. Восстания в Иллирии и Германии; гибель Вара			Боспор отстоял независимость	Инкубационный период пассонарного толчка по линии: Скандинавия — Карпаты — Галилея — Аксум
11—20	Смерть Овидия и Тита Ливия		В Парфии Артабан III	Узурпация в Китае Ван Маном. Война хуннов с Китаем	
21—30	Отход из Германии Сеян (17) Пойтий Пилат назначен наместником Иудеи. Захват Армении	Проповедь Иоанна Крестителя	Присоединение Каппадокии к Риму. Образование царства Кушан; его война с саками и парфянами. Восстание в Парфии и распри	Восстание «краснобровых» в Китае Восстание старой знати. Ван Ман убит	Перенос пути циклонов в лесную зону
31—40	Казнь Сеяна. Вторжение в Парфию Принципат Калигулы (37—41) Покорение Мавритании Фракии и вторжение в Британию	Страсти Господни. Отставка Пилата		Победоносная война хуннов против Китая	
		Убийство св. Стефана. Обращение Павла	Греко-иудейская резня в Александрии		Засухи в степной зоне

1	2	3	4	5	6
41–50	Убийство Калигулы; принципат Клавдия	Проповедь Павла в Антиохии. Апостольский собор			
	Изгнание евреев из Рима		Парфяне очистили Армению от римлян	Передвижение алан в Восточную Европу	
51–60	Принципат Нерона	Арест ап. Павла в Иерусалиме, этап его в Рим	Восстание в Гиркании против парфян (57)		
		Убиение в Иерусалиме Иакова, брата Господня (ок. 61 г.)	Парфяне воюют с Римом		
61–70	Пожар Рима (64). Зверства Нерона. Гальба (68–98), Отон (69) Вителлий (69), Веспасиан (69–79)	Первое гонение на христиан в Риме	Начало иудейской войны (66)		
			Взятие Иерусалима		
71–80	Сооружение Колизея		Канишка продолжает завоевание Индии	Нашествие алан в Мидию	
	Принципат Тита			Коалиция Китая, Сяньби, Динлина, южного Хунну и Чэши (Турфан) против северных хуннов	Извержение Везувия (79)
	Принципат Домициана		Престол Парфии захватил Артабан IV		
81–90	Первая дакийская война — поражение римлян		Юечжи (кушаны) разбиты китайцами у Кашгара		Перелет саранчи в Халхе — мутации (87)

1	2	3	4	5	6
92–100	Зверства и убийство Домициана. Нерва (96–98). Траян (98–117)	Апокалипсис Иоанна Мученичество Флавия Климента		Война свевов и сарматов против Рима. Полный разгром северных хуннов	
111–120	Смерть Траяна (117). Адриан прекратил завоевания	Запрещение принимать доносны на христиан (112)	Восстание евреев в Кирене и Египте. Отход римлян в Сирию	Война северных хуннов с империей Хань и Сяньби. Война роксоланов с Римом (118)	Прогрессирующее усыхание степной зоны и увлажнение лесной зоны
121–130	Расцвет искусства: гибуртинская вилла, статуи Антиноя, храм Венеры, мавзолей, жилые кварталы Рима	Запрет казнить христиан (125). Гностики-христиане, не признавшие Ветхого завета: офиты, Сатурнин Антиохийский, Василид Александрийский, Карпократ	В Парфии идет антиэллинистическая реакция и возрождение зороастризма	Образование племенного союза алан	Подъем уровня Каспия от абс. отм. минус 36 м до минус 34 м
131–140	Восстание Бар-Кохбы, истребление евреев в Палестине и на Кипре (131–135). Антионин Пий (138)	Валентин в Риме	Вторжение алан в Парфию (134)	Предки хазар пребывают в низовьях Терека и Судака	Волга еще мелководна, дельта не образована
141–150	Расцвет литературы и философии. Лукиан (род. 130 г.) Птолемей (род. 130 г.) Гален (131)	Разрыв Маркиона с церковью (144). «Апология» Юстина Философа (150)		Давление на хуннов с востока – сяньби, с юга – Китай, с севера – динлины, с юго-запада – усунь	Проявление пассионарного толчка по линии: Скандза – Карпаты – Палестина
151–160	Апулей (род. 160 г.) Распространение восточных культов – синкретизм	Проповедь Монтана в Мизии		Переход части хуннов на Яик и Волгу. Переселение готов из Скандзы на Вислу	

1.	2	3	4	5	6
161–170	Марк Аврелий (161) Маркоманские войны (169–180)	Валентин на Кипре отлучен от Церкви. Гонение на христиан, казнь Юстина. Осуждение монтианизма	Война Парфии с Римом (162–165)	Первые славяне (сведения Плиния, Тацита и Птолемея) от Балтики до Карпат	
171–180	Коммод (180)	Гонение на христиан в Лионе (177)		Готы достигли среднего Днепра. Умиротворение даков, квадов, язигов, вандалов	Наступление Великой засухи в степной зоне
181	Доносы, казни, разврат	Составление Новозаветного канона		Распадение сяньбийской державы на малые орды	
191	Убит Комод (192). Убит Пертинакс	Климент преподает в Александрии христианскую этику (190–202)	Война Парфии с Римом (194–199)		Расширяется Гоби, степные народы отходят
200	Убит Дидий Юлиан Победил Септимий Север (193)	Эдикт, запрещающий переход в христианство	Упадок Парфии «Толпы хазар и барсиллов перешли Куру», но разбиты албанами	В это темное время в Поднепровье сложились два этноса: анты (славяне) и россомоны, предки древних русов (полян)	либо в Сибирь — динлины, либо в Китай — хунны и сяньби, либо к склонам гор — усунни, мукри и юебань (потомки хуннов)
201–210	Казни сенаторов. Реорганизация преторианцев — солдатская диктатура				
211–220	Каракалла (210). Братоубийство и казни. Уравнение в правах римлян и провинциалов. Макрин (218)	Ориген (с. 203 г.) читает курс христианской философии в Александрии			

1	2	3	4	5	6
221–230	Элагабал — гнусные орг- гии и казни — убит в 222 г. Александр, Север и Маммея		Низвергнута парфянская династия Аршакидов пер- сами (226). Сасаниды в Иране		Гунны (по- томки хун- нов) усилива- ются между Волгой и Яком, а аланы меж- ду Доном и Кубанью слабеют.
231–240	убиты в 235 г. Максимин Фракиец убит в 238 г. Сенатские императоры Бальбин и Гордиан убиты сол- датами	Проповедь Плотина в Риме (244). Гонение на христиан — казни	Проповедь Мани в Иране (241)		Кульмина- ция усыха- ния степной зоны: Бал- хаш почти весь высох, а Арал пре- вратился в «болото Оксийское».
	Филипп Араб разбит Децием в 249 г.				Кульмина- ция увлаж- нения в Полярной зоне и в Иране
251–260	Деций пал в битве с го- тами в 251 г., Галл и Эми- лиан преда- ны и убиты; Валериан предан пер- сам в 260 г.	Смерть Ориге- на (254). Мученичество Киприана (258)		Готы в Причер- номорье, гунны — между Яком и Волгой, аланы между Доном и Кубанью	
261–270	Галлиен — распадение империи: убит в 268 г. Клавдий умер в 270 г.	Эдикт терпи- мости к хрис- тианам. Смерть Плотина	Возвышение Пальмиры	Готский флот опустошил берега Черного и Эгейского морей	Незначи- тельное повышение уровня Каспия до минус 32 м
271–280	Аврелиан: воссоедине- ние империи, узаконение митраизма; убит в 275 г.	Начало мона- шества — Антоний. Осуждение ереси Павла Самосатского	Гибель Паль- миры (273). Казнь Мани (276)	Образование союза хунн- ских племен в Семиречье — Юебань	

1	2	3	4	5	6
281—290	Анархия. Диоклетиан (285)		Мир Рима с Ираном (283)	Постоянная война гуннов с аланами. Война сарматов против Рима	
291—300	Раздел импе- рии, уста- новление домината и бюрократи- ческой сис- темы	Указ против манихеев (297)	Война Ирана с Римом (196—198)		
301—310	Отречение Диоклетиана (305). Гибель Максимиана	Гонение на христиан (303)	Хормизд (302—309) Шапур II (309—379)	Восставшие хунны заво- евали Северный Китай	
311—320	Победа Константи- на над Мак- сентием (312)	Прекращение гонений. Эдикт о веротерпи- мости (313). Осуждение до- натистов в Риме. Гонение Лициния на христиан			Перенос ув- лажнения в степную зо- ну и незна- чительное понижение уровня Кас- пия до минус 33 м
321—330	Победа Константи- на над Лицинием	Проповедь Ария. Никей- ский собор. Ос- нование Кон- стантинополя		Раскол хунн- ского царства на традициона- листов и демок- ратов. Победа хуннов-демо- кратов	
331—340	Смерть Константи- на: раздел империи на три части (337)	Реабилитация Ария	Война с Римом (338)	Распад Кушан- ского царства. Усиление мую- нов и табгачей	Заселение Великой степи табгачами, телеутами и беженцами из Северно- го Китая (жужанями)
341—350	Жестокая братоубий- ственная война	Гонения на ни- кейскую веру	Гонение на христиан в Иране (343)	Обращение го- тов — Ульфила (340—347). Заговор Жан Миня	
351—360	Констанций II объединил империю. Раздел импе- рии	Собор в Рими- ни — победа арианства	Конфликт, затем союз персов с хионитами	Гибель хуннов в Китае; усиле- ние муюнов. Образование орды Жужань	

1	2	3	4	5	6
361–371	Юлиан (360–363) Иовиан, Валентин I на Западе (364–375)	Валент (364–378)		Держава Германариха от Дуная до Дона и от Черного моря до Балтики. Разгром алан гуннами в низовьях Дона	Образование дельты Волги и заселение ее хазарами
371–380	Союз с гуннами против германских племен	Вестготы во Фракии. Феодосий (378)	Арташир II (379–383)	Вторжение гуннов во владения готов. Самоубийство Германариха. Вторжение гуннов в Паннонию (377)	
381–390	Алтарь победы убран из сената (382) – конец язычества	Константинопольский собор (381) – осуждение арианства	Шапур III (383–388) Мир с Римом (387)	Гунны в Греции Феодосий пригласил гуннов в свои войска	
391–400	Восстание Арбагаста (392–394). Раздел империи Гонорий (394)	Сожжение Храма Сераписа и библиотеки (391) Аркадий (395)	Бахрам IV (388) Набег гуннов на Сирию и Месопотамию	Разгром антов готами, а готов гуннами Восстание готов в Византии подавили гунны	
401–410	Победы над готами. Убийство Стилихона (408). Взятие Рима Аларихом (410)	Ссылка Иоанна Златоуста и мятеж в его защиту	Йездегерд I (399)		
411–420	Отлучение от церкви донатистов. Спор Августина с Пелагием. Королевство готов в Тулузе (419)	У власти готская гвардия	Кидариты на границе Ирана. Создание христианской церкви в Иране (412). Сожжение храма Ормузда (418)	Разделение славян на склавинов, антов и венедов и начало их расселения по Восточной Европе	

1	2	3	4	5	6
421–430	Царство гуннов в Паннонии. Вторжение вандалов в Африку	Начало богословских споров	Гонения на христиан в Иране		
431–440	Смерть Ругилы и совместное правление Аттилы и Беды	Третий собор в Эфесе. Мир с гуннами. Сооружение стен Константинополя	Йездегерд II (438)	Объединение Сев. Китая табгачами и начало их китаизации. Переход орды Ашина на Алтай (439)	
441–450	Аттила (445–453). Вторжение англосаксов в Британию	Вторжение гуннов. Собор «Эфесский разбой» (449)		Покорение акациров Аттилой	
451–460	Разгром гуннов. Захват Рима вандалами (455). Королевство бургундов в Лионе	Четвертый собор в Халкидоне. Церковный раскол. Несториане изгнаны в Персию. Монофизиты господствуют в Сирии и Египте. Разгром гуннов византийцами	Вторжение гуннов в Азербайджан. Разгром Кушанского царства. Пероз (439–484)	Конец восточных хуннов	
462–470	Агония Западной империи. Крещение Ирландии и Шотландии		Нашествие сарагуров на Закавказье	Эфталиты потеснили абаров, абары – сабири, сарагуров, сарагуры подчинили акациров (463)	Пассионарный толчок по линии: Аравия – Синд – Тибет – Северо-Западный Китай – Япония
471–480	Упразднение Западной империи	В Константинополе готы перебиты, у власти исаврийская гвардия. Узурпация Василиска (475–476)		Персы выгнали кидаритов в Индию. Эфталиты покорили Среднюю Азию и Северо-Западную Индию	
481–490	Захват франками государства Патриция Сиагрия (486)	Восстание самаритян (484–486)	Пероз разбит эфталитами и погиб. Балаш (484–488) дал свободу монофизитству	Война готов с болгарами и вытеснение готов в Италию	

1	2	3	4	5	6
491—500	Захват готами Италии Крещение франков	Вторжение славян на Балканский полуостров	Кавад (488—529). Маздакитское движение при поддержке шаха Кавада (до 496). Бегство шаха к эфталитам (до 498)	Распространение телеутов до верхнего Иртыша. Вторжение болгар во Фракию и Иллирию	
501—510	Завоевание франками Аквитании		Война Ирана с Византией (502—506). Вторжение сабир в Каппадокию	Война телеутов с жужанями	
511—520		Юстин вступил на престол (518)	Нападение сабир на Иран и Малую Азию	Раздел телеутского государства жужанями и эфталитами	Увлажнение степной зоны, сужение
521—530		Юстиниан (527—565). Вторжение болгар во Фракию и Грецию	Восстание самаритян в Палестине. Расправа над маздакитами (529)	Восстание телеутов и разгром жужаней	Гоби, увеличение численности степных кочевников
531—540	Завоевание франками Бургундии, а греками — Вандалии (534)	Восстание «Ника». Сооружение храма Св. Софии. Издание кодекса римского права	Персы взяли Антиохию (540)	Разгром телеутов жужанями	
541—550	Война греков с остготами	Вторжение кутургуров и славян во Фракию, Иллирию и Грецию	Персы заняли Лазик, опустошили Месопотамию и Малую Азию	Тюркюты отравили посольство в Китай. Подчинение телеутов тюркютами	
551—560	Вторжение греков в Испанию. Завоевание греками Италии (555)	Война с Ираном из-за Лазики. Пятый собор в Константинополе. Набег кутургуров отбит (559)	Вторжение савир и хазар в Азербайджан	Создание Тюркского каганата; покорение жужаней, огоров и бегство псевдоаваров (аваров) на Запад. Война аваров с антами	

1.	2	3	4	5	6
561—570	Разгром гепидов аварами и лангобардами. Вторжение лангобардов в Италию (568)	Вечный мир с Ираном	Раздел державы эфталитов между персами и тюркютами	Союз тюркютов с хазарами и болгарами — утургурами. Захват аварами Паннонии и война их с Византией	
571—580	Усобица у франков: Фредегонда и Брунгильда	Война с Ираном	Вторжение персов в Йемен. Война Ирана с Византией из-за Армении. Хормузд (579—590)	Взятие Боспора тюркютами. Распри в Тюркском каганате и разделение его на уделы	Постройка Дербентской стены; урвань Каспия — минус 34-33 м
581—590	Захват части Италии	Падение Сирмия. Мир с аварами. Возвращение Боспора	Восстание Бахрама Чубина. Хосров II (590—628)	Поражение тюркютов при Герате (589)	
590—600	Обращение в католичество англосаксов в Кенте (597)	Мир с Ираном. Военные экспедиции против славян	Восстание Бистама (595) в Гургане и Табаристане	Война каганата с Китаем. Разгром тюркютами восставших огоров	
601—610	Разгром аварами племени антов (609)	Восстание Фоки (602)	Война Ирана с Византией (604)	Распадение Тюркского каганата на Вос точный и Западный.	
	Продолжение усобицы у франков	Переворот Ираклия (610)	Захват персами Месопотамии, Сирии и Египта	Гегемония Китая	
611—620	Казнь Брунгильды. Короли-туннеядцы и развал королевства Меровингов	Поселение славян в Далмации и Македонии	Персы и авары под Константинополем	Падение династий Суй, основание династии Тан	
621—630	Славянское государство «Само»	Разгром персов у Ниневии, капитуляция Ирана (628)	Бегство Мухамеда из Мекки в Медину (622). Война в Аравии	Завоевание тюркютами Азербайджана и утрата его из-за распрей. Покорение Восточного каганата империей Тан (630)	

1	2	3	4	5	6
631—640		Завоевание арабами Сирии и Египта. Монофелитское исповедание (638)	Смерть Мухаммеда. Покорение Бекком Аравии, Омаром (634—644) — Ирана западного,	Восстание болгар и образование болгарского царства на Кубани (632)	
641—650		Вторжение арабов в Сев. Африку и захват Кипра	Османом — восточного (651). Убийство Османа (656), победа Али	Распри в Западном Тюркском каганате, союзная с хазарами партия разбита; хазары приняли беглецов	
651—660	Развал государства «Само». Завершение крещения англосаксов	Захват Крыма хазарами. Мир Византии с Халифатом	Покорение Армении и Грузии арабами, разбитыми хазарами у Беленджера (654)	Образование Хазарского каганата (651). Покорение Западного Тюркского каганата империей Тан (658—659)	
661—670	Собор в Йоркшире, утвердивший в Англии католичество (664). В Валлисе сохранилось православие	Возобновление войны с арабами. Военно-административная реформа	Гибель Али (661). Омейяды. Война арабов с хазарами в Азербайджане	Разгром болгар хазарами. Уход болгар на Каму, Дунай и в Паннонию	
671—680		Осада Константинополя арабами. Болгары на Балканах (679). Шестой собор осуждение монофелитства. Оккупация Закавказья	Набеги арабов на Бухару. Самарканд, Хорезм Гибель Хуссейна	Гегемония империи Тан в Азии. Восстание восточных тюркютов	
681—690	Объединение франкских королевств Пипином Геристальским, майордомом		Восстание против Омейядов в Аравии и Ираке	Нашествие хазар на Закавказье	

1	2	3	4	5	6
691–700		Захват арабами Африки и Закавказья	Восстание подавлено (697)	Дербент занят арабами (693). Образование Тюргешского каганата	
701–710		Конфликт с хазарами из-за Херсонеса (710). Юстиниан II вторично казнен в 711 г.	Завоевание Средней Азии арабами, их столкновения с тюргешами, тибетцами и империей		
711–720	Завоевание Испании арабами. Образование королевства Астурии (718)	Вторжение болгар (712). Разгром арабов под Константинополем (718)	Тан. Вторжение в Хазарию	Война печенегов с тюргешами (711). Разгром тюргешей тюркютами. Крещение алан. Вторжение хазар в Азербайджан	
721–730		Преследования евреев. Эдикт против иконопочитания (726)	Восстания согдийцев против арабов	Война хазар с аланами и арабами. Вторжение арабов в Аланию и Хазарию	
731–740	Осуждение иконоборчества в Риме. Битва при Пуатье	Победа над арабами при Акринне (739)	Подавление сопротивления согдийцев	Обращение князя Булана в иудаизм. Разгром хазар арабами (737)	
741–750		Отвоевание Кипра (746)	Восстание Абу-Муслима и падение Омейядов	Развал Тюргешского каганата. Гибель тюркютов и образование Уйгурского каганата	
751–760	Коронация Пипина Короткого (751)	Собор в Иерии – Константинополь осудил иконопочитание (754)	Восстание Сумбада Мага. Отпадение Испании (756)	Битва при Таллесе (751). Крах гегемонии империи Тан в Центральной Азии	
761–770	Карл Великий (768). Война с арабами	Победа над болгарами при Анхiale (763)	Отпадение Западного Алжира (761). Рустамиды (хариджиты)	Вторжение хазар в Грузию (764). Принятие манихейства уйгурами (766–767)	Пассионарный толчок по линии: Норвегия – Париж – Астурия

1	2	3	4	5	6
771–780	Война с саксами. Завоевание Лангобардского королевства (774). Поход в Испанию (778)	Преследование иконопочитателей	Восстание Муканны в Ср. Азии (776)	Объединение Хазарии и Алании (773)	
781–790	Арабы выгнали из Испании франков	Седьмой собор — осуждение иконоборчества (787)	Разгром Муканны (784). Отпадение Марокко — Идрисиды (789) (шииты)		
791–800	Победа франков над баварцами и аварами (796). Образование Священной Римской империи германцев	Война с Болгарией	Отпадение Ифрикии (800) — Аглабиды	Карлуки разбиты арабами в Фергане. Нашествие хазар на Закавказье (799)	
801–810	Начало нашествия викингов. Захват Барселоны франками	Проповедь павликианства Война с Болгарией		Переселение славян с Эльбы на восток. Захват власти Обадией и установление двоевластия	Повышенное увлажнение степной зоны
811–820	Начало реконквисты в Испании	Осада Константинополя болгарами (813). Иконоборческий собор (815)	Победа Мамуна над Амином (813). Восстание Бабeka (хуррамиды) на Кавказе	Восстание кабаров. Набег арабов на хазар	
821–830	Объединение англосаксонских королевств в «Англию»	Восстание Фомы Славянина. Захват Крита арабами (826) и высадка их в Сицилии (827)	Образование эмирата Тахиридов в Хорасане	Оживленная торговля между Китаем и Провансом в руках евреев-радани-тов	Трансгрессия Балхаша, реки Сары-су и Чу образуют в устьях озера

1	2	3	4	5	6
831—840	Проповедь католичества в Дании и Швеции	Эдикт против иконопочитания	Разгром Бабека (837)	Построение Саркела (834). Мадьяры на Дунае. Послы кагана Руси в Ингельгейме (839)	
841—851	Битва при Фонтену. Раздел Империи. Норманны сожгли Бордо (848)	Восстановление иконопочитания (843)			
851—860	Распад государства Лотаря на Италию, Прованс и Лотарингию	Война с павликианами в Малой Азии. Посольство св. Кирилла в Хазарию		Раздел сфер влияния между норманнами и хазарами-иудеями. Набег Руси на Константинополь (860)	Усыхание степной зоны; выселение печенегов и тюрков
861—870	Фактический разрыв католичества с православием	Крещение болгарского царя (864). Разрыв с Римом. Примирение с папой	Тюрки взяли власть в Багдаде (866). Отпадение Табаристана (шиты). Восстание зинджей	Рюрик в Новгороде. Первое латинское упоминание иудаизма в Хазарии (866)	
871—880	Колонизация Исландии	Победа над павликианами. Взятие арабами Сиракуз (878). Разрыв с папой (879)	Победы Саффаридов в Хорасане (873)	Русы крестились (867)? Упоминание кагана норман (871)	Подъем уровня Каспия до абс. отм. минус 29 м
881—890	Разделение Европы по этническому признаку — образование наций		Подавление зинджей (883)	Захват Киева варягами (882). Подчинение ими древлян, северян и радимичей. Печенеги в Причерноморье (889)	

1	2	3	4	5	6
891–900	Война французов с немцами Образование Чехии	Война греков и венгров с болгарами (893) Примирение с папой (фиктивное)	Восстание карматов в Бахрейне (899). Победа Саманидов над Саффаридами (900)	Уход за Карпаты венгров, разбитых болгарами и печенегами (895–898)	
901–910	Набеги венгров, норманнов и берберийских пиратов	Захват арабами Сицилии (902) и разграбление Фессалоники (904)	Восстание карматов в Ираке и Сирии подавлено. Выступление Фатимиды в Африке	Набег русов на Абаскун и поражение их в морском бою	Большая часть Хазарии под водой
911–920	Пресеклась династия Каролингов в Германии. Саксонская династия	Мирный договор с Русью (911). Война с Болгарией (913–919)	Набег русов на Гилян: истребление их в Итиле (913). Образование княжества в Дейлеме	Хазары и гузы победили печенегов у Яика (913). Восстание древлян подавлено русами. Приход печенегов на Русь (915)	
921–930	Образование Хорватии. Присоединение Лотарингии к Германии (925)	Осада Константинополя болгарами	Ослабление Аббасидов в Багдаде	Гонение на мусульман в Хазарии (922)	
931–940	Образование Арелатского королевства (933)	Печенеги и венгры против Византии. Нападение евреев на Крым (940)	Выступление Буидов (935). Дейлемиты заняли Азербайджан	Победа иудеев над аланами, искоренение там православия (932). Победа иудеев над русами у Самкерца	Увлажнение и потепление полярной зоны — походы викингов в Гренландию,
941–950	В Германии императоры взяли под покровительство евреев	Захват Нисибя и Эдессы	Десант русов в устье Куры сброшен в море (943) Буиды заняли Багдад	Разгром флота русов на Черном море (941) византийцами. Гибель Игоря (944). Правительство Ольги (945)	Биармию (Великую Пермь) и в Винланд — восточный берег Америки
951–960	Победа немцев над венграми при Лехе (955)	Венгерские вожди крещены в Константинополе			

1	2	3	4	5	6
960–961	Крещение Польши. Коронавание в Риме Оттона I – образование «Римской империи»	Отвоение Крита. Отвоение Киликии и Северной Сирии	Обращение карлуков в ислам Захват Египта Фатимидами	Крещение Ольги (957) Миссия Адальберга в Киев (961). Разгром Хазарии русами, гузами и печенегами Поход русов в Болгарию, поражение и гибель Святослава (968–972)	
970					
971–980	Победы христианства в Чехии (973)	Завоевание Восточной Болгарии. Восстание Варды Склира. Восстание болгар против Византии	Курды (Шаддаиды) вытеснили дейлемитов из Гянджи	Захват Хазарии хорезмийцами (977). Распря на Руси	
981–990	Конец Каролингов во Франции. Коронация Гуго Капета (987) – национального короля	Успехи болгар (986). Русский отряд на подавлении мятежа Варды Фоки	Курды (Равваиды) вытеснили дейлемитов из Азербайджана	Уход хорезмийцев из Хазарии (985). Крещение Руси. Русско-печенежская и русско-болгарская война (988–997)	
991–1000	Чаяние конца света. Крещение венгров в католичество	Походы в Грузию, Болгарию, Сирию, Армению	Тюрки: ягма и чигиль сокрушили эмират Саманидов (999)		
1001–1010	Рост неприязни итальянцев к немцам и грекам		Усиление Газны; раздел Ср. Азии		Обильное увлажнение степной зоны
1011–	Образование королевства Швеции.	Завоевание Болгарии Византией			
1020	Держава Кнуда Великого (1016–1035)				

1	2	3	4	5	6
1021–1030	Победы немцев над поляками и лютичами	Подчинение Грузии и Армении		Подчинение касогов в Тмутаракани (1022). Битва при Листвене и раздел Руси (1023)	Переход сибирских народов: монголов и меркитов в Великую степь
1031–1040	Нормандцы высадились в Сицилии. Франконская династия в Германии	Набег печенегов на Византию	Сельджуки вступили в Хорасан и победили при Денданакане.	Конфликт русов с эмиром Дербента. Объединение Руси (1036)	
1041–1050	Восстание в Сербии против Византии (1042)		Завоевание Ирана сельджуками	Разгром русского флота греками (1043). Проникновение гузов и половцев до границ Руси	Приостановка повышения уровня Каспия
1051–1060	Раскол церквей	Политический кризис в Византии	Наступление сельджуков на Азербайджан		
1061–1070	Завоевание Англии нормандцами		Нашествие сельджуков на Армению и Грузию	Первый набег половцев на Русь. Отравлен князь Ростислав (1066)	
1071–1080	Взятие нормандцами Бари (1071) и всей Южной Италии. Генрих IV в Каноссе (1077)	Смута в Византии	Битва при Маницкерте (1071). Захват сельджуками Малой Азии; образован Иконийский султанат	Война изгоев и предательство «хазар», Олег отправлен в Византию (1078–1079)	
1081–1090	Вторжение сицилийских нормандцев в Византию	Восстание богомилов подавлено	Захват Никси и Смирны сельджуками	Вернувшийся Олег «иссече» хазар в Тмутаракани (1083)	
1091–1099	Первый крестовый поход	Разгром печенегов греками и половцами	Образование Исмаилитского государства в Иране	Здесь конец истории хазар	

1	2	3	4	5	6
1100– 1110	Основание Иерусалимского королевства	Усмирение крестоносцев	Распри в Сельджукской империи	Наступление русичей на половцев	
1111– 1115	Основание рыцарских орденов	Война с сельджуками		Умер Святополк II. Изгнание евреев из Киева (1113)	
1116– 1125	Вормский конкордат – конец борьбы за инвеституру. Ослабление Германской империи в Италии и Бургундии	Иоанн Комнин (1118). Полный разгром печенегов (1121)	Сельджуки взяли Икониум (в Малой Азии) (1116)	Покинута Белая Вежа (1117)	Пассионарный толчок в Приамурье и Забайкалье
1126– 1135	Объединение Саксонии и Баварии Генрихом Вельфом через брак. Образование королевства обеих Сицилий (1130)	Фактическое отделение Трапезунда от Византии. Война Венгрии с Византией	Санджар завоевал Самарканд (1130). В Египте резня между черными и белыми мамлюками (1134)	Мономах (1113–1125) Мстислав Великий захватил Полоцк (1127), выслал полоцких князей, но в 1132 г. Полоцк освободился. Ростово-Суздальская земля обособилась от Киева	
1136– 1145	Конрад III Штауфен; ослабление королевской власти. Образование королевства Португалии (1143). Падение Эдессы (1144)	Подчинение Иоанном Киликии и Антиохии	Восстание Хорезма против сельджуков Катванская битва (1141)	Новгород обособился от Руси. Северские Ольговичи захватили Киев (1139) и утеряли его (1146). Война за Киев между суздальцами и половцами – с одной стороны, волынянами с уграми и ляхами – с другой	

1	2	3	4	5	6
1146– 1155	Крестовый поход немцев на вендов; немцев и французов на сельджуков (1147). Оба разгромлены; Фридрих I Барбаросса в 1152 г. и Генрих II Плантагенет – в 1154 г. коронованы	Война греков с норманнами (1147–1149)			Чжурчжэни и монголы
1156– 1165	Разрыв Фридриха I с папой. Восстание и разрушение Милана: Фридрих – хозяин Рима	Византийцы разбили сельджуков Икониума и подчинили Киликию	Набег гузов на Гурган. Нашествие каракитаев на Балх, а потом на Хорезм.	Отравлен в Киеве Юрий Долгорукий	
1166– 1175	Датский король Вальдемар захватил Рюген и разрушил Аркону (1168); конец славянского язычества	Разгром венгров греками у Землина.	Саладин уничтожил династию Фатимидов	Разгром Киева суздальцами (1169). Убийство Андрея Боголюбского боярами (1174)	
1176– 1185	Поражение Барбароссы при Леньяно. Мирный конгресс в Венеции. Преобладание Дании на Балтике	Поражение Мануила сельджуками при Мириокефале. После смерти Мануила (1180) антизападнический переворот. В 1182–1183 гг. Андроник I истребляет иностранцев и своих помещиков; убит за жестокость (1185)		Северские и полоцкие князья с Литвой и половцами воюют против смоленских и суздальских. Набег Игоря на половцев и его разгром (1185)	

1	2	3	4	5	6
1186– 1195	Союз Капетингов со Штауфенами против Вельфов и Плантагенетов. Третий крестовый поход, Генрих VI захватил Сицилию	Восстание болгар и валахов (1185), а сербы взяли Ниш (1187). Война с Сицилией.	Саладин, взяв Иерусалим (1187), умер (1193). Распад его державы	Взятие карелами Сигдуны (1187)	
		Переворот и ослепление Исаака II Алексеем III. Кало Иоанн захватил Фракию (1195)	Победа Альмогадов при Аларкосе (1195)	Борьба Ростова с Владимиром: старых городов с младшими	
1196– 1205	Пржемысл I установил в Чехии наследственную монархию. Падение имперского господства в Италии. Крестовый поход из Бремена и основание Риги (1201). Четвертый крестовый поход	Развал и отпадение окраин. Крестоносцы низвергли Алексея III (1208). Восстание греков и второй штурм Константинополя (1204). Латинская империя. Разгром крестоносцев при Адрианополе (1205)		Объединение Галиции и Волыни (1199)	
		Восстание греков и второй штурм Константинополя (1204). Латинская империя. Разгром крестоносцев при Адрианополе (1205)		Разгром Киева Ольговичами (1203). Роман и Всеволод вынудили у Ольговичей мир (1204)	
1206– 1215	Крестовый поход против альбигойцев (1209). Битва при Мюре (1213). Победа Франции при Бувине (1214). Великая хартия вольностей в Англии (1215)	Образование Трапезундской империи Алексеем Комнином. Никейский Федор Ласкарис и эпирский Михаил Комнин побеждают латинские отряды (1210–1212), но Греция захвачена рыцарями	Победа Никеи над сельджукским султаном Кей-Хосровом I (1211). Поражение Альмогадов при Лас Навас де Толоса (1212)	Северские Ольговичи (сыновья Игоря), правя в Галиче, убили 500 бояр, за что были повешены (1208). Битва на Липице (1215)	

1	2	3	4	5	6
1216– 1225	Французский король Луи VIII вступил в альбигойскую войну и к 1229 г. победил	Выбранный императором Латинской империи Пьер де Куртене взят в плен эфирцами. Изгнание латинян из Македонии деспотом Эпира — Федором (1224). Разгром латинян никейским Иоанном Ватацем при Пиманионе (1225)	Крестовый поход на Египет (1217–1221) безрезультатен. Завоевание Хорезмского султаната монголами. Десант сельджуков в Крым (1121–1122)	Распад Руси на княжества	Поражение на Калке (1223). Падение Юрьева (1224)

ДИАХРОНИЯ КАК ПРИНЦИП

Синхронистический подход позволяет собрать большой и необходимый материал по этнической истории. Но это лишь подготовительная работа для главной задачи этнологии — диахронного сравнения процессов этногенезов. Поэтому начнем отсчет не от того или иного — условно принятого за начало летосчисления года, — а от момента рождения, точнее, «зачатия» этноса. Понятно, что у каждого из известных этносов такой момент индивидуален. А совпадают они, как и у людей, лишь в тех случаях, когда этносы являются ровесниками, то есть вызваны к жизни — этногенезу — одним и тем же пассионарным толчком. Начальную точку отсчета — сам пассионарный толчок, или микромутацию — трудно датировать, так как современники ее не замечали, а связывать с космическими явлениями еще не умели. Но когда первое поколение пассионариев-мутантов начинает действовать, современникам еще невозможно за-

метить в их активности начало грандиозного почти полуторатысячелетнего процесса. Так, римляне не обратили внимания на рождение в 5 г. до н.э. плеяды пассионариев (точнее, на события 30–40-х гг. до н.э., связанные с деятельностью этой плеяды), были удивлены вспышкой фанатизма в Иудее в 65 г. и Дакии приблизительно в то же время, и лишь около 155 г., после апологии Юстина-мученика, поняли, что существует особая «порода людей» (как считал философ — друг Лукиана Цельс), то есть христианские общины-консорции, как самостоятельный феномен, выросший в последующий период — II–IV вв. — в суперэтнос — Византию. Византийский этногенез — редкий случай, когда благодаря церковной истории мы можем ретроспективно определить точную дату толчка. В других случаях она вовсе неуловима.

Но толчок — не единственная опорная точка хронологизации этногенеза. Наиболее ярким, впечатляющим событием является момент рождения этноса как новой системной целостности с оригинальным стереотипом поведения. Такое явление при всем желании не может не зафиксироваться у соседей, обладающих письменной исторической традицией. С этим событием часто связано и появление нового этнонима, то есть самоназвания этноса. Так, 20 сентября 622 г. (хиджры) — событие инкубационного периода арабо-мусульманского этногенеза. До 632–642 гг. арабы еще не фигурировали как «арабы» (этнос), а сам термин применялся как синоним кочевников Аравийского полуострова. И только после того как мусульманские армии вторглись в Сирию и Иран и разбили греков и персов, арабами стали называть этнос, воодушевленный проповедью пророка. Только после грандиозного события, олицетворяющего рождение этноса, у пассионарной популяции возникает необходимость противопоставления себя как системной целостности всем окружающим соседям и необходимость в названии самих себя. В дальнейшем потомки уже не помнят причин

происходившего, ибо этноним часто теряет свой первоначальный смысл. Так, уже в X в. Абу Мансур ал-Азхари (ум. в 980–981 гг.) писал: «И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов называли арабами»². Сопоставляя момент рождения этноса и дату толчка в известных случаях (толчки в I в., XIII в. н.э.), можно определить длину инкубационного периода этногенеза — 130–160 лет и тем самым привязать процессы этногенезов в остальных случаях к диахронической шкале.

Можно отсчитывать возраст этноса не только от начала толчка, но и от любого яркого и легкодиагностируемого периода, например, от фазы надлома: ее начала или конца. Ошибка при этом, для несмещенных контактами этногенезов, составит всего \pm одно поколение, что в пределах допуска, необходимого для понимания закономерностей этногенеза. Надлом — фаза выразительная, и не заметить ее трудно. Пассионарное напряжение этнической системы вдруг начинает стихийно снижаться. Происходит это самым простым способом: убийством наиболее выдающихся деятелей. Сначала гибнут политики, затем идеологи: поэты и ученые, потом — толковые администраторы и, наконец, трудящиеся приверженцы уже погибших вождей. Остаются только предатели, постоянно переходящие на сторону очередного победителя, чтобы изменить и ему, как только он попадет в беду, и люди столь ничтожные, что их не трогают, если они не попадают под горячую руку. Начавшийся надлом замечают прежде всего современники, не все, разумеется, но наиболее патриотически настроенные и дальновидные. В Риме еще Катон Старший отметил начавшийся процесс падения нравов, Катон Младший пытался противодействовать легкомысленным римским модницам, но безуспешно, а начиная с Гракхов идеалы республики уже не владели большинством сенаторов и открыто стали попирались. Гражданские войны, кончившиеся принципатом Августа, знаменуют конец надлома и выход этноса в инерци-

онную фазу, что по диахронической шкале соответствует 700–750 гг. от момента толчка. В Древнем Китае начало надлома совпадает с проповедью легизма, а конец с торжеством династии Цинь. В Византии это эпоха иконоборчества, в «Христианском мире» — реформация. В мусульманском суперэтнотипе надлом наступил раньше запрограммированного законами этногенеза в результате активных этнических контактов, о чем мы специально сказали выше (см. п. 70), и связывался с передачей халифом Мутасимом фактической власти в руки гулямов (иноземных наемных воинов)³. Кончился он «смещением»: захватом Багдада в 945 г. Ахмедом Буйном — вождем дейлемитов. Иногда, но не всегда, удобной точкой привязки может сложить фаза обскурации, сопровождающаяся развалом этнической системы. Итак, диахрония позволяет уточнить общую закономерность природных процессов — этногенезов путем сопоставлений их друг с другом.

Первым историком, попытавшимся уловить принцип диахронии, был афинский архонт и жрец Аполлона, бывший прокуратор Греции — Плутарх (ум. около 120 г.). Из его многочисленных сочинений замечательно параллельное жизнеописание 46 знаменитых деятелей Эллады и Рима; сопоставления идут попарно, что является попыткой понять исторические процессы обеих стран не как беспорядочное нагромождение случайных событий, а как две закономерные линии развития, того самого, которое мы назвали этногенезом. Ограниченный в эрудиции только этими двумя этносами и недлинным отрезком хронологии — меньше тысячи лет, он вынужден был принять за основу не суперэтнический, а этнический уровень, что повлияло на степень доказательности сопоставлений. Позже это было воспринято читателями просто как литературный прием, а не перспективный научный метод.

Дело в том, что Плутарх сопоставлял деяния своих героев и, следовательно, сходство их ролей в истории... —

виноват — в двух историях. т.е. двух процессах, проходивших по одной схеме. Это значит, что он открыл одно из свойств исторического времени: направленность через каузальность, т.е. причинную обусловленность хода событий, несмотря на разную длину фаз.

Эллада во время Плутарха уже лежала в развалинах — фаза обскурации, ибо интенсивная колонизация увела из страны большинство пассионариев — эллинизм, а с оставшимися дома расправились местные тираны — Набис в Спарте и римские полководцы — Метелл в Коринфе и Сулла, пощадивший только Афины. Рим же был на гребне могущества, потому что избавился от излишних пассионариев, сохранил «золотую посредственность» Августа и накопленные богатства завоеванных провинций. Это была инерционная фаза этногенеза, когда Рим представлялся современникам «Вечным городом», так же как в XIX в. в Европе «прогресс» казался бесконечным совершенствованием.

Плутарх чувствовал истину, но не мог ее доказать и даже объяснить. Сравнительного материала у него не хватало; что такое «энергия», тем более — «энтропия», он не знал, а понятие «система» как целостность и в наше-то время известно далеко не всем. Однако он ближе всех подошел к проблеме исторического времени как функции от ряда событий, обозримого в силу дискретности и необратимого, как необратима биография организма от рождения до смерти, потому что организм или, если угодно, звезда — тоже системные целостности.

Точность научного вывода пропорциональна количеству накопленных и учитываемых сведений. В XX в. написана событийная история человечества за три тысячи лет, а фрагментарно — даже за пять тысяч. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что антропосфера — одна из составляющих биосферы планеты, а этногенез — зигзаг на биологической эволюции, варианты коей у растений, жи-

вотных и микроорганизмов крайне разнообразны. Виды сменяют друг друга, но жизнь, как явление, идет, побеждая смерть, вследствие чего очевидны биологические времена, где счет идет по поколениям, особые для каждого отдельного вида. Это диалектическое отрицание отрицания: без него наступил бы обрыв развития.

Бесконечной нитью, уходящей в грядущее, представляется людям социальная форма движения материи, видимо, один из этапов развития ноосферы В. И. Вернадского, согласно его взгляду, начавшийся в криптозое архейской эры. В этом темпоральном океане наши исторические времена — капли из туч, гоняемых ветрами космических явлений — воздействий ближнего космоса. Иерархия воспринимаемых нами «времен» очевидна... за одним исключением: в ней нет места для пространственно-временного континуума! Наше «историческое время» — это «дление», а природа его нам неизвестна.

Мы отметили четыре «начала» — четыре пассионарных толчка: III в. до н.э. — I в. н.э.; VI и IX в. — и остановились на XII в. — монголо-маньчжурском пассионарном толчке, перекрывшем потомков хуннов, впавших в гомеостаз, византийцев и славян в фазе обскурации, арабов с персами, не перенесшими надлома и колониальную экспансию романо-германцев, тогда еще юных, пожалуй, даже слишком юных.

Таким образом, описанная нами эпоха целостна. Хронологические границы ее четко очерчены, «каспиоцентризм» — литературный прием, выбранный произвольно для удобства изложения. Этим способом легко достичь понимания истории любого региона планеты, предварительно уловив ее хронологические пределы: начало и конец. В описании изложенного принципа была цель данной работы, а перспективы ее, как познавательные, так и практические, вряд ли вызовут недоверие у образованного читателя, для которого и написана эта книга.

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ЭТНОГЕНЕЗА. ЛЕГЕНДА

Необходимость сочетания наглядности с лаконичностью и возможной полнотой в хронологических границах «тысячелетия» подсказывает следующую композицию изложения мысли.

Таблица I (вспомогательная) — «Перечень фаз на уровне суперэтносов» и пример — римский этногенез, ненарушенный смещениями извне. В следующих таблицах фазы пронумерованы. Таблицы синхронные: II — Хунну и Туран; III — Византия и Гото-славянский «варварский» мир; IV — Арабо-мусульманский мир и Тибет; V — средневековый Китай; VI — Западная Европа — христианская и языческая, слившиеся в XIII веке.

Из таблиц видно, что историческое время возникало на поверхности Земли локально, что новый процесс начинался заново, шел необратимо и как бы запрограммированно из-за строгой причинной связи между событиями, по которым, по условию, велся отсчет времени.

И теперь можно сделать следующий шаг — дать объяснение наблюдаемой закономерности, сопоставив историческое время с биологическим. Как известно, счет биологического времени ведется по смене поколений; следовательно, для каждого вида время будет иным. Рецессивный признак устраняется из популяции естественным отбором через 60 поколений, если не произойдет внезапной катастрофы в биоценозе или вторжения иного вида. Для человека 60 поколений — это законченный процесс одного этногенеза от мутации — появления пассионарных особей в регионе и создания ими этносоциальной системы до элиминации (вымирания) носителей признака пассионарности, после чего остается только культура — памятники и кое-какие навыки, усваиваемые новыми этносами.

Итак, принадлежность этногенеза к числу природных, т.е. географических явлений, неоспорима. Это дает право применить к этногенезу собственную систему отсчета — по возрастным фазам, что и продемонстрировано.

Таблица I

Перечень фаз на уровне суперэтносов
и пример — римский этногенез

№	Фаза	Длина	Рим как пример ортогонного этногенеза	Попытки смещения
1	2	3	4	5
1	Пассионарный толчок. Инкубационная доистория	150 лет	Середина VIII в. до н. э., легендарная эпоха	Покорение Рима этрусками (цари)
2	Самообъявление в истории; подъем пассионарности	200—250 лет	Образование республики — 510—340 гг. до н.э.	Завоевание галлов
3	Перегрев; акматическая фаза	200—300 лет	Завоевание Средиземноморья (340—100 гг. до н. э.)	Вторжение кимвров и тевтонов
4	Надлом. Снижение пассионарности и внутренний раскол	150 лет	Гражданские войны (100—30 гг. до н. э.)	Восстания Спартака и Катилины
5	Инерция — господство посредственности	300 лет	Принципат — от Августа до Коммода (30 г. до н. э. — 192 г. н. э.)	Отражение маркоманнов, квадов и роксоланов
6	Обскурация до катастрофы	200 лет	«Солдатские императоры» (192—312). Гонения на христиан	Утрата Даккии. Победы готов и персов
7	Мемориальная фаза. История культуры — доистория	100 лет	Смена доминанты. Победа христианства. Гонения на язычников	Заселение Италии провинциалами
8	Регенерация (не обязательная)		Не состоялась: «Гесперию» сменила «Византия»	Перенесение столицы из Рима в Константинополь (330)
9	Агония	100 лет	Взятие Рима готами (410) и вандалами (455). Гибель Сиagriя	Великое переселение народов
10	Гомеостаз	Неопределенно	Не состоялся, за отсутствием персистентных реликтов	

Хунну и Туран

№	Иран и Туран	Смещение	Хунну	Смещение
1	2	3	4	5
1	Распадение ариев на Иран и Туран. Дата — ?	Македонское завоевание Ирана	Переход хуннов через Гоби. Дата — ?	Неизвестно
2	Походы: сарматов в Скифию, парфян в Иран, юечжей в Ордос	Война с хуннами в III—II вв. до н. э.	Образование державы Хунну (209 г. до н. э. — Модэ)	Подчинение хуннов юечжам (согдам) и освобождение
3	Ликвидация Греко-Бактрии юечжами. Победы парфян над саками и греками	Эллинизация парфянской знати (II — I вв. до н. э.)	Отпор империи Хань. Распад державы Хунну. Восстановление ее (II в. до н. э. — I в. н. э.)	Взлет и распад Сяньби (87—181)
4	Низвержение парфян персами: разгром аланов гуннами	Победы Рима над парфянами и аланами	Распад хуннов на четыре части. Уцелела одна — в Джунгарии (II—VI вв.)	Хунны в Китае гибнут (304—406), гунны — 370—463 гг.
5	Сасаниды: союз трона и алтаря (224—499). Маздакизм (496—529)	Войны с римлянами, кидаритами, хионитами, эфталитами, тюркютами, греками, арабами	Тюркский каганат (545—747); объединение Великой степи	Жужани и телеуты. Империя Тан против тюрков
6	Военная диктатура шахов (531—651). Арабское завоевание		Уйгурский каганат — принятие манихейства (747—847)	Ударил кыргызы
7	Персидская культура при Аббасидах. Абу-Муслим. Бармакиды, Тахириды	Бабек (816—837). Хуррамиты	Уйгуры обратились в буддизм, карлуки в ислам, кыргызы в бон, кидани окитайлись	Проповедь иноземных религий
8	Саманиды (821—999); Саффариды (861—900); Буиды (935—1055)	Хасан Саббах — исмаилиты (1090—1256)	Тюрки-шато в Китае (880—951). Карлуки в Кашгаре. Кидани заняли Пекин (932)	Национальная реакция в Китае против всего чужого, иноземного
9	Сельджукское завоевание (1040—1070); развал Сельджукской империи (1157)	Степи заняли печенеги и гузы	Завоевание Бэй-Хань (Шато) сунцами (979). Конец хуннской традиции	Изгнание христиан из Китая в 1000 г. и проповедь несторианства в Степи

1	2	3	4	5
10	Аланы стали осетинами	Переселение куманов (1043)	Онгуты на Хуанхэ; кимаки на Иртыше; телесы в Горном Алтае	

Таблица III

Византия и гото-славянский «варварский» мир

№	Византия	Смещения	Готы и анты	Смещения
1	2	3	4	5
1	Около 5—1 гг. до н.э. появились раннее христианство и талмудический иудаизм (34—155)	Иудейские войны и гонения на христианство		
2	Образование церковной общины. Никейский собор 325 г. Победа над язычеством	Споры с гностиками и еретиками	Переселение готов; бегство ругов и вандалов. Появление славян и россомонов	Переход гуннов из Азии
3	Эпоха соборов (325—630). Оборона границ, возврат Италии и Карфагена	Войны с персами и самаритянами	Державы Германика и Алариха. Готы в Испании; в Италии — разгромлены	Гунны и анты против готов. Греки против остготов
4	Монофелитство — утрата Сирии, Египта, Африки. Иконоборчество и павликианство (630—843)	Война с арабами, болгарами, берберами	Распространение славян в VI—VIII вв. Гибель вестготов, ругов и вандалов	Захват Руси варягами в IX в.
5	Раскол с Римом и возвращение части утрат; проповедь православия (843—1070)	Войны с нормандами и русичами, с сельджуками и крестоносцами	Киевский каганат (965—1169). Распад Руси на «полугосударства»	Разгром Хазарии. Война с половцами
6	Разлад между синклитом и войском. Падение империи (1072—1204)		Развал и потери: Юрьев (1224), Сурож (1222). Поход Батые (1236—1241)	Литовские набеги на Русскую землю
7	Спасение культуры православия и Константинополя (1205—1261)	Агрессия Рима — Уния	Компромисс Руси с Ордой (1242—1312). Усиление Москвы — новый пассионарный подъем	Обращение Золотой Орды в султанат

1	2	3	4	5
8	Палеологи: попытки компромисса с Римом (1261—1438)	Турки-османы и сербы. «Косово поле»	Новый виток этногенеза. Образование Великой, Малой и Белой Руси	Захваты Литвы
9	Падение Константинополя, Трапезунда, Мистры (1453)		Галич без боя сдался полякам, Киев — литовцам	Куликовская битва; начало обновления России
10	Под властью турок		Белая и Черная Русь в составе Литвы	Быстрый рост Москвы

Таблица IV

Арабо-мусульмане и Тибет

№	Мир ислама — арабы, персы, турки, берберы	Смещения	Тибет
1	2	3	4
1	Около 500 г. в Аравии начались: межплеменные войны, проповедь христианства, расцвет поэзии, торговля с Индией	Внедрение иудеев. Вторжение эфиопов и персов	Взаимно борющиеся племена: боты, кяны, дарды, моны. Бон — культ Митры. Приход сянбийской дружины из Хэси
2	Проповедь Мухаммеда (622). Завоевания первых халифов. Омейяды	Восстания фанатиков (хариджитов) против «лицесмеров». Шнизм — партия Алидов	Установление монархии и введение буддизма царем Сронцангамбо. Завоевание Тогона
3	Аббасиды: отпадение Испании, Атласа и Восточного Ирана (755—945)	Хуррамиты, зинджи, карматы (817—899), гулямы в Багдаде (833)	Борьба буддизма с Бонем. Победа Бона и гражданская война (842—860)
4	Буйды (945—1055), Фатимиды в Египте (969—1163). Газневиды (977—1186), Гуриды (ок. 1000—1215), Хорезм (до 1231 г.)	Реконкиста в Испании (1031—1085). Вторжения каракитаев (1141) и гузов (1157)	Распад страны на мелкие племена и монастыри, враждующие друг с другом. Царство Тубот в Амдо, завоевано чжурчжэнями (1035—1831)
5	Айюбиды (1169—1260). Альморавиды (1056—1147), Альмохады (1030—1269), Гранада (1230—1492)	Монгольское завоевание Ирака. Христианское завоевание Испании. Крестовые походы	Вторичная проповедь буддизма: Атиша и Миларайба. Объединение с Монгольским улусом

1	2	3	4
6	В Иране – ильханы; на Волге – джучиды, в Египте – мамлюки; в Руме – сельджуки; в Азербайджане – туркмены	Обращение монголов в ислам: в Иране, Маверраннахре и в Золотой Орде	Монголы сослали в Амдо несторианских повстанцев. Смещение на суперэтническом уровне
7	Мусульманская культура суперэтнична: философия, наука, архитектура, поэзия	Вытеснение исмаилизма на окраины ареала, распространение – суфизма	
8	Тимур и Тимуриды (1370–1506) и «Великие моголы» до упадка (1526–1707)	Завоевание Ср. Азии узбеками в 1506 г. Упразднение “Великих моголов” англичанами в 1858 г.	Проповедь Цзонхавы (1355–1418). Далай-ламы в Лхасе
9	Падение Гранады (1492) и Золотой орды (1500)	Разгром Могулистана ойратами в битве на р. Или (1472)	Потеря независимости. Подчинение маньчжурам (1751)
10	Бедуины Аравии и Северной Африки	Турецкое завоевание XVI в.	Английское вторжение (1704); китайская оккупация – бегство Далай-ламы

Таблица V

Средневековый Китай (Ареал пассионарного толчка VI в.)

№	Тибгачи и тангуты	Взаимодействие	Китайцы	Смещение
1	2	3	4	5
	Химерная империя Тоба-Вэй развалилась из-за поляризации окитаенных степняков и националистов			Образование Тюркского каганата
1	Бэй-Чжоу (557–581). Переворот Ян-Цзяня	Война между ними	Бэй-Ци (550–577)	
2	Победа табгачей – Тан. Завоевание внутреннего Китая, Великой степи и Согда	Восстания пограничников против Суй	Суй (581–618). Народные восстания против Суй	Война с Тибетом
3	Тан – величие и крушение (военное восстание 756–763 гг.). Низвержение Тан (907)	Восстание Хуан Чао (874–901)	Императрица У, казни принцев Тан и ликвидация ее (705)	Восстание тюрков (682–745). Усиление киданей (905)

1	2	3	4	5
Период пяти династий и десяти царств (907–979) и Ляо (с 916 г.)				
4	Хоу Тан (923–934). шато. Хоу Цзинь (936–946), шато. Бэй Хань (951–979)	Хоу Тан (934– 936) – узурпа- ция Хоу Хань (947–951)	Хоу Лян (907–923). Хоу Чжоу (951–960)	Ляо (946–947) Вторжение киданей
5	Тангуты – империя Западное Ся (982–1227). (Декларирована тради- ция империи Тан.)	Война Ся с китайцами Сун, уйгурами и тибетцами	Сун (960–1127). Покорение Южного Китая (Южная Сун)	Завоевание чжур- чжэнями Кидани (1165–1124) и Северного Китая (1125–1142)
6	Покорение монголами. Перевалочные оазисы на караванном пути		Южная Сун (1127–1179). Под властью империи Юань (монгольской)	Вторжение монго- лов и завоевание ими Китая
7			Мин (1368–1644). Крестьянская война (1628–1645)	Вторжение маньчжуров
8	Истребление тангутов китайцами династии Мин в XV в.		Завоевание маньчжурами (1644–1683)	
9			Под властью империи Цин (маньчжурской)	Вторжение англичан: «опиумные войны»

Таблица VI

Западная Европа — христианская и языческая, слившиеся в XIII в.

№	Христианский мир		Скандинавия	Славяне
1	2	3	4	5
1	Пассионарный толчок VIII в. Дата – ?	Вторжения арабов и ава- ров	Война с лопарями. Первые викинги. Проповедь католи- чества	
2	Раскол империи Карла. Образование наций (битва при Фонтенуа) – 841–1095 гг.	Вторжения венгров и викингов	Походы викингов. Держава Кнуда Великого (1016–1033) и Швеция (1011)	Война саксов с лютичами и поляками

1	2	3	4	5
3	Крестовые походы и реконкиста. Гибель Гогенштауфенов (1096–1314)	Отражение крестоносцев куманами и греками	Христианизация Скандинавии, покорение лютичей, ливов, эстов	Остановлен «натиск на Восток» русскими и татарами
4	Великая схизма, Столетняя война, «Кулачное право» в Германии. Гуситы. Реформация		Онемечивание западных славян	Уния Литвы с Польшей
5	Образование национальных государств (1610–1920)	Колониальная экспансия		Отражение турецкого натиска

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грязневич П.А. Аравия и арабы // Ислам. М., 1984. С. 128–129.

² Там же. С. 122.

³ Ибн Хальдун. Прологомены. Гл. II. Разд. III. Цит. по: Игнатенко А.А. Ибн Хальдун. М., 1980. С. 139.

XI. МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ПАМЯТЬ И ИСТИНА

То, что науке свойственно развиваться — общеизвестно, но как она развивается, ясно далеко не всем. Обыватель, без профессиональной подготовки, полагает, что основой знания является его личная память: чем больше он запомнил, тем он учнее. А так ли это? Никто не запомнит всего, что он в жизни видел. Это невозможно, не нужно и даже вредно, так как в поле зрения наблюдателя попадают объекты важные и мелкие, приятные и досадные, воспринятые правильно или искаженно, сохранившиеся полно или отрывочно. Все это неизбежно мешает построить адекватную картину происходившего и оставляет, после процесса воспоминания, только впечатление, а отнюдь не знание.

Но это еще не самая большая беда. Наблюдатель всегда видит реальные вещи — феномены, но не соотношения между ними; он наблюдает элементы систем, а не системные связи, которые, как известно, составляют основу любого феномена, особенно при быстром его изменении. Так, мы считаем горы вечными, потому что геологические процессы относительно человеческой жизни идут медленно, а жизнь насекомых — эфемерной, но в обоих случаях мы не правы. Любая системная целостность развивается во времени, и нет ничего неиз-

менного, хотя личная память фиксирует только моменты, создавая аберрацию их стабильности. А это создает заведомую ошибку. Значит, только помнить мало. Надо еще думать!

Но бывает хуже: запоминается не сам факт, а свое ошибочное восприятие. Иными словами: не то, что было, а то, что показалось. И нет способов проверки, кроме одного: приемов исторической критики. А это скорее антипамять, однако она дает неплохие результаты, помогая отделить достоверную информацию от сомнительной и заведомо ложной. В древности искусством проверки не обладали; аутентичный текст принимали на веру. Так и родились мифы об Атлантиде, Шамбале, амазонках, морских змеях и, как ни странно, о народах нашей страны.

Беды, порожденные мифами, т.е. предвзятыми мнениями и переходящими ошибками, неисчислимы. Одна из главных заслуг Науки в ее способности вскрывать застарелые предубеждения, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств. Это значит, что Наука уничтожает ошибки Памяти, а когда она не в силах это осуществить, то торжествует Ложь и течет кровь. Каждого русского человека, знакомого с историей международных отношений за последние триста лет, неизменно приводило в изумление то отношение к России, которое в странах Западной Европы считалось вполне естественным и даже единственно возможным: недоброжелательное и несколько пренебрежительное. Ведь даже в Париже в школе восточных языков фигурировал русский, и выражение «поскреби русского и найдешь татарина» было как бы не требующим доказательств. А отношение к «татарам», под которыми подразумевались все кочевники Великой степи, было почему-то отрицательным. Их не то чтобы не уважали, но ставили ниже китайцев, индусов и арабов, не задаваясь даже вопросом: а за что им такая

немилость? И это отношение распространялось на русских, причем очень давно: со времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича.

Конечно, такое настроение ведущих социальных слоев Западной Европы было несправедливым, научно не обоснованным и попросту предвзятым, но сам этот факт был в аспекте мировой политики отнюдь не безразличен. Давление общественного мнения на решения правительств всегда имеет значение, даже если это «мнение» глубоко ошибочно. Еще Пушкин посвятил два стихотворения опровержению той странной антипатии, которую проявили «клеветники России» в 1830 г. во время польского восстания. Но ведь и до этого, при освобождении Украины в 1648 г. или во время Ливонской войны XVI в., было то же самое. Очевидно, это не случайно. У такого стойкого заблуждения должны быть глубокие причины.

Однако поиск корней «черной легенды» о неполноценности русских и «татар» увел бы нас далеко в сторону от главного сюжета нашего исследования. Отметим другое, весьма характерное с точки зрения этнологии: неявное отождествление в глазах не только средневековых западноевропейцев, но и китайцев — народов России и Монголии, сливавшихся для них в нечто целое, хотя раздробленное и неосязаемое. Иными словами, категория «суперэтнос» была для средневекового наблюдателя не абстракцией, а очевидностью. Следует добавить, чтобы не погрешить против истины, что и в мусульманских странах родство тюрков и славян представлялось не требующим доказательств. Так считал, в частности, и величайший историк-географ из Туниса — автор первой этнологической концепции Ибн Хальдун¹. А раз так, то естественно задаться вопросом: что же сближало степных и оседлых предков нашей страны еще задолго до добровольного вхождения «под власть белого царя» кал-

мыков и казахов и что делало для них одинаково чуждыми «Поднебесную» и католическую Европу — цивилизованный мир. Может быть, эта близость — продукт воображения иноземцев, а может быть, закономерная и устойчивая взаимная симпатия двух суперэтносов? Без этнологии, видимо, не обойтись.

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Суперэтнос, условно названный нами «хуннским», включал не только хуннов, сяньбийцев, табгачей, тюркютов и уйгуров, но и многие соседние этносы иного происхождения и разнообразных культур. Мозаичность этнического состава отнюдь не препятствовала существованию целостности, противопоставлявшей себя иным суперэтносам: Китаю древнему (IX в. до н.э. — V в. н.э.) и Китаю раннесредневековому империи Тан (618–907), Ирану с Тураном (250 г. до н.э. — 651 г. н.э.), Халифату, то есть арабо-персидскому суперэтносу, Византии (греко-славянской) и Западной романо-германской Европе; особняком стоял Тибет, который в сочетании с Тангутом и Непалом тоже следует рассматривать как самостоятельный суперэтнос, а не периферию Китая или Индии. Все эти суперэтнические целостности взаимодействовали с циркумкаспийской Евразией (Великой степью), но по-разному, что весьма влияло на характер культуры и вариации этногенеза как степных, так и окрестных суперэтносов. В чем было различие этих контактов? Решить поставленную задачу традиционными приемами столь же просто, как и бесплодно. Можно перечислить все войны и мирные трактаты, а также межплеменные распри, что, кстати, уже сделано, но это будет описание ряби на поверхности океана. Ведь воюют государства, то есть социальные целостности, а

не этносы, которые являются звеньями геобиоценозов, вследствие чего они более консервативны. Войны часто идут внутри этнической системы, а с чужаками сохраняют «худой мир», который не всегда лучше «доброй ссоры». Поэтому целесообразно избрать иной путь. Комплиментарность — вот та база, на которой не просто проходят, но осуществляются судьбы взаимодействующих этносов и суперэтносов, а иногда и отдельных персон. Уточним сие понятие.

Положительная комплиментарность — это безотчетная симпатия, без попыток перестроить структуру партнера; это принятие его таким, каков он есть. В этом варианте возможны симбиозы и инкорпорации. Отрицательная — это безотчетная антипатия, с попытками перестроить структуру объекта либо уничтожить ее; это нетерпимость. При этом варианте возможны химеры, а в экстремальных коллизиях — геноцид. Нейтральная — это терпимость, вызываемая равнодушием: ну и пусть его, была бы только польза, или хотя бы не было вреда. В этом случае чаще всего идет либо потребительское отношение к соседу, либо игнорирование его. Этот вариант характерен для низких уровней пассионарного напряжения. Комплиментарность — явление природное, возникающее не по приказу хана или султана и не ради купеческой прибыли. То и другое может, конечно, корректировать поведение контактирующих персон, руководящихся соображениями выгоды, но не может изменить искреннего чувства, которое, хотя на персональном уровне и бывает столь разнообразным, как индивидуальные вкусы, но на популяционном — приобретает строго определенное значение, ибо частые отклонения от нормы взаимно компенсируются. Поэтому установление взаимных симпатий и антипатий между суперэтносоми правомерно. Здесь возможен единственный путь исследования: широкое обобщение. Легче всего запутаться в мелочах и

потерять нить Ариадны — единственное, что может вывести из лабиринта противоречивых сведений, вариаций и случайных совпадений. Эта нить — селекция политических коллизий и зигзагов мировоззрений на персональном уровне, ибо источники составляли авторы, то есть люди, а суперэтноты — системы на три порядка выше. И если довести эмпирическое обобщение до конца, то получится неожиданный результат: примеров отрицательной комплиментарности к тюркомонголам — два; положительной — два, нейтральной — один.

Древние китайцы относились к хуннам с нескрываемой враждебностью. Это особенно четко проявилось в IV в., когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шаньси, на заброшенных земледельцами иссушенных полях. Китайцы так издевались над степняками, что довели их до восстания. Так же китайцы относились к тибетцам и сяньбийцам; не щадили они и метисов, но поскольку их было много, то они уцелели около развалин Великой стены, на границе степного и китайского суперэтнотосов².

Пассионарный толчок VI в. обострил эту неприязнь, превратив ее во вражду. Обновленные китайцы династий Бэй Ци и Суй истребляли последних потомков степняков, а те подняли на щит династию Тан и сохранили старое племенное название — табгачи, хотя говорить стали по-китайски³.

Империя Тан по идее, но не по фазе этногенеза, аналогична царству Александра Македонского. Как Александр хотел объединить эллинскую и персидскую культуры и создать из них единый этнос, так Тай-цзун Ли Шиминь попытался совместить «Поднебесную», т.е. Китай, Великую степь и Согдиану, уповая на обаяние гуманной власти и просвещенного буддизма. Казалось бы, этот грандиозный эксперимент должен был удасться, так как уйгуры, тюрки и согдийцы, которых теснили арабы, гото-

вы были искренне поддержать империю. Но китайская лояльность была лицемерной, вследствие чего династия Тан пала в 907 г., а этнос табгач был истреблен менее чем за одно столетие (X в.)⁴.

Но традиции пережили людей. Эстафету «Третьей силы», равно чуждой и Китаю, и Степи, подхватили на востоке кидани, а на западе, точнее в Ордосе, — тангуты. Те и другие многократно громили Китай и жестоко сражались на севере: кидани — с цзубу (татарами), тангуты — с уйгурами, «так, что кровь текла, как журчащий поток»⁵.

Однако, когда пассионарный толчок XII в. вознес монголов над Азией, покоренные тангуты, кидани и чжурчжэни остались живыми подданными монгольских ханов, а уйгуры и тибетцы получили привилегии и разбогатели. Когда же победили китайцы династии Мин, тангутов не стало, а западные монголы — ойраты — еле отбились в XV–XVI веках.

Нет, нельзя считать китайцев злодеями! Они считали свою историческую миссию цивилизаторской, принимая в свой суперэтнос тех, кто был согласен превратиться в китайца. Но в случае упорства комплиментарность становилась отрицательной. Тюркам и монголам приходилось выбирать между потерей жизни и утратой души.

Иранская группа этносов: персы, парфяне, хиониты, аланы, эфталиты — все они постоянно воевали с хуннами и тюркютами, что, разумеется, их не располагало друг к другу. Исключение составляли враги сарматов — скифы, у которых хунны заимствовали знаменитый «звериный стиль» — изображение хищных зверей на охоте за травоядными, что наглядно показано открытиями П. К. Козлова и С. И. Руденко. Но, увы, детали истории столь древнего периода неизвестны.

В VI в. союзниками и искренними друзьями тюркютов стали хазары, но падение Западного Тюркского кага-

ната и переворот в Хазарии не позволили хазарам реализовать благоприятную ситуацию — победу над персами и хионитами, благодаря чему и те и другие успели оправдаться.

И тем не менее влияние персидской культуры на Великую степь имело место. Зороастризм — религия не прозелитическая, она только для благородных персов и парфян. Но манихейство, гонимое в Иране, Римской и Китайской империях и в раннехристианских общинах, нашло приют у кочевых уйгуров и оставило следы на Алтае и в Забайкалье. Высшее божество сохранило свое имя — Хормузда (отнюдь не Ахурамазда), что в сочетании с другими деталями указывает на конгениальность древних иранцев и древних тюрков. Победа арабов-мусульман сменила цвет времени, но до XI в. иранские этносы: дейлемиты, саки и таджики отстаивали свою культуру и традиции от тюркского нажима. Погибли они героически, ничем не запятнав своей древней славы; арабы и тюрки сохранили к персам глубокое уважение, поэтому счастье тюрко-персидскую комплиментарность отрицательной нет ни повода, ни основания.

Несколько по-иному сложились отношения тюрков с арабами на Ближнем Востоке. Мусульмане требовали смены веры; это в те времена означало, что Кок Тенгри (Голубое Небо) надо было называть Аллахом (Единственный). Тюрки охотно принимали такую замену, после чего занимали важные должности, если они были рабами-гулямами, или пастбища для овец, если они оставались свободными скотоводами. В последнем случае возникал симбиоз, с взаимной терпимостью и даже уважением, хотя культурные персы находили тюрков «грубыми».

Острые коллизии возникали лишь в крайних случаях, например, при подавлении восстаний зинджей и карматов, при войнах с дейле-митами и при дворцовых переворотах.

Но и тут многие арабы и даже персы предпочитали тюрок сектантам и грабителям. А уж когда сельджуки загнали греков за Босфор, а куманы-мамлюки сбросили крестоносцев в Средиземное море, взаимопонимание восстановилось, и обновленный суперэтнос нашел в себе силы для самоутверждения.

Византия взаимодействовала с кочевниками двояко: на своей родине греки пользовались помощью тюркютов в VII в., печенегов — в X в., половцев — в XI—XIII вв. и на чужбине, где эмигрировавшие из Византии несториане обратили в христианство много монгольских и тюркских племен, часть оседлых уйгуров и часть хорезмийцев, а православные миссионеры крестили Болгарию, Сербию и Русь; возникал уже не сдержанный симбиоз, а инкорпорация: крещеных тюрок принимали как своих. Даже укрытые от монголов последние половцы, преданные венграм, нашли приют в Никейской империи.

Видимо, аналогичная положительная комплиментарность должна была иметь место в Древней Руси. Так оно и было, но этот вопрос подробно будет рассмотрен в специальной работе, ибо заслуживает особого внимания.

В отличие от восточных, западные христиане — католики относились к евразийским степнякам совсем иначе. Их обращение напоминает китайское, а не персидское, греческое и славянское. При этом важно, что политические конфликты между обоими суперэтносами были эпизодичны и куда менее значительны, чем войны гвельфов с гибеллинами. Просто существовало убеждение, что гунны, тюрки и монголы — грязные дикари, а если греки с ними дружат, то ведь восточные христиане «такие еретики, что самого Бога тошнит». А ведь с испанскими арабами и берберами в Сицилии европейские рыцари воевали постоянно, но относились к ним с полным уважением, хотя африканцы заслуживали его не

более, чем азиаты. Оказывается, что сердце сильнее рассудка.

И, наконец, Тибет. В этой горной стране бытовали два мироощущения: древнеарийский культ Митры — бон и разные формы буддизма: кашмирская (тантризм), китайская (чан-буддизм созерцания) и индийское: хинаяна и махаяна. Все религии были прозелитическими и распространялись в оазисах бассейна Тарима и в Забайкалье. В Яркенде и Хотане утвердилась махаяна, быстро вытесненная исламом; в Куче, Карашаре и Турфане — хинаяна, мирно ужившаяся с несторианством, а в Забайкалье симпатии обрел бон — религия предков и потомков Чингиса. С христианством бон ладил, но китайские учения и монголы и тибетцы не принимали, даже чан-буддизм. Это не может быть случайным, так что с Тибетом у степняков комплиментарность была положительной.

Как видим, проявление комплиментарности не зависит от государственной целесообразности, экономической выгоды или от характера идеологической системы, потому что сложная догматика недоступна пониманию большинства неофитов. И все же феномен комплиментарности существует и играет в этнической истории если не решающую, то весьма значительную роль. Как же его объяснить? Сама собой напрашивается гипотеза биополей с различными ритмами, т.е. частотами колебаний. Одни совпадают и создают симфонию, другие — какофонию; это явно явление природы, а не дело рук человеческих.

Конечно, можно игнорировать этнические симпатии или антипатии, но целесообразно ли это? Ведь здесь кроется ключ к теории этнических контактов и конфликтов, а тем самым перспективы международных коллизий; и не только III–XII вв., которыми мы здесь ограничимся.

Тюрко-монголы дружили с Православным миром, Византией и ее спутниками — славянами. Ссорились с

китайскими националистами и по мере сил помогали империи Тан или, что то же, этносу табгачей, за исключением тех случаев, когда при имперском дворе в Чанъани брали верх китайские грамотеи.

С мусульманами тюрки уживались, хотя и образовывали химерные султанаты, больше среди иранцев, чем арабов. Зато агрессию католической романо-германской Европы тюрки остановили, за что до сих пор терпят нарекания.

На этих невидимых нитях выстраивалась международная обстановка вокруг берегов Каспийского моря перед выступлением монголов. Но и после монгольских походов конstellация изменилась лишь в деталях, отнюдь не принципиальных, что может проверить любой читатель, знакомый с элементарной всеобщей историей.

НЕПОЛНОЦЕННЫХ ЭТНОСОВ НЕТ!

Теперь, когда весь арсенал этнологической науки в наших руках и мы знаем о невидимых нитях симпатий и антипатий между суперэтносами, настало время поставить точки над «и» в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир — только варварская периферия Европы.

Сама идея «отсталости» или «дикости» может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результа-

тивности игры в бабки. Но если принять принцип диахронии — счета по возрасту и сравнить шестилетнего школьника со студентом и профессором, когда им было тоже по шесть лет, то сопоставление будет иметь не только смысл, но и научную перспективу. Так же обстоит дело в этнологии. Диахрония всегда заставляет напомнить, что цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы и гордятся накопленной веками культурой — как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими «франками» и «норманнами», научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров.

Этнология не ставит вопросов, кто культурнее: хунны или древние греки, тюрки или немцы, ибо культурные и творческие сегодня через триста лет вдруг оказываются равнодушными обывателями, а еще полторы тысячи лет назад и имени-то их никто не знал. Она беспристрастна, так как единственным ее мерилom является уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в частоте событий, последовательность которых образует плавную мелодию чередования эпох и, наконец, заметную смену фаз этногенеза. Можно до бесконечности выяснять, что «лучше»: войлочная юрта, деревянная изба, мраморная вилла или каменный замок, и так и не прийти к выводу, ибо критерий такого сравнения отсутствует, но, сопоставляя хуннов, эллинов и немцев, например, по их жертвенности и накалу страстей, легко убедиться, что в «юные лета» они одинаково горячо трепетали за свои идеалы, в зрелости — равно боролись за свободу, блистая умом и выдержкой, а в старости — одинаково остывали их чувства и ослабевали силы.

«Но как же можно сравнивать каких-то хуннов с культурными эллинами и цивилизованными немцами? — возмутится иной читатель. Ведь хунны — это дикари, жестокие и грубые, а эллины — носители самых высоких

идей, учителя всех позднейших философов, поэтов и художников?» К этой оценке мы привыкли настолько, что задумываться над ее правильностью стало казаться кощунством. А если все-таки подумать? Вспомним, как часто привычные мнения опровергались научным анализом, начиная с вопроса о форме Земли и кончая законом сохранения энергии.

Об извечной «дикости» хуннов и их сверстников, степных народов, мы уже достаточно сказали в основном тексте книги. Повторяться не будем. О цивилизованности немцев говорить особенно нечего. В эпоху Гогенштауфенов и «Кулачного права» Германия была весьма не университетской страной. А какой она станет в эпоху обскурации, можно легко представить. Достаточно вспомнить 1939–1945 гг., чтобы необходимость в дополнительном анализе и споре отпала. Поэтому сравним Хунну, Германию и Элладу по возрастам, отсчитывая последние от них «рождения», как самостоятельные этнополитические системы, зафиксированные историей. Хотя мы знаем, что этим датам предшествовал инкубационный период, относительно короткий, но его мы опустим, потому что хронология в нем всегда не точна. Зато моменты выхода на арену истории всегда ярки и выпуклы. Для Хунну это 209 г. до н.э., для Германского королевства — Верденский договор 841 г. — образование на территории Священной Римской империи германской нации Арелатского, Французского, Ломбардского, Аквитанского королевств, а для Эллады дата расплывчата⁶ — VII–VI вв. до н.э. Это так называемая «Великая греческая колонизация» и образование государств с записанными законами. Чтобы дать уточнение, не необходимое, но желательное, изберем эталоном Афины. Тогда аналогичной датой начала становления будет 621 г. до н.э., т.е. Драконтовы законы. Спарта возникла несколько раньше, но этой неточностью можно пренебречь.

Все три этноса прошли фазу пассионарного подъема и вступили в фазу перегрева (акматическую) за период около 250–300 лет. Хунну — от создания родовой державы в 209 г. до н.э. до 46 г. н.э. — распада на Северную и Южную державы. Германия — от 841 г. до 1147 г. — неудачных крестовых походов императора Конрада III в Малую Азию и герцога саксонского Генриха Льва против вендов (полабских славян). Афины с 621 г. до н.э. до 449 г. до н.э. — конца греко-персидской войны. В фазе перегрева хунны, составлявшие с Сяньби единую суперэтническую систему, с 46 по 181 г., хотя и воевали между собой, но одерживали победы над всеми соседями: империей Хань, усунями, динлинами и аланами. В Германии Гогенштауфены в борьбе с папами держатся до 1268 г. и гибнут, оставив страну в полном распаде. Зато война за Прибалтику выиграна. Афины и Спарта, растратив силы в Пелопоннесской и Фиванской войнах, стали жертвой Македонии в 337 г. до н.э., входившей в суперэтническую систему греко-римского мира. В фазе надлома, которая в Азии была осложнена Великой засухой III в., происходит распад степной империи на мелкие химерные государства. В Германии — Междоуцарствие и «Кулачное право», нажим чехов, вылившийся в гуситские войны, и блестящее «возрождение» на фоне всеобщего вырождения. И так тянулось до 1436 г., т.е. до конца гуситских войн. А в Элладе, благодаря господству Македонии, идет распыление греков вплоть до Индии, сооружение Александрии и Антиохии, расцвет эллинизма. Но сами эллины и македоняне завоеваны жестокими римлянами. Последний оплот эллинства — Коринф разрушен в 146 г. до н.э. В инерционной фазе хуннов приветили тюркюты, воссоздавшие степную империю (546–745). В Германии навели порядок Габсбурги (1438–1918), а эллинистические государства были завоеваны Римом (Пергам — в 130 г., Понт — в 63-м, Сирия — в 62-м и Египет — в 30 г. до н.э.) и переживали эту фазу вместе с

ним так же, как и следующую — фазу обскурации. Последние хунны — тюрки-шато — в обскурации еще совершили последние подвиги и вышли в гомеостаз как реликт — онгуты или белые татары.

Грекам и римлянам это не удавалось. Удастся ли немцам, покажет недалекое будущее.

Даже при очень беглом сравнении, которое можно при желании провести с еще большей точностью, чтобы обнаружить сходство и в отдельных деталях, видно, что повода считать хуннов неполноценнее европейцев, как современных, так и древних, нет.

Скорее, наоборот, надо отдать должное уму и такту хуннов, табгачей и тюрков. Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. Идеологии периферийного варварства они не создали. И благодаря этому, при неравенстве сил, они устояли в вековой борьбе, и победили, утвердив, как принцип, не истребление соседей, а удержание своей территории — родины — и своей культурно-исторической традиции — отечества. И потому они просуществовали свои 1500 лет и оставили в наследство монголам и русским непокоренную Великую степь.

МИФ ПРОТИВ НАУКИ

Творчество людей многолико. Наука — только один из его вариантов, и далеко не самый популярный. В науке цель — эмпирическое обобщение, в литературе — вымысел, в мифотворчестве — вымысел, выдаваемый за истину; это-то наиболее понятно и близко массовому восприятию. То, что ценой жизни устанавливается ученым исследователем, обывателю непонятно и неинтересно. А то, что выдуманно с расчетом на уровень читателя, — легкоусвояемо. Поэтому нет ничего удивительного, что

древний еврейский, а точнее — аккадийский или шумерский миф о Каине и Авеле, земледельце и скотоводе, воскресает в интерпретации истории Азии и Северной Африки. Меняется лишь оценка сторон: автор книги «Бытия» сочувствовал скотоводу Авелю, а наши историки и их читатели — земледельцу Каину, но ни те, ни другие не утруждают себя доказательствами своих тезисов. Им они просто не нужны.

И тут мы наталкиваемся на новое явление: подмену исследования декларацией, тщательного изложения причинных связей во временной последовательности — живописными описаниями личных впечатлений авторов произведений, написанных столь талантливо, что они заслоняют собой историческую действительность. Литературные образы Роланда или Вильгельма Телля ничего общего не имеют со своими прототипами, но вымышленные, а не действительные герои становятся образцами для потомков, а когда проходят века, то начинаются поиски Атлантиды, Шамбалы и Эльдорадо. Места для научного анализа прошлого не остается. Соблазнительность вымысла отметил даже сам А. С. Пушкин, заявивший, что «низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Прав ли он? Чем является миф для человечества: благом или злом?

Сначала уточним значение термина «миф» как источника информации. Значение это двояко: 1) по-русски «миф» — это вымысел, искажение фактов, несоответствие рассказа реальности; 2) «миф» — это древняя литературная форма — сказания о богах и героях⁷. Приведенные понимания встречаются одинаково часто, хотя по смыслу противоположны друг другу. Соответственно и отношение к мифу возможно двоякое: либо это разновидность лжи, сознательной или бессознательной, либо «миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность»⁸. Если это верно,

то «призыв» создать новую мифологию — «мифологию разума», выдвинутый Гегелем как «первая программа системы немецкого идеализма»⁹ основателен и перспективен. Примирить эти два значения невозможно. Значит, надо сделать выбор.

А. В. Гулыга в цитируемой статье кратко и точно отмечает особенности мифа. «Миф не знает категории времени, жизнь в мифе — вечное повторение»¹⁰. Отсюда вытекает, что история — наука о событиях в их связи и последовательности — антипод мифа; это подкрепляет первый тезис — миф лежит в сфере лжи.

«Миф не знает различия между естественным и сверхъестественным», причем под последним понимается нечто находящееся в воображении, но формирующее и подчиняющее силы природы при помощи воображения. Под природой понимается «все предметное, включая общество»¹¹.

Это последнее утверждение поясняет механизм воздействия мифа на действительность. Воображенное хотя само по себе не субстанционально, но влияет на характер поведения людей, на выбор решения в альтернативных ситуациях, на направление творческих усилий. Но коль скоро так, то решения могут быть и ложными, а творческие усилия — губительными. Поэтому миф не так уж безобиден, и обращаться с ним следует осторожно, как с неразряженной бомбой, тем более что «в мифе есть своя логика, разрешающая противоположные высказывания. Формальная логика с запретом противоречия — антитеза мифа». Но ведь это право на безответственность и беспочвенность суждений, т.е. на ложь, пусть бессознательную; но от бессознательности и искренности лжеца ничуть не легче. Да, «миф — это форма мысли, свойственная человеку как другие формы. Разрушение мифа ведет не к победе рациональности, а к утверждению другого мифа. Демифологизация невозможна!»¹² Если это верно, то невозможна

наука, а ведь она существует и приносит кое-какие результаты, от которых не стоит отказываться.

Но коль скоро так, то мифология и наука связаны не прямой, а обратной пропорциональностью; значит, мифотворчество — противник науки, тем более грозный, что оно просочилось в некоторые разделы науки и, в частности, в концепцию физического времени как четвертого измерения в пространственно-временном континууме. Но при занятиях историей, географией, геологией, зоологией и т. п. Время рассматривается как «дление», ибо оно необратимо, а потому поддается фиксации. Континуум же пригоден для мифов, порождающих призраки, не развивающиеся по ходу реального времени.

Однако мифы, несмотря на призрачность своей природы, совсем не безвредны. Они норовят подменить собой эмпирические обобщения наблюдаемых фактов, т.е. занять место науки и заменить аргументацию декларациями, подлежащими принятию без критики. Проверить данные мифа невозможно. Когда миф торжествует, то наступает подлинный упадок науки, да и всей культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Бацеева С.М.* Бедуины и горожане в Мукаддипе Ибн Хальдуна // *Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М., 1982. С. 326.

² *Гумилев Л.Н.* Хунну; Хунны в Китае.

³ См.: *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки.

⁴ См.: *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства.

⁵ *Кычанов Е.Е.* Звучат лишь письма. М., 1965.

⁶ Дату первой олимпиады — 776 г. до н.э., равно как и дату основания Рима — 753 г. до н.э., следует считать легендарными. Может быть, здесь начался инкубационный период, но доказать это трудно. Обойдемся без дат.

- ⁷ См.: Гулыга А. Миф и современность // Иностранная литература. 1984. № 2. С. 168.
- ⁸ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930. С. 14.
- ⁹ Гегель Г. В. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 213.
- ¹⁰ Гулыга А. Указ. соч. С. 170.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 737.
- ¹² Гулыга А. Указ. соч. С. 172.
- ¹³ Термин, предложенный А. Бергсоном — «duree», Вернадский удачно перевел как «дление». (См.: Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975. С. 44–45).

<i>От автора</i>	5
------------------------	---

I.

<i>Ключ к решению поставленной задачи</i>	8
География поведения	8
Кривая этногенеза	12
История и этнология	25
Неудовлетворенность	27
Практический смысл этнологии	30
Физический смысл этногенеза	34
Уровни исследования и масштабы	37
Разочарование	43
Слово об утратах	49
Биполярность этносферы	52
Место человека в этногенезе	61

II.

<i>Образ Ойкумены</i>	72
Между двух океанов	72
Почему китайцы не проникли в Европу?	77
Туран и Иран	82
Между Ираном и Китаем	88

Глухой угол	91
Окоем	93

III.

<i>В ареале пылающей пассионарности</i>	101
Великая степь Евразийского континента	101
Монголия до хуннов	104
Хунну и фаза подъема кочевого мира	108
Хунны разных сортов	114
Больные вопросы	119
Помехи	123
Фаза надлома и конец восточных хуннов	126
Без родины и отечества	131

IV.

<i>В ареале этнических смещений</i>	141
Поиск начала эпохи	141
Загадка и задача	144
Встречи	146
Свободное место	149
Великая пустыня и север	152
Великая пустыня и юго-запад	155
Великая пустыня и юг	157
Цивилизация II–IV вв.	160
Варварство II–IV вв.	163
Каины и Авели	166
Диалог об этнографии древней и новой	170
Смена цвета времени	176
Как добыть достоверную информацию	178
Олень, или Непредвиденная победа	184
Аттила, Аэций и фазы этногенеза	191

Война 450—472 гг. и этногенез	197
Три поражения	200
Катастрофа	203

V.

<i>В ареале затухающей пассионарности</i>	<i>214</i>
Между историческими и природными закономерностями	214
Алтайское укрытие	219
Инерционная фаза — тюркский «Вечный эль» .	223
Тюркюты и хазары	227
Обновленный Китай — династия Тан	234
Конец тюркютов	239
Авары истинные и ложные	251

VI.

<i>В ареале остывающей пассионарности</i>	<i>262</i>
Уйгуры	262
Фаза обскурации — уйгурское ханство	265
Логика жизнеотрицания	270
Последствия соблазна	273
Последние хунны	278
Последние сяньбийцы	283
Несовместимость	286

VII.

<i>На излете</i>	<i>292</i>
Фаза и состояние	292
Персистенты	294
Позабытый этнос	296
Началось с трагедии	299

Опыт осмысления	300
Гузы и печенеги	304
Куда девались гузы?	306
«Куманы, иже рекомые половцы»	310

VIII.

<i>На чужбине</i>	320
После конца: этнические осколки	320
«Мир ислама»	325
Египет и тюрки	331
Химера на Ниле	333
Надлом в «мире ислама»	340
Химера на Джейхуне	346
Халифат и химеры	350
Этнос и химеры	352

IX.

<i>Богатыри, рыцари и убийцы</i>	357
«Христианский мир» (Chrétiainté)	357
Пассионарный перегрев	361
Деяния куманов и сельджуков	364
Конец эпохи	368
Обновление этнической истории	375

X.

<i>Хронософия</i>	384
Легенда к синхронистической таблице	384
Синхронистические таблицы трех веков до н.э.	386
Диахрония как принцип	408
Диахронические таблицы этногенеза. Легенда .	414

ХІ.

<i>Миф и действительность</i>	422
Память и истина	422
Друзья и недруги Великой степи	425
Неполноценных этносов нет!	432
Миф против науки	436

Издательство АСТ представляет

В серии «Историческая библиотека»

Выходят в свет:

Кэролли Эриксон

«Мария Кровавая»

Филип Шорт

«Мао»

Р.Г. Скрынников

«Иван Грозный»

Джордж Вейгел

«Свидетель надежды»

(Биография Папы Иоанна Павла II)

Герберт Бикс

«Хирохито и создание современной Японии»

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:

Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж

Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Научно-популярное издание

Гумилев Лев Николаевич

Тысячелетие вокруг Каспия

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Миронова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 – книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Перед вами — знаменитый труд «Тысячелетие вокруг Каспия» Льва Гумилева, выдающегося ученого-историка.

Это — поистине уникальный историко-этнологический анализ Евразии с III в. до н.э. по XIII в. н.э. — эпохи, когда Каспий и прикаспийские государства были и оставались точкой пересечения этнических, культурных и политических интересов Европы и Азии, ареной драматических событий, повлиявших на весь последующий ход мировой истории...

Историческая библиотека

ISBN 5-17-012588-7

9 785170 125883